Валерий Введенский,
Иван Погонин,
Николай Свечин

Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции

Том 1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Мы – Николай Свечин, Валерий Введенский и Иван Погонин – авторы исторических детективов. Наши литературные герои расследуют преступления в Российской империи в конце XIX – начале XX века. И хотя по историческим меркам с тех пор прошло не так уж много времени, в жизни и быте людей, их психологии, поведении и представлениях произошли колоссальные изменения. И чтобы описать ту эпоху, не краснея потом перед знающими людьми, мы, прежде чем сесть за очередной рассказ или роман, изучаем источники: мемуары и дневники, газеты и журналы, справочники и отчеты, научные работы тех лет и беллетристику, архивные документы. Однако далеко не все известные нам сведения можно «упаковать» в формат беллетристического произведения. Поэтому до поры до времени множество интересных фактов оставалось в наших записных книжках. А потом появилась идея написать эту книгу: рассказать об истории Петербургской сыскной полиции, о том, как искали в прежние времена преступников в столице, о судьбах царских сыщиков и раскрытых ими делах…»

- Валерий Введенский, Иван Погонин, Николай Свечин
  - Предисловие
  - 1. Сыск до создания сыскной полиции
    - 1.1. Допетровская эпоха
    - 1.2. Сыск при Петре I
    - 1.3. Сыск в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны
      -
      - Дело № 1. Сыщик и доноситель Ванька Каин
    - 1.4. Реформа полиции при Екатерине II
      -
      - Дело № 2. Эжен-Франсуа Видок и создание Сюртэ
    - 1.5. Сыск в первой половине XIX века
      -
      - Дело № 3. Следственный пристав Гаврило Яковлев
      - Дело № 4. Иван Липранди – русский ученик Видока
    - 1.6. Карп Леонтьевич Шерстобитов (1795–1866)
      -

        - Дело № 5. Чухонский принц
        - Дело № 6. Неутешный сын
        - Дело № 7. А.Ф. Кони «Сервиз посла»
- 2. Создание петербургской сыскной полиции. Её штаты с 1867 по 1917 Г.
    -
    - 2.1. Социально-экономические причины создания сыскной полиции
    - 2.2. Задачи сыскной полиции, штат, персоналии и денежное содержание чиновников при её создании
        -
        - Дело № 8. Важнейшие дела, раскрытые сыскной полицией в 1867 году
        - Дело № 9. Убийство в Гусевом переулке
    - 2.3. Изменения штатов петербургской сыскной полиции
- 3. Адреса сыскной полиции
    - 3.1. Большая морская, дом 24
        -
        - Дело № 10. Убийство князя Людвига фон Аренберга[23], военного австрийского агента[24]
    - 3.2. Офицерская, дом 28
- 4. Повседневная жизнь Санкт-Петербургской сыскной полиции
    -
    - 4.1. Организация работы в сыскном отделении
    - 4.2. Стол приводов
    - 4.3. Фотографирование
    - 4.4. Антропометрическое бюро
        -
        - Дело № 11. Альфонс Бертильон и его метод
        - Дело № 12. Первый приговор петербургского окружного суда, вынесенный на основании дактилоскопической экспертизы
    - 4.5. Стол находок
    - 4.6. Стол о дворниках и швейцарах
    - 4.7. Музей полиции
    - 4.8. Летучий отряд
- 5. География зла
- 6. Начальники, их помощники и чиновники для

поручения сыскной полиции
- 6.1. Путилин и его команда
  - 6.1.1. Иван Дмитриевич Путилин (08.05.1830{189} –18.11.1893)
    - Дело № 13. А.Ф. Кони «Убийство иеромонаха Иллариона»
  - 6.1.2. Александр Александрович Блок
  - 6.1.3. Григорий Григорьевич Кирилов[138]
    - Дело № 14. Дело о краже часов из кабинета великого князя Константина Николаевича
    - Дело № 15. Искандер
    - Дело № 16. Клеточников
  - 6.1.4. Август Ульрихович Гейер (02.05 1843–25.03.1891){277}
  - 6.1.5. Василий Иванович Назоров
    - Дело № 17. В.О. Михневич «Убийство кухарки поэта Н.А. Некрасова»
    - Дело № 18. Убийство в Харькове врача А.И. Ковальчукова, раскрытое петербургской сыскной полицией
  - 6.1.6. Василий Васильевич Фурсов (06.10.1830 –?)
    - Дело № 19. Убийство дворников Григорьева и Иванова
    - Дело № 20. Подкоп на малой садовой улице
  - 6.1.7. Василий Адрианович Иванов (1827/1828 г. – 28.03.1893)
  - 6.1.8. Иван Александрович Виноградов (1843 г. – 04.11.1909)
    - Дело № 21. О похищении у купца Толкачева процентных бумаг
    - Дело № 22. Убийство кухарки Червяковой, раскрытое СПбСП во время исправления И.А. Виноградовым должности начальника
- 6.2. Между И.Д. Путилиным и В.Г. Филипповым
  - 6.2.1. Платон Сергеевич Вощинин (1850 г. {336} – ноябрь 1915 г.){337}

- Дело № 23. Бухгалтер Цеханович
- 6.2.2. Леонид Алексеевич Шереметевский (05.06.1849{352} –28.09.1905){353}
  -
  - Дело № 24. А.Е. Зарин «Убийство Елены Жак»
  - Дело № 25. Крестьянка Fatale[171]
- 6.2.3. Михаил Флорович Чулицкий (1853–1921 (?))[174]
  -
  - Дело № 26. Туловище императрицы
  - Дело № 27. М.Ф. Чулицкий «Кто убил?»[175]
- 6.2.4. Помощники начальника СПбСП Александр Петрович Силин (30.08.1857 –???) и Сергей Ильич Инихов (13.04.1857–10.10.1906)
  -
  - Дело № 28. А.Е. Зарин «Краюшкин»
  - Дело № 29. Ограбление Исаакиевского собора

○ 6.3. Филиппов и его команда

-
- 6.3.1. Владимир Гаврилович Филиппов (15.07.1863–01.09.1923)
  -
  - Дело № 30. В.Г. Филиппов «Моё первое дело»
  - Дело № 31. Убийство на станции дно
- 6.3.2. Аркадий Францевич Кошко (12.01.1867–25.12.1928)
  -
  - Дело № 32. Убийство в Лештуковом переулке
  - Дело № 33. Грегус-Марковский
- 6.3.3. Леонид Константинович Петровский (08.03.1869 – 1941)
  -
  - Дело № 34. А.Е. Зарин «Рассказы агентов сыскной полиции»
  - Дело № 35. Задержание рецидивиста Льва Васильева
- 6.3.4. Карл Петрович Маршалк (15.01.1871{491} –19.07.1936{492})
  -

- Дело № 36. Убийство Марианны Тиме
- 6.3.5. Мечислав Николаевич Кунцевич (03.11.1864–17.09.1943)
  -
  - Дело № 37. Убийство актрисы Лебедевой-Марсельской
- 6.3.6. Евгений Францевич Мищук (14.01.1864 –???)
  -
  - Дело № 38. Убийство Андрюши Ющинского (начало)
  - Дело № 38. Убийство Андрюши Ющинского (окончание)
- 6.3.7. Александр Степанович Левиков
  -
  - Дело № 39. Кража в экспедиции заготовления государственных бумаг 14 октября 1911 года
- 6.3.8. Петр Михайлович Игнатьев (24.09.1880 –???)
  -
  - Дело № 40. Похождение Аферисты князя Церетели
- 7. Аркадий Аркадиевич Кирпичников (1883–1921) – последний начальник сыскной полиции

○ 8. Петроградская уголовная милиция. Петроградский уголовный розыск

○ Заключение

○ Приложения

- 1. Штаты Санкт-Петербургской сыскной полиции
  -
  - 1.1. Штат и годовое содержание 1867 года{571}
  - 1.2. Штат и годовое содержание 1873 года{572}
  - 1.3. Штат и годовое содержание 1876 года{573}
  - 1.4. Штат и годовое содержание 1887 года{574}
  - 1.5. Штат и годовое содержание 1904 года{575}
  - 1.6. Штат и годовое содержание 1916 года{576}
- 2. Деление Санкт-Петербурга на полицейские

отделения
- 3. Список начальников Санкт-Петербургской сыскной полиции и исправлявших эту должность[234] с 1866 по 1917 год
- 4. Список помощников начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции и исправлявших эту должность[235] с 1877 по 1917 год
- 5. Данные из формулярного списка И.А. Виноградова{581}
- 6. Данные из формулярного списка П.С. Вощинина{584}
- 7. Данные из формулярного списка Л.А. Шереметевского{585}
- 8. Данные из формулярного списка А.П. Силина{587}
- 9. Данные из формулярного списка М.Ф. Чулицкого{588}

Список сокращений

notes

Сноски
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23

- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67

- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111

- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155

- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199

- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243

- 244
- 245

- Комментарии
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85

- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129

- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173

- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217

- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261

- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305

- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349

- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393

- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437

- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481

- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525

- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569

- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587
- 588

Валерий Введенский, Иван Погонин, Николай Свечин
Повседневная жизнь Петербургской сыскной полиции

Предисловие

Мы – Николай Свечин, Валерий Введенский и Иван Погонин – авторы исторических детективов. Наши литературные герои расследуют преступления в Российской империи в конце XIX – начале XX века. И хотя по историческим меркам с тех пор прошло не так уж много времени, в жизни и быте людей, их психологии, поведении и представлениях произошли колоссальные изменения. И чтобы описать ту эпоху, не краснея потом перед знающими людьми, мы, прежде чем сесть за очередной рассказ или роман, изучаем источники: мемуары и дневники, газеты и журналы, справочники и отчеты, научные работы тех лет и беллетристику, архивные документы. Однако далеко не все известные нам сведения можно «упаковать» в формат беллетристического произведения. Поэтому до поры до времени множество интересных фактов оставалось в наших записных книжках. А потом появилась идея написать эту книгу: рассказать об истории Петербургской сыскной полиции, о том, как искали в прежние времена преступников в столице, о судьбах царских сыщиков и раскрытых ими делах…

Разумеется, мы не первые, кто обратился к этой теме. Но труды наших предшественников посвящены всего лишь двум периодам деятельности Санкт-Петербургской сыскной полиции (далее – СПбСП) – когда ею руководили Иван Дмитриевич Путилин и Владимир Гаврилович Филиппов. Другие начальники Сыскной (Григорий Григорьевич Кирилов, Василий Иванович Назоров, Василий Адрианович Иванов, Платон Сергеевич Вощинин, Леонид Алексеевич Шереметевский, Михаил Флорович Чулицкий, Аркадий Аркадиевич Кирпичников) в этих работах или не упоминаются, или упоминаются вскользь. Нам же удалось собрать почти полные сведения о судьбах Л.А. Шереметевского, П.С. Вощинина и М.Ф. Чулицкого. Интересные, хотя и разрозненные сведения, мы собрали и об остальных руководителях Сыскной.

Многое удалось разузнать и про судьбы их помощников (заместителей) – Василия Васильевича Фурсова, Ивана Александровича Виноградова, Александра Петровича Силина, Сергея Ильича Инихова, Карла Петровича Маршалка, Мечислава Николаевича Кунцевича. Большой неожиданностью для нас было нахождение ранее неизвестных материалов про Аркадия Францевича Кошко, биография которого, казалось бы, хорошо изучена. К сожалению, мы очень мало выяснили как о первом помощнике начальника СПбСП Августе Ульриховиче Гейере, так и

о последних – Александре Степановиче Левикове и Петре Михайловиче Игнатьеве. И вынуждены признать, что про отставного капитана Николая Васильевича Титова, также служившего помощником, удалось разыскать лишь точные даты его вступления в должность и ухода в отставку.

Мы не стали перегружать книгу сведениями о рядовых чиновниках для поручений, ограничившись лишь краткой информацией о самом первом из них – Александре Александровиче Блоке, и развернутыми рассказами о начальнике Летучего отряда Леониде Константиновиче Петровском, и о Евгении Францевиче Мищуке, карьеру которого разрушило дело Бейлиса.

В научно-популярных книгах не принято ставить ссылки на источники, авторы обычно ограничиваются списком использованной литературы. Однако нам пришлось отойти от этого правила. На то имелась веская причина – многие материалы, известные авторам книги, специалисты ещё не изучали. Очень надеемся, что широкому кругу читателей ссылки не помешают, зато будущим исследователям они облегчат работу.

Авторы не ставили перед собой задачу подробно осветить историю сыска в России до создания Сыскной полиции, однако совсем обойтись без этого мы тоже не могли. Поэтому постарались тезисно, сокращенно-упрощенно рассказать и о Русской Правде, и о губных избах, о создании Петром Первым полиции и о её реформе в царствование Екатерины II и Александра I. Многие читатели удивятся, обнаружив в книге рассказ об Эжене Видоке и французской криминальной полиции Сюртэ. Тому имеется простое объяснение – Петербургская сыскная полиция была организована по её лекалам. И её созданию в конце 1866 года предшествовали попытки учредить службу, подобную Сюртэ, в 1822 и 1843 годах. Мы опишем причины, которые этому помешали, а также подробно расскажем о людях, занимавшихся сыском в те годы: Гавриле Яковлевиче Яковлеве, Иване Петровиче Липранди и Карпе Леонтьевиче Шерстобитове, под началом которого начинал свою карьеру Иван Путилин, первый начальник Петербургской сыскной.

Авторы старались как можно чаще «предоставлять слово» очевидцам – дореволюционным писателям, журналистам, чиновникам и начальникам Петербургской сыскной полиции. Однако после долгих раздумий и дискуссий мы решили не включать в книгу рассказы из воспоминаний И.Д. Путилина (за исключением некоторых цитат) и А.Ф. Кошко. Во-первых, они легко доступны – за последние тридцать лет были изданы несколько десятков раз, кроме того, выложены в интернете. Во-

вторых, и та, и другая книги содержат ошибки и неточности, примеры которых приведём, рассказывая про убийства австрийского военного атташе и Марианны Тиме, и про преступления в Гусевом и Лештуковом переулках. Причины же неточностей обсудим в разделах, посвященных этим сыщикам.

Все даты до 1918 года указаны по старому стилю, после 1918 года – по новому.

Авторы благодарят:

– Аллу Вячеславовну Князькину – председателя совета региональной общественной просветительской организации «Институт Петербурга», инициатора создания данной книги;

– Ольгу Викторовну Слепенкову – сотрудника Государственного музея истории Санкт-Петербурга – за советы по структурированию и изложению материалов;

– Светлану Дмитриевну Мангутову – кандидата педагогических наук, заведующую Научной библиотекой Русского географического общества – за редактирование библиографических ссылок;

– Наталью Петровну Мирскую – за помощь в редактуре книги;

– Ольгу Анатольевну Семенкову, правнучку М.Ф. Чулицкого, – за совместные архивные поиски и предоставленные материалы и фотографии из семейного архива;

– Веру Владимировну и Илью Павловича Старенок – за покупку редкой книги;

– Александра Борисовича Филиппова – за сделанные специально для этого издания фотографии;

– сотрудников Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ);

– сотрудников Российского государственного исторического архива (далее – РГИА);

– сотрудников Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб);

– сотрудников Центрального государственного архива города Москвы (далее – ЦГА Москвы);

– сотрудников Российской национальной библиотеки;

– сотрудников Российской государственной библиотеки.

Авторы приносят извинения, что из-за короновирусной пандемии не сумели отсканировать часть фотографий в библиотеках и архивах и вынуждены вместо них разместить изображения из открытых источников.

Авторы прекрасно понимают, что данная книга, как и всякая ей подобная, не застрахована от ошибок, неточностей, описок и опечаток. И будут рады, если читатели сообщат нам о них на электронную почту spbsp1866@mail.ru

А если вдруг, дорогой читатель, вы располагаете какими-нибудь материалами (дневниками, письмами, мемуарами, фотографиями и т. п.), связанными с деятельностью Петербургской сыскной полиции или с судьбами её чиновников, и готовы с нами поделиться, просьба связаться с нами по указанному выше электронному адресу.

1. Сыск до создания сыскной полиции

1.1. Допетровская эпоха

В современном мире расследованием преступлений занимаются государственные правоохранительные органы, сотрудники которых имеют профессиональную подготовку и наделены правами на проведение опросов и допросов, обысков, задержаний и назначение экспертиз. Однако так было не всегда. Трудно даже представить, что с Античности до восемнадцатого века раскрытием уголовных преступлений занимались сами потерпевшие, которые, самостоятельно собрав доказательства, обращались потом в суд и в ходе состязательного процесса пытались доказать вину подозреваемых ими лиц. Такой порядок уголовного процесса действовал ещё в Древних Греции и Риме, откуда через франков был позаимствован в XI веке древнерусским правовым кодексом Русская Правда.

Согласно Русской Правде любые правонарушения – от неуплаты долга до убийства – рассматривались как «обиды». А это означало, что дело могло возникнуть только в том случае, если «обида» была соответствующим образом оформлена и для её удовлетворения представлялись доказательства[1]:

а) вначале потерпевшие должны объявить о совершенном против них преступлении на площади или в другом людном месте («закличить на торгу»), например, объявить о пропаже вещи, описав признаки, по которым её можно опознать;

б) затем при выявлении подозреваемого (например, у кого-нибудь обнаруживалась пропавшая вещь) подать иск («поклёп»). На суде происходил допрос («свод»), во время которого подозреваемый либо признавался в краже, либо указывал на лицо, у которого им была приобретена сия вещь. Свод продолжался по цепочке, пока не доходил до человека, не способного дать объяснения, где он вещь купил. Он-то и признавался вором («татем»). Вор был обязан вернуть пропажу и уплатить штраф;

в) если же вору удавалось скрыться до «свода», потерпевший имел право его преследовать («гнать след»).

Татей преследовали по оставленным ими следам. Считалось, куда приведёт след, там вор и прячется. Деревня (село) или купеческий обоз, возле которого обрывался след, были обязаны либо выдать татя, либо отвести («отскочить») от себя след, т. е. доказать, что преступник их покинул. Если жители общины / обозники не могли сие доказать, им приходилось платить особую пеню, которая называлась «дикой вирой». Если же след татей выводил гонщиков на большую дорогу («гостинец») или к

безлюдному месту, то розыск заканчивался ничем.

Поскольку по Русской Правде уголовное и гражданское право не разделялись, то и состязательный судебный процесс не разделялся на уголовный и гражданский. Наличие истца было обязательным. Если истца не было, то, как правило, ответчика не искали.

Для предупреждения ошибок суду должны были быть представлены доказательства. Различали два их вида: внешний вид потерпевшего (наличие у него синяков, кровоподтеков) и показания свидетелей.

Судьей выступал либо сам князь, либо назначенный им вирник (от слова «вира» – пеня, которая платилась за судебное производство в казну). Чин вирника считался важным, ему было положено «сытое кормление» от общины. По делам об убийстве, которое тогда называлось головничеством (отсюда и термин «уголовное право»), князья для собственной выгоды начинали розыск даже в отсутствие истца, потому что за убийство полагались огромные виры.

Надо отметить важные особенности тогдашнего законодательства:

а) обращаться в суд мог только лично свободный человек;

б) обвинять он мог только лично свободного, равного себе по положению. Споры между рабами (а позднее крепостными) решал их владелец;

в) по делам политическим и церковным сыск производило само государство.

Обременительные государственные налоги и повинности, произвол кормщиков, закрепощение земледельцев за землевладельцами привели в XVI веке к тому, что разбои *«сделались явлением политическим, в разбойничьи шайки укрывался всякий, кто не хотел потерять своей свободы»*{2}. Для борьбы с лихими людьми царь Иван Грозный велел создать «на местах» особые выборные органы – губные избы (от слова «губа» – округ) в составе 3–4 боярских детей, «которые бы грамоте умели и которые пригожи [зажиточны и благонадежны]». В помощь им он отрядил старост, десятских и «лучших людей крестьянских». Губные учреждения одновременно совмещали три функции: сыск, досудебное следствие (под ним понималась пытка) и суд.

С тех пор два вида сыска существовали параллельно. Поимка преступника губными учреждениями завершалась следствием и наказанием в них; выявление вора сводом оканчивалось прежним состязательным процессом, который, как и ранее, принимал за доказательства свидетельские показания, «поле» (хорошо знакомый нам по сериалу «Игра престолов» судебный поединок) и

крестное целование.

Губные избы подчинялись Разбойному приказу, который не только управлял местными органами борьбы с преступностью, но и являлся высшей судебной инстанцией (если не считать царя и суд Боярской думы). Губные старосты избирались из дворян, которые в силу возраста или полученных увечий не могли нести полковую службу. Старосте помогали выбранные из крестьян или жителей городов целовальники (при принятии присяги они целовали крест, отсюда и название), сторожа, палач и бирюч (зачитывал населению царские указы). Губные избы сперва действовали на основании положений губных грамот Ивана Грозного, затем согласно Уставной книге Разбойного приказа. Впоследствии содержание всех 72 статей Уставной книги и дополнений к ней вошло составной частью в главу XXI «О разбойных и о татиных делах» Соборного уложения 1649 года.

1.2. Сыск при Петре I

Петр I ликвидировал и Разбойный (с 1682 года он назывался Сыскным), и Земской (выполнял функции Разбойного в Москве) приказы, а розыск по уголовным делам, если таковые случались, поручал гвардейским и армейским офицерам, которых на время следствия именовал сыщиками{3}.

В начале царствования Петра уровень преступности был довольно низким, и какое-то время сыщикам-офицерам удавалось справляться с сыскными поручениями. Однако затеянные царем масштабные реформы, для реализации которых сотни тысяч крестьян были призваны в армию или отправлены на принудительные работы, повлекли за собой небывалый до того рост преступности.

> *«Разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, соединялись в благоустроенные и хорошо вооруженные конные отряды и нападали “порядком регулярным”, уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врывались в города. Иной губернатор боялся ездить по вверенному ему краю, и сам князь Меншиков, петербургский генерал-губернатор, считавший себя способным прорыть Ладожский канал, не краснея, объявил Сенату, что не может справиться с разбойниками своей губернии»*{4}.

Офицеры-сыщики с таким разгулом преступности справиться не могли, и тогда, по примеру европейских государств, Петр I создал полицию. 27 мая 1718 года он подписал указ «Об учреждении в С.-Петербурге должности генерал-полицмейстера и о назначении на таковую генерал-адъютанта Девиера»:

> *«…определили мы для лутчих порятков в сем городе дело генерала-полицымейстера нашему адьютанту Девиеру и дали пункты как ему врученное дело управлять»*{5}.

Пунктов было тринадцать. Их можно свести в три группы:

– обязанности по надзору за строительством, благоустройством и санитарией;

– обязанности по обеспечению пожарной безопасности;

– обязанности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Штат полиции был определен в 200 человек, однако укомплектован не был. К концу 1718 года на службе в полиции состояли 42, через год – 67, в 1727 году – 123 человека. Финансировалась полиция из рук вон плохо: «унтер-офицеры, капралы и рядовые мундиру не получали с 1719 году, а ружья и амуниции с 1715 году, которые в оном претерпевают немалую нужду и за босотою и наготою на работы не выходят, а за неимением амуниции на караулы не ходят»{6}, – жаловался в рапорте 1723 года генерал-полицмейстер Антон Мануилович Дивьер (в источниках его фамилия пишется по-разному: Дивьер, Дивиер, Девиер).

Специально выделенных для розыска преступников людей в штате не было. По мере необходимости Дивьер поручал сыск одному из 8 офицеров, состоявших на службе. А часто в связи с загруженностью офицеров занимался сыском сам, иногда на пару с Петром I.

Так, 16 января 1724 года император лично расследовал ограбление «золотарного мастера» Ягана Роконтина, на которого якобы напали, когда он относил сделанные им украшения А.Д. Меншикову. Осмотрев место преступления, Петр I пришел к выводу, что нападение инсценировано самим Роконтиным, и повелел ювелира пытать. На втором допросе в застенке ювелир сознался и указом императора был отправлен в Сибирь на вечное житье.

Судьба А.М. Дивьера сложилась печально из-за того, что при дворе он имел могущественного врага – генерал-губернатора Петербурга Александра Меншикова.

Рис. 1. Первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А.М. Дивьер

Причиной вражды стала женитьба Дивьера на сестре Меншикова Анне Даниловне. Светлейший был категорически против брака – слишком уж низким, по его мнению, было происхождение (из каталонских евреев) первого генерал-полицмейстера Петербурга. Но вмешался Петр I, и свадьба состоялась. Однако Меншиков с семейным позором не смирился. Случай отомстить выдался, когда Екатерина I была при смерти и уже плохо соображала. Александр Данилович оговорил ей Дивьера, мол, весь двор в печали, а он – нет. Несчастного вздернули на дыбу, после двадцать пятого удара кнутом он

сознался, что готовит антиправительственный заговор. За несколько часов до смерти Екатерина I подписала указ о ссылке Дивьера в Якутию.

Только по восшествии на престол Елизаветы Петровны вышел именной указ об освобождении его из ссылки. Высочайшим указом от 23 апреля 1743 года (когда Дивьер вернулся в Петербург) ему были возвращены прежние чины, ордена, имения, графское достоинство и даже должность генерал-полицмейстера. Но здоровье Дивьера было подорвано, 24 июня 1745 года он скончался.

1.3. Сыск в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны

Полиция при Петре I была создана только в двух столичных городах – в Петербурге и в Москве. Из-за обилия функций, недостатка финансирования, неукомплектованности штатов со своими обязанностями, в том числе и сыскными, она справлялась плохо. Не лучше обстояли дела и в губернских канцеляриях, на которые Петр I возложил следственные функции. Так, в Первопрестольной к началу царствования Анны Иоанновны было не рассмотрено 21 388 уголовных дел{7}. И новая императрица, не мудрствуя лукаво, возрождает именным Указом от 22 июля 1730 года Сыскной приказ в Москве:

> *«…Учредить два Приказа: Судный*[1] *и Сыскной, в которых дела имеют быть: в Судном всякого чина людям, которые обретаются и впредь обретаться будут в Москве, как Московской, так и прочих губерний, суд давать и решение чинить по Уложению и по указам без всякой волокиты; в Сыскном ведать татинные, разбойные и убийственные дела, и которые воры и разбойники пойманы будут в Москве и приведены в Полицмейстерскую Канцелярию, тех, записав, в то же время отсылать в Сыскной Приказ»*{8}.

В царствование Елизаветы Петровны подобный орган – Розыскная Экспедиция – будет создан и в Санкт-Петербурге.

Розыски в Сыскном приказе открывались по искам челобитчиков, по указам и прошениям различных правительственных учреждений, по доносам частных лиц. Преимущественной формой дознания являлся «доезд» – отправка подьячего Сыскного приказа с солдатами и окольными людьми (понятыми) для проверки полученных из челобитной (прошения, доноса) сведений о местонахождении преступников, складе краденого и т. д. Если сведения подтверждались, производился арест преступника. Как правило, в день привода арестанта осуществлялся его первый допрос: вначале канцелярские служители задавали арестованному вопросы биографического характера – как звать, сколько от роду лет, происхождение, настоящее положение и место жительства; затем расспрашивали по сути следственного дела. После допроса подследственного осматривали, чтобы выяснить, подвергался ли он ранее пытке или телесному наказанию. Если при осмотре на спине

обнаруживались характерные следы, арестант (их называли колодниками) вынужден был рассказывать о своем преступном прошлом. Если подозреваемый на допросе винился в регулярном совершении краж, по действовавшему процессуальному законодательству (Соборное уложение 1649 года) его следовало пытать с целью выявления других преступлений и сообщников.

> *«Пока заплечный мастер усердно работал кнутом, служащие Сыскного приказа задавали страдальцу вопросы и записывали его ответы. На каждую пытку составлялся специальный протокол – "пыточные речи". В тех случаях, когда преступник вопреки свидетельским показаниям и уликам отрицал предъявленные ему обвинения либо на первой пытке изменил свои показания, данные на допросе, по усмотрению судей Сыскного приказа могла применяться трехкратная пытка. Однако, как правило, судьи старались не прибегать к ней, если подследственный на допросе признал обвинения и при первой пытке подтвердил признание»*{9}.

Колодники осуждались судьями Сыскного приказа, согласно Соборному уложению, на телесное наказание или на телесное наказание с последующей сибирской ссылкой (в зависимости от вины).

В царствование Анны Иоанновны генерал-полицмейстером служил её родственник Василий Федорович Салтыков (1675–1751). Ему удалось существенно увеличить штат полиции, а также подчинить себе созданные в 1733 году полицмейстерские конторы в 23 российских городах.

В начале царствования Елизаветы Петровны генерал-полицмейстер В.Ф. Салтыков был отправлен в отставку, на его место сперва определен был камергер Фёдор Осипович Наумов, затем, как уже говорилось, его сменил вернувшийся из ссылки граф Антон Дивьер. После его кончины генерал-полицмейстером был назначен Алексей Данилович Татищев (1697–1760) – бывший денщик Петра I, который при его внуке попал в опалу, однако при Анне Иоанновне возвращен ко двору. Именно ему пришла в голову идея построить Ледяной дом для свадьбы шута и калмычки.

Рис. 2. Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А.Д. Татищев

На посту генерал-полицмейстера империи Алексею Даниловичу Татищеву удалось пресечь деятельность известного всей Москве Ваньки Каина.

Дело № 1. Сыщик и доноситель Ванька Каин

Вечером 28 декабря 1741 года в дом судьи Сыскного приказа

князя Кропоткина явился некий Ванька Осипов и заявил, что он-де вор по кличке Каин и готов выдать властям всех воров, которых знает.

Власти Лондона уже пытались использовать преступников в борьбе с преступностью – когда численность населения в городе увеличилась до нескольких десятков тысяч, прежний порядок сыска (силами потерпевших) стал невозможен – преступники теперь сбивались в шайки, действовали организованно и умело скрывались от поисков и погонь в трущобах. В порядке эксперимента лондонские власти предложили за определенную плату любому правонарушителю, бывшему или действующему, указывать на других злоумышленников. Творчески подойдя к этому предложению, некий Джонатан Уайльд (ок. 1682–1725) сумел быстро подмять под себя почти всю лондонскую преступность. Он поставил воришкам ультиматум – все похищенное «сдавать» только ему. Тех, кто отказывался, он выдавал властям. Сам же Уайльд через объявления в газетах «возвращал» краденые вещи законным владельцам за 30 % их стоимости. Лондон был поделен Уайльдом на округа, за каждым из которых был закреплен «смотрящий», строго следивший, чтобы на его территории не орудовали «чужие» грабители.

Однако далеко не все воры подчинились «королю вороловов». Одним из «отказников» был некий Джек Шепард. Их борьба с Уайльдом зашла настолько далеко, что в итоге оба оказались на виселице. А лондонским властям пришлось прекратить эксперимент с выплатой преступникам вознаграждения за выдачу своих товарищей.

Какие мотивы двигали Ванькой Каином, доподлинно неизвестно. Возможно, он рассчитывал, что ему будут платить вознаграждение за каждого колодника. Или же примут в штат Сыскного приказа и он будет получать жалованье. Ванька, видимо, не знал, что согласно Указу от 23 мая 1726 года мелкие чиновники, производящие дела, должны были «довольствоваться… с челобитчиков, кто что даст по своей воле»{10}. Жалованье получали только судьи, заплечных дел мастера, сторожа и прикрепленный к Приказу священник. А вот секретарям, канцеляристам, подканцеляристам и копиистам казна не выплачивала ни копейки вплоть до 1750 года.

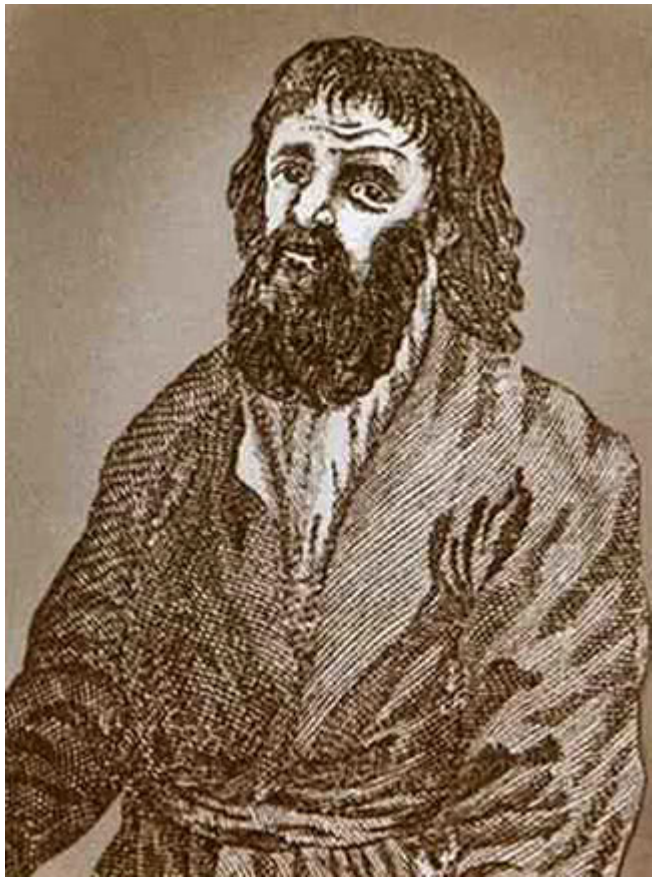


Рис. 3. Портрет Ваньки Каина из книги XVIII века

Однако в штат Ваньку не взяли. И он, ничего не зная про Джонатана Уайльда, пошел по его стопам. С 1741 по 1748 год «доноситель и сыщик» Ванька Каин выдал 774 преступника, однако тех, кто платил ему дань, он не трогал. Подобно лондонскому предшественнику, Каин занимался и «розыском» похищенных вещей. Однако за возврат украденного выставлял столь безбожный счет, что «ограбленные чувствовали себя ограбленными дважды». В отличие от лондонского «короля вороловов», Ванька Каин и сам принимал участие в преступлениях. Так, в 1748 году он организовал одно из самых успешных разбойных нападений XVIII века в Москве, напав на струг[2] купца Степана Скачкова, шайка под его руководством похитила более тысячи рублей.

Жаловаться на Каина было бесполезно – он сумел коррумпировать не только начальство Сыскного приказа, но и сенатского прокурора. И если бы не приезд в Москву Государыни Императрицы, неизвестно, сколько бы ещё бесчинствовал Ванька.

Но очередная челобитная усилиями недоброжелателя Каина – канцеляриста Московской полицмейстерской канцелярии Николая Будаева – попала в руки генерал-полицмейстера Алексея Даниловича Татищева, сопровождавшего венценосную особу. Обвинение было очень серьезным – похищение и совращение девицы. Татищев распорядился Каина задержать, а после ареста допросил его лично. И не только про девицу, а, по наущению Будаева, и про остальные дела-делишки, сообщников и покровителей. Каину терять было уже нечего, и он всё чистосердечно рассказал Татищеву.

В итоге состав Сыскного приказа был полностью расформирован и набран заново. По судебному приговору Каину надлежало «учинить смертную казнь: колесовав, отсечь голову»{11}. Однако в Сенате казнь заменили наказанием кнутом, клеймением и каторгой в Рогервике[3]. Там Ванька и сгинул.

При А.Д. Татищеве должность генерал-полицмейстера переводится из пятого класса Табели о рангах в третий (президенты коллегий состояли лишь в четвертой!), в мае 1746 года было объявлено о его прямом подчинении императрице (ранее генерал-полицмейстер подчинялся Сенату). В 1757 году Татищев был произведен в генерал-аншефы, по «Уставу воинскому» этот чин приравнивался к фельдмаршалу. Татищеву подчинялась напрямую вся полиция империи. Такого положения, могущества и чина ни до, ни после не имел никто из руководителей полиции. На посту генерал-полицмейстера Алексей Данилович Татищев прослужил до самой своей смерти.

1.4. Реформа полиции при Екатерине II

Свергнув мужа, Екатерина II не стала отправлять в отставку назначенных им сановников. Тем более что главный директор над всеми полициями барон Николай Александрович Корф (1710–1766) имел большие заслуги перед новой императрицей – будучи прекрасно осведомленным о её заговоре против Петра III, он и пальцем не пошевельнул для его предотвращения. Как и А.Д. Татищев, барон Н.А. Корф на своем посту оставался до самой смерти, однако уже в первые месяцы своего царствования Екатерина вывела полицию из-под своего непосредственного управления, подчинив опять Сенату. А после смерти Корфа императрица приступила к реформе полиции. Слишком уж обширны и запутанны были её функции – кроме собственно полицейских, она выполняла задачи административные, финансовые и судебные. Зачастую эти функции пересекались и противоречили задачам других ведомств: Комиссии по строениям, Акцизной конторы, Ямской канцелярии и т. д. Наказом, изданным 28 февраля 1768 года, полиция была лишена права налагать тяжкие наказания, её репрессивные меры должны были заключаться теперь только в пенях, денежных и других взысканиях (эти функции полиция будет исполнять вплоть до Судебной реформы 1864 года, потом они отойдут к мировым судьям). Однако расследование преступлений по-прежнему оставалось за полицией (кроме дел, находившихся в ведении Розыскных экспедиций, – Московский Сыскной приказ в 1763 году был переименован в Розыскную экспедицию). И только для судебного разбирательства по тяжким преступлениям полиция должна была отсылать обвиняемых в суд.

В конце 1774 года полиция была создана и в сельских местностях – в деревнях и селах были введены должности сотских и десятских, по сути, выполнявших обязанности полицейских. Они избирались на сельских сходах и были обязаны *«смотрение иметь разведывать в селении и близ него против воров, разбойников, злоразгласителей, беглых»*{12}. Подчинялись они капитану-исправнику, избиравшемуся на собрании уездного дворянства, окончательно в должности его утверждал губернатор.

В 1775 году Екатерина II издала манифест, получивший название «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». В нем она отказалась от централизованного управления полицией. Главная полицмейстерская контора была упразднена, а руководство полицией передавалось на места – губернаторам. Должности полицмейстеров были ликвидированы.

В городах, в которых на постоянной основе размещались военные гарнизоны, полицейские обязанности теперь исполнял комендант. В остальных – городничий, подчинявшийся Губернскому Правлению. В губернских городах полицию возглавляли с тех пор военные губернаторы. В Москве и Петербурге – обер-полицмейстер, который подчинялся военному губернатору.

Круг обязанностей на всех вышеперечисленных должностях (капитан-исправник, комендант, городничий, военный губернатор и обер-полицмейстер) был примерно одинаковым: предупреждать распространение прилипчивых заболеваний, принимать меры по прекращению скотского падежа, усмирять возмущение, давать обиженным покровительство, искоренять скопища воров и беглых, смотреть за мостами и дорогами, расквартировывать войска, предотвращать и тушить пожары.

Все крупные города отныне делились на части, в каждой из которых должно было быть от двухсот до семисот дворов. В каждой части полицейское управление возглавлял частный пристав. Каждая часть, в свою очередь, делилась на определенное количество кварталов (в каждом от 50 до 100 домов), полицией в квартале руководил квартальный надзиратель.

Обязанности по расследованию уголовных преступлений были возложены на частных приставов:

> *«При выслушивании жалобы, прошения, уведомления или донесения о непорядке, неустройстве или законопротивности в его части Пристав обязан, нимало не мешкая, словесно исследовать, стараясь прилежно об узнании истины с познанием доказательств гласным и безгласным свидетельством: что же найдет, то записать в протокол. Всякого уголовного преступника закон предписывает отдать Частному Приставу, который должен допросить его на месте и тотчас после привода, причем выслушивает также и свидетелей, и вообще чинит всякие производства, в коих окажется надобность для утверждения доказательств… Отобранные устно показания Приставу велено записывать в протокол, а уголовного преступника взять под стражу. Для уголовных дел Приставу предписывается известная программа следствия:*
>
> *1) в исследовании об объекте данного преступления;*
>
> *2) о самом действии, которое учинено;*
>
> *3) о способе или орудии, чем учинено;*
>
> *4) о месте, где учинено;*

5) об околичностях, объясняющих с намерением или без намерения и утверждающих или обличающих, как учинено;

6) о преступнике, кем учинено.

Перечисленные обязанности Пристав отправляет бесплатно»[13].

Секретным Указом Екатерины II от 8 ноября 1774 г. в России были отменены пытки. В 1782 году были упразднены Розыскные экспедиции, и все розыски и следствия по уголовным делам окончательно отошли к полиции.

Дело № 2. Эжен-Франсуа Видок и создание Сюртэ

История первой в мире криминальной полиции, как ни странно, связана с очередным «вороловом». Впрочем, в своих мемуарах Эжен-Франсуа Видок (1775–1857) божится, что преступником никогда не был (дезертирство, пиратство, шулерство и контрабанда не в счёт), а на каторгу попал из-за судебной ошибки. С каторги Видок сбежал, однако был пойман, через некоторое время совершил второй побег, на этот раз удачный. Купив чужие документы, он женился и открыл в Париже лавку по продаже одежды. Почти десять лет он провел на свободе, пока в 1809 году полиция его снова не нашла. Но возвращаться на каторгу Видок не желал. И поэтому предложил шефу второго управления полиции Парижа господину Анри стать его «бараном» (на современном языке – внутритюремным информатором). Анри предложение принял, и два последующих года Видок, пользуясь своим положением среди заключенных (беглые каторжники всегда были в «авторитете»), выуживал из них сведения о совершенных ими преступлениях, а также имена скупщиков краденого, адреса притонов и т. д.

После двух десятилетий революции, народных восстаний и войн криминогенная обстановка в Париже оставляла желать лучшего. А выданные Видоком преступники были лишь ничтожной частью криминального сообщества. И тогда господин Анри с префектом Парижа Этьеном-Дени Паскье решились на беспрецедентный шаг – предложили Эжену-Франсуа создать и возглавить особое подразделение по борьбе с преступностью, охранительную (криминальную) полицию, которая вскоре стала именоваться Сюртэ Насьональ.

Видок согласился, ему устроили «побег» из тюрьмы. В выборе сотрудников для нового подразделения Видок придерживался принципа «побороть преступников может только преступник».

Сперва у него служило 4, потом 6, затем 12 бывших заключенных. Агенты Сюртэ на правах старых знакомцев проникали в шайки, выясняли их планы и сообщали эти сведения полицейским, которые задерживали преступников с поличным. Действовали агенты очень энергично: так, за 1817 год Видок с подчиненными произвели семьсот семьдесят два ареста и тридцать девять обысков с захватом украденных вещей.

Рис. 4. Эжен-Франсуа Видок. Портрет из издания его мемуаров 1829 года

Однако вскоре преступный мир узнал, что Видок и его агенты служат в полиции. И ему пришлось придумывать другие способы раскрытия преступлений. Уголовные полиции по всему миру пользуются ими до сих пор:

– формирование штата осведомителей в преступной среде;

– ведение картотек всех лиц, когда-либо попадавших в поле зрения полиции;

– использование современных достижений науки и медицины (так, в 1822 году по пуле, извлеченной из тела убитого, Видок сумел идентифицировать пистолет, а в 1826 году высказал идею об идентификации преступников по отпечаткам пальцев).

В 1827 году префектом парижской полиции был назначен Анри Жиске. Он считал, что лица, привлекавшиеся к ответственности по обвинению в уголовных преступлениях, хоть

бы судом и оправданные, не могут служить в полиции. Видок и его «банда», как Жиске их называл, были уволены.

Лишенный службы, великий сыщик пишет три тома «Записок Эжена-Франсуа Видока, начальника парижской тайной полиции», которые сразу переводят на все европейские языки. А в это время Париж переживает всплеск волны преступности. И полицейское руководство неожиданно для себя выясняет, что безупречное происхождение набранных вместо «банды Видока» сыщиков отнюдь не гарантирует успехов в розысках. Видока восстановили в полиции. Однако, научив новых сотрудников и передав агентуру, он оказался не нужен и в 1833 году снова, на этот раз окончательно, был уволен[4]. Но на этот раз Видок знал, чем ему заняться. В том же году в Париже, на улице Клод-Перш, 12, он открыл контору под названием «Бюро по сбору информации» – первое в мире частное детективное агентство. По заказам клиентов он расследовал действия аферистов, мошенников, следил за неверными супругами, за беспутными детьми, а также занимался, говоря современным языком, коллекторской деятельностью – возвращал просроченные долги. «Вышибание» долгов и привело к конфликту Видока с властями. Он был вынужден закрыть Бюро и уехать на время в Лондон, где поучаствовал в создании Скотленд-Ярда. В 1849 году Эжен-Франсуа окончательно отошел от детективной деятельности. Остаток жизни он посвятил помощи бывшим преступникам, отказавшимся от прежних занятий.

1.5. Сыск в первой половине XIX века

В ноябре 1800 года Сенат получил именной Указ Павла I, согласно которому городская полиция Петербурга передавалась в подчинение гражданскому губернатору{14}. В Указе впервые на законодательном уровне было закреплено новое и очень важное положение: «полиция есть часть гражданская». Но фактически вывести полицию из-под власти военных Павел I не успел.

Царствование императора Александра I началось с масштабной реформы государственного управления – вместо коллегий в 1802 году были созданы министерства, в том числе Министерство внутренних дел, которому подчинили всю полицию, городскую и сельскую. Однако это решение сложно назвать удачным – для страны, растянувшейся на десяток с гаком тысяч верст, децентрализованная система управления, внедренная Екатериной II, была, наверно, единственно возможной. Если письмо из Петербурга на Камчатку путешествует чуть ли не год, как министру МВД руководить камчатской полицией? Потому заодно сохранили и подчинение полиции военному губернатору. После чего и без того запутанные отношения центральной и местной властей ещё более осложнились. До реформы губернаторы назначались императором, теперь же они были чиновниками МВД и полностью зависели от министра. Но губернские правления по-прежнему подчинялись Сенату. Однако именно через них губернатор руководил полицией. «Сенат часто не знал распоряжений министров, а министры – распоряжений Сената. Создалась невообразимая путаница, и развилась необычайная переписка»{15}. Если в начале XIX века из земского суда одного из уездов Тамбовской губернии исходило 500 бумаг в год, то в 1825 году их уже отправлялось 10–12 тысяч{16}.

Важным для усиления следственной работы была поддержанная в 1808 году императором Александром I инициатива военного губернатора Санкт-Петербурга, генерала от инфантерии князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского (1758–1838), об учреждении при обер-полицмейстере четырех должностей следственных приставов.

Рис. 5. Санкт-Петербургский военный губернатор Д.И. Лобанов-Ростовский

Свое представление он мотивировал тем, что

> *«частный пристав, постоянно занятый и обремененный множеством разнородных дел, большей частью требующих подвижности, едва ли может на производство следствия уделить столько времени, чтобы выяснить все предметы, подлежащие обследованию с*

надлежащей подробностью и обстоятельно; оттого почти все следствия бывают недостаточны, доводы неубедительны и заключения гадательны»{17}.

Дело № 3. Следственный пристав Гаврило Яковлев

К сожалению, история не сохранила биографий и описания деяний ни одного из петербургских следственных приставов времен царствований Александра I и Николая I. Но, по всей видимости, среди них не было выдающихся сыщиков, раз на самые важные дела в столицу из первопрестольной вызывался коллежский советник Гаврило Яковлевич Яковлев (1760-е – 1831).

> *«Закон о неделании пристрастных допросов и истязания существовал и тогда, но Яковлев действовал так, будто закона совсем не было. Одна фамилия Яковлева приводила в трепет людей… Фамилия его сделалась известной старому и малому и притом в таком роде, что самые крикливые дети умолкали, если им говорили, что идёт сыщик Яковлев…»*{18}

По происхождению Яковлев был из кантонистов (солдатских детей), службу начинал аудиторским[5] писарем, однако насчет достоверности этих сведений имеются сомнения, потому что современники отмечали, что он с трудом писал и плохо читал, особенно рукописное. В 1812 году при отступлении российских войск из Москвы, по собственным словам Гаврилы Яковлева, он был оставлен в Первопрестольной графом Растопчиным для её поджога.

Всем известно выражение **подлинная правда**. Но мало кто знает, что сие значит. А это показания, которые «добывали» **длинником** – длинной палкой. Гаврила Яковлев самолично избивал ею подследственных. Не брезговал он и розгами. «После десяти умелых ударов, сопровождавшихся радостным визгом следственного пристава, подозреваемый уже не в силах был кричать, а лишь стонал и вздрагивал разорванным телом… Нередко случалось, что люди брали на себя чужую вину, лишь бы избавиться от допроса у знаменитого сыщика. Стоило, к примеру, московскому обер-полицмейстеру – когда дерзкий воришка запирался и божился, что невиновен, – приказать городовому: “Пригласи-ка Яковлева”, который дожидался аудиенции в приемной, как подозреваемый упал на колени и признался в грехах…»{19}

Из-за большого количества следственных дел, которые вел

Яковлев, он был вынужден тратить значительное количество средств на оплату осведомителей и ищеек[6]. Данные расходы он покрывал:

– приношениями в праздники от содержателей кабаков, притонов и «домов для торговли развратом», для которых он должен был быть грозой, однако служил защитой;

– доходами от случайных встреч в этих заведениях с богатыми купеческими сынками, кутившими там тайком от родителей;

– вынудив у какого-нибудь вора чистосердечное признание, Яковлев частенько заставлял его оговорить в покупке краденого какого-нибудь зажиточного, но не имевшего хороших связей человека. У того производился обыск, обычно ночью, и, несмотря на то что краденых вещей не находили, оговоренного брали под стражу. И ему оставался лишь один исход – полюбовная сделка с Гаврилой Яковлевичем.

> *«Яковлев в продолжение своей службы в должности сыщика открыл виновных во многих самых важных преступлениях, отыскал огромное количество украденных и ограбленных денег и имущества и переловил значительное число беглых, воров и всякого другого рода преступников… К несчастью, бывало много таких примеров, что невинно подозреваемые сознавались в тех преступлениях, к которым они не были причастны. Впоследствии иногда обнаружаемы были настоящие виновники… Но по негласности нашего судопроизводства это было известно только канцеляриям в судах и не порождало никаких неприятных последствий для сыщика»*{20}.

> *«Освободилась Москва от усердного следственного пристава лишь благодаря холере 1831 года… уволокшей душу Яковлева… по клятвенным заверениям его подследственных, прямехонько в преисподнюю»*{21}.

Подробности службы следственных приставов в предреформенные годы хорошо нам знакомы по образу Порфирия Петровича из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Должность следственного пристава просуществовала до 1860 года. В ходе Судебной реформы следственные функции у полиции отобрали окончательно и передали в Министерство юстиции.

Успехи французской Сюртэ были хорошо известны в России. Уже в 1822 году петербургский обер-полицмейстер Иван Саввич

Горголи (1773–1862) написал записку, в которой предлагал организовать при Петербургской полиции сыскное или надзорное отделение, так как общая полиция плохо справляется с задачами по расследованию и раскрытию преступлений. Горголи предлагал следующую структуру: заведование отделением поручить одному из столичных полицмейстеров, которому за это добавить 1000 рублей в год содержания. Отделение должно было состоять из двух приставов (1700 р.), четырех надзирателей (двум по 1000 р., двум по 800 р.), письмоводителя (1000 р.) и 50 вольнонаемных «грамотных служителей-сыщиков» (по 500 р. каждому). На канцелярию Горголи просил 1000 в год, на расходы по розыску и на извозчиков – 2500. Его предложение принято не было{22}.

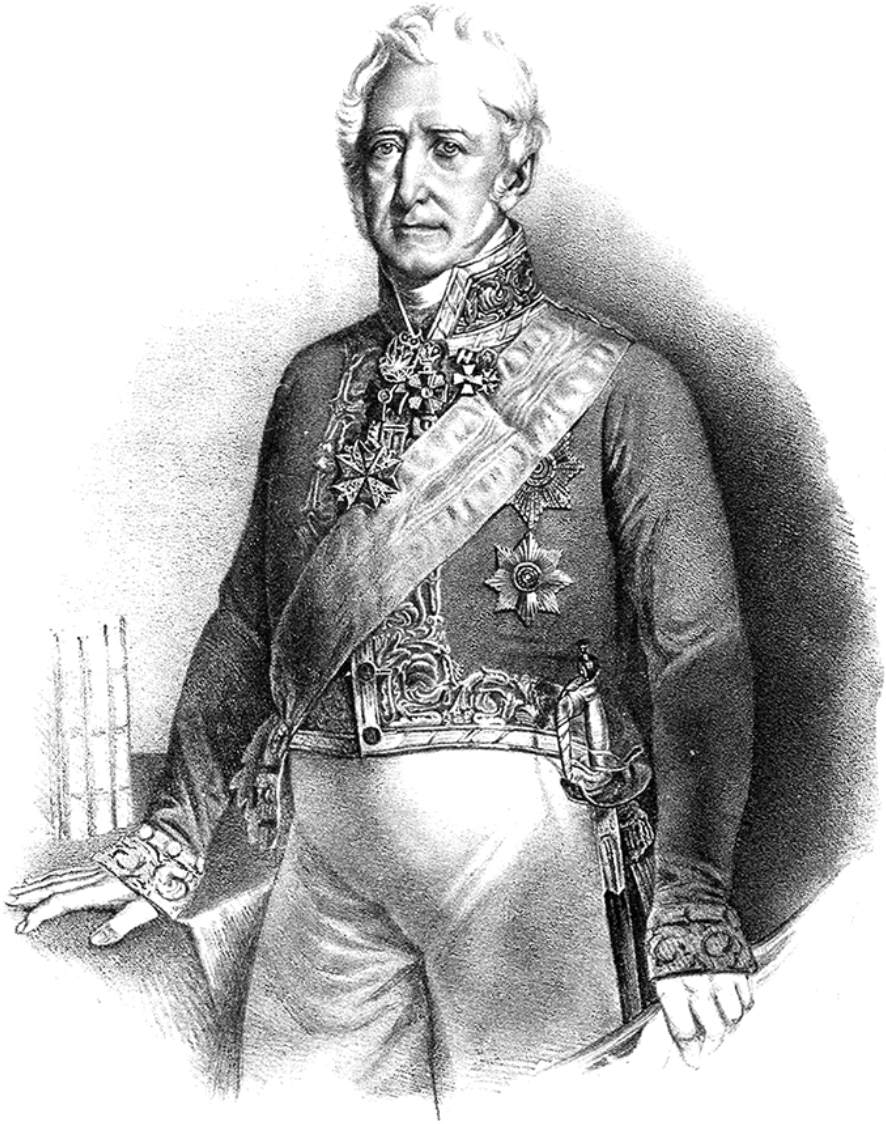


Рис. 6. Обер-полицмейстер Санкт-Петербурга И.С. Горголи

23 февраля 1843 года министру внутренних дел был представлен ещё один проект учреждения, по примеру парижского Сюртэ, Санкт-Петербургской сыскной команды. Команда эта должна была заниматься надзором в людных местах (в церквях, театрах и маскарадах, на рынках, в лавках, банях, домах непотребных женщин и т. д.). Надзор предполагался скрытным, сыщики должны были носить партикулярное[7] платье. Задачей их было выявление преступлений, которые остаются скрытыми от полиции. Сыщики сами никого брать под стражу не

могли, в необходимых случаях должны были обращаться за содействием к исполнительной полиции. Но и этот проект тоже был отклонен.

Дело № 4. Иван Липранди – русский ученик Видока

Во время пребывания Отдельного гвардейского (оккупационного) корпуса во Франции возникла необходимость создания военной полиции. Командир корпуса генерал Михаил Семенович Воронцов и начальник штаба генерал Михаил Федорович Орлов поручили это подполковнику Ивану Петровичу Липранди (1790–1880).

Известный исследователь Натан Эйдельман считал, что у Липранди «испанско-мавританские предки»[23]. Однако автор детективов, теоретик детективного жанра и историк частного сыска Даниэль Клугер утверждает, что предки Ивана Петровича были вовсе не маврами, а евреями – фамилия Липранди до сих пор встречается у иудеев, проживающих в Испании и Аргентине[24].

Рис. 7. Иван Петрович Липранди

Когда И.П. Липранди взялся за поручение Воронцова, оказалось, что разведка на оккупированной территории неотделима от контрразведки, а политический сыск – от криминального розыска. Позднее Липранди упомянет, что по заданию Воронцова он расследовал дело некоего тайного роялистского заговора («Общество черных булавок») и для сего входил «в сношения с французскими начальниками высшей

тайной полиции в Арденнах и Шампании». В частности, с Эженом Видоком. Об их близком знакомстве свидетельствует и известный мемуарист Филипп Вигель, который столкнулся с прославленным сыщиком в парижской квартире Ивана Петровича.

> *«…у него было очень умное лицо, на котором было заметно, что сильные страсти не потухли в нем, а утихли. Он был очень вежлив, сказал, что обожает русских и в особенности мне желал бы на что-нибудь пригодиться; тотчас после того объяснил, какого рода услуги может он оказать мне. Как султан, властвовал он над всеми красавицами, которые продали и погубили свою честь. Видя, что я с улыбкою слушаю его, сказал он: “Я не скрою от вас моего имени; вас, по крайней мере, не должно оно пугать: я Видок”»*[25].

По воспоминаниям уже самого Липранди, Вигель попросил Видока разыскать золотые часы, украденные заночевавшим в его доме учеником парикмахера (Вигель был гомосексуалистом).

Видок обучил подполковника Липранди слежке, правилам допроса и вербовки, прочим полицейским хитростям, познакомил «с трущобами и тайнами Парижа»[26]. Позже Липранди напишет, что «было полезно и интересно узнать все это»[27]. Однако по возвращении в Россию таланты Ивана Петровича нашли применение вовсе не в борьбе с уголовной преступностью, а в военной разведке и политическом сыске.

Военной разведкой Липранди занимается в 20-е годы на юге империи. Он изучает местные языки, нанимает агентов среди местного населения, от которых *«узнает всё, что хочет узнать, заводит важные знакомства и связи среди знатных и влиятельных особ в подчиненных [турецкому] султану областях, подкупает турецкое начальство»*[28]. Ровно через месяц после приезда И.П. Липранди в Кишинёв прибыл высланный из Петербурга А.С. Пушкин. Они познакомились 22 сентября 1820 года и сразу сдружились. Иван Петрович давал поэту книги из своей богатой библиотеки, рассказывал о военных походах, о Париже, о дуэлях, в которых участвовал, – Липранди был известным бретёром. Литературоведы утверждают, что герой пушкинской повести «Выстрел» Сильвио списан с Ивана Петровича.

> *«Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык*

имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно, и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. … Сильвио (так назову его)…»[29].

Липранди не были чужды прогрессивные взгляды, он даже состоял в тайных обществах. Возможно, эти взгляды стали причиной длительных конфликтов Ивана Петровича с начальством, в результате которых осенью 1822 года он подал в отставку. Липранди собирался ехать сражаться за свои идеалы в Грецию или даже к Боливару в Латинскую Америку, но ему отказали в выдаче заграничного паспорта. В бунтах 1825 года он не участвовал, однако его имя назвал на допросе член Союза Благоденствия Николай Комаров (1794–1853). Липранди был арестован и заточен в крепость. Его выпустили через месяц вместе с А.С. Грибоедовым, с которым они сидели в одной камере, – больше никто из декабристов Липранди не выдал, а показания Комарова сочли недостаточными. Ивану Петровичу даже выплатили годовое жалованье и вернули к прежним обязанностям – вскоре после освобождения он возвратился в Одессу, где продолжил подготовку к предстоящей войне с Турцией. За несколько месяцев до её объявления в 1828 году он отправился в Бухарест, откуда, несмотря на то что его три раза пытались застрелить, не уехал, пока не подкупил всех турецких чиновников и не скопировал все их донесения. Во время войны Иван Петрович, владевший множеством иностранных языков, допрашивал пленных; организовал партизанский отряд из сербов, болгар и албанцев и стал его командиром; добывал провиант и фураж для действующей армии.

По окончании военных действий Липранди присвоили чин генерал-майора. В 1832 году он женился и вышел в отставку. Но даже в отставке продолжал служить Отечеству – из-под его пера в эти годы выходит множество трудов о Болгарии, Сербии, Албании, Молдавии, Черногории и Оттоманской империи, в которых он подробно описывал тамошние климат, обычаи, пословицы, военные традиции, размышлял о перспективах и способах российского проникновения туда. Однако, к разочарованию Липранди, никакого влияния на внешнюю политику Российской империи его труды не оказали, посылаемые

им в Генштаб тетради просто пылились там на полках.

Рис. 8. Лев Алексеевич Перовский

В сентябре 1841 года министром внутренних дел Российской империи стал Лев Алексеевич Перовский (1792–1856). Это назначение было воспринято современниками *«как знаменательное событие в общественно-политической жизни, как признак серьезных перемен в России»*{30}, потому что Льва Перовского знали как человека твердого, целеустремленного, смелого и, что самое важное, убежденного сторонника отмены крепостного права. В юности, как и И.П. Липранди, Лев Перовский состоял в Союзе Благоденствия, однако идею о свержении монархии не разделял и в восстании на Сенатской не

участвовал. Отличаясь редкой работоспособностью и энергичностью, Л.А. Перовский пытался привлечь к работе в Министерстве чиновников, обладавших теми же качествами: так, для управления личной канцелярией он пригласил успевшего проявить себя талантливым администратором Владимира Ивановича Даля, составителя знаменитого словаря. Граф Павел Дмитриевич Киселев (1778–1872), занимавший тогда пост министра государственных имуществ, порекомендовал Перовскому своего бывшего подчиненного – Ивана Петровича Липранди. Тому предложение министра внутренних дел пришлось как нельзя кстати – наследственных и благоприобретенных имений Иван Петрович не имел, а на свою пенсию, кроме содержания жены и троих сыновей, тратил на библиотеку, считавшуюся лучшим в Европе собранием книг о Востоке, – английский посланник Сеймур безуспешно пытался купить её за 85 тысяч рублей. А тут жалованье в 1000 рублей, плюс квартирные, плюс прогонные… Липранди с радостью согласился. А Перовский не мог нарадоваться столь неутомимому подчиненному – за 10 лет службы в Министерстве Липранди ни разу не побывал в театре, семье уделял только вечер в неделю, всего лишь раз устроил что-то вроде раута, да и то в интересах дела. Иван Петрович сетовал, что старается больше других и по этой причине не пользуется у этих «других» симпатией{31}. За 10 лет службы он с блеском исполнил более 700 поручений.

МВД и III отделение остро соперничали между собой – Перовский неоднократно предлагал подчинить политическую полицию ему (его идея была претворена в жизнь только в 1880 году). Николай I и сам был недоволен III отделением, однако с резкими решениями не спешил. Шанс проявить себя в политическом сыске он предоставил Перовскому в 1848 году, когда, узнав, что 27-летний переводчик Министерства иностранных дел Михаил Буташевич-Петрашевский собирает по пятницам у себя дома друзей и ведет с ними какие-то разговоры, поручил это дело не III отделению, а Министерству внутренних дел. Перовский доверил расследование действительному статскому советнику Липранди. С возрастом свободомыслие у того выветрилось, а либерализм сменился охранительством. Иван Петрович даже счел поручение лестным для себя…

Вспомнив уроки Видока, Липранди поручил двум агентам переодеться в извозчиков и каждую пятницу караулить расходящихся от Петрашевского гостей – так стали известны их имена. Затем Иван Петрович внедрил в кружок своего информатора – Петра Дмитриевича Антонелли – сына академика живописи, студента 1 курса филологического факультета

Петербургского университета. Его оформили канцелярским служителем в Министерство иностранных дел, где он без труда свел знакомство с чрезвычайно общительным Петрашевским. Антонелли выяснил содержание «разговоров по пятницам» (социализм – коммунизм, свобода – равенство, Прудон – Фурье) и масштаб организации – количество участников превышало сотню, имелись «филиалы» в других городах. Собрав сведения, Липранди написал доклад, в котором сообщил императору о существовании мощного противоправительственного заговора.

Однако с его выводами не согласилось конкурирующее с МВД ведомство – по мнению III отделения, петрашевцы не готовили заговор – они просто болтуны. Позицию III отделения поддержал МИД – министр К.В. Нессельроде категорически не согласился с утверждением, что у него под носом свило гнездо злодейское общество. Недовольны были и в высшем свете – почти у всех среди петрашевцев имелись знакомые, подчиненные и родственники. Даже министр Перовский – и тот был взбешен, так как выяснилось, что петрашевцем являлся чиновник министерства Н.А. Милютин, которому он покровительствовал.

В результате петрашевцев признали не заговорщиками, а группой безнравственных испорченных молодых людей. И хотя приговор им был очень суров (а иначе никак – в Европе бушевали революции), в последний момент расстрел заменили гражданской казнью, каторгой и ссылкой.

Жандармы намеренно, ещё на самых первых допросах, сообщили петрашевцам о роли в их деле действительного статского советника Липранди. После чего в обществе Ивана Петровича стали открыто презирать. Сменивший Льва Перовского на министерском посту Дмитрий Иванович Бибиков (1792–1879) общался с Липранди в «собачье-начальственном тоне», а потом подвел его под сокращение штатов.

«Для меня дело петрашевцев было пагубно, оно положило предел всей моей службе и было причиной совершенного разорения», – признавался потом Липранди[{32}].

Остаток жизни Липранди посвятил сбору и публикации материалов об Отечественной войне 1812 года. Он составил каталог всех посвящённых ей книг и статей и вёл поимённый учёт доживших до того времени ветеранов наполеоновских войн. Лев Толстой использовал материалы Липранди в «Войне и мире», а после публикации романа прислал ему экземпляр книги с надписью: «В знак искреннего уважения и благодарности»[{33}]. Умер Иван Петрович Липранди в возрасте 89 лет и был похоронен на Волковском кладбище в Петербурге.

Почему же таланты и знания И.П. Липранди не были использованы для борьбы с лихими людьми? Почему не получили поддержку проекты создания Санкт-Петербургской сыскной команды 1822 и 1843 годов? Ответ банален – с восьмидесятых годов XVIII века вплоть до реформ Александра II уровень преступности в империи был крайне низким – например, в Москве в первой четверти XIX века случалось за год всего около десятка тяжких преступлений (убийств и грабежей)[{34}]. На докладах МВД, содержащих сведения о числе совершенных и раскрытых преступлений, Николай I регулярно писал: «читал с удовольствием». Тратить деньги на создание ненужной в те времена структуры, пусть и имеющей европейские аналоги, не сочли необходимым.

1.6. Карп Леонтьевич Шерстобитов (1795–1866)

Как уже упоминалось, до 1860 года следствие в Российской империи вели следственные приставы. Но розыскной деятельностью они не занимались – её осуществляли чины наружной полиции: частные приставы, городовые и квартальные надзиратели. Об одном из них мы и хотим рассказать.

Карп Леонтьевич Шерстобитов был солдатским сыном. А все они в первую половину XIX столетия «принадлежали» военному ведомству. По достижении определенного возраста мальчишек отрывали от семьи и отправляли в школы кантонистов, где обучали военным специальностям (аудитор, фельдшер, писарь, музыкант и т. д.). К.Л. Шерстобитов поступил на государеву службу таким вот «школьником» 14 ноября 1814 года в Лекарской госпиталь Новгородской Адмиралтейской казенной фабрики. Закончив там обучение, 1 мая 1817 года был произведен в младшие фельдшеры и определен в 26-й флотский экипаж Балтийского флота. Потом Шерстобитов служил в Кронштадте: с 8 февраля 1826 года по 11 февраля 1828 года в госпитале для малолетних юнг при канале Петра Великого, затем – в Морском учебном экипаже.

28 июня 1838 года за выслугу беспорочных 20 лет «унтерофицерствования» по Высочайшему повелению Шерстобитов был уволен со службы с награждением чином 14 класса (коллежский регистратор – самый низкий чин по Табели о рангах). Ему была пожалована пенсия – аж 6 рублей 45 копеек в год. На такие деньги обремененному семьей Карпу Леонтьевичу – женой Прасковьей Артамоновной (1801–1848), дочерью Натальей (родилась 30 декабря 1826 года) и сыном Павлом (дата рождения 26 января 1830 года)[35] – было никак не прожить. Поэтому, отдохнув пару недель, 12 августа 1838 года, по протекции брандмайора О.С. Орловского, он устроился в Санкт-Петербургскую полицию младшим помощником квартального надзирателя[36]. Служил там исправно, «не было примера, чтобы Шерстобитов не сумел дать обстоятельного отчета о ком-либо из домовладельцев или порядочных обывателей»[37]. Поэтому быстро продвигался по службе: 10 марта 1840 года Карп Леонтьевич стал старшим помощником квартального надзирателя, а 28 апреля 1842 года получил под руководство квартал. Тут и обнаружились его скрытые таланты: «Шерстобитов вскоре заявил себя самым осторожным, искусным, находчивым,

вкрадчивым и терпеливым сыщиком, а потому, кроме прямых обязанностей по участку[8], на него возлагались особые поручения».

Дело № 5. Чухонский принц

Летом 1847 года к богатейшему петербургскому банкиру Александру Людвиговичу Штиглицу приехал порученец от принца Баттенбергского, прибывшего в Россию для участия в красносельских маневрах. Его высочество желал обналичить чеки и с этой целью приглашал банкира в гостиницу «Буржуа»{38} (находилась в доме Маничаровых{39} по адресу: Малая Морская улица, дом 21{40}, дом не сохранился), в которой остановился. Однако в номере гостиницы на Штиглица напали трое мужчин и принялись душить. Банкиру удалось вырваться и закричать. Его зов о помощи был услышан гостиничной прислугой, и грабители, испугавшись, отпустили жертву и скрылись другим ходом. Прибывший на происшествие пристав 1-й Адмиралтейской части полковник Василий Борисович Горбунов учинил опрос и выяснил, что номер сняли на сутки три чухонца, один из которых был рыжим. Брошенные ими вещи – старый чемодан с кирпичами внутри и стоптанные сапоги, по мнению пристава, помочь в их розысках не могли. И тогда обер-полицмейстер Александр Павлович Галахов велел позвать Шерстобитова.

Рис. 9. Обер-полицмейстер Санкт-Петербурга А.П. Галахов

Пока тот методично осматривал чемодан и каждый кирпич, лежавший в нём, Горбунов и его подчиненные добродушно подтрунивали над Карпом Леонтьевичем. Но когда он разрезал оба сапога от голенища до подошвы, принялись хохотать. Но не зря пословица уверяет, что «хорошо смеется только последний». Через три дня Карп Леонтьевич привел к Галахову арестованных им чухонцев. Как он их поймал? В нижней части сапога Карп Леонтьевич обнаружил полустертое клеймо сапожника. Разыскав мастера, в его старой книге заказов он отыскал фамилию клиента. Обратившись в адресный стол, Шерстобитов выяснил, что ныне владелец сапог проживает на Васильевском острове у одной немки, сдававшей углы постояльцам. Та сообщила сыщику, что от неё подозреваемый, проживавший с двумя друзьями-

чухонцами, уже съехал. Немка вспомнила, что к этим постояльцам часто захаживал их земляк, служивший провизором в аптеке у Калинкина моста. Шерстобитов помчался туда. В аптеке он наткнулся на рыжего мужчину. Схватив его за воротник, он строго спросил: «Где два твоих товарища?» Оторопевший чухонец сообщил, что те стоят на мосту. С помощью торговавших там калачников эти двое тоже были задержаны и тут же во всем сознались.

За поимку чухонцев квартальный надзиратель К.Л. Шерстобитов 3 ноября 1847 года приказом обер-полицмейстера был награжден годовым окладом в размере 342 рубля 85 копеек{41}. Штиглиц от себя добавил тысячу{42}.

Рис. 10. Форма квартальных надзирателей в 1852 году

Дело № 6. Неутешный сын

1 января 1847 года в доме Дидло (дом сохранился в перестроенном виде, нынешний адрес: Невский проспект, дом 43 / ул. Рубинштейна, дом 1) были найдены мертвыми две

проститутки, жившие без прислуги. Головы убитых были проломлены в нескольких местах тупым шарообразным предметом, имевшим диаметр около вершка (примерно 4,45 см). На полу Шерстобитов обнаружил кровавые следы, оставленные мужскими сапогами. Так как ни денег, ни ценных вещей в квартире он не нашел, а платья и тряпки были вынуты из комодов и раскиданы, сыщик сделал вывод, что убийство совершено с целью ограбления. Однако никаких зацепок, кроме следов сапог, у него не было. Подозрения пали сперва на дворника, потом на одного из клиентов убитых проституток. Обоих Карп Леонтьевич заставил пройти рядом с кровавым следом в сапогах, помеченных чернилами, но этот смелый для своего времени следственный эксперимент убийцу не открыл.

Рис. 11. Дом Дидло (крайний слева), фотография XIX века

Спустя семьдесят дней случилось новое происшествие – 11 марта 1847 года у ворот дома полковника Тишенинова (нынешний адрес: Стремянная улица, дом 10, дом постройки 1828 года был разобран в 2005 году) нашли в бессознательном состоянии проживавшего в этом доме писаря. И хотя голова его была проломлена, он был жив, и его сразу отвезли в больницу. Надзиратель Шерстобитов, осмотрев раны, пришел к выводу, что они нанесены тем же тупым шарообразным предметом, что и проституткам в доме Дидло. Но писарь пребывал в бессознательном состоянии и ничего про нападавшего сообщить

не мог. Его жена (а поженились они буквально за несколько дней до покушения) показала сыщику письмо, полученное мужем утром, в котором того приглашали в полдень в одну из ресторацій возле Думы. Половые из этой ресторации, узнав писаря по описанию, назвали человека, с которым тот в полдень там встречался – 19-летний Яковлев. По месту проживания его не обнаружили, у любовницы тоже не застали, зато в её квартире во время обыска нашли золотые серьги и колечко, украденные в доме Дидло.

Самого Яковлева схватили в лесу за Нарвской заставой. Он признался в убийстве проституток и указал, где спрятаны остальные похищенные у них вещи. Про покушение на писаря он сообщил следующее:

> *«Зная, что он получил за женою порядочное приданое, заключавшееся… в золотых и серебряных вещах, я решил воспользоваться ими, рассчитывая в отсутствие хозяина убить его мать, жену и служанку, но чтобы успех задуманного предприятия был вернее, я намеревался убить сначала главу семейства, а потому… написал ему каракулями пригласительную записку, не подписав своего имени, чтобы со смертью его окончательно скрыть всякий след к преступлению»*{43}.

Заманив после сытного завтрака жертву к себе домой, Яковлев успел нанести ему несколько ударов кистенем. Но тут неожиданно пришла служившая у него в доме кухарка. Важная подробность – она вернулась с похорон отца Яковлева. Однако сыну было некогда провожать родителя в последний путь, у него на этот день были иные планы – убить приятеля и всю его семью. Увидев раненого, кухарка, не разобрав, в чем дело, помогла Яковлеву вытащить полумертвого писаря на улицу и усадить на извозчика. Сбросив умирающего у его дома, Яковлев побрел куда глаза глядят, опасаясь возвращаться домой.

Из-за несовершеннолетнего возраста Яковлев подлежал не уголовному, а совестному суду, но за нанесение удара смотрителю тюрьмы был заключен в крепость, где и умер. Писарь через несколько месяцев выздоровел.

Шерстобитов дослужился до коллежского асессора{44}. Император Николай I трижды награждал его орденами. Вместе с орденом Станислава 3-й степени[9] (за открытие убийц двух чухонок) Карп Леонтьевич получил право на потомственное дворянство{45}. Четвертый орден – Станислава 2-й степени – был пожалован Шерстобитову уже Александром II за расследование

убийства двух женщин, случившегося 5 февраля 1856 года в доме коллежского советника Геккера[46].

Помощником квартального надзирателя 2-го квартала 3-й Адмиралтейской части Шерстобитова с 1855 года служил будущий начальник Петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин[47]. Вот как описывает его тогдашние обязанности современник:

«В числе помощников Шерстобитова считался И.Д. Путилин, который подсаживался в тюрьмах к преступникам как таковой же, выпытывал от них всё, что требовалось, уходил и затем открывал преступления»[48]. Читатель, наверное, помнит, что и другой великий сыщик – Эжен Видок – тоже начинал свою карьеру «внутрикамерным» осведомителем.

Дело № 7. А.Ф. Кони «Сервиз посла»

О забавном приключении из их совместной с Шерстобитовым службы Иван Дмитриевич Путилин впоследствии рассказал знаменитому юристу А.Ф. Кони:

> *«Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов – человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается. Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе, да и говорит:*
>
> *“Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!” “Зачем, – говорю, – Сибирь?” – “А затем, – говорит, – что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал, и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял”. – “Что ж, – говорю, – Макаром загодя стращать, попробуем, может, и найдем”. Перебрали мы всех воров – нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: “Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять – не крали этого сервиза!” Что ты будешь делать?*

Рис. 12. Анатолий Федорович Кони, фотография 70-х годов XIX века

Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его сейчас в пожарную команду, сервиз-то… чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид, как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня

Шерстобитов. “Ну, – говорит, – Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь всенепременно”. – “Как, – говорю, – за что?” – “А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и сквернымi словами ругался. “Вы, – говорит, – с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите. Вчера на бале во дворце государь спрашивает Монтебелло: “Довольны ли вы моей полицией?” – “Очень, – отвечает, – ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза”.

“Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!” – “Ну, – говорю, – зачем Сибирь, а только дело скверное”. Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку, да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. “Ты, мил человек, когда именинник?” – “Через полгода”. – “А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощенье будет от нас?” Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал. В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним ворам чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. “Это, – говорим, – зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?” – “Не утерпел”, – говорит… На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: “Помилуйте, ваше

высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно". А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит, сервиз один, а прислуга вся с перепою зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк".

"Иван Дмитриевич, – сказал я, выслушав этот рассказ, – а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски…" – "Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, – отвечал он. – Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора – царство ему небесное! – лет двадцать как в живых уж нет"»[{49}].

На 1 января 1858 года коллежский асессор Шерстобитов ещё числился надзирателем 3-го квартала 3-й Адмиралтейской части[{50}]. Однако 28 июля 1858 года приказом № 165 обер-полицмейстера Шувалова в этой должности был утвержден И.Д. Путилин. Карп Леонтьевич отслужил в полиции ещё год (в каком квартале неизвестно) и подал в отставку по болезни 6 октября 1859 года. Прошение было удовлетворено. Шерстобитову была назначена пенсия.

Скончался Карп Леонтьевич 15 марта 1866 года и был похоронен на Митрофаньевском кладбище рядом с супругой Прасковьей Артамоновной[{51}]. А 31 декабря этого года была создана Сыскная полиция. Ученик Шерстобитова Иван Путилин был назначен её начальником.

На этом следовало бы закончить рассказ о Шерстобитове, если бы не три загадки…

Первая – та самая история с сервизом французского посла, которую записал со слов Путилина А.Ф. Кони. Роберт Очкур в книге «На секретной службе его величества. История сыскной полиции» (М.; СПб., 2019), проанализировав биографии обер-полицмейстера Галахова (1802–1863) и французского посла герцога де Монтебелло (1801–1874), пришел к выводу, что рассказ Путилина – сочиненная им от начала и до конца байка. Потому что Луи Наполеон Огюст Ланна, герцог Монтебелло, прибыл в Петербург только в 1858 году, когда Галахов был уже уволен с должности обер-полицмейстера (он покинул этот пост ещё в 1856 году). Возможно, что Р. Очкур прав. Однако (и

читатель в этом скоро убедится) Путилин в своих записках часто путает даты, имена жертв и преступников, их возраст и обстоятельства дела. И запросто мог перепутать французского посла с австрийским или с испанским (посольства Франции во время их совместной с Шерстобитовым службы в Петербурге не было из-за Крымской войны).

Вторая – в своих записках Путилин посвятил немало добрых слов ещё одному своему наставнику в сыскном деле Ф.Ф. Кельчевскому. Однако ни разу не упомянул К.Л. Шерстобитова. Почему? Какая кошка меж ними пробежала?

Третья. Историк В.Н. Никитин, известный исследователь тюремного быта царской России, в октябре 1863 года поступил на службу в канцелярию обер-полицмейстера. Вот фрагмент из его воспоминаний:

> *«В числе разных лиц часто являвшихся к правителю, особенно примелькнулся мне тучный, пожилой господин, одевавшийся в вице-мундир, во фрак, в сюртук, купцом и даже мужиком, а однажды он явился просто в отрепьях. Это меня понудило осведомиться, кто этот странный человек.*
>
> *– Главный сыщик Шерстобитов, – ответил Левицкий. – Он надворный советник, в дружбе со всеми ворами, шулерами и мошенниками, которым в обыкновенных случаях потворствует, а за это они ему открывают в чрезвычайных случаях преступления и даже выдают преступников. Проще, когда от мазуриков страдают заурядные люди, полиция плюёт на них, а когда беда постигнет высоких лиц, им возвратят вещи, чтобы доказать бдительность полиции. Шерстобитов имеет несколько ловких помощников, которые при надобности ездят не только по России, но даже за границу по сыскной части.*
>
> *И действительно я неоднократно потом писал секретные бумаги о командировках для открытия, например, подделывателей серебряных монет, в Сергачский уезд Нижегородской губернии к раскольникам – чиновника Безносова, а бумажек[10] – в Лондон офицера Юнге, причем они так успешно действовали, что оба сдружились с подделывателями, в качестве услужливых людей привезли их в Петербург с товаром для сбыта, а здесь – предали их. За это обоих щедро наградили деньгами и орденами Владимира 4 степени»*{52}.

В.Н. Никитин – мемуарист дотошный. И в отличие от И.Д.

Путилина, обладал прекрасной памятью. Оснований не доверять ему нет. И значит, Шерстобитов в конце 1863 года снова «был в строю» и даже получил следующий чин – надворного советника. Где он служил? В справочных книжках Петербургской полиции за этот период фамилии Шерстобитова нам найти не удалось. Выскажем предположение, что служил он в секретной части Министерства финансов – именно там занимались фальшивомонетчиками (а все дела, о которых упоминает Никитин, связаны с подделкой монет и казначейских билетов). В подтвержение этой версии, сообщим, что уже упомянутый Ф.Ф. Кельчевский в те же годы как раз перешёл из наружной полиции на службу в секретную часть Министерства финансов. Да и сам Карп Леонтьевич был в Минфине своим человеком – с 3 марта 1854 года по 29 апреля 1857 года с разрешения петербургского обер-полицмейстера он совмещал службу в наружной полиции с розысками контрабандистов в тамошней секретной экспедиции, за что получал ежегодное вознаграждение в размере 600 рублей серебром{53}.

Будь К.Л. Шерстобитов помоложе, с его талантом и авторитетом, первым начальником Сыскной стал бы не Путилин, а он. Однако судьба распорядилась иначе…

2. Создание петербургской сыскной полиции. Её штаты с 1867 по 1917 Г.

Этот раздел самый скучный в книге – здесь много цитат из документов, цифры, имена и фамилии, адреса. Но он необходим. Мы собрали здесь все доступные сведения о создании Сыскной полиции и о поставленных перед ней задачах. Таблицы о количественном составе Сыскной полиции и денежном содержании чиновников вынесены в приложение Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

2.1. Социально-экономические причины создания сыскной полиции

Крестьянская реформа 1861 года резко изменила быт, уклад жизни и социальную мобильность населения. Однако при её осуществлении не были предусмотрены меры по поддержке и адаптации крестьянства (особенно бывших дворовых людей), значительная часть которых после освобождения столкнулась с резким ухудшением своего экономического положения. Большинство крестьян было вынуждено податься на заработки в города, где их ожидала тяжелейшая ежедневная борьба за выживание, неквалифицированный ручной труд и нищенское существование. Оказавшись в городе, крестьяне постепенно утрачивали традиционную общинную культуру и мораль, которые удерживали их в деревнях от совершения преступлений.

> *«Социальный контроль ослабевает. Сила мнения и принуждения деревенской общины отсутствует. То, что прежде казалось недопустимым, может оказаться терпимым, желательным и даже обязательным. Обычное право, играющее в русской, особенно простонародной, жизни решающую роль, ставится под сомнение или отвергается. Супружеская верность, подчинение жены и детей мужу и отцу подвергается эрозии. Отсюда рост внебрачных сексуальных контактов, незаконнорожденные дети, подростковая преступность, запойное пьянство, безмотивные убийства»*[54].

В результате с 1857 по 1877 год количество ежегодно совершаемых преступлений в столице в пересчете на 100 тысяч населения выросло следующим образом: убийств стало больше почти в два раза, ограбления церквей – тоже почти в два раза, краж больше в 8 раз, поджогов – в 13 раз[55].

Из-за неблагоприятных социальных факторов довольно быстро сложился слой людей, сделавших преступления постоянным источником своего существования. Внутри этого слоя создавались преступные группы, возникали «преступные специализации», иногда довольно сложные, основанные на новейших достижениях техники (например, газовая резка металла). В общении между собой преступники-профессионалы употребляли особый жаргон – «блатную музыку». Для эффективной борьбы с ними было необходимо знать все особенности и приемы их деятельности, а это было возможно

лишь при выделении из общей полиции специализированных уголовно-розыскных органов.

Прежняя дореформенная полиция справиться с «новыми вызовами» уже не могла. Вот как описывал её известному писателю и журналисту Михаилу Викторовичу Шевлякову (1865–1913) Иван Дмитриевич Путилин:

> *«Нрав всякого полицейского прежних времен был необычайно крут. Точно нарочно, словно на подбор, полиция набиралась из людей грубых, деспотичных, жестоких и непременно тяжелых на руку. В квартале царил самосуд безапелляционный. От пристава до последнего будочника включительно всякий полицейский считал себя "властью" и на основании этого безнаказанно тяготел над обывательским затылком и карманом.*
>
> *На первых порах своей службы Путилин проявил было гуманное обращение с посетителями "полицейского дома", но своевременно был предупрежден начальством, внушительно заметившим ему:*
>
> *– Бей, ежели не хочешь быть битым!*
>
> *Новичок недоумевал, но, будучи в небольшом чине, протестовать не осмеливался.*
>
> *"Начальство" так мотивировало необходимость кулачной расправы:*
>
> *– Кулак – это вожжи. Распусти их – и лошади выйдут из повиновения. Отмени сегодня кулак – и завтра тебя будет бить первый встречный. Нас только потому и боятся, что мы можем всякому в любое время рыло на сторону свернуть, а не будь этой привилегии – в грош бы нас не стали ценить, тогда как теперь ценят целковыми…*
>
> *Последняя фраза имеет глубокий смысл. Действительно, в старину обыватели делали оценку полиции денежными знаками. Взяточничество было развито до крайних пределов. Взятки брались открыто, бесцеремонно и почти официально. Без "приношения" никто не смел появляться в квартале, зная заранее, что даром ему ничего не сделают. Относительно приношений предусмотрительные полицейские придерживались такого мнения:*
>
> *– Копи денежку на черный день. Служба шаткая, положение скверное, доверия никакого. Уволят, и – пропал, коли не будет сбережений. Ведь после полицейской службы никакой другой не найдешь, поэтому*

благовременно и следует запасаться тем, “чем люди живы бывают”…

В этом сказывается весь полицейский с неизбежным “черным днем”. Свою службу он не осмеливался называть беспорочной и поэтому никогда не рассчитывал на долгоденствие своего мундира. Он ежедневно ожидал увольнения, темным пятном ложившегося на всю его жизнь. У отставного полицейского уже не могло быть никакой служебной перспективы. Для него все потеряно; ему не поручат никакой должности, не дадут никакого заработка, инстинктивно опасаясь его. И не потому всюду отказывались от услуг отставного полисмена, чтобы хоть поздно, но отплатить ему за все, что претерпевалось от него, а потому, что все трепетали пред его “опытом”, пред его “крючкотворством”. Всякий рассуждал так:

– От такого “искусившегося” человека можно ожидать всего.

Вот какова была репутация всего состава дореформенной полиции, о которой, слава Богу, остались лишь только смутные воспоминания»[56].

Катализатором реформы столичной полиции стал выстрел Дмитрия Каракозова, прозвучавший 17 апреля 1866 года у ограды Летнего сада. Император сразу же вызвал в столицу генерал-полицмейстера Царства Польского Федора Федоровича Трепова (1809 или 1812 – 1889). Жесткий администратор, Трепов в начале 60-х годов сумел наладить эффективную работу полиции в самой «горячей точке».

Рис. 13. Санкт-Петербургский обер-полицмейстер с 1866 по 1873 год и градоначальник с 1873 по 1878 год Ф.Ф. Трепов

Указом 4 мая 1866 года для большей самостоятельности полицейского управления в городе Санкт-Петербурге и для упрощения порядка производства дел было решено:

– упразднить должность военного генерал-губернатора;

– обер-полицмейстеру предоставить заведование всеми делами полицейского управления с подчинением по делам охранения общественной безопасности III Отделению СЕВК, а по делам полиции исполнительной – МВД.

В октябре император утверждает представленный Треповым проект преобразования полиции. Его суть:

1) более правильное и соразмерное разделение столицы в полицейском отношении. Вместо 53 кварталов город был поделен на 38 участков, каждый из которых возглавлял участковый пристав, которому полагался помощник (заместитель) и письмоводитель. Каждый участок был поделен на два (или более) околотка. В каждом околотке в штате состояли два околоточных надзирателя: один контролировал службу городовых, санитарное состояние улиц и т. д.; второй занимался внутренним надзором за народонаселением (регистрация, негласный надзор, содействие Сыскной полиции). Околоточные надзиратели, находясь в этой должности, пользовались правами XIV класса, даже если не имели классного чина;

2) упразднение излишних инстанций, сокращение и упрощение делопроизводства;

3) точное определение круга деятельности каждого полицейского;

4) предварительное приготовление к полицейской службе и строгая разборчивость при определении на должности;

5) обеспечение служащих достаточным содержанием;

6) образование новых специальных частей полицейского управления:

– Полицейского резерва (школа, в которой готовили городовых и околоточных надзирателей), создан в 1866 году;

– речной полиции – начала свою деятельность в 1867 году;

– пригородной полиции – в 1871 году;

– Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице (позднее именовалось Охранным отделением) {57} – создано в 1866 году, подробнее о нём в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден;

– Сыскного отделения.

Обосновывая необходимость создания Сыскного отделения, Ф.Ф. Трепов писал:

> *«Существенный пробел в учреждении столичной полиции до 1866 года составляло отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений. Обязанности эти лежали на чинах наружной полиции, которая, неся всю тяжесть полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отношении. Для устранения этого недостатка и учреждена Сыскная полиция»* {58}.

И хотя приказ обер-полицмейстера № 266 о создании

Сыскной полиции датирован 31 декабря 1866 года[59], свою деятельность она начала в октябре того же года.

2.2. Задачи сыскной полиции, штат, персоналии и денежное содержание чиновников при её создании

Задачи Сыскного отделения заключались:

«1) в розыске:

а) лиц, совершивших преступления или такие действия, кои влекут виновного к суду и наказанию уголовному;

б) скрывающихся от исполнения принятых на себя обязательств и от последствий решений судебных и административных органов и лиц;

в) бежавших или пропавших без вести;

г) проживающих без видов [паспортов] или под вымышленными именами и с фальшивыми видами;

д) незаконно проживающих в столице под разными предлогами евреев;

е) хозяев найденных или отобранных от воров вещей;

ж) родителей подкинутых младенцев и заблудившихся детей;

2) в собрании сведений о лицах, занимающихся различного рода противозаконными промыслами, служащими к подрыву интересов казны и частных лиц; а также занимающихся шулерством, обманом, мошенничеством и прикрывающих свои действия формами и в обнаружении преступных их действий;

3) в собрании ближайших сведений обо всех лицах, которые предосудительным образом жизни или сомнительными средствами к существованию навлекают на себя подозрение;

4) в розыске похищенной у разных лиц собственности;

5) в дознании причин самоубийства, скоропостижной смерти и

6) в принятии мер к предупреждению преступлений и проступков.

Сии последние меры заключались:

а) в наблюдении за преступниками, которые по окончании сроков заключения выпущены на свободу;

б) в производстве дознаний по доносам, заявлениям и анонимным извещениям о замышляемом преступлении;

в) в посещении мест, куда обычно собираются люди

скомпрометированные или сомнительной честности, для наблюдения за их действиями;

г) в посещении публичных мест и присутствии на пожарах, церковных процессиях, народных гуляньях и вообще в местах стечения многочисленной публики за надзором за поведением в этих местах людей подозрительных и предупреждения со стороны их преступления»[60].

Штат и годовое содержание на 1867 год – см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

Укомплектовывался штат постепенно, «пополнение личного её [сыскной полиции] состава, и по новизне, и по самому свойству дела, соединено было с немаловажными затруднениями, так как подготовленных и практически сведущих сыщиков не было. Их нужно было изыскивать, и испытывать, и, приручая мало-помалу к делу, так сказать, воспитывать вновь»[61].

Список первых чиновников Сыскной полиции:

Начальник – титулярный советник Иван Дмитриевич Путилин, проживал в здании Адмиралтейской части на Большой Морской, д. 24 (подробнее об этом здании см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

Чиновник для поручений – коллежский регистратор Александр Александрович Блок, фамилии остальных трех чиновников неизвестны (или эти должности оставались вакантными).

Делопроизводитель – коллежский советник Адольф Карлович Зундштрем.

Его помощники: старший – коллежский асессор Василий Петрович Бочаров (впоследствии санкт-петербургский участковый мировой судья), младший – коллежский регистратор Николай Иванович Порай-Кошиц.

Журналист (в его обязанности входило составление журнала обо всех происшествиях, всеподданейших об них записок и ежедневных рапортов о состоянии столицы) – Тимофей Адамович Тиршацкий-Виттен.

Обер-полицмейстером к Сыскной полиции были прикомандированы:

– подпоручик Степан Петрович Гиргас;

– титулярный советник Иван Иванович Соловьев[62].

Кроме начальника, 4 чиновников для поручений и 12 надзирателей, розыски по уголовным делам осуществляли «вольнонаемные сыщики, число которых, простираясь

обыкновенно до 20 человек, уменьшается или увеличивается по мере надобности. Они в обыкновенных случаях действуют в указанной каждому из них местности города, а в случаях чрезвычайных сосредотачиваются в нужном числе в одном месте и командируются даже за город, действуют по плану, составляемому начальником Сыскной Полиции и под непосредственным его руководством»[{63}]. На оплату вольнонаемных сыщиков (так называемых агентов) выделялось 8 тысяч рублей в год. На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов (их предусматривалось шесть[{64}]) выделялось 2200 рублей в год.

Понятно, что такое небольшое количество сыщиков (даже с учетом вольнонаемных агентов) не могло раскрыть все совершавшиеся в городе преступления, поэтому в приказе обер-полицмейстера № 266 от 31 декабря 1866 года[{65}] отмечалось, что Сыскная полиция создается для производства розысков по **важнейшим преступлениям** и изысканию общих мер к предупреждению и пресечению преступлений.

Чины Сыскной полиции приступили к работе буквально сразу – уже 1 и 2 января ими были задержаны: 1) проживающий в Петербурге по фальшивому виду бежавший из арестантских рот мещанин Михайло Карпов; 2) арестант, бежавший из полицейского дома Московской части; 3) три человека с шестью корзинами краденой рыбы, из коих один оказался без паспорта; 4) отыскана и задержана крестьянка, которая 31 декабря 1866 года похитила у чиновника Харачкова лисий салоп и серебряные вещи (всего на сумму 500 рублей)[{66}].

За первый год деятельности Сыскной полиции было проведено 719 розысков, с успехом закончено 307, в том числе раскрыто 6 убийств, 4 грабежа, 72 кражи, 2 случая контрабанды. Задержано 15 убийц и их соучастников, 95 воров, 18 фальшивомонетчиков, 206 других преступников,13 беглых арестантов, 682 бродяги, предотвращены 2 убийства и 10 краж[{67}].

Дело № 8. Важнейшие дела, раскрытые сыскной полицией в 1867 году

25 января между 2 и 4 часами пополудни во втором участке Петербургской части в доме Асафьевой[11] была разграблена квартира акушера Штольца и зарезан столовым ножом его лакей кронштадтский мещанин Иван Суслов. Хозяйка квартиры незадолго до совершения убийства слышала за стенкой, смежной с Штольцем, разговор Суслова с кем-то о кушетке. На основании

этих сведений Сыскная полиция предположила, что преступление совершено мебельщиком или обойщиком. Подозрение укрепилось, когда было дознано, что за несколько дней в квартиру Штольца приходил обойщик Иван Петрович Балабанов с изготовленной по заказу акушера подушкой. Однако попытка разыскать Балабанова успехом не увенчалась – выяснилось, что после убийства Суслова он срочно уехал на родину в Ярославскую губернию. Туда отправили чиновника для поручений Александра Блока, который за четыре дня разыскал не только Балабанова, но и украденные им в квартире Штольца вещи, часть которых Балабанов уже успел распродать{68}. За успешное раскрытие данного преступления Путилин был награжден орденом св. Анны 2-й степени, а Блок – орденом св. Анны 3-й степени{69}.

Два расследования, которые параллельно вела Сыскная полиция весной 1867 года, в итоге соединились в одно:

24 марта на дачу Германа по Безбородкину проспекту[12] в 1-й Выборгской части явился неизвестный и за отсутствием дворника обратился к его жене Пелагее Григорьевне Денисовой с просьбой показать дом, мол, хочет снять его на лето. В одной из дальних комнат посетитель повалил 76-летнюю женщину на пол, связал ей руки, заткнул платком рот, а потом привязал к скамейке. Вернувшись в дворницкую, неизвестный, вырвав пробой[13] от сундука, выдвинутого им из-под кровати, похитил из него сберегательную книжку на 250 рублей, наличные на сумму 257 рублей и кое-какие вещи, в том числе шелковый платок.

11 апреля в 9 часов утра в доме на углу Малой Болотной улицы Охтенского проспекта[14] была «усмотрена задушенной в своей квартире дочь прапорщика девица Елизавета Ефимовна Курзина. Деньги и вещи были разграблены из квартиры»{70}. Единственной зацепкой к раскрытию этого преступления была записка, найденная сыщиками на месте преступления: «На Выборгской стороне близ Самсонья, дом № 21, спросить Ивана Петрова, квартира № 27». Однако дознание по его личности к результатам не привело. И тогда агенты Сыскной как в черте города, так и за заставами начали собирать образцы почерка всех подозрительных лиц, сличая их с запиской. 17 мая 1867 года был обнаружен и задержан некто Григорий Иванович Долгополов. Вместе с ним были задержаны два его товарища: Богданов и Григорьев. Последний показал на допросе, что его приятели в понедельник Страстной недели (10 апреля 1867 года), уйдя со двора, вернулись с деньгами и хвастались, что разжились ими в достатке.

«Долгополов и Богданов доведены были до необходимости

сознаться»[71] в убийстве Курзиной, а также выдали организатора – содержателя питейного заведения Федора Петровича Синицина. Более того, они признались, что Синицин уже неоднократно подговаривал их на подобные преступления и в момент задержания они как раз шли на очередное убийство по его указанию. Также они рассказали, что Синицин хвастался самолично совершенным им грабежом на даче Германа. Синицина задержали. Дворничиха Денисова опознала в нем злоумышленника, напавшего на неё. Однако Синицин сознаваться не собирался. Его изобличил шелковый платок Денисовых, найденный у него в доме.

Ещё одно дело, раскрытое в том же 1867 году, прославило Путилина и «новорожденную» Петербургскую сыскную на всю страну:

27 марта 1867 года в Петербурге были арестованы трое сбытчиков фальшивых кредитных билетов Манучаров, Торосянц и Галач. Фальшивки у них изъяли различных номиналов (кредитные билеты достоинством 1 рубль, 3, 5,10 и 25 рублей, казначейские билеты достоинством 100 и 500 рублей). Рисунки на подделках были выполнены так искусно, что выявить фальшивку можно было лишь по качеству бумаги. Задержанные назвали оптовиков – супругов Осиповых, у которых они в Москве приобрели для сбыта фальшивые кредитки. Сотрудники петербургской сыскной части выехали в Москву и задержали там Осиповых, от которых ниточка потянулась в Ярославскую губернию, в село Гуслицы, где были задержаны уже изготовители подделок Ефим Петров и братья Пуговкины. Вскрылись масштабы их деятельности – оказалось, что они напечатали «продукции» почти на полмиллиона рублей.

А вот групповое убийство в Гусевом переулке, случившееся в ночь с 3 на 4 июня 1867 года, Петербургской сыскной полиции удалось раскрыть только через год.

Дело № 9. Убийство в Гусевом переулке

Рано утром 4 июня 1867 года в доме № 3 (в «мемуарах»[72] И.Д. Путилина ошибочно указан другой номер дома, а именно дом № 2) по Гусеву переулку в квартире на нижнем этаже были найдены смертельно раненный гимназист Сережа Петров[15] и три трупа: отставного майора Ашмаренкова[16], его сожительницы Екатерины Григорьевой и их прислуги Аграфены Бабаевой. Орудия преступления – гладильные утюги – сыщики обнаружили в гостиной. Убийства явно совершили ради грабежа – ящики столов и комодов были выдвинуты и перерыты, а столовое

серебро, золотые иностранные монеты, ордена и трое золотых часов – похищены. Дверь в квартиру оказалась запертой изнутри. Как убийца (или убийцы) попали в квартиру и как из неё выбрались, представлялось загадкой.

Подозрения сыщиков пали на дворника Якима Федорова[17], проживавшую вместе с ним вдову предыдущего дворника Анну Карловну Андрееву и прачку Марию Архиповну Корнееву[18].

Вину Федорова и Андреевой, по мнению Сыскной, подтверждало найденное в дворницкой пальто убитой Григорьевой, запачканное кровью. Их объяснения, что-де нашли его в чулане уже после убийства и решили припрятать, показалось следствию неубедительным. Вину же Корнеевой «доказывали» башмаки, найденные в квартире Ашмаренкова, – сыщики пришли к заключению, что они принадлежат ей.

Подозреваемых задержали, в их жилье провели обыски, но похищенных вещей у них не нашли. В убийствах в Гусевом переулке никто из них не сознался.

Далее в своем рассказе «Убийство в Гусевом переулке»{73} Путилин пишет, что суд за неимением улик оправдал Остапова и Агафона с Анфисой (то бишь Федорова, Андрееву и Корнееву). И лишь после этого агентам Сыскной удалось напасть на след и изобличить убийцу – Дарью Соколову. На самом деле Федоров, Андреева и Корнеева, проведя полтора года в предварительном заключении, и оказались на скамье подсудимых вместе с ней.

Путилин в мемуарах уверяет, что это дело не давало ему покоя, что он поклялся найти убийцу, сие, мол, и привело к обнаружению и задержанию Дарьи Соколовой. Ниточку, ведущую к ней, раздобыл его агент Юдзелевич, который якобы подслушал в трактире разговор о сказочно разбогатевшей в Питере крестьянке-кормилице, подарившей мужу по возвращении в деревню золотые часы. На самом деле Соколова была раскрыта случайно, а не путем оперативно-следственных мероприятий. И если путаницу с фамилиями можно объяснить забывчивостью – все-таки за плечами Ивана Дмитриевича тысячи раскрытых дел, вспомнить через два десятка лет (когда писались мемуары) фамилии жертв и обвиняемых ему было сложно – с изобличением Соколовой Путилин явно лукавит, пытаясь замолчать собственную недоработку – в день убийства сыщиками не был вскрыт в кухне так называемый «жаровой канал». И только в марте 1868 года, когда родственникам Григорьевой разрешили забрать из квартиры её вещи, в жаровом канале были найдены «полотенце с кровавыми пятнами и верхняя часть женской рубашки с брызгами крови. Розыском полиции было дознано, что рубашка эта принадлежит жене временно-отпускного рядового

Дарье Соколовой»{74}.

Соколова служила у Ашмаренкова горничной в 1856–1857 годах, но была вынуждена покинуть место из-за болезни отца{75}. В 1861 году она вышла замуж за Якова Соколова. А когда тот в 1865 году поступил на воинскую службу, Дарья вернулась в столицу и поступила кормилицей к полковнику Гомзину{76}. Через восемь месяцев она вернулась в деревню, однако периодически приезжала в Петербург для продажи масла и холста. Обычно она останавливалась у Гомзина, однако иногда просилась на ночевку в квартиру Ашмаренкова.

В деревню Пальцово[19] Устюжского уезда Новгородской губернии, где проживала Дарья Соколова, был откомандирован чиновник Сыскной полиции Василий Михайлович Орлов{77}. В её избе был произведен обыск и в подполе под печкой найдена коробка с драгоценностями, украденными из квартиры Ашмаренкова. Дарья Соколова чистосердечно призналась в убийствах сперва Орлову, затем, когда её привезли в Петербург, Путилину{78}, а потом судебному следователю в присутствии свидетелей. Объяснила она и загадки, которые мучили сыщиков: в квартиру она вошла незамеченной дворником Федоровым, потому что в тот момент он отсутствовал на посту (вечная проблема в Петербурге, газета «Ведомости С.-Петербургской городской полиции» буквально в каждом номере публиковала приказы обер-полицмейстера о наказании дворников и домовладельцев за подобное нарушение), а выбралась оттуда через окно. Пальто Екатерины Григорьевой, ставшее причиной злоключений Федорова и Андреевой, Соколова хотела похитить, надела его на себя, но потом, побоявшись, что оно её выдаст, сняла и кинула в чулан.

После признательных показаний Соколовой «следствие разделилось на две части, одни, а именно судебный следователь, отказались от первоначальной мысли, что убийство совершено несколькими лицами; но прокурорский надзор и судебная палата предали суду четырех человек, следовательно, не согласились с этим мнением»{79}. 22–23 января 1869 года Окружной суд рассмотрел обвинение в убийстве четырех человек, выдвинутое против Дарьи Соколовой, Якима Федорова Анны Андреевой и Марии Корнеевой. Наличие других обвиняемых подвигло Соколову отказаться от признаний, на процессе она пыталась свалить вину на Федорова. Она не отрицала, что в ночь убийства ночевала у Ашмаренкова, однако уверяла, что проснулась, услышав крики жертв, и от испуга спряталась под кровать Сережи Петрова. И якобы по голосу смогла опознать убийцу – дворника Федорова. А когда тот ушел, стащила драгоценности, которые тот

не забрал{80}.

Присяжные удалились на совещание в полпятого утра и вынесли решение через два с половиной часа. НИКОГО из обвиняемых, включая Соколову, они не признали виновным в убийстве майора Ашмаренкова, мещанки Григорьевой, крестьянки Бабаевой и гимназиста Петрова. Федоров, Андреева и Корнеева были немедленно освобождены. А вот Соколова была признана виновной в том, «что, находясь в квартире Ашмаренкова во время совершения убийства, не принимая никакого непосредственного участия в совершении преступления, которого была свидетельницей, взяла и присвоила себе находившиеся в квартире и принадлежащие убитым вещи»{81}.

В 8 утра суд удалился для постановления, и через пятнадцать минут Председательствующий произнес приговор: лишить Дарью Соколову всех прав состояния и сослать в каторжные работы на заводах на 12 лет. А по окончании этого срока поселить её в Сибири навсегда{82}.

Мы не случайно столь подробно рассказали о деятельности и составе Сыскного отделения в первый год его существования. Увы, но в научных, научно-популярных изданиях и, соответственно, на просторах Интернета попадаются другие даты создания Санкт-Петербургской сыскной полиции. Также разнятся данные о её численном составе.

Так, известный журналист Анджей Иконников-Галицкий считает, что «в 1868 году при градоначальнике Петербурга было сформировано отделение Сыскной полиции»{83}. Ссылку на источник автор не даёт. Напомним читателям, что в 1868 году в Петербурге градоначальника ещё не было, его функции исполнял обер-полицмейстер. Градоначальником Ф.Ф. Трепов стал только 30 марта 1873 года.

С переименованием Ф.Ф. Трепова из обер-полицмейстера в градоначальники, вероятно, связана ошибка с датировкой создания Сыскной – 1873 год – у И.Ф. Крылова с А.И. Бастрыкиным{84}. Дело в том, что в публиковавшихся с 1874 года «Справочных книжках С.-Петербургского градоначальства и городской полиции» указывалось, что начальник Сыскной полиции И.Д. Путилин состоит в должности с 31 марта 1873 года (Сыскное отделение тогда тоже переименовали и оно стало называться «Сыскным отделением Канцелярии Градоначальства»; соответственно, изменилась и должность). Данная запись могла ввести многоуважаемых исследователей в заблуждение. Хотя ранее, до переименования, в этих справочниках указывалась верная дата – так, в «Справочной книжке С.-Петербургского полицейского управления. Май 1870 года» указано, что

начальник Сыскной полиции надворный советник И.Д. Путилин состоит в должности с 31 декабря 1866 года{85}.

Авторы считают, что дискуссия о дате создания Санкт-Петербургской сыскной полиции должна быть завершена. Нет никаких причин не доверять ни уже цитировавшимся приказам Ф.Ф. Трепова, ни черновику его февральского 1867 года письма графу Шувалову, хранящемуся в ЦГИА СПб, в котором обер-полицмейстер сообщает о завершении расследования по делу Суслова: *«При настоящем случае обязанным себя считаю засвидетельствовать пред Вашим Сиятельством о полном успехе деятельности Сыскной Полиции, начавшей официальное свое существование с 1 января сего года, но занимавшейся уже производством розысков в составе одного начальника и двух чиновников с октября прошлого года»*{86}, ни Всеподданнейшим отчетам за 1867–1873 годы, где докладывается о работе столичной Сыскной полиции, ни «Памятным/Справочным книжкам петербургского управления обер-полицмейстера», ни «Ведомостям С.-Петербургской городской полиции».

Удивляют и разногласия по количеству сотрудников Сыскной полиции.

Так, В.А. Кудин пишет, что «первоначально штат Петербургского Сыскного отделения был небольшим: начальник отделения, **его помощник**, четыре чиновника для поручений, 12 полицейских надзирателей, **девять** писцов и четыре служителя{87}». Источник этих сведений – докладная записка № 39743 от 28.01.1914{88} тогдашнего начальника Сыскной В.Г. Филиппова. Увы, но Владимир Гаврилович (а вслед за ним и В.А. Кудин) ошиблись – помощник у начальника Сыскной появился только через десять лет – в 1877 году, писцов в 1867 году было шестеро{89}, и в штате они никогда не состояли. Их количество вряд ли могло увеличиться до 1877 года, когда, согласно штатам 1876 года, была увеличена сумма на их наем. А служителей (по-видимому, к ним В.Г. Филиппов отнёс классных чинов, занимавшихся канцелярской работой: делопроизводителя, его помощников и журналиста) было пятеро.

А по мнению А.О. Лядова, надзирателей было не двенадцать, а двадцать, и у начальника Сыскной сразу имелся помощник{90}.

И почти все исследователи (кроме А.Ю. Шаламова), почему-то дружно забывают про вольнонаемных агентов, без которых провести 719 розысков за первый год (а за последующие – гораздо больше) чиновники Сыскной полиции, безусловно, не смогли бы. Существование агентов (если кто-то в этом сомневается) подтверждается их списком на 21 февраля 1913 года, когда все они были награждены медалью в память 300-летия Царствования

Дома Романовых[91].

2.3. Изменения штатов петербургской сыскной полиции

1873 год

Первое изменение штата Сыскной полиции случилось **в 1873 году**[92] (в связи с созданием градоначальства) и было формальным – если раньше квартирные деньги распределял обер-полицмейстер (ему выделялась сумма 14 200 рублей на чиновников всех подведомственных ему Управлений и Канцелярий), то теперь каждый служащий, в том числе и полицейские надзиратели, получали фиксированную сумму на аренду жилья. Количество сотрудников в Сыскной не увеличилось.

1876 год

Более существенные изменения произошли к десятилетию Сыскной полиции 30 декабря 1876 года. Ввели в действие новые штаты **с 1 января 1877 года**[93]:

– у начальника Сыскной появился помощник (заместитель) с ежегодным жалованьем 1 тысяча рублей (как и у чиновников для поручений), квартирных ему полагалось 500 рублей в год и столько же разъездных;

– надзирателей вместо 12 стало 20, жалованье их выросло с 450 рублей до 600 рублей у каждого;

– увеличились квартирные у чиновников Сыскной полиции;

– возросла сумма на канцелярские расходы до 3800 рублей в год;

– значительно увеличилась сумма на расходы по розыскам – до 20 тысяч рублей, что позволило увеличить число вольнонаемных агентов до 25 человек, писцов – с 6 до 9, а также нанять четырех сторожей.

Кстати, жалованье было не единственным источником поступления доходов у чинов и агентов Сыскной полиции. За успешные расследования их обычно поощряли – как начальство (см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден и Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден), так и частные лица: «Санкт-Петербургский мещанин Александр Круглов представил начальнику Сыскной полиции четыреста рублей для выдачи их

чинам Сыскной полиции, принимавшим участие в розыске похищенных у него денег до 4000 рублей. Градоначальник разрешил выдачу означенных денег: чиновнику для поручений Жеребцову[20] – 220 рублей, полицейским надзирателям Тарасову – 60 рублей, Стрельникову и Петровскому II[21] – по 40 рублей каждому и агенту Бережицкому – 40 рублей»{94}.

Кроме разовых поощрений, были и постоянные. Так, В.Г. Филиппов, «кроме штатного содержания, получал от градоначальства тысячу рублей к Рождеству, пятьсот – к Пасхе, пятьсот – "летних" (по всей видимости, на съем дачи для семьи), а кроме того, от акцизного ведомства ежегодно по четыреста рублей в год за "особые труды по обнаружению разного рода злоупотреблений по казенной продаже питией"{95}».

А Иван Дмитриевич Путилин с 1 апреля 1879 года получал, кроме жалованья, так называемые «аренды»[22]. Император Александр II пожаловал её Путилину в размере 1500 рублей в год сроком на 12 лет. В 1891 году следующий император Александр III продлил эти выплаты ещё на три года (Путилин к тому моменту уже был в отставке). После кончины Ивана Дмитриевича «аренду» получала его вдова Ольга Семеновна – в 1894 году Александр III, а в 1897 году Николай II продлевали ей эти выплаты (правда, Николай Александрович уменьшил их на 300 рублей). Весной 1900 года Ольга Семеновна умерла, и «аренды» Путилиным сами собой прекратились{96}.

1887 год

Численность населения Петербурга во второй половине XIX века быстро увеличивалась. К 1885 году она составила 958 тысяч человек (для сравнения: в 1863 году она равнялась 539,5 тысяч человек). В связи с этим выросло число преступлений и, соответственно, количество дел, расследуемых Сыскной полицией. Так, в 1882 году СПбСП практически тем же составом, что и в 1867 году, провела 1950 розысков – в три раза больше, чем пятнадцать лет назад. В связи с этим была создана комиссия, которая должна была обследовать деятельность и составить новое штатное расписание Сыскной полиции.

Главным недостатком в работе СПбСП комиссия признала ведение розысков только по наиболее важным преступлениям. Остальные правонарушения Сыскная полиция лишь регистрировала, «спихивая» их расследование на наружную полицию. Другим недостатком была признано наличие в штате вольнонаемных сыщиков, содержание которых уступало

содержанию штатных сотрудников. В связи с этим, по мнению комиссии, подобрать на эти должности людей честных и опытных было невозможно[97]. 18 ноября 1884 года комиссией был представлен проект, по которому в составе Сыскной полиции должно было трудиться 160 полицейских надзирателей! Но из-за больших финансовых затрат проект отклонили. А новый штат был утвержден только **12 мая 1887 года**[98] и оказался гораздо скромнее, чем был предложен комиссией:

Самые важные изменения:

– впервые за 20 лет увеличилось содержание начальника Сыскной (если учитывать столовые и разъездные, то на 1000 рублей);

– увеличилось количество полицейских надзирателей – до 120, им были присвоены разряды – первый, второй и третий. А вот их содержание (если учитывать сумму на наем помещения) возросло только у надзирателей 1 разряда (было 730, стало 800). У надзирателей 2 и 3 разрядов оно уменьшилось.

Важно отметить, что фактически служили в Сыскной полиции только 50 полицейских надзирателей, остальных сразу же откомандировали в распоряжение Охранного отделения;

– а вот чиновники Сыскной полиции стали получать на руки меньше. Если раньше каждый получал в год 2630 рублей (с учетом столовых и разъездных), то с 1887 года двое стали получать по 2000 рублей, а двое и вовсе по 1500 рублей. Однако было оговорено, что те чины, которые получали содержание, превышающее оклады, установленные настоящим штатом, вплоть до перевода на другие должности сохраняют прежние оклады.

Возросла сумма на канцелярские расходы – до 7 тысяч рублей, а вот сумма на вольнонаемных агентов была уменьшена с 20 тысяч до 15.

1904 год

В 1903 году при СПбСП была учреждена дежурная часть. Ежедневно для дежурства назначались: чиновник, старший полицейский надзиратель и два младших полицейских надзирателя или агента. Чиновник дежурил с 10 утра до 11 вечера, остальные – круглосуточно. О выдающихся преступлениях немедленно докладывалось начальнику, а в его отсутствие – помощнику[99].

В том же 1903 году началась разработка нового штата. Со времени утверждения предыдущего прошло 16 лет, население с тех пор увеличилось с миллиона жителей до полутора.

Существенно выросла нагрузка и на Сыскную полицию – в 1903 году было произведено 5250 дознаний, задержано 57057 человек. Канцелярия навела 107838 справок о судимостях, в антропометрическом бюро сделали измерения 3584 человек, задержанных впервые, и 12245 рецидивистов, при этом выявили 179 человек, скрывавших свою личность{100}. Представленный на утверждение проект опять предусматривал масштабное увеличение числа сотрудников Сыскной полиции, особенно надзирателей – с 50 до 100 человек. Однако предложения натолкнулись на возражение министра финансов С.Ю. Витте. В результате проект был урезан – количество надзирателей увеличилось всего лишь на 25 человек (все третьего разряда), в штате появился пятый чиновник (с общим годовым содержанием в 1500 рублей) и фельдшер (420 рублей), на 200 рублей было увеличено содержание начальника Сыскной полиции, на пятьсот – его помощника и тех чиновников, которые получали жалованье в 2 тысячи рублей; вместо должности второго журналиста имевшемуся увеличили жалованье на 220 рублей, повысилось содержание надзирателей (первого разряда – на 100 рублей, второго разряда – на 20 рублей){101}. На разъезды надзирателям было выделено 7 тысяч рублей, на наем фотографа – 1000 рублей в год. Также была увеличена сумма на канцелярские расходы – на три тысячи рублей.

1916 год

В годы первой русской революции в Петербурге резко возросло количество совершаемых преступлений. Если в 1904 году их было зарегистрировано 10 783, то в 1906 году – 14 903{102}, а к 1912 году увеличилось уже вдвое{103}. Схожая картина была и в других частях Российской империи. По этой причине в 1906 году была начата подготовка общей полицейской реформы, для чего было образовано Особое совещание под председательством товарища министра внутренних дел А.А. Макарова{104}. Однако работа шла крайне медленно. И до начала Первой мировой войны реформу полиции провести не успели – проект был передан в 1913 году в Государственную думу, где так и не был рассмотрен. В результате к 1916 году из-за роста преступности и стоимости жизни ситуация обострилась настолько, что, по выражению одного из чиновников, «полиция могла просто разбежаться»{105}. Чтобы этого не произошло, 23 октября 1916 года по высочайшему повелению был принят закон «Об усилении полиции в 50 губерниях и об улучшении

служебного и материального положения полицейских чинов».

По закону от 23 октября 1916 года были утверждены новые штаты Петроградской сыскной полиции{106}.

Количество чиновников для поручений и помощников делопроизводителей должно было увеличиться вдвое, надзирателей – на треть. У всех классных чинов должно было вырасти денежное содержание. Штаты вводились с января 1917 года. Однако в марте того года Сыскная полиция была ликвидирована.

3. Адреса сыскной полиции

3.1. Большая морская, дом 24

После упразднения должности военного генерал-губернатора занимаемое им здание (нынешняя Большая Морская улица, д. 38, тогда дом имел номер 40, сейчас на этом месте здание Союза художников) стало резиденцией обер-полицмейстера, а здание, которое он занимал ранее (тогда Большая Морская улица, д. 24, теперь дом 22), передали Адмиралтейской полицейской части.

Но не полностью: согласно «Справочнику С.-Петербургского градоначальства и городской полиции, июль 1874 года» в здании также размещались:

– помощник градоначальника – председатель Совещательного присутствия генерал-майор А.А. Козлов;

– чиновник по особым поручениям при градоначальнике майор Э.А. Зейдлиц;

– заведующий типографией градоначальства (и сама типография) губернский секретарь П.Н. Кирилов{107};

– и Сыскное отделение.

Участок на Большой Морской, 24, был приобретен для петербургского обер-полицмейстера ещё в 1784 году. В начале XIX века размером 13,3 сажени по улице и 29,5 саженей в глубину квартала было выстроено двухэтажное каменное здание с высокой крышей. Сохранился его фиксационный чертеж, выполненный архитектором А.А. Михайловым в 1809 году{108}.

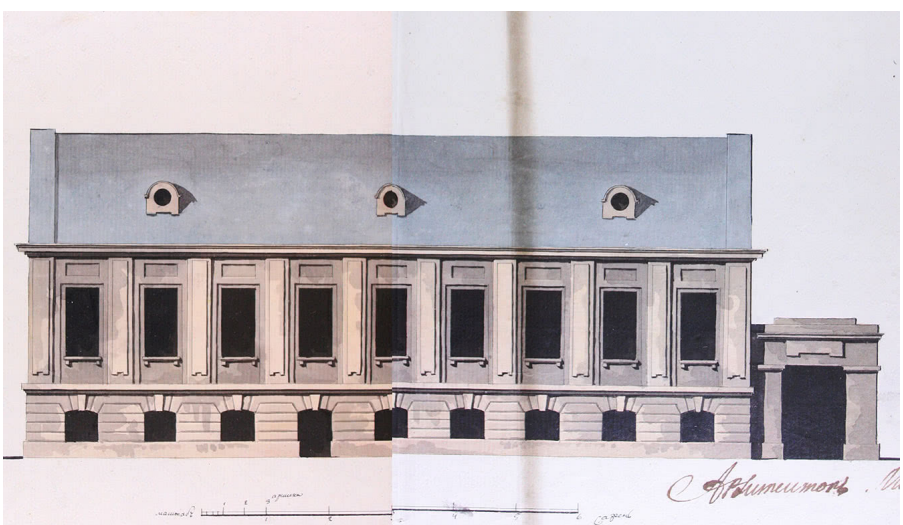


Рис. 14. Фасад дома Санкт-Петербургского обер-полицмейстера. Фиксационный чертеж 1809 года{109}

В 1844–1847 годах академик и профессор архитектуры Николай Ефимович Ефимов кардинально перестроил дом обер-полицмейстера, сделав его четырехэтажным. Фасад здания он выполнил в стиле «эклектика», использовав элементы Раннего Ренессанса. Над левым надворным флигелем здания возвышалась восьмигранная пожарная каланча с будкой для часовых и металлической мачтой, снабженной сигнальным коромыслом. На первом этаже размещались типография, общие арестантские помещения, конюшни; на втором – помещения для благородных и секретных арестантов, казармы для пожарных нижних чинов, комната для караульных, трехкомнатная квартира одного из столоначальников и канцелярия обер-полицмейстера. Служивший в канцелярии с октября 1863 года Виктор Никитич Никитин писал в мемуарах, что в ней *«занимались человек 50–60 в вице-мундирах, полукафтанах, полицейской и военной формах, а также в штатском платье»*{110}. На третьем этаже находился кабинет обер-полицмейстера и его приемная. «В огромной приемной прохаживались человек 30–40 старых, пожилых и молодых мужчин и женщин от генералов до крестьян и от барынь до крестьянок включительно»{111}. Также на третьем этаже располагались помещения для просителей, для дежурного офицера и дежурного брандмейстера, уборная и камердинерская обер-полицмейстера, казарма для сторожей, конвойных и рассыльных. На четвертом этаже находились семейные апартаменты обер-полицмейстера (передняя, зал, гостиная, буфет, столовая, спальня, уборная супруги, три детских комнаты), его кухня, службы, комнаты для прислуги, шестикомнатная квартира правителя канцелярии и казарма для часовых при каланче{112}.

Рис. 15. Главный фасад дома обер-полицмейстера. Фиксационный чертеж 1860 года{113}

Рис. 16. Фасад бывшего дома обер-полицмейстера, Большая Морская, 22. Современный вид. Фото Александра Филиппова

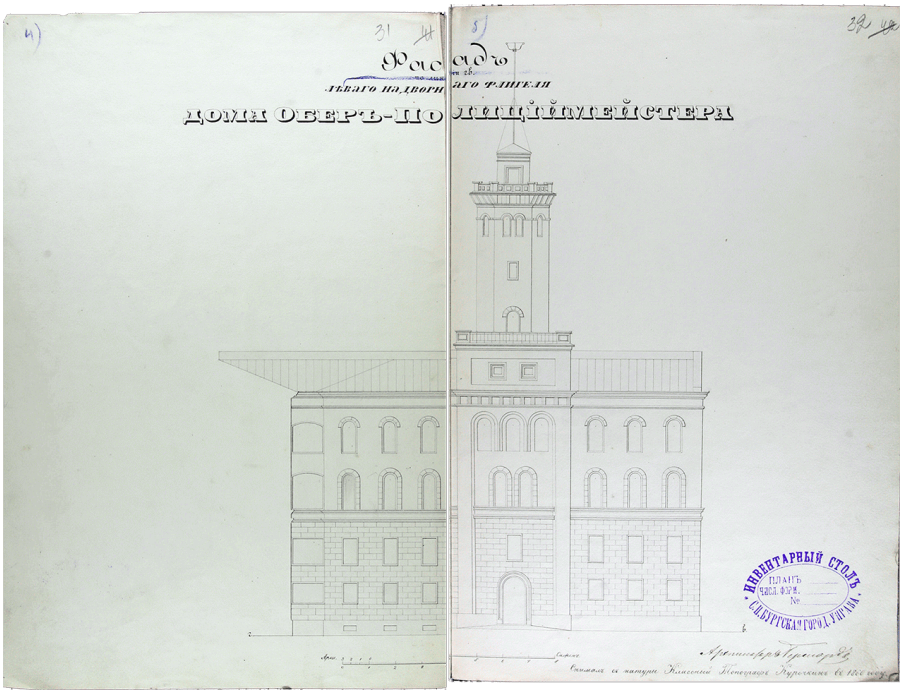


Рис. 17. Дворовый фасад дома Санкт-Петербургского обер-полицмейстера. Фиксационный чертеж 1860 года{114}

К сожалению, мы не нашли ни свидетельств, ни поэтажных планов обоих зданий Адмиралтейской части того периода. И потому точно не знаем, где именно – в бывшем доме обер-полицмейстера или надворном флигеле – размещалась с 1867 по 1883 год Сыскная полиция. Но предполагаем, что ей отдали помещения канцелярии обер-полицмейстера на втором этаже. Занял ли Путилин его бывший кабинет на третьем или он достался помощнику градоначальника, нам неизвестно. Неизвестно, и какая из квартир, имевшихся в зданиях Адмиралтейской части, была отведена начальнику Сыскной полиции. В рассказе «Безумная месть» И.Д. Путилин пишет, что агент Ж., доставив на Большую Морскую важную свидетельницу, тотчас его известил, и Иван Дмитриевич «поднялся в свой кабинет». Так как на первом этаже квартир по плану нет, а на четвертом нет кабинетов, можно предположить, что Путилин жил на втором в трехкомнатной квартире, а принимал агентов и посетителей на третьем. Однако (об этом подробнее в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден) «мемуары» Путилина содержат много недостоверной информации, и нельзя исключать того, что с учетом его чина и количества детей в семье он проживал в одной из квартир на четвертом этаже – они по площади и количеству комнат гораздо больше той, что

находилась на втором.

На Большой Морской, дом 24, было раскрыто одно из самых известных дел СПбСП – убийство князя (принца) военного австрийского агента Людвига фон Аренберга.

Дело № 10. Убийство князя Людвига фон Аренберга [23], военного австрийского агента [24]

«В ночь на 25 апреля [1870 года][25] принц Людовик Аренберг, австрийский военный уполномоченный, был найден задушенным в постели.

Рис. 18. Князь Людвиг (Людовик) фон Аренберг. Гравюра Э. Даммюллера с фотографии С.Л. Левицкого, 1870 год[26]

Принц Аренберг занимал нижний этаж дома княгини Голицыной по Миллионной улице[27]*: верхний этаж над квартирой принца был пуст. В этом доме было два входа: один – ворота с Мойки, которые вели во двор к конюшне, сараям и прочим службам; другой – парадный вход с Большой Миллионной, находившийся напротив Преображенских казарм. У ворот постоянно сидел дворник; дверь с улицы отворяла прислуга принца; швейцара не было. Принц имел двух людей в услужении: камердинера и грума, этот последний находился у него 8 лет.*

24 числа грум отпросился у принца прислужить на вечере у одного из членов дипломатического корпуса, а

камердинер не жил в квартире принца. Отпуская камердинера, принц Людовик приказал ему разбудить себя на следующее утро в полвосьмого утра, так как ему необходимо было отправить свою корреспонденцию в Вену с уезжавшим курьером. Вследствие этой же причины он отказался от охоты, на которую его приглашал граф Мирибель, французский военный агент. В пятницу вечером принц был в яхт-клубе и возвратился оттуда в три часа утра. Не желая тревожить прислугу, принц носил с собой ключ от входных дверей с Миллионной; приезжая домой, он отворял их сам и, войдя, запирал изнутри. Так было и на этот раз.

В субботу 25 апреля в полшестого утра грум возвратился домой и хотел зайти в дом в ворота. Он звонил и стучал в ворота, но никто не отпер ему. Тогда он обошел вокруг дома № 34, который стоит на углу улицы, и увидел дворника дома княгини Голицыной, подметавшего тротуар. Дворник отпер ворота груму, который тотчас отправился спать. Около половины восьмого камердинер вошел в спальню принца. В комнате был полнейший беспорядок, вещи были разбросаны; камердинер, не видя принца, не решился подойти к постели и в испуге бросился из комнаты. Позвав дворника и грума, он подошел вместе с ними к постели. Под подушками и одеялами лежал охладевший труп принца, привязанный к кровати снурками от штор: ноги его были туго связаны рубашкой, рот и нос были закрыты платком, завязанным позади головы. Впоследствии оказалось, что этот платок принадлежал убийце и что последний носил его. Не теряя ни одной минуты, один из слуг отправился к австро-венгерскому посланнику графу [Богуславу] Хотеку, а другой дал знать в полицию»{115}.

Вместе с сыщиками на место преступления прибыли градоначальник, шеф корпуса жандармов, министр юстиции, посланники австрийский и французский, принц Петр Ольденбургский и т. д. Государь, выразив в тот же день графу Хотеку глубокое сожаление о случившемся, велел ежечасно докладывать ему о ходе расследования. Путилин прекрасно понимал, что дальнейшая его карьера зависит от того, сумеет ли он раскрыть это убийство.

«Тотчас начатое следствие обнаружило, что убийцы не могли войти в дом с парадного подъезда, так как его запер за собой принц. Ясно было, что они или спрятались

гораздо раньше на лестнице, или прошли в ворота на черный выход квартиры, который большей частью не запирался. Дверь своей спальни принц также никогда не запирал. Состояние, в котором был найден труп, показывало, что убийство было совершено в полчетвертого утра. Судя по обстановке, можно было предположить, что принц убит во время сна, или же, судя по развернутой газете, лежавшей на столике, можно было думать, что он читал её, когда услышал шум. Затем, по всей вероятности, произошла борьба между убийцей и принцем – борьба упорная, отчаянная, так как принц был силён, ловок и молод[28]*. Стоявшая на столике лампа было сброшена на пол, спички были рассыпаны. Потом, по всей вероятности, злодеи повалили принца на кровать и завязали ему рот и нос. Когда принц перестал оказывать признаки жизни, убийцы привязали его к кровати снурками, связали ноги и набросили на него подушки и одеяла, прикрыв всё это волчьей шкурой, лежавшей в соседней комнате у письменного стола…*

С самого начала было ясно, что преступление это совершено не одним лицом, а несколькими, потому что принц, как уже мы сказали, был силён, ловок и решителен и одному злодею с ним было бы не справиться. На месте преступления найден небольшой штоф с простой водкой. Засвидетельствована также пропажа некоторых вещей, а именно: бритв, нарукавных запонок, булавки с жемчужиной для галстука, золотых часов с цепочкой и нескольких французских червонцев. Шкатулку, в которой принц хранил деньги и бумаги, злодеи тщетно пытались разбить – [позже выяснилось, что] унести её с собой также побоялись, чтобы не быть остановленными по подозрению кем-нибудь из городовых.

Подозрение в совершенном убийстве пало на крестьянина Гурия Шишкова, служившего прежде у принца. Этот человек за несколько дней перед тем был выпущен из тюрьмы, содержался он там по приговору мирового судьи за кражу. 23 числа Гурий Шишков явился за получением расчёта [но принца не застал] и сказал, что придёт 24 числа опять. Но в пятницу его никто не видел в продолжение целого дня»{116}.

Путилин велел подчиненным разыскать Шишкова. Поручение оказалось сложным, так как он нигде не был прописан. На след предполагаемого преступника удалось напасть надзирателю Б.

(так его называет в мемуарах Путилин). И уже вечером 26 апреля Шишкова задержали в квартире, в которой кухонным мужиком служил его дядя. Гурий побожился, что предыдущую ночь провел в том доме, где был арестован, однако дядя алиби племянника не подтвердил, заявив, что тот с шести вечера до семи утра куда-то уходил. При обыске у Гурия нашли «двадцать рублей серебром бумажками, из которых одна была запачкана кровью». Шишков своё участие в убийстве Аренберга категорически отрицал.

Однако Путилин был уверен в вине Гурия и поэтому решил разыскать его сообщников – а вдруг у них при обыске удастся найти ценности, украденные из квартиры Аренберга?

Поиск сообщников начальник Сыскной решил вести среди лиц, отбывавших наказание вместе с Шишковым. Выяснилось, что злобный и малообщительный Гурий дружил в тюрьме лишь с одним арестантом – Петром Гребенниковым. Тот тоже успел выйти на свободу, тоже нигде не прописался, но, в отличие от Шишкова, родственников в столице, которые могли бы его приютить, не имел. Предположили, что он живет у знакомых, и поэтому решили его искать в трактирах Знаменской улицы, на которой Гребенников обитал до тюрьмы. Сыскным агентам были сообщены его приметы. Одному из них *(Путилин* называет его «надзиратель М.») в трактире «Избушка» удалось выяснить, что 25 апреля некий мужчина пытался рассчитаться с буфетчиком французской золотой монетой! Агент попросил описать его внешность, и она совпала с приметами Гребенникова. Буфетчик припомнил, что тот приходил в трактир не один, а с проституткой Марией Кисловой, и указал её адрес. Однако ни Гребенникова, ни Кислову там не застали. Сыщикам пришлось целые сутки ожидать их появления. Их сразу задержали. У Гребенникова в карманах нашли золотые часы, принадлежавшие Аренбергу.

Из-за важности и срочности дела судебный следователь прибыл для допроса в Сыскное отделение, куда доставили подозреваемого. Но Гребенников, как и Шишков, отказался признавать вину в убийстве Аренберга. Вслед за следователем прибыл прокурор и тоже потерпел фиаско на допросе. А высшее начальство, несмотря на весомые улики, для объяснения с австрийцами требовало признания Гребенниковым вины. Рассвирепевший градоначальник Ф.Ф. Трепов попытался сам допросить подозреваемого, но тот не покаялся и ему. И тогда И.Д. Путилин пошел на хитрость – сообщил преступнику, что за убийство военного агента его будет судить не гражданский суд, а военный. И что не каторга ему грозит, а петля. Гребенников испугался и сознался, рассказав все подробности. Суд приговорил

их с Шишковым к 17 годам каторжных работ[117].

> *«Утром 29 апреля 1870 года в Римско-Католической церкви святой Екатерины происходило отпевание покойного принца Людовика Аренберга… Дипломатический корпус помещался на правой стороне церкви; высшие чины двора, министры и другие сановники – на левой стороне. Государь Император, прибывший в тот день из Царского Села, был в мундире австрийского гусарского полка. У входа в церковь Его Величество был встречен Государем Наследником… В непродолжительном времени тело покойного принца будет перевезено в Австрию и постановлено в фамильном склепе»*[118].

За успешное раскрытие убийства князя Аренберга, «благодаря чему было предотвращено неизбежное осложнение межгосударственных отношений», Ивану Дмитриевичу Путилину 30 августа 1870 года пожаловали орден св. Владимира 3-й степени[119].

Также сотрудники Сыскной полиции получили поощрение от императора Австрии. Приказом № 217 от 18 сентября 1870 года санкт-петербургский обер-полицмейстер Федор Трепов сообщил, что: «Его Величество Император Австрийский в воздаяние услуг, оказанных при разыскании убийц Австрийского Военного Агента князя Аренберга, пожаловал поименованным в прилагаемом к сему списке чинам Сыскной Полиции означенные в нем знаки отличия. Государь Император, по всеподданнейшему о том докладу Государственного Канцлера, Всемилостивейше позволил принять и носить пожалованные им знаки[120]:

Начальнику сыскной полиции надворному советнику Путилину – орден Франца Иосифа 3-й степени.

Чиновникам сей полиции:

капитану Орлову[29] – Золотой крест за заслуги с короной;

коллежскому асессору Волкову[30] – Золотой крест за заслуги без короны.

Полицейским надзирателям:

Степану Беленко – Серебряный крест за заслуги с короной;

Николаю Гавриловичу Молодовскому – Серебряный крест за заслуги без короны»[121].

С большой степенью вероятности можно утверждать, что надзиратель Б., о котором пишет Путилин, – это Беленко, а надзиратель М. – Молодовский. Про Беленко, увы, более ничего не известно, а вот Николай Гаврилович Молодовский дослужился до чиновника для поручений и закончил службу в Сыскной в 1887 году в чине коллежского асессора.

3.2. Офицерская, дом 28

В первой половине 1883 года Сыскная полиция переехала по новому адресу: Офицерская (нынешняя улица Декабристов), 28, в здание Съезжего дома Казанской (бывшей 2-й Адмиралтейской) части. Причина переезда неизвестна – возможно, расширившемуся штату СПбСП понадобилось более просторное помещение. Нельзя исключать и то, что ежедневный привод на одну из самых фешенебельных улиц столицы сотен задержанных (подробнее в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден) стал раздражать её высокопоставленных обитателей.

Рис. 19. Здание Петербургской сыскной полиции (с каланчой) со стороны Екатерининского канала. Фрагмент картины К.Э. Гефтлера «Вид Екатерининского канала у Львиного мостика», 1909 г. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга

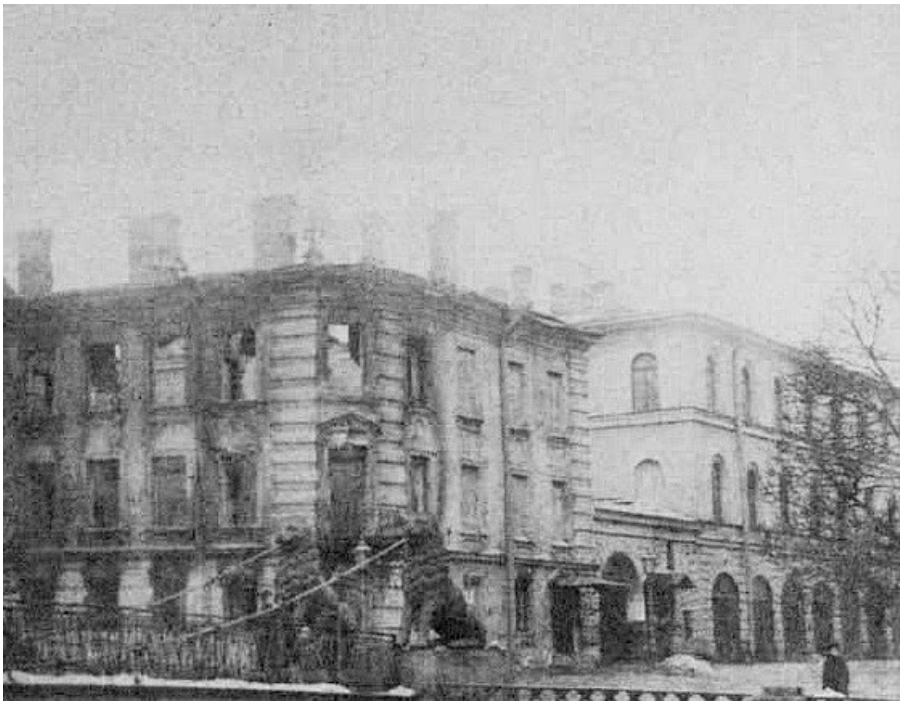


Рис. 20. Здание Петроградской сыскной полиции (в глубине справа) после разгрома в феврале 1917 года

Здание на углу Офицерской и Мариинского (ныне Львиного) переулка прославилось в 1852 году, когда на месячное заключение в нем по личному распоряжению императора Николая I был доставлен писатель Иван Тургенев, опубликовавший, вопреки запрету председателя петербургского цензурного комитета М.Н. Мусина-Пушкина, статью, посвященную смерти Н.В. Гоголя. *«За явное ослушание посадить его [Тургенева] на месяц под арест и выслать на жительство на родину, под присмотр»,* – наложил резолюцию на донос Мусина-Пушкина император{122}. То был беспрецедентный случай заключения столбового дворянина в «кутузку», в которой отбывали наказания только пьяницы, воры и бродяги «подлых» сословий. Известный мемуарист Александр Васильевич Никитенко написал тогда в дневнике: *«В нем [Тургеневе] одновременно оскорблены чувства дворянина и всех образованных людей»*{123}. Впрочем, условия содержания писателя были сносные, Тургенев мог принимать посетителей и заниматься литературным трудом. Именно в Съезжем доме 2-й Адмиралтейской части он написал свой знаменитый рассказ «Муму».

К сожалению, не сохранилось фотографий фасада здания со

стороны Офицерской улицы, но на фиксационном плане и на снимке начала XX века, сделанном со стороны Театральной площади, видна типичная для Съезжих домов Петербурга пожарная каланча.

Рис. 21. Каланча здания Съезжего дома Казанской части (в глубине по центру). Фото начала XX века. Снято со стороны Театральной площади

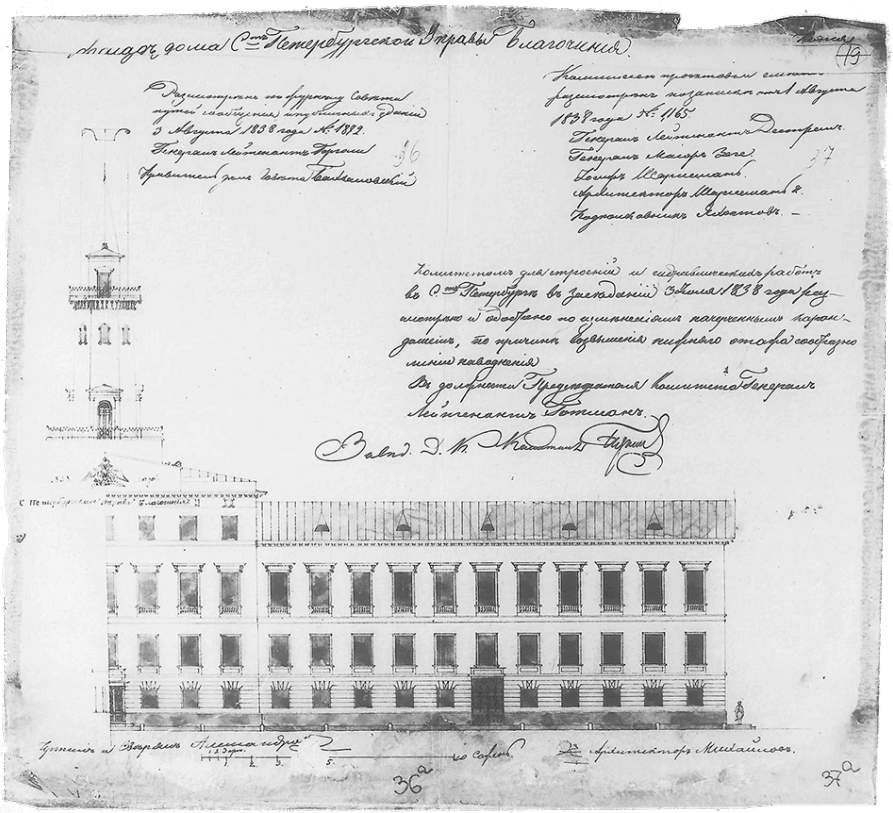


Рис. 22. Фиксационный план 1838 года фасада дома 28 по Офицерской улице{124}

А на фотографии, сделанной в феврале или марте 1917 года со стороны Екатерининского канала (нынешнего канала Грибоедова), запечатлен фасад со стороны Львиного переулка. В отличие от соседнего здания, которое тоже занимала Казанская часть, здание Сыскной полиции (с арками на 1-м этаже) меньше пострадало от пожара, устроенного революционной толпой (в ходе февральских событий 1917 года было полностью уничтожено здание Окружного суда на Литейном проспекте, также пострадали здания, занимаемые полицейскими частями и участками по всему городу). В 1929 году здание, которое занимала Сыскная полиция, было перестроено архитекторами А.Г. Вальтером, Н.Ф. Рыбиным и Н.Д. Каценеленбогеном в стиле конструктивизма и в настоящее время с угла улицы Декабристов и Львиного переулка выглядит следующим образом:

Рис. 23. Улица Декабристов (бывшая Офицерская), дом 28. Современный вид. Фото Александра Филиппова

Рис. 24. Улица Декабристов (бывшая Офицерская), дом 28, со стороны Львиного переулка. Современный вид. Фото Александра Филиппова

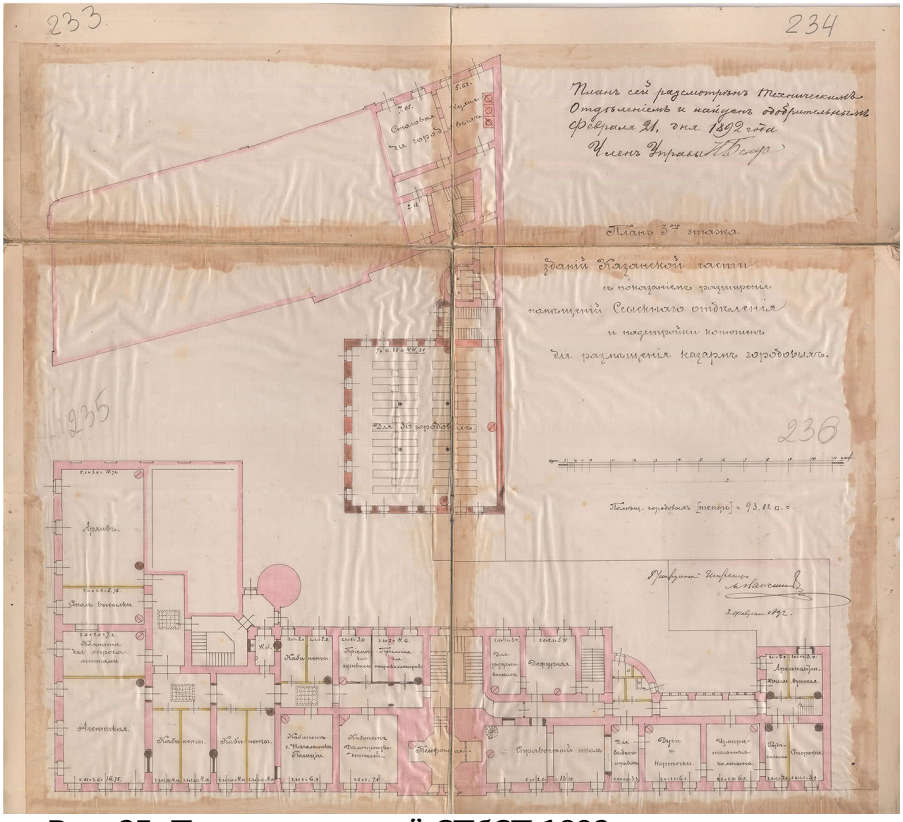


Рис. 25. План помещений СПбСП 1892 год

«На Офицерской улице, почти у самой площади Маринского театра, высится большое желтое здание с каланчой. Каждый его видел, каждый его знает. Каланча доминирует над зданием Казанской части, а в доме, выходящем фасадом на Офицерскую улицу, помещается “Сыскное отделение канцелярии градоначальника”, – писал репортер «Петербургской газеты» в сентябре 1899 года. – *Эта инстанция – сыскное отделение, учреждение, реорганизованное нынешним градоначальником ген. Клейгельсом почти до полной неузнаваемости, поставленное им на такую высоту, что оно в настоящее время смело может соперничать с подобными же учреждениями Парижа и Лондона. Ген. Клейгельс начал с того, что назначил начальником сыскного отделения М.Ф. Чулицкого, бывшего 10 лет товарищем*[31] *прокурора в Петербурге, а его помощником – С.И. Инихова, кандидата московского университета, состоявшего несколько лет приставом одной из частей столицы. Войдя в подъезд*

Офицерской улицы, вы поднимаетесь по широкой, светлой, удивительно чистой лестнице во 2-й этаж. В 1-м этаже расположены квартиры г-д Чулицкого и Инихова[32]*, а во втором вы оказываетесь на площадке лестницы, служащей продолжением длинного коридора, который тянется и налево, и направо… Если вы пройдетесь по левому коридору до его конца, то увидите там две комнаты, запирающихся массивными дверями с большими засовами и крошечными оконцами посередине. Это – арестантские: мужская и женская. Обе комнаты высокие, светлые, выкрашенные коричневой масляной краской. Никакой мебели, кроме простых деревянных скамеек, в них нет: арестованные… проводят здесь только по несколько часов, пока о них производится следствие чиновниками "сыскного отделения", а затем их отправляют ночевать в Казанскую часть. Далее, т. е. ближе к площадке лестницы, по тому же коридору помещается антропометрическое отделение, в свое время подробно описанное в нашей газете. Еще далее – большая комната со столами, на которых расставлены металлические "дуги" с листками, могущими быть названными "curriculum vitae"*[33] *"неблагонадежного Петербурга"… Каждый, кто когда-нибудь привлекался в "сыскное отделение", записан здесь с полным перечислением всех своих проступков и понесенных за них наказаний… Эти curriculum vitae составлялись в течение 25-ти лет, и теперь "сыскное отделение" является обладателем до 300 000 листков!*

Весь Петербург находится в ведении 4-х чиновников для поручений "сыскного отделения" г-д Коцинга[34]*, Лукащука*[35]*, Власкова*[36] *и Викторова*[37]*. А каждому из них, в свою очередь, подчинены от 10 до 12 полицейских надзирателей. Все чиновники для поручений имеют по отдельному, очень хорошо обставленному кабинету, выходящему в коридор, направо от площадки лестницы. Здесь производятся дознания по тем делам, которыми не руководят лично начальник отделения или его помощник.*

В той же части коридора, где находятся кабинеты чиновников для поручений, отведено прекрасное помещение для канцелярии, устроена элегантная приемная для публики и имеются два кабинета – начальника и его помощника»{125}.

4. Повседневная жизнь Санкт-Петербургской сыскной полиции

Благодаря отчетам градоначальников и начальников Сыскной полиции, тогдашним репортерам и иллюстрированным журналам мы можем узнать о повседневной жизни Петербургской сыскной полиции со слов очевидцев.

4.1. Организация работы в сыскном отделении

Чиновники для поручений были распределены по полицейским отделениям города (см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден), а полицейские надзиратели – по участкам, причем каждый из них имел двойное подчинение – начальнику Сыскной и участковому начальству. Ежедневно в Сыскную из участков поступали сообщения обо всех происшествиях, они просматривались начальником СПбСП, и затем по ним давались поручения чиновникам о производстве дознания. Чиновники, исходя из важности дел, либо производили их сами, либо под их наблюдением поручали надзирателям. Кроме того, в обязанность чиновников и надзирателей вменялся сбор сведений обо всяких подозрительных лицах, наблюдение за театрами (с 1906 года сотрудникам Сыскной полиции выделялось по три билета на каждое представление в императорских театрах{126}), увеселительными заведениями, клубами, ломбардами, ресторанами, гостиницами, постоялыми дворами, ночлежными приютами, домами терпимости и т. п. заведениями. Также в обязанности чиновников и надзирателей входило производство обходов по ночлежным приютам и другим местам с целью задержания преступников, беспаспортных, лишенных прав жительства в столице и лиц, производящих безобразие на улицах.

Чиновники для поручений и полицейские надзиратели ежедневно являлись в Сыскную полицию к 10 утра для опроса начальником. Один из чиновников и один из надзирателей при этом заступали на дежурство, причем чиновник дежурил до 11 вечера, а надзиратель – сутки. Остальные чиновники были обязаны в 6 часов вечера снова явиться в Сыскную для доклада начальнику и получения новых распоряжений.

4.2. Стол приводов

Одна из задач, для решения которых была создана Сыскная полиция, – сосредоточение в ней *«всех сведений о совершаемых в столице преступлениях, о подозрительных лицах и о местах, требующих особого полицейского надзора»*{127}.

Уже к концу 1867 года усилиями чиновников, агентов и служителей наружной полиции было собрано более 20 тысяч адресных листков на лиц:

«а) коим воспрещено жительство в столице;

б) разыскиваемых по требованию присутственных мест и должностных лиц;

в) содержащихся в тюрьмах в течение последних 12 лет;

г) скомпрометированных по прикосновенности к делам уголовным и вообще о подозрительных»{128}.

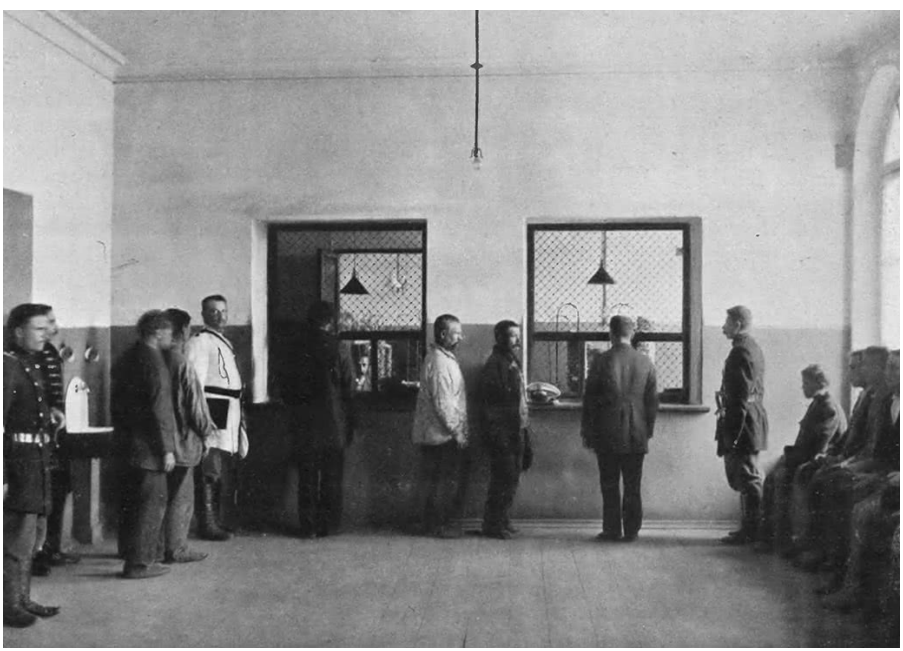


Рис. 26. Стол приводов Санкт-Петербургской сыскной полиции на Офицерской, 28

В 1903 году картотека Стола приводов содержала уже более миллиона листков. Все они были размещены на металлических дугах в алфавитном порядке. Вначале находились листки на лиц привилегированных сословий, далее на мещан, ремесленников, питомцев воспитательных домов, иностранных граждан, ссыльно-каторжных, бродяг, крестьян и т. д. Листки на лиц женского пола

лежали после листков на мужчин.

Значительно расширился и список «прегрешений», за которые люди попадали в картотеку Сыскной полиции:

а) опороченные по суду;

б) замеченные в предосудительном поведении, подвергавшиеся различным административным взысканиям;

в) разыскиваемые по обвинению в разных преступлениях;

г) удаляемые из столицы с воспрещением в ней жительства;

д) высылаемые за пределы Российской империи.

Листки в картотеке различались по цвету:

белые – заводились на лиц, имевших судимость; замеченных в неодобрительном поведении, задержанных за беспорядки на улице («хулиганов»), привлекавшихся к ответственности за ношение ножей и кастетов;

желтые – на лиц, разыскиваемых по требованию административных властей, и лиц, скрывшихся со своего местожительства;

лиловые – на лиц, разыскиваемых по требованию судебных властей;

красные – на дезертиров; на лиц, удаляемых по распоряжению градоначальника от должностей дворников, швейцаров, сторожей, а также тех, кому запрещено заниматься извозным и другими промыслами;

синие – на лиц, содержавшихся в Доме предварительного заключения;

серые – на лиц, содержащихся в настоящее время в тюрьмах;

зеленые – секретные листки Охранного отделения на политически неблагонадежных лиц{129}.

Первоначально картотека именовалась Справочным столом, но с 1880-х годов в Сыскную полицию для проверок стали доставлять всех задержанных в городе для проверки, не находятся ли они в розыске? И стол получил второе наименование – Стола приводов. Сюда ежедневно приводили лиц, задержанных как Наружной, так и Сыскной полицией:

– за разные уголовные преступления и проступки;

– за нищенство;

– из-за сомнений в принадлежности вещей;

– за самовольное прибытие в столицу;

– бесписьменность[38];

– праздношатательство и неимение определенных занятий;

– по сомнению в личности.

Помимо проверок доставленных в Сыскную полицию лиц, Стол приводов обрабатывал письменные запросы, поступавшие туда из Канцелярии градоначальника, Охранного отделения,

Полицейского резерва, участковых приставов, прокурора Окружного суда, судебных следователей, от различных иногородних административных и судебных учреждений, а также и от заграничных полицейских властей.

Стол приводов находился под непосредственным наблюдением помощника начальника Сыскной полиции. Заведовал им один из полицейских надзирателей, в помощь которому предоставлялось нужное количество писцов и агентов.

За 1903 год в Стол приводов было доставлено 57 057 человек, наведено справок, как по запросам, так и на лиц, доставленных в Стол приводов, 107 888{130}.

> *«Служебный день в канцелярии уголовной полиции начинается в 10 часов, но гораздо раньше этого часа через двор Казанской части с чёрного крыльца беспрерывно входят в здание этой полиции окружённые участковыми городовыми то большие, то малые партии захваченных в течение суток людей. Каждый из петербуржцев видал эти партии во время их следования в сыскное. С претензией одетая женщина идет, закрывая лицо руками, а рядом с нею шагает обтрепанная, с распухшим от пьянства лицом баба. Здесь по внешнему виду приличный господин и рядом типичный бродяга, маленький мальчишка и седая растрёпанная старуха.*
>
> *Откуда они и куда и для чего их ведут? Они, и мужчины, и женщины, собираются со всех концов, со всех 46 участков, и из них, сливаясь в один поток, стекаются в уголовную полицию. Не бывает дня, когда бы их привели меньше 100 человек, и бывают дни, когда их приводят 900 и более; в среднем же числе их надо считать до 200 на день. Со всего города пойманные и захваченные, и ведут их в так называемый “стол привода” для установления личности. Дворники привели пьяного или поймали вора, городовой захватил бродягу или нищего, приволокли буйного драчуна и безобразничавшую на улице проститутку; наконец, на облаве захватили беспаспортных – всех сначала приводят в участок и оттуда, после ночевки в тесных и душных камерах, отправляют в уголовную полицию с особым препроводительным листком для каждого.*
>
> *Воров и воровок, заведомых бродяг и нищих в ожидании разъяснения помещают в большие общие камеры, мужчин отдельно от женщин, а всю остальную массу сбивают в кучу, в одну общую громадную залу при*

“столе привода”.

Время приближается к десяти часам. Сначала приходят полицейские надзиратели, т. е. агенты, прикомандированные к участкам, и подготовляют свои отчеты; друг за другом занимают свои места служащие в “столах привода”, в антропометрическом бюро, фотографии. Приходят чиновники, является помощник начальника, начальник, и день начинается.

Зал перегорожен тонкой стеной с проволочной сеткой, в которой сделано два окошка. За нею находится “справочный о преступности стол”, а перед окошками сидят чиновники, которым участковые городовые передали все препроводительные листки. Начинается фильтрация. При многих препроводительных листках приложены паспорта. Это тех, которые забраны при облавах, которые показались почему-либо подозрительными, наконец, немногие паспорта воров, пойманных на месте преступления. Когда проверка паспортов окончена, агенты берут их вместе с препроводительными листками и начинают выкликать владельцев паспортов. Друг за другом из толпы выходят обвиненные в хулиганстве, взятые за прошение милостыни, захваченные на Горячем поле[39]*, в ночлежке или в амбарах на облаве.*

Идет фильтровка. Часть оставляется до окончательного установления личности, т. е. те, за которыми по справкам о судимости найдены старые грехи, часть назначается в нищенский комитет, малая часть со строгим внушением отпускается на волю.

А за проволочной сеткой продолжается деятельная работа. Паспорта проверены, проверяются назвавшие себя тем или другим именем. Эти имена ищут также по карточкам и часто наводят справку, что такой-то, действительно, есть, что судился за кражу тогда-то, отбывал наказание такое-то и т. д., или сослан на поселение, или даже присужден к каторжным работам, но чаще – выслан из столицы за бродяжничество, за бесписьменность, за прошение милостыни.

И опять после этой проверки выходят в поредевшую толпу агенты и начинают выкликать “назвавшихся такими-то”. Тех, которые зарегистрированы, отделяют для подробной проверки, остальных назвавшихся распределяют, кого в нищенский комитет, кого к высылке на место родины для установления личности и возвращения назад, кого к высылке из столицы.

Здесь нередко происходят сознания и открытия. Захваченный где-нибудь на ночлеге беглый или судившийся ранее преступник заявил, что он крестьянин такой-то, потерявший свой паспорт. Его посылают по его указанию куда-нибудь в Симбирскую, Казанскую или Костромскую губернию для удостоверения. Посылают этапом. Знает он, что прогуляется, вернется, снова соврет, и снова его погонят в другое место. Знает, как это скучно, и называет себя настоящим именем. Наводят справку. Есть! Судился тогда-то и тогда-то, отбывал наказание такое-то. И его отводят в сторону для окончательного установления личности. Рассортировали всех. Толпа поредела. Но еще далеко не все кончено. Часть отпущена на волю, часть отделена и послана в пересыльную тюрьму, другая – в нищенский комитет, но остается еще изрядная толпа, ожидающая точного установления личности через антропометрическое бюро или фотографирование»{131}.

4.3. Фотографирование

В некоторых источниках можно прочесть, что фотографирование задержанных стали производить в Петербургской сыскной полиции только с 1893 года{132} или даже с 1904 года, когда было выделено 1000 рублей в год на наем и оплату двух фотографов. На самом деле фотографирование началось в год основания отделения (в 1867-м). «При Сыскной полиции устроено небольшое фотографическое заведение для снимания фотографических портретов с преступников и с лиц, задерживаемых агентами Сыскной полиции, хотя не изобличенных в преступлениях, но навлекающих на себя сильное подозрение и подвергаемых предварительному аресту»{133}.

До появления в штате специалистов фотографирование осуществлялось одним из полицейских надзирателей. И было вполне масштабным – так, в 1868 году были сделаны фотопортреты 568 человек{134}. И уже в 1874 году благодаря фотокартотеке СПбСП был выявлен первый правонарушитель. Вот как об этой истории повествует известный тогда журналист и писатель Владимир Осипович Михневич:

> *«В 1874 году в глухой Зелениной*[40] *улице среди бела дня нашли изувеченной, плавающей в крови одну пожилую вдову-домовладелицу, а имущество её разграбленным. Вдова жила одна как перст и желала продать свой дом. Явился покупатель, прилично одетый молодой человек, осмотрел под руководством хозяйки дом, службы и огород; остался очень доволен осмотром и, уже уходя, спросил бумажки и чернил, чтобы сделать заметки; но едва хозяйка повернулась, чтобы исполнить его просьбу, мнимый покупатель стал “темяшить” её по голове и по спине железным ломом. Старуха упала замертво; убийца, думая, что покончил с ней, взломал все ящики в комодах и столах и, выбрав из них, что пришлось ему по вкусу, скрылся»*{135}.

Несчастную вдову звали Марфой Яковлевой, покушение на её жизнь произошло 26 марта 1874 года. Сыскная полиция показала ей (Яковлевой посчастливилось выжить) фотопортреты из своего архива, на одном из которых потерпевшая опознала нападавшего. При обыске у того были найдены похищенные вещи. Суд, состоявшийся в октябре того же года, приговорил злодея (фамилия его Ильин) к 11 годам каторги{136}.

До 1 июля 1903 года съемка производилась только в павильонах Сыскной полиции, т. е. снимались только преступники, «число которых каждый год доходило от 700 до 800, и никаких других работ не делалось»{137}. По распоряжению нового начальника Сыскной полиции Владимира Гавриловича Филиппова фотограф Генэ был заменен другим, И.И. Рогалевым, было закуплено новое оборудование, сделан ремонт, проведено электричество, выделено помещение для проявки пластин. В результате преобразований, кроме задержанных, стали фотографировать места и жертв преступлений, орудия их совершений, различные вещественные доказательства и т. д. Также фотографы СПбСП исполняли поручения Департамента полиции МВД, Губернского жандармского управления, Охранного отделения, Охранной агентуры и канцелярии градоначальника{138}.

Вот как описывал фотографирование задержанных в Сыскной полиции журнал «Огонек»:

> *«При современном главном начальнике[41], благодаря тому, что он обратил на фотографию особое внимание, она поставлена теперь более, чем на широкую ногу, и является вполне художественной. Немало в этом отношении такая постановка дела обязана заведующему фотографией И.И. Рогалеву, фотографу-художнику, в распоряжении которого имеются лучшие камеры и аппараты и все новейшие технические усовершенствования. При нем В.Г. Филиппов ввел фотографирование на месте преступления, что, помимо самой картины преступления, дает иногда очень ценный следственный материал, отмечая самые незначительные детали.*
>
> *Работает И.И. Рогалев в своем ателье с двумя помощниками и мальчиком. Наверху у него весело и оживленно. Солнце ярко светит через стеклянную крышу, освещая ателье. Работа кипит с раннего утра без передышки. Снимай, проявляй, печатай, отправляй. В этом все дело.*
>
> *Едва Рогалев поднимается на свою вышку и открывает фотографию, как начинается работа. Друг за другом приводятся оттуда снизу мужчины, женщины, иногда дети в сопровождении городового с препроводительным листком. Иногда в ателье собирается трое-четверо. Вот сразу привели из разных мест четырёх женщин в арестантских платьях. Одну посадили и*

нацепили на грудь ей дощечку с её фамилией, нумером, за которым будет числиться её снимок, и годом. Снимков делается два: анфас и в профиль. Женщина сидит и улыбается.

Рис. 27. Группа карманных воров, работающих исключительно по трамваям. Снимок фотографа СПбСП И.И. Рогалева, 1908 год

– Я ведь уже снималась у вас. Чего ещё!

– Когда снималась-то?

– А в 95-м году.

– Ишь хватилась! Еще ребенком, быть может. Через пять лет заново снимаем! Ну, сиди смирно!

А тем временем ожидающая очереди кокетливо говорит:

– Вы бы хоть папироску покурить дали. Скука!

– Некурящие…

– Для красивых женщин могли бы держать!

– Ладно! Садись на стул, красивая женщина!

– Приготовьтесь к съёмке. Сейчас карманных воров приведут! – говорит, входя, сторож.

– Много?

– 15 человек!

С веселым шумом входят друг за другом 15 молодцов в сопровождении городовых и околоточного: франт в соломенной шляпе, угрюмый мужчина в мягкой черной шляпе, что-то похожее на приказчика в котелке, мальчик-

подросток, безусый юноша с лицом артиста, хулиган с наглой рожей.

– Э, сколько знакомых! – говорит фотограф.

– Здравствуйте, Иван Иванович! Который раз? Все почти тут бывали!

– Чего уж! Свои люди!

– А часы бы вытащили?

– У своего-то? Да что вы, Иван Иванович! Нешто мы без понимания! – и в их весёлых ответах слышится и добродушие, и юмор острожных стен.

Фотограф берет препроводительный листок: “Снять в пальто и шапках, как бывают на улице”, – гласит листок, и затем перечень имен всех пятнадцати.

Их усаживают, составляют живописную группу и снимают»{139}*.*

4.4. Антропометрическое бюро

В 1890 году в Санкт-Петербургской сыскной полиции для исследований и классификаций по методу Альфонса Бертильона было организовано антропометрическое бюро (другие его названия: измерительное отделение и измерительная комната).

Дело № 11. Альфонс Бертильон и его метод

Рис. 28. Альфонс Бертильон

Бертильон родился в научной семье: его дед – Ахилл Гийар – был естествоиспытателем и математиком, отец – доктор Луи-Адольф Бертильон – статистиком, врачом и вице-президентом Парижского антропологического общества. Альфонс же считался в семье паршивой овцой. Худой молодой человек, с медлительными движениями и невыразительным голосом, он страдал диспепсией, носовыми кровотечениями и ужасными приступами мигрени, из-за которых был малообщителен и замкнут. К замкнутости присовокуплялся нудный педантизм, злобность и сарказм. Его трижды исключали из лучших школ Парижа за неуспеваемость и ужасное поведение. Только благодаря своим связям отец устроил его в 1879 году помощником письмоводителя в префектуру полиции. Альфонсу поручили заполнять карточки для картотеки преступников, заведенной ещё Видоком.

В карточки заносились: фамилия, вид совершенного преступления, сведения о прошлых судимостях и описание внешности. Таких карточек было собрано уже более пяти миллионов, и кого-либо идентифицировать по ним было практически невозможно. Как просмотреть такое количество карточек? Не помогал в обнаружении преступников и фотоархив,

который к моменту поступления на службу Бертильона насчитывал более 80 тысяч портретов.

Альфонс Бертильон стал размышлять о систематизации карточек и фотопортретов. Ему вспомнились труды отца, который пытался на практике проверить гипотезу бельгийца Адольфа Кетле, что на свете не существует двух человек с одинаковым строением тела. Также он вспомнил другое утверждение Кетле: шанс обнаружить двух одинаковых по росту людей равняется 1:4. Бертильону пришла в голову мысль: а что если измерять не один показатель, а, например, 11? Тогда вероятность обнаружить двух похожих человек будет уже не 1:4, а $1:4^{11}$, то есть 1:4 194 308.

Бертильон с большим трудом убедил начальство дать ему возможность провести эксперимент на арестантах. Для измерений он выбрал следующие показатели:

1) продольный диаметр черепа;
2) поперечный диаметр черепа;
3) расстояние между скулами;
4) размер правого уха;
5) длину левой ноги;
6) длину левого среднего пальца;
7) длину левого мизинца;
8) длину левого локтя;
9) объем груди;
10) наибольший размах рук;
11) окраску радужной оболочки левого глаза (определялась по специальной таблице).

Срок Бертильону дали ничтожно маленький – три месяца. Но судьба благоволила к нему. За девять дней до конца эксперимента один из вновь арестованных показался ему знакомым. Он стал перебирать карточки со своими измерениями (за три месяца их собралось чуть более двух тысяч) и вдруг обнаружил абсолютное совпадение. Назвавшегося 20 февраля 1883 года Дюпоном он измерял 15 декабря 1882 года. Тогда он был задержан за кражу пустых бутылок и назвался Мартеном. Преступник не стал запираться: «Ну и ладно! Это был я…»{140} Бертильону разрешили продолжить эксперимент, и до конца года он идентифицировал ещё 26 человек, назвавшихся чужим именем.

В 1889 году результаты работы антропометрического бюро Бертильона были представлены на Всемирной выставке в Париже.

А 1 июня 1890 года антропометрическое бюро (соединенное с фотографическим) было создано при Сыскной полиции в Санкт-Петербурге под «наблюдением и непосредственным

руководством[42] инженера-полковника Николая Александровича Козлова{141} (1851–?)». За первые семь месяцев своей работы было «подвергнуто измерению 2375 человек, из которых 8 [человек] оказались умышленно сообщившими первоначально ложные сведения о своей личности»{142}.

Вот как описывал работу бюро журнал «Огонек»:

> *«При петербургской уголовной полиции антропометрическое бюро было учреждено при начальнике П.С. Вощинине во время Грессера[43], причем правильно функционировать начало с 1-го июня 1890 г., поставленное полковником Козловым{143}. В настоящее время им заведует чиновник – фельдшер И.И. Кербер, при котором находятся три помощника. И через руки этих четверых в течение года проходит до 30 000 всевозможных типов.*

Рис. 29. Антропометрическое бюро СПбСП. Измерение головы и определение цвета глаз. 1900 год

> *Самое бюро заключается в двух всего комнатах. Одна комната – это, так сказать, комната делопроизводства, другая – архив. В этой первой комнате большой канцелярский стол с письменными принадлежностями и бланками, посреди комнаты – два станка для измерения*

рук и ног, у стены – станок для измерения роста, а по стенам – таблицы с художественно нарисованными всех типов носами и глазами. Это и есть бюро. Сюда приводят человека, личность которого надо удостоверить, или впервые внести в архив, или обличить. Босоногого его ставят у стенки и измеряют его рост. Допустим, 1 м 70,2 сант.; но это указание не точно. Он мог согнуться или, наоборот, приподняться, и для скрепы этой приметы его измеряют еще сидящим. Затем его ставят у стены, по линейке заставляют протянуть направо и налево руки, и меряют длину распростёртых рук. Это указание уже более постоянно. После этого измеряют длину и ширину черепа, опираясь концами особого прибора (вроде циркуля токарей) на самые выдающиеся части. Измерение это считается уже почти неизменяемым. Меряют дальше ширину и длину правого уха, длину ступни левой ноги, длину среднего пальца, мизинца и, наконец, локтя тоже левой руки. Измерения кончены, делают описательную запись: цвет волос, левого глаза и затем отмечают тип носа и особые приметы, если они есть. Цвет глаз записывают по таблице: так, № 15 – лазоревый, № 5 – темно-коричневый и т. п., так же, как и форму носа в профиль.

На таблице в трех рядах нарисованы три типа носов: 1 – вздернутые, 2 – прямые и 3 – опущенные; а в каждом ряду отмечены 5 разновидностей, которыми и исчерпываются все типы носов. Таким образом, на карточку заносится 1/3 – значит: в первом ряду 3-я разновидность; 3/5, 2/2 и т. п.

Все эти записи вносятся на карточку с именем измеряемого, где записывается также и его судимость, если она у него была. На середину её наклеивается фотография, и затем карточка укладывается в архиве, в соответствующий занумерованный ящик.

Сам И.И. Кербер занимается измерениями, измеряет он с одним помощником по двое сразу в то время, как двое других на карточках делают под их диктовку записи. Как снимает мерку портной.

– 7 и 2! 0 и 90! 70! 18 и 9! – выкрикивает измеритель, а тот записывает в соответствующем месте.

– Да! – восклицает заведующий. – Тебе что надо?

Арестант в сопровождении городового широко улыбается.

– Для проверки прислали!

– И без проверки помню. Семенов? Судился за кражу.

– Он и есть! – смеется Семенов.

– А теперь в чем попался?

– На чердаке… поймали. Так, глупость!

Для проверки нужно этого Семенова измерить, а затем найти по алфавиту Семенова и сверить новые измерения с занесенными на его карточку. Если сходятся, значит, он, и его с пометкой отправляют назад в участок для суда и наказания.

Но гораздо интереснее работа, когда надо установить действительную личность подозреваемого лица. Он не говорит вовсе своего имени или назвался иным именем, а полиция подозревает в нем другое, несомненно, преступное лицо. Попался он в простой пьяной драке, но манеры, язык обличают в нем бывалого во всяких переделках, и вот его привели для опознания. Прежде всего его измеряют обычным порядком, а затем отправляются на поиски в архив.

В небольшой комнате по двум стенам стоят шкафы, разделённые на 81 ящик. В этих ящиках хранится до 100 тысяч карточек зарегистрированных преступников. Как найти среди них карточку этого подозреваемого лица?

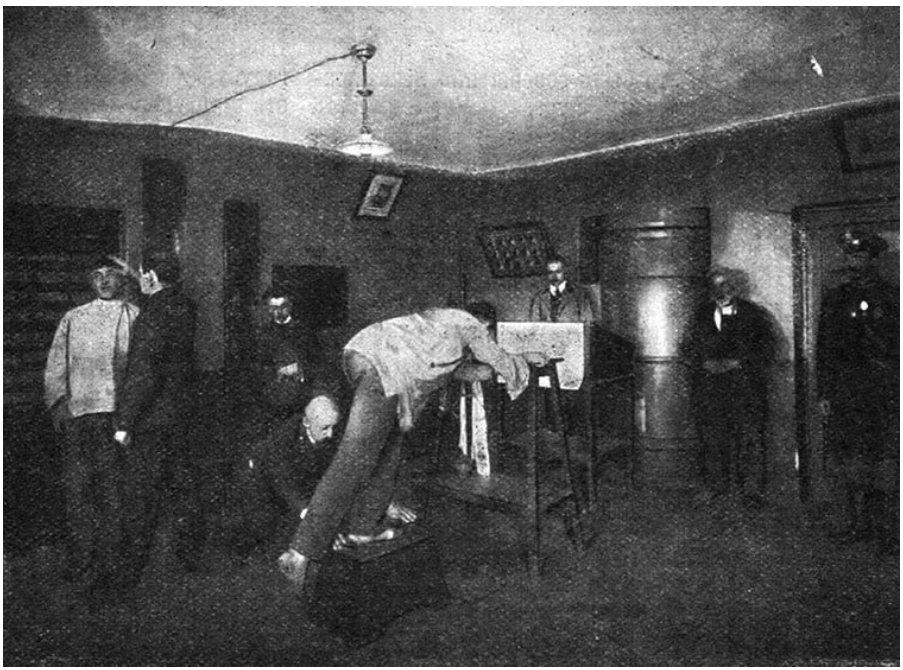


Рис. 30. Антропометрическое бюро СПбСП. Измерение ступни левой ноги и определение цвета глаз. Измерение производит заведующий бюро И.И. Кербер. 1908 год

Заведующий И.И. Кербер берет наклеенную на картон таблицу, на которую нанесены нумера всех 81 ящиков. Прежде всего он смотрит на длину черепа. По длине черепа карточки делятся на три разряда: малой длины, средней и большой. Он находит разряд сразу. Работа сокращается. Нужная карточка находится в одном из 27 ящиков, положим, от 27 до 54-го. Он смотрит на ширину черепа. По ширине черепа то же деление на три разряда. Нашел сразу. Карточка в одном из 9 уже ящиков, положим, 46–54. Дальше – длина ступни, опять деление на 3. Нашел. Карточка или в 49, или в 50, или в 51. Он смотрит на длину среднего пальца и находит ящик – 50. Взяв карточки, подложенные по длине локтя, он сверяет записанную меру и вынимает нужную карточку. Тут и фотография, тут и запись.

Рис. 31. Карточка, сделанная в МСП, с измерительными

сведениями и фотографией задержанной

> *– Друг, ты не Федоров, как говоришь, а Петр Кряжов, судившийся в 1899 году за убийство. Был 6 лет на каторге, а теперь, значит, беглый ссыльный.*
>
> *Тот улыбается и, тряхнув головой, говорит:*
>
> *– Коли признали, берите. Так точно: Петр Кряжов!»*[144]

Подобные «открытия» в антропометрическом бюро случались чуть ли не через день: так, за 1903 год было выявлено 179 человек, пытавшихся скрыть своё настоящее имя[145].

Широко образованный и деятельный, инженер-полковник Н.А. Козлов[146] в 1891 году написал руководство для чинов антропометрических станций[147] – предполагалось, что они будут созданы по всей империи, а бюро в СПбСП станет центральным, и в него будут высылаться копии сделанных в провинции измерений. Собирались также наладить обмен антропометрической информацией и с заграницей. И хотя станции по стране создали – к осени 1902 года их было уже семьдесят шесть, но лишь двенадцать из них отсылали свои измерения в столичную Сыскную полицию[148].

Обмен антропометрическими карточками удалось наладить лишь после 1908 года выдающемуся криминалисту-практику и организатору сыскного дела Василию Ивановичу Лебедеву (1868–1930). В том году после принятия закона «Об организации сыскной части» (проект был разработан по его инициативе) он возглавил 8-е Делопроизводство Департамента полиции, которое руководило всеми сыскными отделениями в империи.

До 1908 года штатных (штаты которых были утверждены законодательно) сыскных отделений было всего девять: Санкт-Петербург (создано в 1866 г.), Варшава (1874 г.), Москва (1881 г.), Рига (1900 г.), Гельсингфорс (1900 г.), Одесса (1902 г.), Ростов-на-Дону (1906 г.), Баку (1906 г.), Тифлис (год неизвестен). Кроме того, в нескольких крупных городах были созданы нештатные отделения – либо путем выделения для розысков нескольких служителей наружной полиции с освобождением от повседневной работы, либо путем набора дополнительных полицейских за счет средств местного самоуправления – Киев (1880 г.), Либава, Царицын, Саратов, Уфа, Нижний Новгород, Ярославль… Два внештатных отделения – в Риге (было создано в 1888 году) и в Одессе (образовано в 1898 году) – впоследствии стали штатными[149].

После принятия закона «Об организации сыскной части» В.И.

Лебедев за короткий срок организовал штатные сыскные отделения в 89 городах страны. И, как уже говорилось, наладил обмен антропометрическими данными. В результате в 1913 году было выпущено для служебного пользования пять общероссийских розыскных альбомов с фотографиями и антропометрическими данными преступников: 1-й был посвящен ворам-карманникам (марвихерам), 2-й – ворам-взломщикам (шниферам), 3-й – мошенникам и аферистам, 4-й – коно- и скотокрадам, 5-й – убийцам.

Однако к моменту выхода розыскных альбомов бертильонаж уже вовсю теснила дактилоскопия. Её преимущества были очевидны – для метода Бертильона требовались различные инструменты, которые часто приходили в негодность; точность зависела от тщательности исполнителей, а на их подготовку уходило много времени. Для дактилоскопии требовался лишь кусочек стекла или цинка и флакон типографской краски, а научить снимать отпечатки пальцев можно за полчаса{150}.

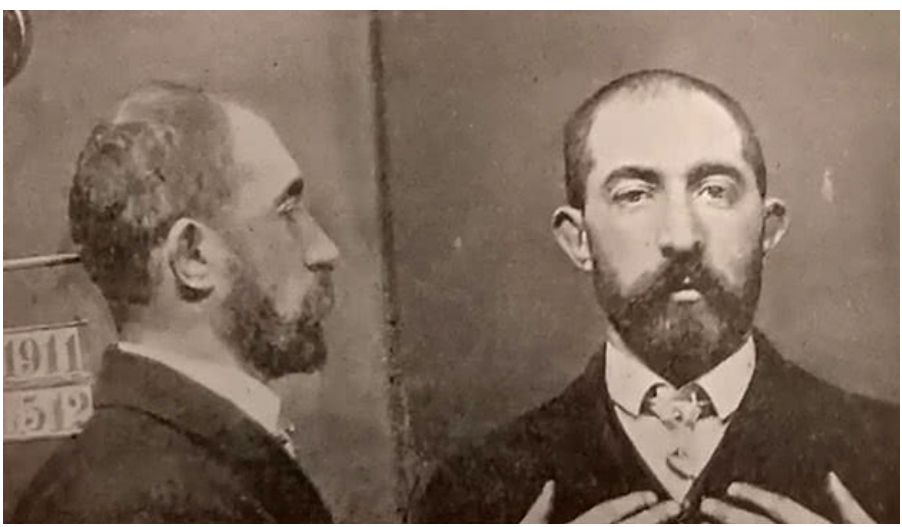


Рис. 32. Фото (анфас и профиль) карманника Л. Кона (Кохена) из розыскного альбома «Воры-карманники (марвихеры)»{151}

То, что людей можно различать по отпечаткам их пальцев, было известно ещё древним китайцам. Первыми европейцами, обратившими в 70-х годах XIX века внимание на этот метод, были англичане Уильям Хершел и Генри Фолдс. Однако ни тот, ни другой не сумели систематизировать все возможные варианты папиллярных линий и придумать быстрый и надежный метод поиска отпечатка в картотеке. Это удалось в 1896 году Эдварду Генри, генеральному инспектору полиции Бенгалии. В 1899 году

в этой индийской провинции благодаря введенной им дактилоскопии были идентифицированы пятьсот шестьдесят девять преступников, две трети из которых с помощью бертильонажа выявить бы не удалось. На перспективный метод обратили внимание в метрополии, с 1901 года дактилоскопию начал использовать Скотленд-Ярд. А в сентябре 1902 года на основании отпечатков пальцев, обнаруженных на месте кражи, лондонским судом был вынесен приговор первому преступнику{152}.

В России дактилоскопию внедрял все тот же В.И. Лебедев. В 1909–1912 годах бесплатным приложением к журналу «Вестник полиции» вышла его книга «Искусство раскрытия преступлений», первая часть которой была посвящена дактилоскопии (Лебедев безуспешно пытался заменить иностранное словцо на русское – пальцепечатание). С 1908 года антропометрическое бюро СПбСП, кроме измерений по методу Бертильона, стало проводить и дактилоскопию задержанных[44]. В отличие от Англии, где отказалась от антропометрии сразу, русская полиция какое-то время сочетала оба метода для опознания старых рецидивистов, которые могли быть зарегистрированы в сыскных отделениях до 1908 года.

Дело № 12. Первый приговор петербургского окружного суда, вынесенный на основании дактилоскопической экспертизы

В ночь на 18 февраля 1912 года в «Харламовской аптеке», располагавшейся по адресу Екатерингофский проспект, дом 12[45], был убит провизор Семен Вайсброд. Целью убийства было ограбление. При осмотре места происшествия Сыскная полиция обнаружила осколки разбитого стекла парадной двери, на которых имелись пригодные для установления личности отпечатки. Первое их исследование провел заведующий антропометрическим бюро фельдшер И.И. Кербер. Он сделал заключение, что один из отпечатков имеет «РЕЗКО ВЫРАЖЕННОЕ СХОДСТВО» с папиллярными линиями подозреваемого Алексеева. Но, по мнению судебного следователя, такой вывод был неудачным, и он обратился в Центральное регистрационное бюро Департамента полиции с просьбой провести повторную экспертизу. Она была выполнена заведующим этим бюро Андреем Алексеевичем Сальковым *(1869–1942*{153}), впоследствии видным советским ученым-криминалистом. Он дал заключение, что один из найденных на стеклах отпечатков ТОЖДЕСТВЕНЕН с оттиском большого пальца левой руки Алексеева{154}.

29–31 октября дело по обвинению в убийстве и ограблении Алексеева и его сообщника Максима Шунько, сторожа «Харламовской аптеки», слушалось в Петербургском Окружном суде. И хотя пальцевые отпечатки к тому моменту уже служили доказательством в российских судах – в Варшаве в 1909 году и в Одессе в 1911-м году, – прокурору предстояло убедить присяжных заседателей в непогрешимости дактилоскопии. В качестве эксперта был приглашен В.И. Лебедев. Полтора часа, демонстрируя судьям и присяжным учебные таблицы и фотографии, он убеждал их в непогрешимости метода и виновности Алексеева. Присяжные заседатели проявили исключительный интерес. Вооружившись лупой и переносной электрической лампой, сами подсчитывали точки, соединения и разделения папиллярных линий на фотоснимках, изобличающих Алексеева.

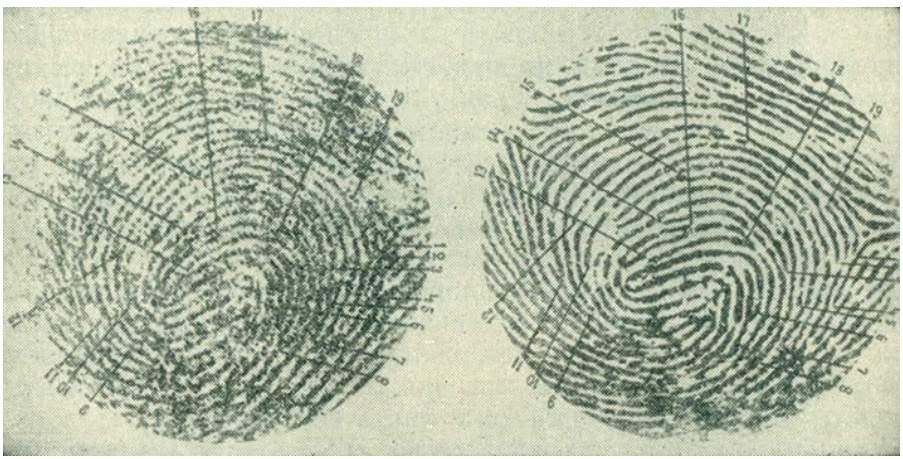


Рис. 33. Отпечатки Алексеева, изобличившие его вину{155}

Адвокат Алексеева утверждал, что тот имеет алиби – мол, спал в ночь убийства дома. И хотя алиби убийцы на суде подтвердили четыре свидетеля, якобы ночевавшие с ним в одной комнате, присяжные вынесли обвинительный вердикт – Шунько был приговорен к 20 годам, а Алексеев – к 13 с половиной годам каторжных работ{156}.

4.5. Стол находок

В 1897 году в составе СПбСП был организован Стол находок в составе младшего делопроизводителя и пяти писцов (до этого делами о найденных вещах и деньгах занималась Канцелярия градоначальника). В нем регистрировались и хранились все найденные в городе вещи (кроме животных и громоздких вещей, их хранение было организовано в полицейском доме Нарвской части – здание в настоящее время имеет три адреса: Лермонтовский пр., 46–48 / 10-я Красноармейская ул., 5 / 9-я Красноармейская ул., 10а).

Все деньги и вещи, находимые в столице, доставлялись в Сыскную полицию или в полицейские участки, где составлялся подробный протокол с описанием находки, места, времени и обстоятельств её обретения. Затем находка оценивалась в присутствии нашедшего сведущими людьми, опечатывалась казенной печатью, заносилась в специальную книгу, а нашедшему вручалась квитанция. По прошествии месяца о поступивших в Сыскную полицию находках трижды давались объявления в газете «Ведомости С.-Петербургского градоначальника», в которых собственникам вещей предлагалось их забрать и определялись сроки, за которые они могут это сделать. Если за указанное время обнаруживался владелец вещей, он уплачивал полиции определенный процент их стоимости за хранение, а нашедшему – причитающееся по закону вознаграждение. Хозяева животных вдобавок платили за их прокорм из расчета для крупного скота 50 копеек за сутки, для мелких животных – 25 копеек за сутки. Если же собственник не находился, находка доставалась нашедшему. Если же нашедший не имел по закону права её получить (нижние чины полиции и жандармы, извозчики, обнаружившие вещи у себя в экипаже, и др.) или же не хотел, находка доставалась казне (вещи продавались Городской Аукционной Камерой, вырученные деньги делились между Губернским казначейством и нашедшим). Невостребованная владельцами домашняя скотина, лошади и птицы продавались приставом 1-го участка Нарвской части на особом для этой цели дворе. Из выручки возмещались расходы на прокорм животных и доставка их на торги, остальная её часть уходила на счет С.-Петербургской Городской Управы.

Кроме розыска владельцев найденных вещей, Стол находок занимался и розыском потерянных вещей: извещал ломбарды, банки и банковские конторы о пропаже ценных вещей и процентных бумаг, силами Полицейского резерва организовывал

розыск извозчиков, в экипажах которых были забыты вещи.

Заведовал столом один из младших делопроизводителей, в помощь ему в 1903 году было выделено пять вольнонаемных писцов{157}.

Вот как описывал Стол находок репортер «Петербургской газеты» в 1899 году:

> *«Всё, что жители Петербурга теряют на улицах, в вагонах конно-железных дорог, в садах или общественных учреждениях, – все это направляется в сыскное отделение, где существует специальный “стол находок”. Этот “стол” занимает три комнаты в первой части коридора у самой площадки лестницы: в одной комнате сложены более или менее громоздкие вещи, в другой – мелкие, а в третьей помещается заведующий “столом” и его шесть подчиненных. Персонал, как видно, не маленький! В отделение громоздких вещей надо подниматься по железной винтовой лестнице. Это небольшая комната, на полу которой лежат узлы очень почтенных размеров, а по стенам развешаны пальто самых разнообразных фасонов и достоинств. Гораздо интереснее комната, в которой хранятся более мелкие вещи. Здесь можно найти изящные портфели, и связки книг, и подставки для фотографических аппаратов. В углу стоит буковый стул, тоже где-то кем-то забытый! Из более ценных вещей хранятся под замком в особом шкафу золотые и серебряные часы, пакеты с деньгами и процентными бумагами. Дней шесть тому назад найдено, например, кольцо-маркиза с бриллиантами, стоящее по крайней мере рублей двести, а последняя находка – конверт с восемью сторублевыми процентными билетами. Все найденные вещи хранятся здесь 3 месяца, а затем продаются»*{158}.

4.6. Стол о дворниках и швейцарах

29 октября 1902 года при Сыскной полиции был организован Стол о дворниках и швейцарах. Он размещался в помещении Стола приводов и находился под наблюдением его заведующего. В Столе о дворниках и швейцарах сосредотачивались сведения о благонадежности людей этих и некоторых других профессий (сторожа, извозчики, домашняя прислуга, служащие питейных заведений{159}), так как они имели довольно широкие возможности для совершения хищений. Без регистрации в данном Столе никто из частных или должностных лиц не имел права нанимать людей на службу.

Как и в Столе приводов, сведения о лицах размещались на карточках: фамилия, имя, отчество, полицейский участок, название улицы и занимаемой должности, номер дома, размер получаемого содержания, в чем и когда обвинялся и размер наложенного взыскания, награды и аттестация местного пристава. Первоначальные сведения в Стол на каждого вновь поступившего сообщал участковый пристав. Далее листки проверялись в Столе приводов на наличие судимости. Если обнаруживались неблагоприятные сведения, их сообщали участковому приставу, а тот в письменной форме извещал о них нанимателя (домовладельца или управляющего). В большинстве случаев они сразу же увольняли сомнительного работника. Однако если наниматель все же оставлял его на службе, пристав сообщал об этом в Стол о дворниках. И тогда за все последствия несения службы неблагонадежной личностью нес полную ответственность домовладелец или управляющий.

Стол фиксировал в карточках случаи нарушения дворниками, сторожами и швейцарами своих обязанностей. За первое полагался штраф в 10 рублей или при несостоятельности к платежу арест до 7 дней, за второе – штраф до 20 рублей или арест до 14 дней, в третий раз – до 30 рублей или арест до месяца, а в некоторых случаях увольнение от должности и даже высылка с запрещением пребывания в столице. В Стол о дворниках ежедневно поступало «прибылых листков от 100 до 200 и убылых листков от 60 до 100»{160}.

Рис. 34. Петербургский дворник. Начало XX века

4.7. Музей полиции

«Петербургская газета» в 1899 году так описывала музей[46] Сыскной полиции:

> *«В кабинете начальника [Чулицкого М.Ф.] устроен по его инициативе на средства, данные ген. Клейгельсом[47], высокоинтересный музей всевозможных орудий преступлений. Музей пока занимает только один шкаф, но на днях рядом с этим шкафом встанет и другой, такой же полный. Чего только нет в этом шкафе! Вот целая коллекция отмычек, вот "фомки" – инструменты, употребляемые для взламывания дверей, вот нагайки с гирями, отобранные у бродяг с Горячего поля[48], вот гиря, которой была убита Сарра Беккер[49], вот револьвер системы Смит и Вессон, которым Ольга Палем убила Довнара[50]; вот намагниченные карты; вот рулетка, отобранная в игорном доме; вот папиросные коробки с изображением лабори[51]; вот коробки из-под карамели, на которых представлен Дрейфус[52], окруженный терновым венцом. Всех экспонатов этого интереснейшего музея перечислить, конечно, нельзя, но между ними резко выделяется деревянная голова черта, которой ксендз Белякевич[53] пугал в подземелье своих прихожан. Один из этих экспонатов требует к себе на днях судебный следователь. Это – сторублевая бумажка прежнего образца, очень хорошо подделанная от руки по внешнему виду*{161}.

В 1900 году по распоряжению того же градоначальника Н.В. Клейгельса был создан ещё один музей – музей наружной полиции в здании Александро-Невской части (Невский проспект, дом 91 / Гончарная, дом 6, дом сохранился в перестроенном виде). Собирал экспонаты и устраивал экспозицию для этого музея начальник полицейского резерва полковник Владислав Францевич Галле (1862–???).

В 1905 году оба музея соединили на Офицерской, 28, и передали в ведение начальника Сыскной полиции.

В 1907 году музей состоял из четырех отделов, размещенных в пяти комнатах:

уголовно-сыскной отдел;

отдел извозного промысла;

пожарный отдел;

общеполицейский отдел.

«В уголовно-сыскном отделе в строго систематическом порядке сосредоточена … коллекция из 27 больших альбомов с фотографическими карточками и биографическими сведениями преступников, причем каждому виду преступников отведен особый альбом»{162}:

– гастролёры;
– карманные воры;
– воровки-проститутки;
– простые воры;
– воры по передним;
– воры чердачные;
– воры магазинные;
– воры со взломом квартир и магазинов;
– воры с употреблением обмана;
– воры-прислуга;
– воры железнодорожные;
– воры велосипедные;
– пристаносодержатели воров;
– покупщики краденого;
– конокрады;
– мошенники и аферисты;
– грабители и разбойники;
– подделыватели денег;
– поджигатели;
– убийцы;
– шулера-картёжники;
– хипесницы[54];
– хулиганы и «коты»[55];
– ссыльно-каторжные;
– бродяги;
– глухонемые;
– соучастники преступлений;
– барышники театральные;
– подкидчики[56];
– пушкари[57].

По стенам расположены фотографии типичнейших бродяг, рецидивистов, карточки малолетних проституток, карманных воров и проч. Здесь же находятся альбомы с фотографиями обстановки преступлений, в том числе, например, святотатственной кражи в Исаакиевском соборе в феврале 1903 года венчика с бриллиантами с образа Спасителя, совершенной сыном

священника Александром Константским, 42 лет, приговоренным СПб. Окружным Судом к каторжным работам[58]*; фотография варварского убийства во французском посольстве в 1903 году; наделавшего в свое время много шума убийства псаломщика Ильинского на Караванной улице в доме 23 (у Ильинского была отрезана голова, разрублены все части тела, и изуродованный таким образом труп был отправлен в корзине в Варшавский вокзал) и пр. Здесь же находятся альбомы газетных вырезок со статьями и заметками о С.-Петербургской Сыскной Полиции. Этот альбом, равно как и альбом выдающихся преступлений, ведется с 1903 года, со времени назначения Начальником СПбСП В.Г. Филиппова и по его инициативе»*{163}.

Рис. 35. Фрагмент экспозиции музея Санкт-Петербургской полиции. В центре витрина с поддельными монетами

Также на стенах висели портреты основателя музея генерал-лейтенанта Н.В. Клейгельса, генерал-майора В.Ф. Галле и всех бывших начальников Сыскной полиции. В многочисленных шкафах хранились разнообразные орудия убийств и покушений

на убийства, орудия взлома, взломанные замки и запоры, а также предметы, отобранные у заключенных в тюрьмах: перочинные ножи и ножички, сделанные из стальных перьев, из жести и разных кусочков железа. Также выставлялись предметы, в которых арестованные пытались проносить в места заключения запрещенные вещи: чайники с двойным дном, ложки с выдолбленными желобами для проноса записок и стальных пилок.

Особый интерес посетителей привлекали:

– заклепка для кандалов, сделанная на винте, развинтив который, каторжник в любой момент мог освободиться от оков;

– удочка для похищения денег из благотворительных кружек (проволока длиной примерно 35 см, на конце которой были прикреплены нитки – в зимнее время их обливали водой и опускали в кружку со монетами, которые к ним на морозе примерзали);

– револьвер с кинжалом;

– штампы для подделки серебряных монет{164}.

В следующем отделе извозного промысла собраны фотографии и гравюры типов извозчиков, модели извозчичьих экипажей, упряжи и т. п. модели со времени основания столицы и по настоящее время.

Обширный пожарный отдел знакомит с историей развития пожарного дела в столице. Здесь собраны все приборы и приспособления для тушения пожаров и спасения людей, начиная со старинных, примитивных и кончая современными, усовершенствованными. Здесь же на манекенах показано постепенное изменение экипировки и вооружения пожарных.

В общеполицейском отделе сосредоточены образцы обмундирования и вооружения полицейских чинов, разные модели, картины, иллюстрирующие полицейский быт, и т. п.{165}.

В фондах музея имелась уникальная коллекция поддельных и фальшивых монет в количестве 307 штук, переданная в дар Санкт-Петербургским Монетным двором в 1901 году{166}.

В феврале 1917 года музей был разграблен революционерами и постановлениями Временного правительства об учреждении милиции и об ее устройстве в Петрограде (от 17 апреля и 12 июля 1917 года) ликвидирован.

4.8. Летучий отряд

В 1903 году из 12 надзирателей и чиновника для поручений (пятого по счету) был создан Летучий отряд, на который были возложены все зависящие меры к удалению из С.-Петербурга порочного элемента, предупреждению и пресечению преступлений:

> *«а) делать по мере надобности обходы по чайным, трактирам, квасным, постоялым дворам, публичным домам и ночлежным приютам, воровским притонам, квартирам с проститутками, меблированным комнатам и т. п. с целью задержания воров, высланных и беспаспортных;*
>
> *б) бывать во всех местах сборища публики, как то: в церквях во время торжественных богослужений, акафистов, свадеб, похорон, на крестных ходах, гуляньях, базарах, выставках и т. п. местах с целью задержания карманных и других воров;*
>
> *в) делать обходы для задержания нищих;*
>
> *г) делать обходы для задержания ремешечников и игроков в "три карты" и т. п., на улицах и площадях, иметь списки таковым игрокам;*
>
> *д) собирать сведения о лицах, живущих в С.-Петербурге, не имеющих определенных занятий и, по-видимому, занимающихся кражами и другими преступными делами, на предмет представления к высылке их из столицы;*
>
> *– наблюдать:*
>
> *а) за игорными домами, накрывать азартные игры, иметь списки игорных притонов, игроков и шулеров;*
>
> *б) за правильною пропиской и ведением книг в домах, меблированных комнатах и гостиницах;*
>
> *в) за недопущением проживать в С.-Петербурге евреев, не располагающих правом жительства в столице;*
>
> *г) за недопущением игры на деньги на биллиардах и в кости в трактирах, чайных и т. п. местах;*
>
> *– производить хулиганские обходы, иметь списки хулиганов и "котов"*[59];
>
> *– вести фотографические альбомы преступников и списки воров, мошенников, аферистов и т. п. с подробными указаниями их преступности, прозвищ и родственников, а также иметь наблюдение за их*

постоянным местожительством и исполнять поручения по расследованию преступлений, к которым относятся:

а) все кражи и мошенничества однохарактерные, с указаниями однообразных примет неизвестных похитителей, совершающиеся в разных частях города, как то: по передним, у докторов, при найме комнат, из магазинов, с употреблением обмана и т. п.;

б) все дела о фальшивых деньгах и о задержании сбытчиков таковых;

в) все контрабандные дела;

г) собрание сведений о лицах, задержанных в разных городах по сомнении в личности и за различные преступления, по требованиям иногородних полицейских и судебных властей;

д) проверка анонимных доносов и заявлений; и

е) отдельные личные поручения начальника сыскной полиции.

К летучему отряду временно прикомандировываются вновь поступавшие агенты для ознакомления с городом, притонами и вообще со службою для подготовления в полицейские надзиратели»[167].

Результаты деятельности Летучего отряда были весьма впечатляющие – так, за период с 1 июля по 31 декабря 1904 года его сотрудниками было осуществлено задержание 1652 лиц, представлявших оперативный интерес[168]. По мнению современных историков, Летучий отряд Петербургской сыскной полиции стал своеобразным отрядом быстрого реагирования по предотвращению и раскрытию преступлений[169].

Вот как описывает повседневную деятельность Летучего отряда и его начальника очевидец:

«Вечером от 7 до 10 час. В кабинете начальника летучего отряда, кроме спешной, случайной работы идет выслушивание докладов и распределение нарядов на следующие сутки. Командир знает, где будет шумный праздник, где богатые похороны, где завтра будет усиленно биться железный пульс столичной жизни. А на театре его военных действий происходит ежедневно вот что.

Утро. Отряд, получив вечером инструкции, рассыпается по городу. Одни “метут” чайные. Другие отправились за “малиной”[60]*, третьи собирают “клюкву”*[61] *… – Л.К. Петровский [командир летучего отряда] лучше всякого монаха знает святцы, и его*

делегаты чуть ли не до звона забираются на церковные торжества, к великому неудовольствию и неудобству тех богомольцев, которые греют свои руки в чужих карманах.

Полдень. Незримо Л.К. Петровский присутствует на американке[62]*, в банках, в фешенебельных кафе. А к вечеру почти всегда в сыскном уже знают, кто и за сколько продал совесть, кем куплено влияние, чьи фонды пошли в гору, чьи акции упали.*

День клонит к вечеру. Штурмуются трамваи. Идет торговля комами[63]*, боченками*[64] *и сором*[65]*. И тут длинная рука незримого Петровского нет-нет да и ухватит с делом фартового работника по верхотурам.*

Поздний вечер. По полутемным людным улицам ползает вдоль тротуаров болтливая, беспечная, порочная толпа. И здесь, на этом рынке продажной любви, чуткие уши и зоркий глаз представителей шефа летучки уже наметили себе жертву из гадов, хипесниц[66] *или старых мессалин.*

Спустилась ночь. Столица засыпает. Не спит только летучий отряд. Новая партия мелкими группами уже рассыпалась для обхода ночлежек, мельниц[67] *и малин»*{170}.

5. География зла

Книга о сыщиках невозможна без рассказа о преступниках. И этот раздел как раз о них и о местах, где они обитали.

Преступность в Санкт-Петербурге имела свою столицу, главный пункт дислокации криминала. Это, конечно, Вяземская лавра. Начало удивительному кластеру было положено в 1829 году, когда князь Александр Егорович Вяземский купил у наследников директора придворной певческой капеллы М.Ф. Полторацкого земельный участок между Сенной площадью, Горсткиной улицей[68] и Фонтанкой.

Князь был личностью своеобразной. Сослуживец Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку, он перебил «добычу» у самого государя. В 1835 году Николай Павлович положил глаз на девицу Софью Кох, воспитанницу Императорского театрального училища. А Вяземский взял да и похитил недоучившуюся балерину и вывез ее в Данию! Случился громкий скандал. Гусара перевели на Кавказ тем же чином[69], он подвергся августейшей опале. Лишь через пять лет Вяземский был прощен, вернулся в гвардию и поселился в своем новом доме, окнами на Фонтанку. Однако вскоре его владение приобрело в городе дурную славу. Дело в том, что пока его сиятельство дефилировал по горским аулам, его управляющие умудрились застроить весь участок – возвели 13 каменных зданий[70], которые сдали в наем. Часть из них была вроде как обычными для столицы доходными домами, часть – складскими и конторскими помещениями. Все в рамках закона. Дурную шутку с постройками сыграла близость Сенной площади…

Рис. 36. Сенная площадь. Начало 1900-х гг.

Сенной рынок, один из многочисленных рынков Петербурга, имел специфику – тут располагались ряды с провизией, рассчитанные на самого бедного и неприхотливого потребителя. Почти все питерские нищеброды, босяки, бездомные и беспаспортные, алкоголики и мазурики столовались здесь. И селиться им было удобно неподалеку, чтобы проще гонять за закуской. В результате обычные доходные дома заполонили необычные жильцы. Конторщики сразу поняли выгоды такого положения. Ведь от постояльцев нет отбоя, удобств они не требуют, деньги платят исправно, нужно лишь смотреть сквозь пальцы на шалости с пропиской. А квартиросъемщиками, которые носили деньги в контору, выступали вполне приличные с виду обыватели: отставные солдаты, чиновники средней руки, «честные вдовы», просто ловкие люди. Все как один с паспортами и ранее не судимые, они арендовали квартиры целиком. После чего пускали туда жильцов, как сейчас сказали бы – субарендаторов. Им сдавали «углы» и спальные места. Квартиры были двух видов: прямые и боковые. Прямые имели бóльшую площадь, окна на обе стороны, и житье в них обходилось дороже. В боковых же окон насчитывалось вдвое меньше, и они выходили в коридор, отчего в них всегда было темно. Зато проживание стоило дешевле. Публика там селилась поплоше. В такие квартиры набивалось до 80 человек! Нары ставили тесно друг к другу, занимали запечье, коридоры, проходы, самые бедные спали на полу под нарами. Такие квартиры назывались коечно-каморочные – бич города, рассадники антисанитарии. И

преступности. Паспортов у столь непритязательных жильцов обычно не было, или они оказывались просроченными.

В Петербурге всегда имелась огромная армия приезжих, явившихся на заработки. А система была устроена так, что отлучившемуся из волости крестьянину давали вид (заменяющий простолюдину паспорт) лишь на три месяца. По истечении этого срока документ требовалось продлевать: ехать в волость, гасить долги по подушной подати, ставить в бумаги новую отметку еще на три месяца… И так четыре раза в год. Дорого и долго. А потом еще приходилось платить за прописку и одновременно – за право пользоваться больницами. И тогда экономный страдалец переходил на нелегальное положение. Он не мог уже прописаться открыто, в ближайшем участке, потому прятался от полицейских обходов. И селился там, где к таким привыкли и помогали жить без законных оснований.

Именно флигели Вяземской лавры стали огромным приютом для бесписьменных[71]. Полиция долго не решалась перечить богатому и влиятельному князю и терпела беззакония. А когда спохватилась, было уже поздно. В самом центре Санкт-Петербурга, чуть не под окнами здания МВД, вырос город в городе, огромная самоуправляемая коммуна босяков и жуликов. И длилось это до 1913 года!

Внешними форпостами лавры служили трехэтажные дома: по набережной и по Обуховскому (затем Забалканскому)[72] проспекту. В главном (набережная реки Фонтанки, 95) обитал сам князь Александр Егорович. Там же находилась контора по управлению недвижимостью. Позже князь оттуда съехал, а вместо него поселился 3-й участок Спасской полицейской части[73]. В конце века там же расположился Детский приют трудолюбия для детей Сенной площади.

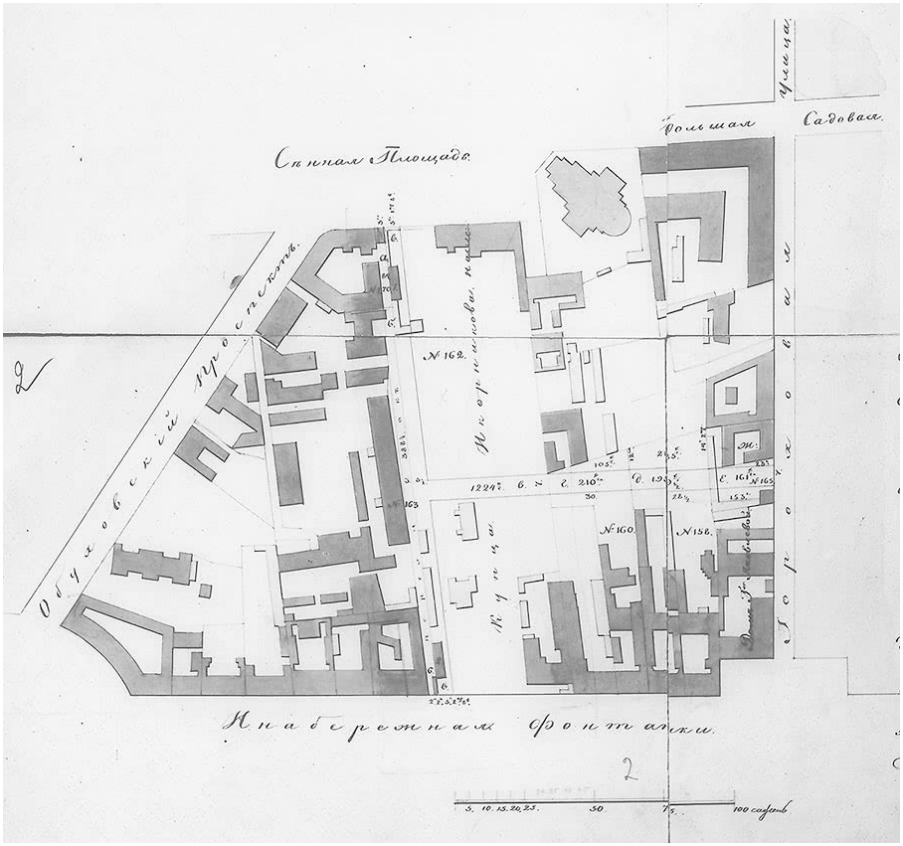


Рис. 37. План Вяземской лавры 1843 года{171}

В домах 4–6 по Обуховскому проспекту, слитых в один громадный «Обуховский дом», располагались постоялый двор, лавки, магазины, пивная и трактир «Сухаревка», описанный Ф.М. Достоевским и В.В. Крестовским. Позже трактир перелицевали в ресторан и назвали «Ярославль», но его полуугоповный характер от этого не изменился. Рядом с ним находилась знаменитая «Мышеловка» – чайная, где собирался пришлый сброд без документов. Заведение часто навещалось агентами Сыскной полиции. Сыщики ловили легковерных дураков и доставляли в участок, почему чайная и получила такое неофициальное название. Одна большая комната с перегородками всегда была набита беспаспортными и лишенными столицы[74]. Другими завсегдатаями «Мышеловки» были плашкетники – воры-подростки, орудовавшие на Сенной площади. Бывалые обитатели лавры обходили чайную стороной и прятались от сыщиков во дворах. Там, за трехэтажным фасадом «Обуховки», раскинулись флигели, где и билась особенная вяземская жизнь, не похожая ни на какую другую.

Флигели лавры имели собственные названия и очень разнились друг от друга по степени опасности. В Корзиночном действительно помещались несколько артелей, которые плели корзины. Их работники имели паспорта и не прятались при облавах. Но рядом с ними обитали настоящие вяземцы. Пьяница и пропащий человек Николай Иванович Свешников (1839–1899), старожил этой клоаки, описал их кратко, но точно: *«Это не благообразная и стыдливая беднота Песков или Петербургской стороны, а люди бесстыжие, лихие и умеющие легко достать копейку»*{172}. Именно последним умением и подкупали вяземцы конторщиков. Если и садились они на мель, то временно и ненадолго. В огромном городе они быстро находили добычу.

Рис. 38. Флигель Вяземской лавры. Начало 1900-х гг.

Другой весьма влиятельной группой являлись тряпичники. У них был легальный промысел в Тряпичном флигеле и в подвалах Стеклянного коридора. Собранным хламом они заваливали пустырь позади кладовых, которые арендовали торговцы с рынка. Меж кучами мусора расхаживали крючечники и своими длинными крюками сортировали его: тряпье, кость, бумага, стекло, железо и проч. Так выглядела внешняя сторона законного дела. На самом деле старосты артелей тряпичников были одновременно скупщиками краденого. Они держали при себе шайки воров различной специализации (фортачей[75], скокарей[76], циперов[77] и т. д.), выступая одновременно

наводчиками, укрывателями и маклаками[78]. Воровская добыча за одну ночь перелицовывалась в специальных пошивочных мастерских и на другой день уже продавалась на рынках в неузнаваемом виде. Главари тряпичных артелей оказывали «красным»[79] важнейшую услугу: реализовывали краденое до того, как его обнаружит Сыскная полиция. Поэтому по значимости они были в преступном мире на видных ролях.

В Вяземской лавре проживали и представители «мирных профессий», они даже составляли там большинство: типографские наборщики, иконописцы, плотники, продавцы еды, банщики, водовозы, билетные проститутки, «стрелки»[80], холодные сапожники[81], факельщики[82]… Жулики были в меньшинстве, но именно они задавали тон. Обыватели день и ночь наблюдали изнанку жизни: при них же, не стесняясь, уголовные обдумывали и прокручивали свои делишки. И никто ни разу не стукнул в полицию по своей воле – здесь нравы мазуриков и простых людей совпадали. Осведомители, конечно, имелись, в первую очередь среди квартиросдатчиков. Потому что все они торговали беспатентно водкой и скупали краденое. Полиция время от времени их на этом ловила и под угрозой высылки вербовала. Такие доносчики поневоле старались ладить и с теми, и с другими. И лишний раз не выдавали уголовных. Ведь от «делового элемента» кормилось множество обслуги. Особенно выгодно было дружить с ворами. Те часто оказывались при деньгах, и тогда дым стоял коромыслом. В Банном флигеле имелись, кроме торговых номеров, еще и семейные (фактически – бордели), и даже «дворянские». Благородия там никогда не мылись, а гуляли воры после удачных краж. Другой богатый и влиятельный слой – держатели ларей на Сенной. Сами они в Вяземской лавре не жили, но хранили в подвалах её корпусов свои товары. И потому вынужденно договаривались с заправилами темных каморок об охране имущества – нанимали их на разовые работы и даже кредитовались у них. Ведь среди вяземцев имелись и богачи – старосты артелей нищих, которые за жизнь умудрялись скопить десятки тысяч рублей, они-то и давали деньги в рост. Старосты платили громилам за охрану капиталов, а заодно присоединяли их кровавые деньги к своим. И давали для пополнения оборотных средств тем же торговцам. Так складывалась круговая порука, где все всё знают, но молчат.

Рис. 39. Картина Г.А. Косякова «Вяземская лавра» на Забалканском проспекте. 1917 год. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Самые страшные обитатели лавры, бандиты и налетчики, жили в Стеклянном коридоре (иначе – Стеклянный флигель, он же Новополторацкий). Этот корпус прятался во дворах позади Тряпичного флигеля. Он был двухэтажным, с большими подвалами. Окна второго этажа располагались настолько часто, что казались остекленной теплицей – отсюда и название. Флигель был самым большим в лавре и самым населенным. Он четко делился на две части: верх и низ. Первый этаж славился обжорным рядом – число обитателей лавры, «вяземских монахов», доходило до двадцати тысяч человек, и им всем нужно было как-то питаться, хоть и на три копейки в день. Поэтому в коридоре первого этажа всегда стояли столы и скамейки – эдакое вонючее и грязное бистро. Винегрет, молоко с творогом, ботвинья, селедки, студень, рядом с ними махорка и листовой табак – все, что нужно неприхотливому человеку. Имелась и собственная коптильня. Вторым местом продажи этой провизии была площадка перед Столярным флигелем. Там торговали тухлыми яйцами, картофелем из чугунков, горлом, селезенкой и жареной дичью; все это тетки собирали в помойных ямах Сенной площади и превращали в «шамовку».

В Стеклянном флигеле одних прописанных, с паспортами, насчитывалось до полутора тысяч человек. Еще примерно столько же жили тайно, без документов. Полиция время от времени делала облавы, однако место славилось лихими обитателями, и

по этой причине сыщики заходили туда осторожно. Бандитам давали скрыться в переулках, а брали бесписьменных и бродяг. Второй этаж флигеля – один сплошной притон, наиболее зловещий круг вяземского ада. Что там творилось на самом деле, никто толком не знает. Уже упомянутый Свешников на втором этаже не бывал и описать его не смог. А полицейские протоколы не сохранились. Известно лишь, что спустить оттуда вниз обобранного чужака являлось любимым занятием тамошних обитателей. Могли и убить, а труп тайно выкинуть в Фонтанку, но чаще просто грабили. Славился второй этаж и малолетними проститутками, среди которых попадались совсем еще девочки 12–13 лет. Головка уголовной лавры, «иваны» и мазы, жили именно здесь. Если сыщики начинали их допекать, они уходили на Горячее поле, о котором расскажем чуть позже…

Угасание лавры началось в конце девятнадцатого века, когда на Сенной площади уничтожили хлебные и обжорные ряды. Вместе с ними исчезли и рыночные барышники (скупщики краденого), главные там прежде люди. Какое-то время продолжали барышничать квартиросдатчики, но их начали за это «лишать столицы». Они перешли на нелегальную торговлю водкой и держались ею до 1909 года. Облавы стали чаще, селить людей без прописки сделалось невыгодным, но лавра пока держалась. Доконали её наследники Вяземского, затеявшие коренную перестройку. Флигели снесли один за другим. Последний, Стеклянный, прикрыли в 1913 году. На месте знаменитой клоаки хотели создать новый рынок. Но успели лишь подготовить площадку и выкопать котлованы под будущие склады-ледники. Началась Первая мировая война, проект был приостановлен. Сейчас от Вяземской лавры остался лишь бывший «Полторацкий дом», имеющий двойной адрес: Сенная площадь, дом 6 / Московский проспект, дом 2. Правда, ранее он был трехэтажным, а в советское время надстроили еще пару этажей.

Рис. 408. Угол Сенной площади и Московского проспекта. Современный вид. Фото Александра Филиппова

Неподалеку от лавры, на Сенной площади позади гауптвахты, находился невзрачной архитектуры, выкрашенный в грязно-желтый цвет дом Анастасии Балабановой, имевший почтовый номер 3[83]. Он славился дикими нравами его обитателей и был всем известен под названием «Малинник».

> *«Трехэтажный корпус его и восемь окон по фасаду, с высокой почернелой крышей, на которой словно три удивленные глаза торчат три слуховые окна, имеет довольно первобытный и весьма неуклюжий вид. Между этим и соседним домом идет род маленького глухого переулченка, который выводит к воротам обоих домов: одни левее, другие прямо. Если вы войдете в те, что левее, – вашему взору предстанет грязный двор, со всех четырех сторон окруженный каменными флигелями, по всем этажам которых, с наружной стороны, поделаны сплошные галерейки, называемые в петербургском просторечии “галдареями”. Эти “галдарейки” являют собою необыкновенное удобство сообщения по всему дому, из любого пункта которого вы с помощью “галдареек” тотчас же проберетесь в любой этаж, в любую квартиру и выберетесь куда вам угодно. Таким образом эти оригинальные пути сообщения придавали всему дому какой-то сквозной характер, как нельзя удобнее*

приноровленный к укрытию всяческих темных дел и темных личностей»[173].

Впрочем, первый этаж дома занимали вполне добропорядочные торговые заведения (мелочная лавка и мучной лабаз), а вот выше… На втором находился трактир, который в конце 60-х годов XIX века содержала купчиха 2-й гильдии Авдотья (Евдокия) Ефимовна Петрова[174], по слухам, дочь действительного статского советника. Хозяйка охотно принимала у себя всякий сброд, укрывала беглых, скупала краденое, разрешала спаивать и грабить посетителей. Третий этаж был разделен на 13 отдельных квартир, каждая из которых являлась отдельным публичным домом со своей бандершей. Сильфиды из этих квартир часто спускались вниз искать клиента. В одну половину трактира, именуемую «чистой», проституток не пускали. Зато во второй они были желанные гости, так как напаивали посетителей к пользе заведения.

Рис. 41. Сенная площадь, дом 3. Фиксационный план XIX века{175}

Рис. 42. Здание, где размещался трактир «Малинник», современный вид (Сенная площадь, дом 5). Фото Александра Филиппова

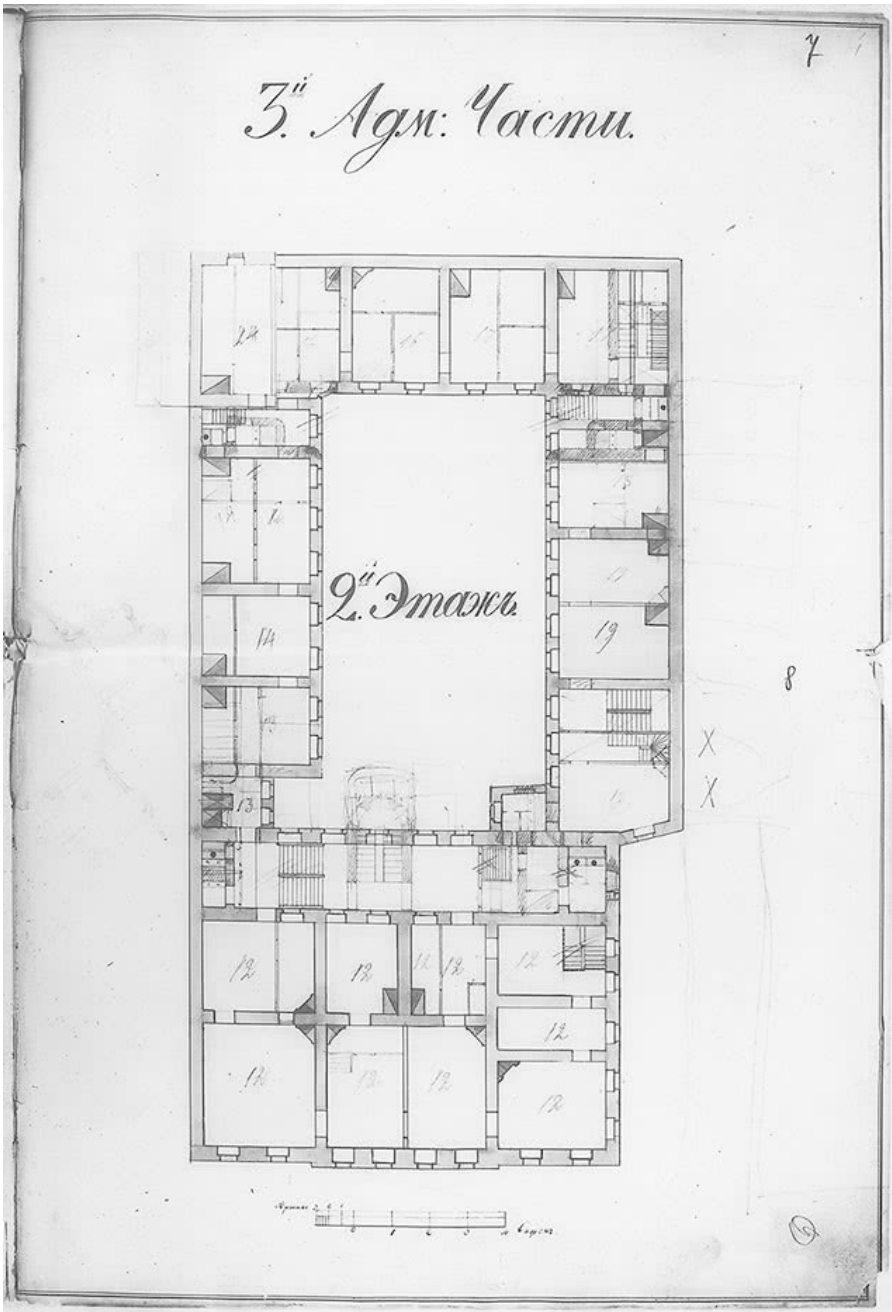


Рис. 43. План помещений второго этажа, где размещался трактир «Малинник»{176}

«Малинник» был одним из самых опасных мест в Петербурге, там могли зарезать даже днем, у всех на глазах. Сыщики боялись здесь появляться – вдруг гайменники[84] возьмут их в ножи? Простые обыватели тем более обходили трактир стороной.

Завсегдатаями притона были уголовные всех мастей. Чужака, явившегося сдуру, спаивали особой смесью и раздевали, после чего вышвыривали на двор. В участке у потерпевшего заявления не брали, а выгоняли взашей со словами: «Не ходи где попало!»

У трактира менялись владельцы, но характер заведения оставался неизменным. Полиция долго и безуспешно боролась с этим гнездом порока. В 1882 году обер-полицмейстер П.А. Грессер даже закрыл трактир, который был «известен издавна полиции как притон воров, дезертиров и распутных женщин» (цитата из распоряжения)[177], на три месяца. Но после истечения данного срока «Малинник» как ни в чем не бывало открылся вновь. Похоже, у тогдашнего владельца купца Соколова имелись сильные связи на самом верху. Ликвидировать жуткое заведение удалось лишь в конце восьмидесятых.

На противоположном конце Сенной площади начинается коротенький, в три дома, Таиров переулок[85]. Самые разбитные во всей Спасской части девки обитали именно здесь – в доме Де Роберти[86]. Днем и ночью они зазывали посетителей, для чего, полуголые, рассаживались на крыльце и распевали озорные песни. *«Иным было лет за сорок, но были и лет по семнадцати, почти все с глазами подбитыми*[178]*».* В прохожего, сделавшего им замечание, они могли запросто кинуть бутылкой, а могли и вызвать подмогу с верхних этажей, и тогда обывателю требовались сильные ноги и везение. Ведь в доме Де Роберти жили исключительно «красные», причем шайками, под надзором атаманов.

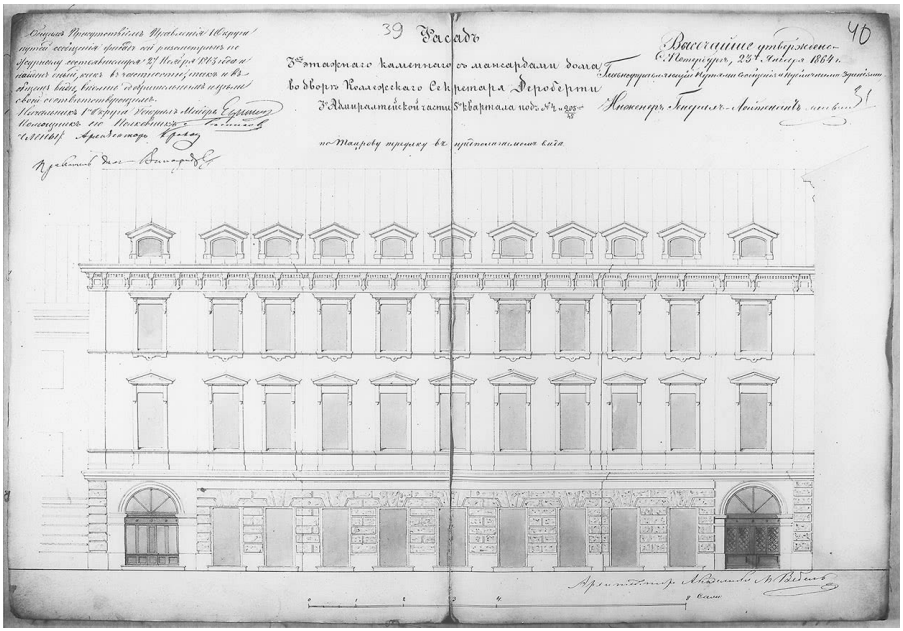


Рис. 44. Фасад дома Де Роберти согласно утвержденного чертежа 1864 года{179}

Рис. 45. Дом по адресу: переулок Бринько, 4 (бывший дом Де Роберти). Современный вид. Фото Александра Филиппова

Помимо Вяземской, в столице имелась еще одна лавра – Пироговская. Она находилась в Малковом переулке[87], возле Ново-Александровского рынка, между Садовой и Фонтанкой. В этом большом трущобном районе обитало до десяти тысяч опустившихся людей, из которых половина не имела паспортов. Если в Вяземской лавре большинство составляли мастеровые, то в Пироговской собрались пьяницы и бездельники. Они жили близостью рынка. Другое название Ново-Александровского торжища – Толкучий рынок, Толчок. Здесь «ходило» много краденых вещей, от белья до велосипедов. Спившиеся портные перешивали носильное платье, потерявшие трудовые навыки оборванцы таскали грузы.

Рис. 46. Вид на Ново-Александровский рынок с реки Фонтанки. Начало XX века

Но у Пироговской лавры была своя, как сейчас сказали бы, фишка. В ней квартировали горюны – факельщики на похоронах. Сами себя они называли траурщиками. Большая артель – более 200 человек – жила в Кадетском флигеле Пироговского дома, всего в двух комнатах. Все они были горькие пьяницы, единственной ценностью которых являлись сапоги. Одеяние факельщика само по себе отличалось даже пышностью: шляпа и фрак с белой оторочкой, брюки с галуном и белый шарф, который заменял манишку, прикрывая отсутствие белья. Задача горюнов – придать торжественность похоронам. Одни несли кисти балдахина, свисавшие с катафалка, другие торжественно шагали с факелами. Белый цвет тогда являлся траурным, и горюны выглядели помпезно. Костюм босяк получал от артельщика на время похорон. Но сапоги ему давать опасались – сбежит и не вернет. Их полагалось иметь от себя. Самые пропащие не выдерживали и пропивали сапоги и тогда вылетали из артели, катясь еще ниже по социальной лестнице. Несмотря на такое житье, горюны считались людьми денежными. За участие в похоронной процессии полагалось 60 копеек, из которых 5 надо было отдать артельщику. Однако безутешные родственники покойного часто добавляли еще денег, а похорон в день было несколько. А еще можно было что-то украсть, если пускали в дом. У людей горе, им не до присмотра… В итоге босяк скапливал к вечеру больше рубля, на которые тут же и напивался в стельку. И так каждый день, пока не «хватит» белая горячка.

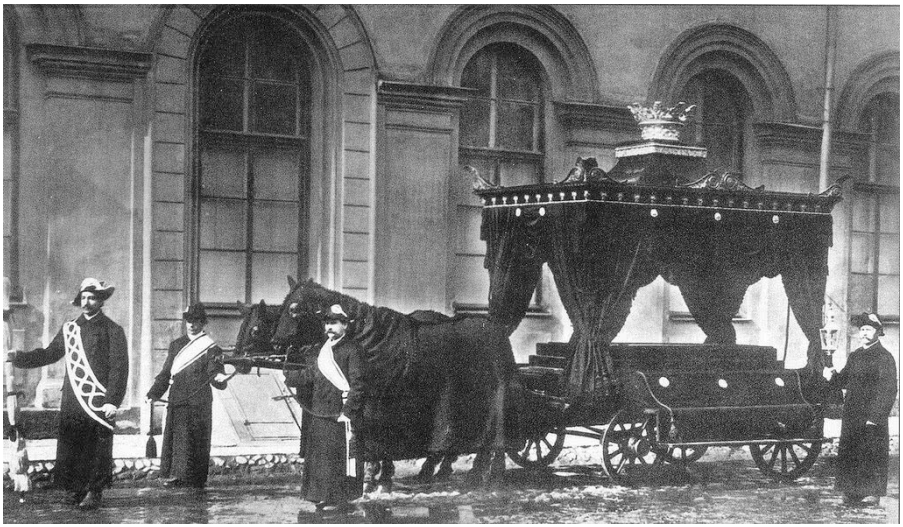


Рис. 47. Катафалк и факельщики. Начало XX века. Фото К.К. Буллы

Все же Пироговская лавра была не столь криминальна, как Вяземская. Профессиональные воры избегали селиться тут – меньше переулков, в которые можно шмыгнуть во время облавы. И повальное пьянство кругом: за косушку[88] аборигены могли сдать полиции кого угодно.

Неподалеку, по обеим сторонам Екатерининского канала, располагалось место компактного проживания столичных евреев. Большая, Средняя и Малая Подьяческие улицы славились специфическим иудейским преступлением – подделкой банкнот. Точнее, подделывали их в Польше, а сюда присылали на реализацию, чтобы одноверцы раскидали «блины»[89] по всей России. Отсюда же евреи запустили в Петербург новый промысел – хипес. Это когда рыжая чертовка с огоньком в глазах заманивала савраса[90] к себе в номер, а там, пока тот был занят соитием, его карманы тайно обследовали неизвестные. Ловкие хипесницы были хорошими психологами. Они выбирали такую жертву, которая постесняется идти с жалобой в полицию, – приличных с виду, очевидно женатых мужчин, которым скандал не нужен… Еще обитатели Подьяческих улиц и Коломны славились ростовщичеством. И хотя лихвенные проценты закон взимать не разрешал, именно на них делались основные барыши. Поэтому держатели незаконных ссудных касс имели свою агентуру, которая узнавала о людях, попавших в сложные обстоятельства: офицер проиграл в карты крупную сумму и готов подписать вексель на любых условиях; или сынок фабриканта втюрился и хочет подарить любовнице дорогие подарки, а

папаша-жмот не дает денег. Подобных «карасей» подьяческие шейлоки брали в оборот и не выпускали, пока не вытрясут последнюю копейку. Такие истории часто заканчивались самоубийствами или долговой тюрьмой…

Другой группой, специализирующейся на ростовщичестве, были скопцы. В своих разменных лавках они давали деньги в рост под те же лихвенные проценты. Между ними и евреями имелось острое соперничество. Часто скопцы посылали в Коломну громил, чтобы ущучить слишком бойких конкурентов. А несчастные иудеи ответить тем же самым им не могли – разбойников из их среды в Петербурге не имелось. Зато каждая пятая кража в столице совершалась еврейскими шайками, куда чужие не допускались.

Мещанские улицы, Средняя[91] и Малая[92], тоже имели свое ремесло. Здесь, на перекрестье с Казанской, публичные дома размещались особо густо. В городе в разное время числилось до 200 официальных борделей, из них почти треть находилась в Казанской части. Возле Каменного моста много лет существовал «пчельник»[93] под зловещим названием «Волчья яма». Там собирались сутенеры, туда же привозили на показ молодых девушек, решившихся выйти на панель. Официально держательницей публичного дома могла быть только женщина в возрасте от 35 до 60 лет. В реальности дома принадлежали крупным бандитам, бандерши выступали лишь ширмой.

Замѣнительный билетъ
и
смотровая книжка
№ 180

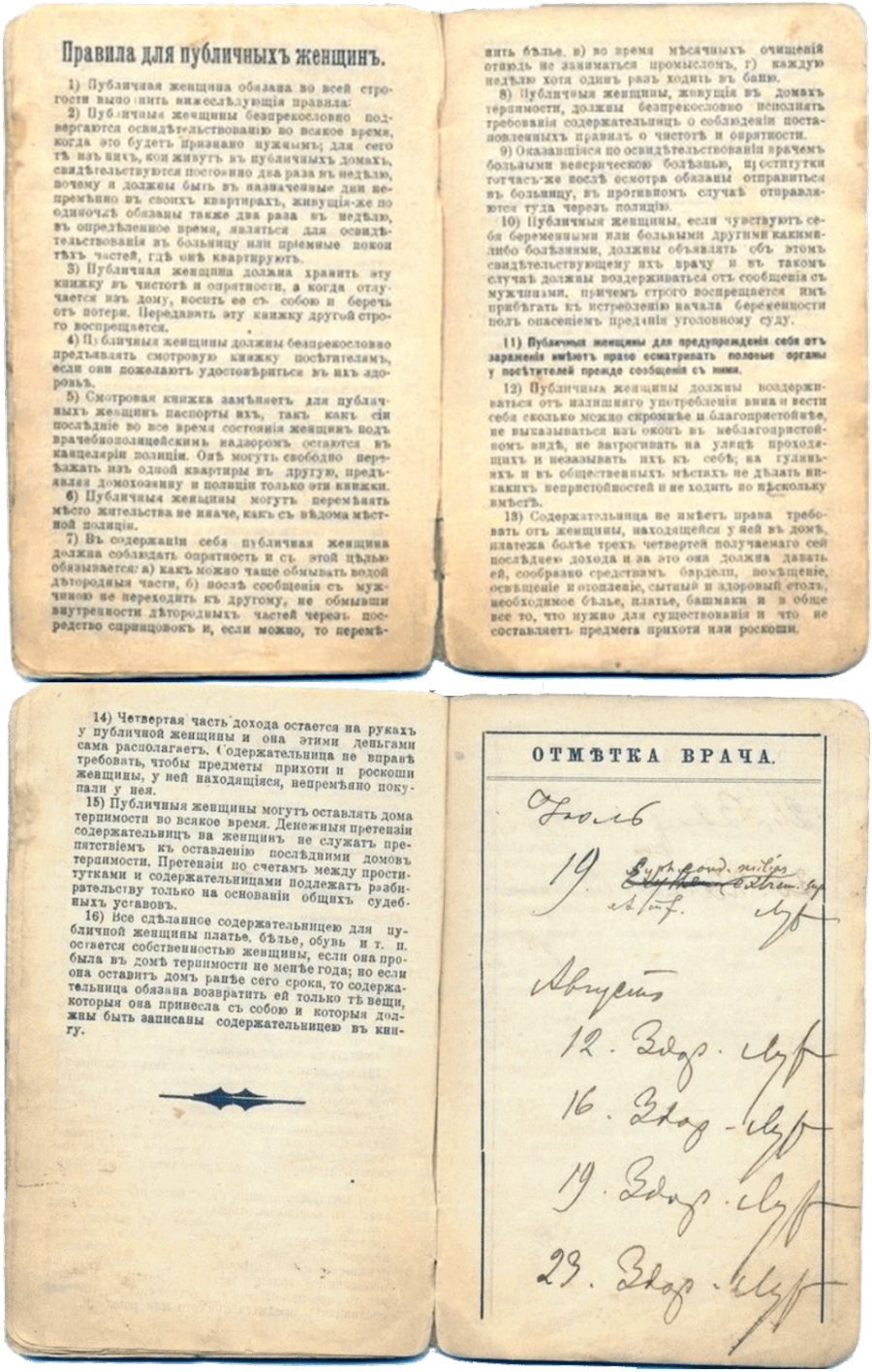
Выдалъ

Настоящій замѣнительный билетъ выданъ проституткѣ Ивойлова Евдокия Михайлова

„20“ лѣтъ, на проживаніе въ Нижегородской ярмаркѣ и Нижнемъ-Новгородѣ по 18 число Июня мѣсяца 1905 года, взамѣнъ подлиннаго ея вида, выданнаго ей изъ

за № 468 каковой видъ хранится въ канцеляріи Г. Полиціймейстера. По полученіи, настоящій билетъ она обязана предъявить тотчасъ въ мѣстный полицейскій участокъ для прописки Июня „19“ дня 1904 г.

За Полиціймейстера



Правила для публичныхъ женщинъ.

1) Публичная женщина обязана во всей строгости выполнять нижеслѣдующія правила:

2) Публичныя женщины безпрекословно подвергаются освидѣтельствованію во всякое время, когда это будетъ признано нужнымъ; для сего тѣ изъ нихъ, кои живутъ въ публичныхъ домахъ, свидѣтельствуются постоянно два раза въ недѣлю, почему и должны быть въ назначенные дни непремѣнно въ своихъ квартирахъ, живущія-же по одиночкѣ обязаны также два раза въ недѣлю, въ опредѣленное время, являться для освидѣтельствованія въ больницу или пріемные покои тѣхъ частей, гдѣ онѣ квартируютъ.

3) Публичная женщина должна хранить эту книжку въ чистотѣ и опрятности, а когда отлучается изъ дому, носить ее съ собою и беречь отъ потери. Передавать эту книжку другой строго воспрещается.

4) Публичныя женщины должны безпрекословно предъявлять смотровую книжку посѣтителямъ, если они пожелаютъ удостовѣриться въ ихъ здоровьѣ.

5) Смотровая книжка замѣняетъ для публичныхъ женщинъ паспорты ихъ, такъ какъ сіи послѣдніе во все время состоянія женщинъ подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ остаются въ канцеляріи полиціи. Онѣ могутъ свободно переѣзжать изъ одной квартиры въ другую, предъявляя домохозяину и полиціи только эти книжки.

6) Публичныя женщины могутъ перемѣнять мѣсто жительства не иначе, какъ съ вѣдома мѣстной полиціи.

7) Въ содержаніи себя публичная женщина должна соблюдать опрятность и съ этой цѣлью обязывается: а) какъ можно чаще обмывать водой дѣторождныя части, б) послѣ сообщенія съ мужчиною не переходить къ другому, не обмывши внутренности дѣторождныхъ частей черезъ посредство спринцовокъ и, если можно, то перемѣнить бѣлье, в) во время мѣсячныхъ очищеній отнюдь не заниматься промысломъ, г) каждую недѣлю хотя одинъ разъ ходить въ баню.

8) Публичныя женщины, живущія въ домахъ терпимости, должны безпрекословно исполнять требованія содержательницъ о соблюденіи постановленныхъ правилъ о чистотѣ и опрятности.

9) Оказавшіяся по освидѣтельствованію врачемъ больными венерическою болѣзнью, немедленно тотчасъ-же послѣ осмотра обязаны отправиться въ больницу, въ противномъ случаѣ отправляются туда черезъ полицію.

10) Публичныя женщины, если чувствуютъ себя беременными или больными другими какими-либо болѣзнями, должны объявлять объ этомъ свидѣтельствующему ихъ врачу и въ такомъ случаѣ должны воздерживаться отъ сообщенія съ мужчинами, причемъ строго воспрещается имъ прибѣгать къ истребленію начала беременности подъ опасеніемъ преданія уголовному суду.

11) Публичныя женщины для предупрежденія себя отъ заражения имѣютъ право осматривать половые органы у посѣтителей прежде сообщенія съ ними.

12) Публичныя женщины должны воздерживаться отъ излишняго употребленія вина и вести себя сколько можно скромнѣе и благопристойнѣе, не выказываться изъ оконъ въ неблагопристойномъ видѣ, не затрогивать на улицѣ проходящихъ и незазывать ихъ къ себѣ; на гуляньяхъ и въ общественныхъ мѣстахъ не дѣлать никакихъ непристойностей и не ходить по нѣсколько вмѣстѣ.

13) Содержательница не имѣетъ права требовать отъ женщины, находящейся у ней въ домѣ, платежа болѣе трехъ четвертей получаемаго сей послѣдней дохода и за это она должна давать ей, сообразно средствамъ заведенія, помѣщеніе, освѣщеніе и отопленіе, сытный и здоровый столъ, необходимое бѣлье, платье, башмаки и вообще все то, что нужно для существованія и что не составляетъ предмета прихоти или роскоши.

14) Четвертая часть дохода остается на рукахъ у публичной женщины и она этими деньгами сама располагаетъ. Содержательница не вправѣ требовать, чтобы предметы прихоти и роскоши женщины, у ней находящіяся, непремѣнно покупали у нея.

15) Публичныя женщины могутъ оставлять дома терпимости во всякое время. Денежныя претензіи содержательницъ на женщинъ не служатъ препятствіемъ къ оставленію послѣдними домовъ терпимости. Претензіи по счетамъ между проститутками и содержательницами подлежатъ разбирательству только на основаніи общихъ судебныхъ уставовъ.

16) Все сдѣланное содержательницею для публичной женщины платье, бѣлье, обувь и т. п. остается собственностью женщины, если она пробыла въ домѣ терпимости не менѣе года; но если она оставитъ домъ ранѣе сего срока, то содержательница обязана возвратить ей только тѣ вещи, которыя она принесла съ собою и которыя должны быть записаны содержательницею въ книгу.

ОТМѢТКА ВРАЧА.

Іюль

19 [illegible]

Августъ

12. Здор.

16. Здор.

19. Здор.

23. Здор.

Рис. 48 а-в. Заменительный билет со смотровой книжкой («желтый билет»), выданный на Нижегородской ярмарке в 1904 году

Проституция в Петербурге была серьезным бизнесом, в котором участвовали десятки тысяч человек. Все гулящие делились на три категории. Билетные были приписаны к конкретному публичному дому и проходили во Врачебно-полицейском комитете регулярные медицинские осмотры (примерно раз в 4–5 дней). Бланковые – одиночки, работающие от себя и принимающие мужчин на квартире. Они получали в полиции тот же самый «желтый» билет, который на самом деле мог иметь и другие цвета. Бланковые подвергались санитарному контролю наравне с билетными. И, наконец, третий вид – «бродячие развратного поведения», по терминологии тех лет. То есть нелегалки, продающие себя втайне от полиции. Эти были самыми опасными для клиента, поскольку медосмотры не проходили и почти поголовно были заражены венерическими болезнями. Впрочем, визит к продажной женщине в столице всегда был опасен: половина бланковых и билетных, регулярно подвергавшихся медосмотру, тоже страдали сифилисом или гонореей.

Для любителей конспирации существовали «секретные номера», где можно было предаться греху втайне от всех. Их посещали преимущественно женатые мужчины. Такие номера имелись в «Вене» на Малой Морской, в «Гигиене» в Дмитровском переулке, в «Москве» на Владимирском проспекте… Здесь промышляли не только профессионалки, но и замужние женщины, искавшие приключений или легких денег. Особняком стоял доходный дом генерал-лейтенанта Ивана Максимовича{180} на Невском проспекте, 82[94]. Официально бордели не могли здесь находиться, проституткам было запрещено «гулять» по Невскому. Поэтому дом Максимовича бесхитростно маскировался под обычный доходный. Вот только селились там не обычные жильцы, а уличные проститутки, которые *«тут частенько пошаливали и от которых многие “гости” уходили – кто без кошелька, кто без часов и т. д. Были нередко случаи, как здесь, так и в других домах, что проститутки, зазвав “гостя” к себе, срывали с него на темных лестницах часы и успевали убежать и скрыться*{181}*»*. Ещё одним оазисом продажной любви была знаменитая Слоновая[95] улица, что в Песках. В переулках вокруг нее пряталось более 30 борделей.

По данным статистики, в начале XX века в Петербурге насчитывалось около четырех с половиной тысяч билетных, до шести тысяч бланковых, и еще почти три тысячи женщин полиция «подозревала» в тайной проституции. В действительности последних было намного больше, особенно в непроницаемых для надзора местах (Гавань, Горячее поле и т. д.).

Сексуальные услуги оказывались и в многочисленных городских банях. В каждой из них имелись отдельные кабинеты, в которые за отдельную плату банщик приводил девок из ближайшего дома терпимости. А ежели клиент желал однополой любви, банщик мог обслужить его и самолично. Так, в 1866 году в одной из бань «застукали» за этим семнадцатилетнего банщика Василия, давшего полиции следующие показания: «когда придет желающий заниматься этим, то приказывает мыть, а между тем я уже вижу, что ему не мытье нужно, и он начинает обнимать и целовать, спросит, как зовут, а потом сделает со мной, как с женщиной…»{182} Ещё Василий сообщил, что и другие банщики тоже оказывали услуги мужеложцам, и «все полученные за это деньги клались нами вместе и затем по воскресеньям делились{183}». Однако частенько «тетки»[96] приходили в баню сразу с «кавалерами» – солдатами многочисленных петербургских полков, которых они «снимали» по будним дням на Конногвардейском бульваре, а по выходным – в Александровском парке Петербургской стороны. Там, обменявшись сперва многозначительными взглядами, «тетка» с солдатом направлялись к ближайшему ретираднику[97], где производились осмотр и ощупывание претендента на близость. Если результат вдохновлял съемщика, парочка отправлялась в бани или номера, если нет, солдатик получал двугривенный «без всякого с его стороны труда»{184}.

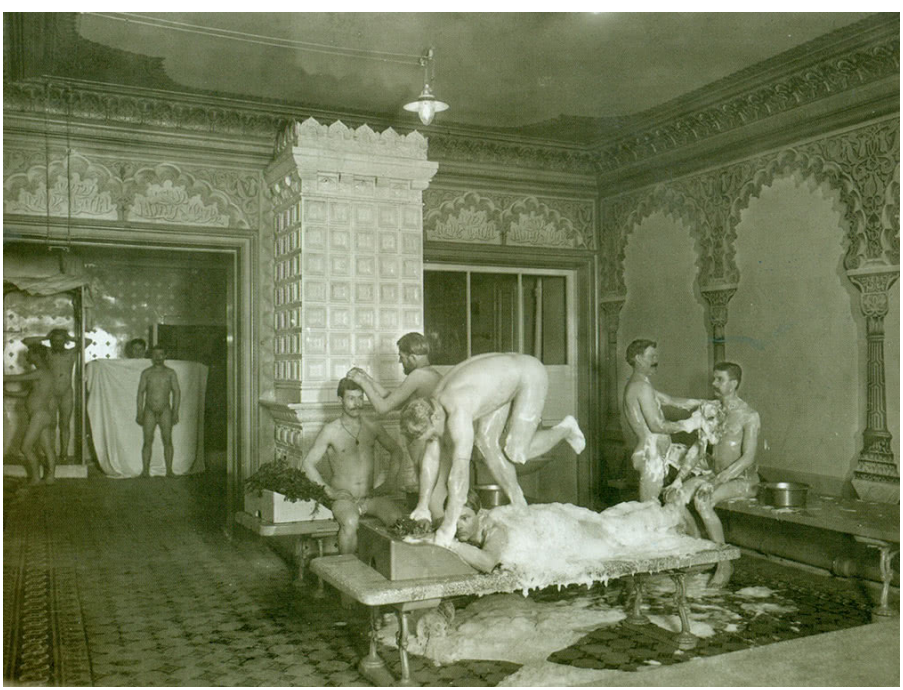


Рис. 49. Банщики моют посетителя в мыльне. Фотоателье К.К. Буллы. До 1910 года

В том же Александровском парке процветала и детская проституция. Официально «желтый» билет разрешалось получать с 16 лет. Однако всегда находились сладострастники, которым подавай помоложе… По парку в выходные гуляли солидного возраста дамы вместе с юными «племянницами». Знающие люди легко узнавали их среди настоящих бонн и договаривались. Конечно же, девочки стоили значительно дороже взрослых женщин.

Надо отметить, что Александровский парк Петербургской стороны был одним из самых криминальных мест в городе. И потому туда мы ещё вернемся. Но сперва расскажем о преступности в других частях города.

Невский проспект и прилегающие к нему торговые улицы (Большая Морская, Большая Конюшенная, Большая Садовая и т. д.) всегда были заполнены состоятельной публикой. А где кошельки, там и карманники-марвихеры. «Если карманник наметил кого-нибудь своей жертвой, то он сначала старается определить, где данный субъект держит свой кошелек, бумажник, часы и другие драгоценности. Он для этого осторожно ощупывает его или наблюдает за ним, например, через витрину магазина… Он [карманник] вытягивает указательный и средний палец и защемляет между ними предмет, остальные же три пальца прижимает к ладони и употребляет их в случае нужды, для расширения складок кармана»{185}.

Карманники приучались к своему ремеслу с малолетства. В период ученичества их называли жуликами – это слово означало нож, которым «подрезают в тесноте карманы или отрезают воротники и рукава»{186}.

Впрочем, преступная деятельность карманников центром города не ограничивалась, они орудовали во всех местах скопления публики: театрах, церквях, на крестных ходах, на скачках, в общественном транспорте и т. п.

А вот ловкачи-мошенники, совершавшие кражи в магазинах с помощью хитрости и ума, конечно же, предпочитали центр, где торговался самый дорогой товар. Приемы они использовали самые разнообразные. Однажды в шляпном магазине два покупателя примеряли меховые шапки. Один другого оскорбил, завязалась драка, в пылу которой первый выскочил из магазина, а второй погнался за ним. Надо ли упоминать, что у обоих на головах были неоплаченные шапки{187}? В 1911 году в только что открывшемся магазине Гвардейского экономического общества на

Большой Конюшенной улице, дом 21–23[98], при сводке кассы была обнаружена крупная недостача. Подозрение пало на служащих, за ними был усилен надзор. Но в то же время председатель общества велел приказчикам более внимательно следить за покупателями. 21 октября в магазин «явился студент-технолог, хорошо одетый и с барскими замашками. Он отобрал товар на 1500 рублей 65 копеек. При этом приказчик обратил внимание, что покупатель брал разные вещи без разбора: хрусталь, бронзу, духи… буквально всё, что попадалось под руку. Затем студент приказал упаковать весь товар, сказав, что зайдет за ним через час или два[99]». Вернувшись, он предъявил выписанный ему ранее чек, на котором стоял штемпель кассира «уплачено». Так как студент показался приказчику подозрительным, тот доложил о нём председателю, который произвел проверку и выяснил, что в кассе был оплачен другой чек, выписанный изначально на 65 копеек, а цифры один, пять и два ноля были пририсованы. После недолгого запирательства студент Кладовский сознался в преступлении.

В другом конце Невского проспекта ещё в пятидесятых годах XIX века был построен Николаевский[100] вокзал. «Баны»[101] всегда и везде являлись рассадником преступности. Поездушники[102], скрипушники[103], продавцы медных часов под видом золотых, карманники, бродяги, дергачи[104], коты[105], передержатели[106]… Все эти люди существовали за счет Николаевского вокзала. Близлежащая к нему Лиговка заслуживает отдельного разговора. В доходном доме барона В.Б. Фредерикса (Лиговский проспект, дом 10[107]) образовался огромный четырехэтажный притон. Селились там исключительно воры и бандиты, не обременяя себя пропиской. Поскольку домовладелец был министром Двора и другом двух подряд государей, у полиции к нему вопросов не возникало… По соседству находились такие славные улицы, как Разъезжая с Коломенской, и не менее знаменитые Чубаров[108] и Свечной переулки. Здесь находилось множество постоялых дворов, заведений извозного промысла, ломовых и транспортных контор. Полиция часто находила в их конюшнях угнанных лошадей, а иногда и вещи со следами крови, и даже трупы. Здесь же селились и «черные» извозчики, иначе называемые блатноги, – незаменимые помощники громил. Подвезти убийц к жертве, доставить труп до ближайшей проруби, умчать банду с налета – для всего этого нужны доверенные люди на сильных конях. Их и поставляла Ямская слобода. А на углу Коломенской и Свечного, к примеру, стоял дом-притон не хуже Пироговской лавры, с самыми дешевыми проститутками. Вот только коты при них были злые и

часто вытрясали из клиентов не только деньги, но и душу. Почти во всех домах имелись свои шайки портяночников – мелких грабителей, любителей снимать башлыки с прохожих. Народ тут селился как на подбор темный: варили лак без патента, торговали спиртом и водкой, барыжничали и укрывали высланных из столицы воров. Дети таких родителей сбивались в шайки и задирали прохожих на Обводном канале. Путь им был один – стать бандитом.

Переулки вокруг Обводного канала имели еще одну криминальную специализацию. Именно в них прятались склады тряпичников – главных покровителей воровского ремесла. Воронежская, Тосина, Боровая улицы были сплошь уставлены угрюмыми домами с флигелями во дворах. Ворота охраняли злые собаки. Здесь же перешивалась краденая одежда, после чего продавалась на Ново-Александровском рынке и на Горушке (охтинском полуугловном рынке). На Предтеченской[109] улице проживал известный в узких кругах блатер-каин[110] Игнатьев по кличке Чугрей. Полиция долго не могла прижать его к ногтю – уж больно был ловок.

Знаменитые Семенцы – местность около плаца Семеновского полка – отмечались грабежами три десятилетия подряд, покуда их не застроили. В начале девятисотых вдруг резко выросло число грабежей вокруг Варшавского вокзала. В прилегающих к нему улицах прохожих чистили чуть ли не каждую ночь. Градоначальнику пришлось усилить полицейское присутствие в округе. Улицы стали патрулировать не просто городовые, а волкодавы из Летучего отряда Сыскной полиции. Но даже у них ушло два года на замирение этой части Обводного канала.

Особый мир представляли балаганы Калашниковской[111] набережной. Все, что приходило в город по Неве, сгружалось и хранилось здесь. Огромные обороты хлебной торговли кормили не только купцов, но и крючников, босяков, жалких халамидников (базарных воров), комиссионеров страховых обществ. А еще «оптовых» воров, которые таскают добычу возами. При этом или подкупался сторож на воротах, или ему давали по голове… Если купец вдруг серчал и жаловался в полицию, его склад мог ненароком сгореть. Зерноторговцы это знали и не очень расстраивались из-за убытков, а просто вставляли их в цену. У «оптовых» имелись свои черные извозчики, только не живейные, а ломовые. И свои атаманы – воры-чистяки. Под видом торговых агентов они шлялись по пакгаузам и узнавали, где и что плохо лежит. В начале двадцатого века чистяки сменили тактику. Теперь сторожей не трогали, а воровали при помощи поддельных накладных. Товары вывозили целыми обозами, особенно сахар и

дорогую ситную муку.

Рис. 50. Калашниковская набережная

Самое же жуткое в Петербурге место начиналось с площади перед Скотопригонным двором. Он находился в конце Забалканского проспекта, за Обводным каналом. У входа стояли две статуи быков работы скульптора В.И. Демут-Малиновского. Поэтому жаркое местечко так и называлось – «у быков». Отсюда начиналась питерская преисподняя – Горячее поле.

Рис. 51. Скотопригонный двор

Оно называлось так из-за расположенной здесь вечно дымящейся свалки отбросов скотобойни. Начиналось поле недалеко «от быков» и шло на юг, охватывая с трех сторон Митрофаньевское и Громовское старообрядческое кладбища. Нехорошая местность тянулась на много верст за Московскую заставу вдоль одноименного шоссе. На западе она примыкала к трущобам Нарвской заставы и казармам Путиловского завода.

Тон всему задавали огромные обороты мясного дела. В год одного только крупного рогатого скота Петербург потреблял более 140 000 голов[112]. Плюс скотина помельче: свиньи, бараны, телята. Мясопромышленники поставляли товар в 1020 лавок[113]. Петербург был третьим по численности городом Европы после Лондона и Парижа. Он один съедал мяса больше, чем все губернские города, вместе взятые. Вокруг таких громадных денег кормилось множество народа. Мясо с боен воровали всегда. В той же Москве счет похищенному при Рейнботе с Мойсеенко[114] шел на сотни пудов. Торговцы жаловались, но полиция только отмахивалась… В Петербурге порядка было больше, но утягивали тоже немало.

День и ночь на Скотопригонном забивали животных. Этим занимались особо обученные люди – башколомы. Они валили могучего черкасского быка с одного удара. Иногда такие специалисты срывались и становились фартовыми. Путь им был прямиком на Горячее поле. Ошибка: источник перекрёстной

ссылки не найден

В теплые месяцы все его огромное пространство было заселено людьми. От Веселой поляны, возле Скотопригонного двора, и до Пьяного края, позади Митрофаньевского кладбища, стояли шалаши. Народ играл на гармошках, майданщики торговали разбавленным спиртом, торговки предлагали щековину с рубцом… Свобода! Среди обитателей поля были и обычные мастеровые с паспортами, которые удалялись из душного города на летние квартиры. Они ночевали в шалашах, уходили оттуда на работу, а по вечерам пили водку и дрались. Другие обитатели – бесписьменные. Они жили в таких же шалашах, но бегали от полицейских облав по кустам. Это называлось «ломать тальянку». Жили голодранцы за счет свалки. Днем они копались в отбросах, извлекая еду и кости со шкурами, которые можно было продать старьевщикам. Ночью жгли костры и воровали друг у друга, после чего тоже дрались… В мае – июле в шалашах скапливалось до 40 тысяч обитателей! Какая тут облава? Полиция заходила с краю, где поменьше людей, хватала кого могла и сама убегала прочь. Поэтому законной власти тут не было никакой, все вершили фартовые из тех, кому нельзя было селиться в городских кварталах, – варнаки[115], дезертиры, рецидивисты и гайменники. Их было всего несколько десятков, но, пожалуй, это были самые страшные люди в столице. И терять им было нечего, поэтому полиция старалась их зря не беспокоить. Зимой они прятались в лесных оврагах между Автово и Средней Рогаткой, жили в землянках, топили печи, а по ночам черные извозчики вывозили их «на делопроизводство». Летом, когда Горячее поле заполнялось жильцами, его элита перебиралась из землянок в шалаши возле оврага позади свалки, так называемой Волчьей канавы, и начинала собирать дань с местного населения. Там же подыскивали подходящих людей с надежными документами. Дело в том, что летом все зажиточные горожане съезжали на дачи, а их прислуга отпрашивалась в деревню на сенокос. Вместо неё нанимались временные люди, с документами, но без рекомендаций. Их-то и подсылали лихие ребята, чтобы почистить богатые квартиры. Однако промышляли они не только кражами, но и грабежами. Чаще всего их жертвами становились гуляки, ночные посетители кафешантанов вроде «Орфеума»[116] и загородных ресторанов наподобие «Самарканда»[117]. Очень часто грабеж завершался смертоубийством. Труп старались доставить на Горячее поле, чтобы захоронить в братской могиле в той же Волчьей канаве. Когда нет тела, нет и уголовного дела, вдруг гуляка сбежал от жены или кредиторов? Каждое лето в овраге появлялось несколько братских могил.

Тайные убежища с самыми злыми в городе людьми, с кладбищами при них – черное пятно на репутации Петербургской полиции. Здесь никогда не видели городового или сыщика. Лишь в 1910-х годах, когда застройка стала наступать на Горячее поле, обитатели Волчьей канавы исчезли. Однако окончательно ликвидировать клоаку сумели лишь при советской власти.

Рядом с Горячим полем, напротив Воскресенского Новодевичьего монастыря, располагался неофициальный, но многолюдный Конный рынок. Бал здесь правили цыгане. Они перекупали у крестьян лошадей еще на подходе к рынку, а затем продавали желающим втридорога. Действовали чавеллы большими группами, ходили с ножами, и фартовые предпочитали с ними не связываться.

Опасно было и в петербургских парках. Особенно отличался Беклешов сад[118] в Кушелевке. Расположенный на окраине, где полицейский надзор слабее, он был опасен круглый год. Извозчики ездили туда неохотно и лишь в светлое время суток. Такой же дурной славой пользовались Удельный и Мало-Петровский парки[119]. Однако самым криминальным был уже упоминавшийся Александровский на Петербургской стороне. Он возник в царствование Николая I на месте эспланады вокруг Петропавловской крепости. Но почти два десятилетия простоял пустым – публика предпочитала отдыхать на Крестовском острове, где имелись рестораны, трактиры и места для пикников. Все изменилось в 1865 году с открытием в южной части парка Зоосада. Теперь по воскресеньям туда приезжало до десяти тысяч человек. Естественно, вслед за публикой в парк потянулись карманники.

Рис. 52. Буфеты в Александровском парке. 1911 год. Фото А. Павлович

В конце 1900 года в парке открылось ещё одно увеселительное заведение – Народный дом императора Николая II[120], в котором давались концерты с участием Л.В. Собинова, Ф.М. Шаляпина и других оперных певцов, выступали куплетисты и эстрадные звезды. В саду Народного дома (на территории парка) устроили буфеты, качели, карусели, силомеры, «американские горки», пустили мини железную дорогу. Публики стало много больше. Преступников тоже. И это уже были не старые добрые карманники. Теперь в парке верховодили подростки-хулиганы (они же башибузуки, апаши и горчишники). В отличие от мазуриков старой формации они часто совершали преступления, не имевшие никакой четкой цели, могли избить и даже убить просто так.

> *«Основной контингент хулиганов состоял из молодых людей, не обремененных ежедневной работой… – учеников в ремесленной мастерской, фабричных, не слишком дороживших местом у станка, выгнанных за пороки гимназистов… Участие в банде – способ реализации молодежи в обществе, которому нет до неё дела и в котором нет для неё места. Банда дает подростку защиту, чувство принадлежности к некой общности, возможность заявить о себе самым брутальным образом… Заломанные фуражки-московки, красные*

фуфайки, брюки, вправленные в высокие сапоги с перебором, папироски, свисающие с нижней губы, наглый вид. Внимательнейшее отношение к внешности – челочка в виде свиного хвостика спадает на лоб, при себе всегда расческа и зеркальце. В кармане – финский нож и гиря, заменяющая кастет. Цвет кашне указывает на принадлежность к той или иной банде[188]*».*

Банд на Петербургской стороне было четыре: «Гайда», «Роща», «колтовские» и «дворянские». Территория части была строго поделена между ними. Вся, кроме Александровского парка. Там могли орудовать все: бить и даже резать посетителей, нагло приставать к девицам, пришедшим в Народный дом на представление или танцы. Украденное и отнятое хулиганы сдавали скупщикам (в 1908 году на этом попался старший дворник дома № 16 по Татарскому переулку! Это притом что все дворники в столице были помощниками полиции и назначались на должности лишь после проверки в СПбСП). Вырученные деньги пропивались хулиганами в ресторанах и трактирах. Впрочем, безобразничали банды не только в Александровском саду. Даже на Большом проспекте могли ограбить среди бела дня. А ночью могли и убить.

Беспокойными были и все рабочие окраины. Ново-Александровская слобода населялась пролетариями Невского и Обуховского казенных заводов. Большая их часть – выходцы из деревни, приехавшие в город на заработки. Оторвавшись от круговой поруки общины, а заодно и от сельской морали, они быстро пускались во все тяжкие. Статистика утверждала, что количество преступлений среди фабричных было в 19 раз (!) выше, чем среди крестьян. Жизнь в казарме у всех на виду, тяжелый многочасовой труд, отсутствие, как тогда говорили, разумных развлечений… В результате в слободе царило повальное пьянство. И все преступления были соответствующими: подраться, разбить соседу голову кирпичом, ограбить винную лавку, украсть с завода железяку, оскорбить городового. В воскресенье с самого утра вся полиция убегала из слободы, оставляя ее в распоряжении аборигенов. К обеду уже появлялись первые побитые, а к вечеру – и порезанные. В Пасху и на Масленицу могли спьяну и убить. Фартовые в пролетарской слободе не имели никакого веса, поскольку отнять у нищих было нечего…

Иначе выглядела Нарвская застава. На выезде из нее селились люди, обслуживающие богатые дачи Петергофской дороги. Плюс инженеры и управляющие здешних заводов,

комиссионеры и посредники, владельцы торговых заведений. Тут фартовым было чем поживиться. Однако в день выдачи получки пролетарии выгоняли из слободы всех, кто не вымазан сажей. И начиналось повальное пьянство, быстро переходящее в побоище.

Третий тип рабочей окраины представляла Выборгская сторона. Наличие двух академий – Военно-медицинской и Михайловской артиллерийской – делало этот район интеллигентным. Да и лейб-гвардии Московский полк задавал хороший тон. А большое количество промышленных предприятий давало пролетарию возможность выбора. Здешние фабричные и получали больше, и вели себя с мастерами более независимо, даже дерзко. Еще хлеще выступали их дети. Две главные шайки – «фризовские» и «сампсоньевские» – враждовали друг с другом десятки лет. Между ними шли нескончаемые драки, иногда заканчивавшиеся убийством.

Кулачные бои в Петербурге имели давнюю традицию. Ее принесли с собой крестьяне: соседские деревни всегда ходили стенка на стенку. В столице местом таких боев были Автово, Купчино, село Смоленское, Охта, а еще Бородин переулок[121] возле Нарвских ворот. Но то были «спортивные» баталии (в Автово чуть ли не сто лет подряд выбирали лучшего в городе кулачного бойца). Однако злые и жестокие драки хулиганов с рабочих окраин ничего общего с этим не имели. Да и прохожим от них доставалось. Полиция время от времени пыталась изъять зачинщиков, атаманов уличных банд. Но их было трудно выявить, поскольку агентура в фабричной среде отсутствовала – за доносительство башибузуки резали.

К 1910-м годам в распри между молодежными бандами на Выборгской стороне вмешались взрослые мужики. Начались драки рабочих завода Кёнига со шпаной Большого Сампсоньевского проспекта, которые быстро переросли в поножовщину с человеческими жертвами. Градоначальник приказал взять хулиганов на особый контроль. В Сыскной полиции появился специалист по этому виду преступности, надзиратель Павел Давыдов. Довольно быстро он сумел запечатать в Кресты основных зачинщиков. На улицах стало чуть спокойнее.

А ведь Выборгская сторона считалась самым приличным местом на правом берегу Невы. Там была канализация, водопровод, горели газовые фонари, ездили паровые трамваи. Сии достижения цивилизации даже не снились Кушелевке, Пискаревке, Парголову или Новой Деревне. И преступления там были под стать уровню цивилизации: зимой ломали дачи, летом обижали грибников. В Полюстрово квартировали цыгане и

занимались «национальными» шалостями: конокрадством и торговлей наркотиками. В Старой Деревне печальной славой пользовался Шишмаревский переулок, куда извозчики не ездили даже днем. На Охте традиционно воровали порох с казенных заводов. Еще тамошние босяки шалили на Горячем поле[122] возле белевских кирпичных заводов. Там была огромная свалка промышленных отходов, возле которой жили в землянках несколько сотен опустившихся горемык.

Самый большой из островов, Васильевский, тоже славился в первую очередь хулиганами. Банд там имелось две, которые делили территорию пополам. «Васинские» контролировали юг, а «железноводские»[123] – север; границей между враждующими державами была речка Смоленка. На мосту через неё часто происходили стычки. В отличие от горчишников Петербургской стороны островитяне прохожих не задевали, а разбирались исключительно между собой. Постоянным поводом для этого выступали «спорные» девушки. Бои были кровавыми. Вот случай из хроники. Весной 1907 года Ивана Петрова, вожака «васинских», ранили ножом на Масленицу. Его брат Николай, по кличке Колька Нога, подкараулил одного из обидчиков, Марка Хильмана, и ударил его финкой в сердце. От чего тот умер на месте. Перед этим Колька три недели дознавал, кто именно резанул Ваську, так что действовал вполне осознанно.

Пример василеостровской молодежи подавали старшие товарищи. Так, рабочие аптекарского депо Пеля издавна враждовали с пролетариями соседнего завода Буха. 20 апреля 1909 года они подловили врагов на Седьмой линии и устроили тем кровавую баню. Одного «буховского» убили на месте, другого тяжело ранили. И это без особого повода, в виде развлечения…

Васильевский остров имел собственную клоаку, именуемую Гаванским полем. Здесь размещалась одна из городских свалок. Как и Горячее поле, она привлекала всякий сброд. Неподалеку от Гаванского располагалось Смоленское поле – большой пустырь между Гаванью, Чекушами и речкой Смоленкой. В восемнадцатом веке здесь проводились казни (а в 1866 году там был повешен Каракозов). Зловещее прошлое долго мешало застройке этого участка. В результате там расположились огороды военного ведомства, в которых летом прятались босяки и дезертиры. Время от времени полиция поднимала там трупы…

Столицей здешних мест являлась Гавань. А главная её улица – Наличная – играла там роль Невского проспекта. Ее трактиры и пивные обслуживали нетребовательное население вполсилы. Хозяев заведений больше интересовала портовая контрабанда. Еще гаванские барыги славились тем, что ловко

спаивали иностранных моряков. К каждому торговому заведению было приписано от трех до восьми проституток самого жалкого пошиба. Официально женщины не могли присутствовать в пивных в качестве прислуги. Но полиция при обходах регулярно их там обнаруживала. Вместе с бутылками водки, что тоже в пивных не дозволялось. Гаванские гулящие находились на самой низшей ступени социальной лестницы. Все они страдали сифилисом, беспробудно пили и соглашались отдаться за еду.

Гавань имела свой аналог Вяземской лавры – шесть двухэтажных бараков, выкрашенных в буро-коричневый цвет, которые вытянулись вдоль Шкиперского канала. Они назывались Кекинские дома, и селились там сплошь алкоголики и бузотеры. Их жены шили жилеты и занимались переплетным делом, а мужья пропивали трудовые заработки супружниц. Интересно, что сам купец первой гильдии Алексей Леонтьевич Кекин, известный хлеботорговец и крупный домовладелец, славился благотворительностью. После смерти единственного сына он по завещанию передал все свое имущество городу Ростову (Ярославской губернии). Это не мешало богачу много лет получать плату с гаванцев за жизнь в невообразимо ужасных условиях.

Дурную репутацию имел близлежащий к Васильевскому остров Голодай. Прежде там содержалась каторжная тюрьма. Затем на ее месте разбили немецкое и армянское кладбища, но дух криминала остался. Население острова отличалось особым неуважением к закону. Большинство жителей были беспаспортными, они укрывались тут от полиции. Мало селилось простых ремесленников и много мазуриков. Или, как тогда выражались, людей с неопределенным родом занятий…

Рядом с Голодаем располагался целый архипелаг небольших островов: Жадимировского, Гоноропуло, Кашеварова. Пустынные и продуваемые ветрами, острова эти давали приют дезертирам и беглым преступникам. На Гоноропуло, к примеру, со времен Петра I закапывали в песок тех, кому было отказано в церковном погребении: казненных, самоубийц, раскольников. Поэтому ни полиция, ни обыватели старались сюда не соваться. Лишь по весне появлялись охотники на прилетевшую дичь, да и тех беглые быстро отваживали. К началу XX века все эти острова исчезли – протоку Малой Невы засыпали и присоединили их к Голодаю.

Особняком стояли Вольные острова, самые зловещие и опасные. Они представляли собой отмель в устье Малой Невы, которая появилась между 1815 и 1817 годами, а через полвека, когда море опустилось ещё, этот архипелаг превратился в единый остров[124]. Болотистая нездоровая местность не позволяла тут

строиться обывателям. И отмель облюбовали флотские дезертиры. К ним присоединились беглые из Кронштадтских морских арестантских рот. Образовалась коммуна из отчаянных, на все готовых мужиков. После Стеклянного флигеля и Волчьей канавы Вольный остров шел третьим в списке самых недобрых мест столицы.

Южнее Васильевского острова, напротив устья реки Екатерингофки, находился ещё один архипелаг. Главным там был Гутуевский остров. Он славился своим костеобжигательным заводом. В нем перерабатывали кости, которые свозили со всей европейской части России и даже из Сибири. Костная мука бойко продавалась на экспорт. Огромная гора мослов высотой с шестиэтажный дом была видна чуть ли не из Кронштадта. Печи завода дымили днем и ночью. У них тоже была недобрая слава: рассказывали, что в горнилах гайменники сжигали тела своих жертв. Будто бы у кочегаров была даже такса… Рабочие на заводе все имели паспорта, но в казармах селили за мзду мазуриков и «лишенных столицы».

Те, кто категорически избегал прописки, селился поблизости – Гутуевский был окружен островами помельче: Канонерским, Большим Грязным и Резвым. Ничем особенным они не отличались. На Канонерском морские артиллеристы проводили учебные стрельбы. Полиция боялась недолетов и обходила остров стороной, отчего там любили прятаться беглые. На Резвом существовал свой костеобжигательный завод с клееварной фабрикой. На него охотно нанимали людей без паспортов. Все это переменилось, когда на Гутуевском острове решили соорудить морской порт и связать его глубоким каналом с Кронштадтом. Порт начал принимать грузы в 1885 году. Босяков повывели, и на островах стало скучно…

Резкое увеличение преступности в Петербурге случилось в первую русскую революцию. «Морок пятого года» (по выражению министра внутренних дел А.А. Макарова) проходит как водораздел. Статистика выглядит пугающе. В 1903 году в империи было совершено 10 194 преступления против жизни (убийства и покушения на убийство), а в 1907 – уже 55 294. За четыре года количество самых страшных злодеяний увеличилось в 5,5 раза! Уголовные сменили тактику, сделались отчаянными и без раздумий пускали в ход оружие. Раньше сопротивление полиции оказывали лишь поляки и кавказцы. После «морока» насилие стало всеобщим. Вот типичный пример. В январе 1910-го два «духовых»[125] напали на ренский погреб на Царскосельском проспекте. При этом они стреляли в городового. В прошлом веке такое не могло присниться и в кошмарном сне. А тут никаких

колебаний… Обоих дураков взяли. Петербург все еще находился на военном положении, и за покушение на государственного служащего виновным полагалась виселица. Военно-окружный суд приговорил бандитов к смертной казни. Но командующий военным округом при конфирмации заменил ее на 20 лет каторги. Нет никаких сомнений, что через семь лет эти ребята, «птенцы Керенского», разъезжали по столице и грабили прохожих…

Месяц спустя в Смольном переулке была задушена старуха-служанка Донович. Сыщики выяснили, что убийство совершил некий Попов, бывший канцелярский служитель Петербургской сыскной полиции! Душить пожилую женщину ему помогала любовница…

В столице теперь происходили дикие и бессмысленные злодеяния. Например, в ночь на 17 апреля 1910 года на посту возле дома № 114 по Петергофскому шоссе был застрелен городовой Алексей Шибанов. В доме помещалось известное заведение «Красный кабачок». Служивый стоял и следил за порядком, никого не трогал. Подъехали три мерзавца и убили служивого человека. Просто так, от нечего делать. На другой день они явились в Народный дом графини Паниной и стали громко хвалиться содеянным. Тут-то сыщики их и повязали.

А ещё в Петербурге появились банды, каких прежде столица не видала. Одна из них хищничала в городе и окрестностях полтора года. Когда банду изловили, на скамью подсудимых усадили сразу 68 человек, в том числе 7 женщин. С августа 1907 по октябрь 1909 г. экспроприаторы совершили 33 вооруженных грабежа. Самое известное нападение случилось в поезде Приморской железной дороги. Бандиты убили казначея Сестрорецкого оружейного завода Ермолаева и завладели деньгами, которые тот вез. На выстрелы из соседнего купе прибежал полковник Суренкин – застрелили и его. Вскоре гайменники заподозрили одного из своих, студента (!) Можейко, в утайке денег и зарезали парня. Суд приговорил 29 обвиняемых к смерти, 7 – к каторге, 8 – к арестантским отделениям и 5 – к тюремному заключению.

Полиции приходилось туго. Одним из способов борьбы с преступностью были ночные облавы. Их результаты поражали. Так, 15 апреля 1911 года были обшарены Гаванский, Ново-Деревенский участки, половина Петербургской части и два участка Васильевской. Задержанных оказалось 2678 человек. Бесписьменные, праздношатающиеся, нищие и не имеющие права жить в столице. Правда, из серьезных уголовных не попался никто. Ещё больше добычи при проверочных обходах давали

Волынкина деревня, Екатерингоф, Румянцевская роща от Путиловского завода или местность вокруг линии Балтийской железной дороги близ Митрофаньевского кладбища. Много бесписьменных ловили на пустых барках по Малой Неве, на Горячем поле за Малой Охтой, а летом на Гражданке, Кушелевке и в других пригородных селениях. В градоначальстве, конечно, знали про Горячее поле за Скотопригонным двором, но облавы там старались не проводить – уж больно опасно. Вяземскую же лавру, наоборот, чистили чуть ли не еженощно, и фартовые оттуда в конце концов ушли.

«Мода» на экспроприации очень усложнила службу сыщиков. Нападения на кассы и ломбарды, убийства артельщиков, грабежи почтовых отделений стали повсеместны. Грань между политическими преступниками и уголовными стерлась. Деньги с «экса» шли то ли на революционную борьбу, то ли в карман исполнителей. Кровавые грабежи с большим трудом удалось свести на нет лишь к 1912 году.

Чтобы у читателя не сложилось мнение, что преступления в Петербурге были уделом исключительно люмпенов и маргиналов, упомянем и про негодяев из приличных слоев общества. В 1912 году Сыскной полицией по обвинению в организации четырех грабежей был задержан бывший депутат Государственной думы Алексей Федорович Кузнецов. А в 1906 году СПбСП пришлось расследовать дело о коррупции, главным фигурантом которого являлся товарищ министра внутренних дел (!) Владимир Иосифович Гурко (1862–1927). В тот год случился неурожай, государство выделило средства на закупку зерна для голодающих. Распределял их Гурко. Однако вместо проверенных купцов с крупнейшей в Европе Калашниковской зерновой биржи подряды на поставку он отдал дельцу и мошеннику Эрику Лидвалю, сыну лейб-портного и брату известного петербургского архитектора. Лидвалю было перечислено 2,3 миллиона рублей, однако вместо 10 миллионов пудов ржи он поставил лишь 915 тысяч пудов.

Да и самое последнее громкое убийство, раскрытое столичной Сыскной полицией, совершили далеко не простые люди – муж племянницы Николая II князь Феликс Юсупов, депутат Государственной Думы В.М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. В ночь на 17 декабря 1916 года буквально в двух шагах от Офицерской, 28, они убили любимца императорской семьи старца Григория Распутина.

С началом Первой мировой войны в Петербурге появились новые напасти: сначала массовое дезертирство, потом фабрикация фальшивых «красных билетов», дающих

освобождение от воинской службы. А со взятием немцами Варшавы и Риги город наполнился беженцами. Преступность за годы войны увеличилась в разы.

Сличительная ведомость о деятельности Санкт-Петербургской сыскной полиции за 1912 и 1915 годы[126]

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	КОЛИЧЕСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	
	1912 год	1915 год
Убийства и покушения на убийства	45	57
Грабежи	206	179
Кражи простые	1869	3657
Кражи со взломом	917	1158
Кражи с подобранным ключом	390	794
Кражи из передних	244	562
Кражи карманные	593	803
Кражи чердачные	248	619
Кражи магазинные	134	337
Мошенничество и подлоги	322	476
Поджоги и сбыт фальшивых денег	20	12
Розыск скрывавшихся лиц и солдат	1093	15 440

Однако то были «цветочки», сущий ад начался после марта 1917 года, когда Министерство юстиции Временного правительства обнародовало постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». Из тюрем и каторг в столицу устремились фартовые всех мастей…

Но это уже совершенно другая история…

6. Начальники, их помощники и чиновники для поручения сыскной полиции

Как уже говорилось, в феврале 1917 года были сожжены здания полицейского архива и Сыскной полиции. Погибли картотека стола привода, большая часть уголовных дел и личные дела сотрудников. Удалось спасти лишь незначительную часть документов, которая ныне находится в ЦГИА СПб (фонды 569 и 965). Описание некоторых дел и отдельные формулярные списки чиновников СПбСП можно обнаружить в ГАРФ и РГИА. Однако даже про начальников Сыскной полиции пока не удалось найти всю исчерпывающую информацию. А про их помощников и чиновников для поручений имеются лишь отрывочные сведения, почерпнутые нами из «Справочных книжек С.-Петербургского градоначальства и городской полиции» и «Адрес-календарей». Несмотря на неполноту этих сведений, мы рискнули опубликовать собранную информацию.

Список начальников Санкт-Петербургской сыскной полиции в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

Список помощников начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

В данном разделе мы расскажем о судьбах наиболее важных и заметных сотрудников СПбСП, а также об уголовных делах, раскрытых во время службы этих людей в Петербургской сыскной полиции.

6.1. Путилин и его команда

Иван Дмитриевич Путилин прослужил в СПбСП с 1866 по 1889 год, однако с перерывами. Дважды он уходил в отставку по болезни, но, поправив здоровье, возвращался в кресло начальника. И лишь его третья отставка в 1889 году стала окончательной. На время его отставок начальниками СПбСП назначались чиновники для поручений или помощники (заместители) Путилина Г.Г. Кирилов, В.И. Назоров и В.А. Иванов. К сожалению, их полные формуляры в архивах пока не найдены, об их жизни и судьбах удалось обнаружить лишь неполную и довольно разрозненную информацию.

6.1.1. Иван Дмитриевич Путилин (08.05.1830{189} – 18.11.1893)

Начальник СПбСП с 31.12.1866 по 01.02.1875; с 03.06.1878 по 31.07.1881; с 01.04.1883 по 04.05.1889.

Долгое время точная дата рождения Путилина была неизвестна. На могиле{190} был указан только год, однако и он вызывал сомнения, потому что согласно формулярным спискам Ивана Дмитриевича год рождения «получался» иным, 1833-м (для читателей, которым исследовательская работа в архивах незнакома, поясним – в девятнадцатом веке дату рождения в документах не ставили, указывали лишь количество полных лет. В подобных случаях год рождения «вычисляется» вычитанием возраста от даты составления формуляра). Однако сотрудникам Белгородского юридического института МВД имени И.Д. Путилина удалось разыскать метрическую книгу Собора Успенской церкви города Нового Оскола, где крестили великого сыщика, и установить точную дату и место его рождения, а также имена его родителей: коллежский регистратор Дмитрий Андреевич и его жена Анна Васильевна{191}.

Вероисповедание Путилин имел православное, образование получил в Новооскольском уездном училище. «Впрочем, судя по воспоминаниям самого И.Д., в этот период своей жизни ни он особенно не налегал на книжное учение, ни домашние не налегали во имя того же учения. Школьной тогдашней науке он предпочитал игры со сверстниками на открытом воздухе. Это было и к лучшему. Подобный режим укрепил его здоровье и способствовал выработке самостоятельного и энергичного характера»{192}.

На коронную службу Иван Дмитриевич поступил 31 октября 1850 года канцелярским служителем в хозяйственный департамент МВД при содействии старшего брата Василия, чиновника того же ведомства. В 1853 году Иван Дмитриевич подвергался в Санкт-Петербургском университете экзамену по полному гимназическому курсу (для получения чина), и за оказанные в нём познания аттестатом, выданным 31 декабря 1853 года, ему было предоставлено право стать гражданским чиновником 2 разряда. Приказом по Гражданскому Ведомству от 28.07.1854 он был произведён в коллежские регистраторы со старшинством[127] с 31.10.1852.

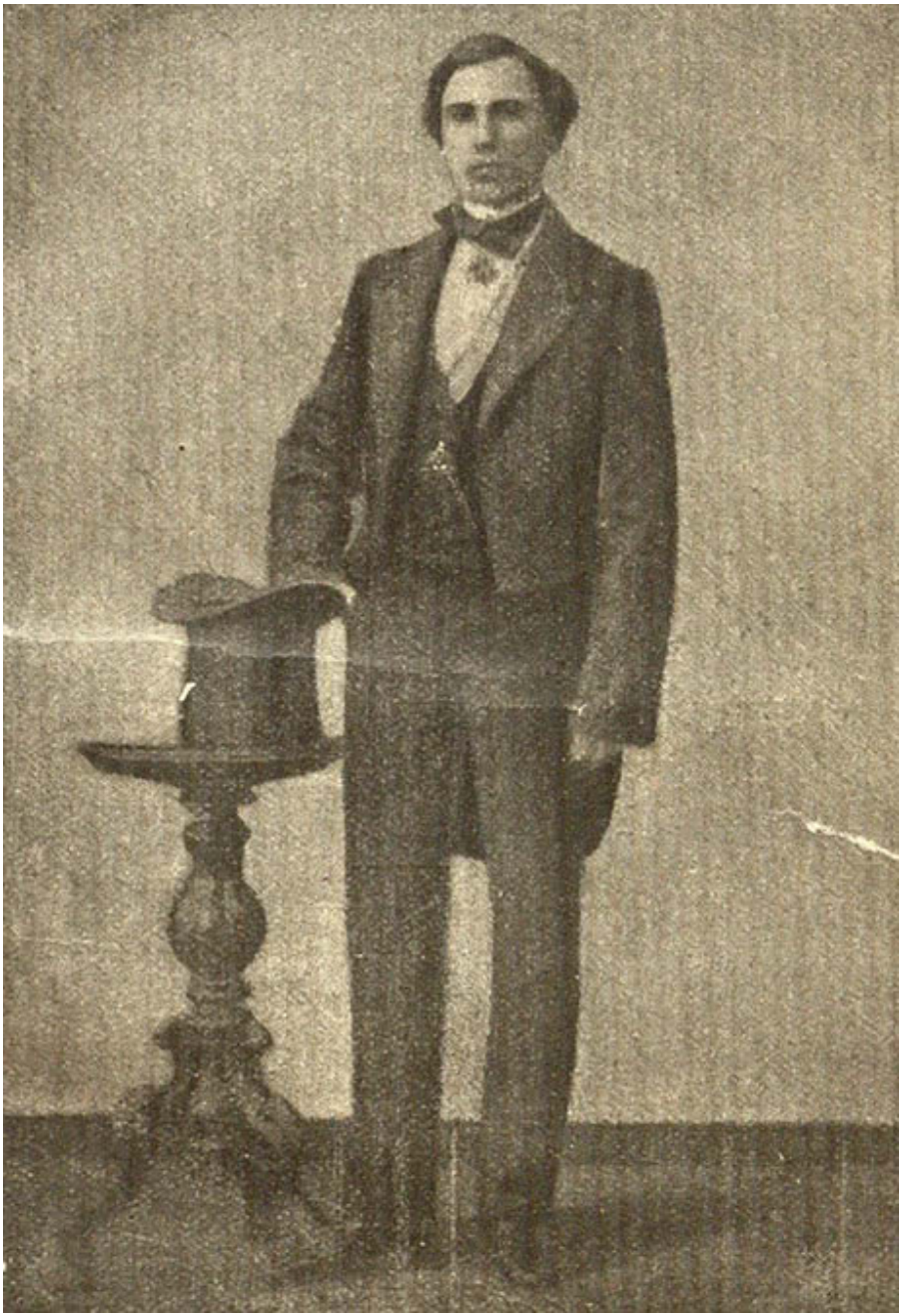


Рис. 53. Путилин в молодости

13 декабря 1854 года по собственному прошению Путилина перевели в штат Санкт-Петербургской полиции на должность младшего помощника квартального надзирателя в 4-й квартал 1-й Адмиралтейской части. Чуть позже, 31 октября 1855 года, его перевели на ту же должность во 2-й квартал 3-й Адмиралтейской

части, где его начальником стал уже известный читателю Карп Леонтьевич Шерстобитов (подробнее об их совместной службе см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден). Через полтора года Путилин получил повышение – 28 мая 1856 года его назначили старшим помощником надзирателя того же 2-го квартала 3-й Адмиралтейской части{193}.

В Петербурге тогда орудовала шайка душителей.

«Операции их начались в 1855 году… – читаем в «мемуарах» Путилина. – *Конец этого года и начало следующего можно назвать буквально ужасными. За два месяца полиция подобрала одиннадцать тел, голых, замерзших, со страшными веревками на шее! Это были извозчики или случайные прохожие… Граф Петр Андреевич Шувалов, бывший тогда петербургским обер-полицеймейстером, отдал строгий приказ разыскать преступников. Вся полиция была на ногах, и все метались без толка в поисках следов. Трудное это было дело! Я потерял и сон, и аппетит. Не могут же скрыться преступники, если их начать искать как следует? И дал я себе слово разыскать их всех до одного, чего бы мне это ни стоило»*{194}. Каждый вечер, переодевшись бродягой, Путилин «шел на охоту» в трактиры и «Малинник», надеясь в пьяных разговорах подслушать сведения, которые выведут его на шайку. 29 декабря 1856 года ему наконец повезло – Иван Дмитриевич (в его «мемуарах» сказано, что он служил тогда помощником надзирателя в Нарвской части, но это не соответствует действительности – согласно приказам в его личном деле с 31 октября 1854 года по 5 октября 1862 года он числился в 3-й Адмиралтейской части) выследил двух мужчин, сдавших скупщице краденого снятые с одного из убитых извозчиков вещи. Преступники были задержаны, однако сознаваться не желали. Допрашивал их ещё один наставник Путилина – титулярный советник Феликс Феликсович Кельчевский[128] (18.03.1822–25.09.1905){195}, занимавший должность стряпчего полицейских дел Московской части{196} (очередная ошибка в «мемуарах» Путилина, где написано, что Кельчевский служил в Нарвской части){197}.

> *«Я никогда не упускал случая присутствовать при его [Кельчевского] беседах с преступниками, если у меня выпадало свободное время. Он тоже, в свою очередь, никогда не отказывал мне в этом, и должен сказать, что если впоследствии, уже будучи начальником сыскной полиции, я умел добиваться признания там, где мои помощники совершенно терялись, то этим я целиком обязан Кельчевскому. С десяти слов он умел поставить*

допрашиваемого в противоречие с самим собой, загонял его, совершенно сбитого с толку, в угол и добивался, наконец, правдивого рассказа»{198}.

После долгих допросов у Кельчевского задержанные признались в одном из убийств, указав, что лошадь погибшего продали извозопромышленникам в Царском Селе, а её сбрую оставили на хранение в сторожке на Лиговском канале за Московской заставой. Снова загримировавшись, Путилин отправился в сторожку и, представившись карманным воришкой, попросился на ночлег. Подслушав разговоры обитателей сторожки, Иван Дмитриевич выяснил состав шайки, и через несколько дней все её члены были арестованы.

За поимку «душителей» 31 декабря 1857 года Путилин получил первый орден – св. Станислава 3-й степени (Кельчевского наградили орденом св. Анны 3-й степени){199}. 23 февраля 1858 года Ивану Дмитриевичу было поручено исправление[129] должности квартального надзирателя 3-го квартала 3-й Адмиралтейской части. Утвержден он был в этой должности 28 июля 1858 года.

И как в свое время Шерстобитову, Путилину теперь поручали все важнейшие розыски по Петербургу. Он неизменно оправдывал надежды высокого начальства, и награды «сыпались» одна за другой:

– 3 февраля 1858 года получил высочайшую благодарность за содействие приставу исполнительных дел майору Сербиновичу при поимке трёх грабителей;

– 27 сентября 1858 года Иван Дмитриевич был награждён орденом св. Анны 3 степени за поимку бежавших арестантов Иванова и Гусева{200};

– 15 марта 1859 года получил монаршую благодарность за успешные действия при открытии преступников в убийстве французского подданного Шарпантье{201};

– 11 декабря 1859 награждён орденом св. Станислава 2 степени за открытие шайки разбойников, производивших в сентябре и октябре 1859 года грабежи и убийства{202}.

Рис. 54. Иван Дмитриевич Путилин. Фото 60-х годов XIX века

Однако непосредственное начальство было Путилиным недовольно. Пристав исполнительных дел 3-й Адмиралтейской части жаловался в ноябре 1858 года обер-полицмейстеру:

> *«вступая в управление 3-й части, я отдал между прочим приказание надзирателям кварталов, чтобы они ежедневно и регулярно являлись в часть за поступающими и для сдачи исполненных бумаг. Надзиратель 3-го квартала Путилин неаккуратно является для сего в мою канцелярию, а 13-го ноября ни сам не прибыл, ни даже помощника своего не прислал»*[130].

Но за такую мелочь выдающегося сыщика наказывать не стали.

В 1861 году граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889), один

из влиятельнейших людей той эпохи, бывший обер-полицмейстер Санкт-Петербурга и будущий шеф корпуса жандармов, рекомендовал тогдашнему начальнику III отделения князю Василию Андреевичу Долгорукову (1804–1868) привлечь И.Д. Путилина к ликвидации тайного революционного общества «Земля и воля», которое готовило крестьянскую революцию. В августе 1861 года Путилин нашел в доме участника организации Всеволода Дмитриевича Костомарова (1837–1865) подпольную типографию. Там же была найдена прокламация «К молодому поколению». На допросе сразу согласившийся сотрудничать с охранителями Костомаров назвал её автора – Михаила Ларионовича (Илларионовича) Михайлова (1829–1865). Путилин установил за ним слежку. Позднее Михайлов писал об Иване Дмитриевиче: «Этот усердный молодой человек, как я узнал потом в тайной канцелярии[131], был там правой рукой{203}».

14 сентября 1861 года революционер был арестован. Путилин при этом присутствовал. Вот как описал его внешность Михайлов: «Наибольшую серьезность хранил черный сыщик Путилин, показавшийся всем нам загадочным лицом, но и он два раза улыбнулся, и голос у него был такой мягкий. Его глаза с черными масляными зрачками и с какой-то синеватою тенью под веками и на белках я готов был признать такими же характеристическими для шпиона, как красные для жандарма…{204}»

Костомаров согласился на определенных условиях выдать и других своих товарищей. О ходе переговоров с ним Иван Дмитриевич докладывал лично министру внутренних дел Петру Александровичу Валуеву (1815–1890). Из дневника министра:

Рис. 55. Граф Петр Андреевич Шувалов, градоначальник Санкт-Петербурга в 1857–1860 гг.

Рис. 56. Петр Александрович Валуев, министр МВД в 1861–1868 гг.

> *«12 июля 1862 года. …По возвращении на дачу был у меня Путилин по делу об ожидаемых от Костомарова ревелациях*[132]*. Костомаров требует, чтобы его разжаловали в солдаты и обеспечили существование его матери, и, кроме того, не выдавали его показаний, как было по делу [Михаила Илларионовича] Михайлова. Все возможно, кроме первого, потому что дело в Сенате, следовательно, нельзя определять наказания произвольного. Костомаров говорит об обширно распространенном заговоре, обещает назвать членов революционного комитета, им управляющего, и земской думы, ему содействующей, говорит о денежных средствах общества, о связях с армиею и т. п. Негоциация с Костомаровым затормозилась, вследствие личных щекотливостей кн. Суворова, который вел дело на свою руку, и Потапова, который о нем знал. Я дал Путилину положительный от себя отзыв и послал его в Москву для переговоров с Костомаровым»*{205}.

Переговоры И.Д. Путилина прошли успешно – В.Д. Костомаров выдал остальных участников организации: Н.Г. Чернышевского, Н.В. Шелгунова и др. Охранители тоже выполнили свою часть сделки – Костомаров был приговорен всего лишь к шестимесячному заключению в крепости и затем к отправлению рядовым в Кавказскую армию. Но в столь опасное место не попал – вместо этого был зачислен в С.-Петербургский

уланский полк, а в 1865 г. из-за неизлечимой болезни был вовсе уволен от службы. Кроме того, *«погубивший дирижера [Чернышевского] радикального оркестра»* – так обозвал Костомарова министр финансов М.Х. Рейтерн – получил от властей в награду 1625 рублей, и за счет III Отделения была издана его книга «История литературы древнего и нового мира»[{206}].

А Путилин за успешное исполнение особых поручений по делам III отделения 31 октября 1861 года был награжден орденом св. Владимира 4-й степени[{207}].

5 октября 1862 года И.Д. Путилина перевели в МВД и откомандировали в распоряжение санкт-петербургского военного губернатора. По октябрь 1866 года он входил в состав следственной комиссии, которая разбиралась с злоупотреблениями в изготовлении и торговле золотыми и серебряными вещами – некоторые ювелиры в Петербурге и Москве торговали изделиями из сплавов, содержащими меньше драгоценных металлов, чем было указано в пробах, а также для увеличения веса использовали припои[{208}]. В работе этой комиссии участвовал и Ф.Ф. Кельчевский[{209}].

26 июня 1866 года И.Д. Путилин был откомандирован в распоряжение обер-полицмейстера Петербурга Ф.Ф. Трепова[{210}], который осенью того года поручил Путилину организовать и возглавить Сыскную полицию. Этим учреждением Иван Дмитриевич, с перерывами на две отставки, руководил до 1889 года.

30 августа 1870 года Путилин был награждён орденом св. Владимира 3-й степени. 8 апреля 1884 г. – орденом св. Станислава 1-й степени. 11 января 1889 г. – орденом св. Анны 1-й степени. В воздаяние заслуг, оказанных при розыске убийц австрийского военного агента князя Аренберга, австрийский император пожаловал ему 13 сентября 1870 года орден Франца Иосифа (об этом деле см. подробнее Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

Дальнейшее продвижение (фантастически быстрое) в чинах:

– 22 декабря 1860 года за выслугу лет произведен в коллежские секретари со старшинством от 31 октября 1860 года;

– 20 февраля 1863 года за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 31 октября 1862 года;

– 21 декабря 1867 года за выслугу лет произведен в коллежские асессоры со старшинством с 21 июля 1867 года;

– 1 января 1870 года **награжден** чином надворного советника со старшинством с 31 октября 1868 г.;

– 9 декабря 1871 года произведён в коллежские советники со

старшинством 31 октября 1871 г.;

– 30 августа 1872 года **награжден** чином статского советника;

– 6 декабря 1874 года **награжден** чином действительного статского советника{211}.

Иван Дмитриевич был женат первым браком (обвенчались в 1859-м году) на купеческой внучке{212} Татьяне Константиновне Воробьевой{213}. Супруги имели детей: дочь **Евгению** (10.04.1860–12.09.1883){214}, сыновей **Константина** (18.09.1861 –?) и **Ивана** (28.02.1867 –?).

Татьяне Константиновне по наследству достался каменный дом{215} по адресу Апраксин переулок, 6{216}, непосредственно примыкавший к одному из главных петербургских рынков – Апраксину двору. 28 мая 1862 года в результате крупнейшего пожара (из-за чего он начался – неизвестно, власти подозревали в поджоге то поляков, то нигилистов) рынок сгорел. Пострадал и дом Путилиной. Но в отличие от соседей, которые обратились к властям с просьбой разрешить восстановить их дома в прежнем виде, Татьяна Константиновна решила перестроить свой в четырехэтажный{217}. Участвовал ли в финансировании этого строительства Иван Дмитриевич? Своих капиталов он не имел, жалованья квартального надзирателя – аж 342 рубля 85 копеек{218} в год вряд ли бы хватило на огромный доходный дом. Однако…

Мы уже цитировали очерк М.В. Шевлякова о дореформенной полиции, записанный им со слов И.Д. Путилина. Приведем ещё один фрагмент:

> *«Путилин уморительно рассказывал, как в старое время в квартале производился обыск вора, пойманного с поличным.*
>
> *Являются понятые, потерпевший.*
>
> *– Ах ты, негодяй! – грозно набрасывается на мошенника некий пристав N. – Воровать?! Я тебя в остроге сгною!.. В Сибирь законопачу! Каторжной работой замучу! Я тебе покажу!!! Эй, сторожа, обыскать его.*
>
> *Ловкие и привычные держиморды с опереточным рвением накидываются на преступника и начинают шарить в его карманах, но после тщательного обыска у заведомого вора не находится ничего. Сторожа успевают искусно перегрузить из его карманов в свои все, что могло бы послужить уликой.*
>
> *Потерпевший удивленно пожимает плечами, вор же*

принимает победоносный вид.

Пристав выдерживает томительную паузу, уничтожающим взглядом смеривает с головы до ног потерпевшего и спрашивает его, отчеканивая каждое слово:

– Вы продолжаете поддерживать обвинение?

– Конечно… но странно… куда он успел спрятать… я видел собственными глазами…

– Гм… но мне еще страннее, как вы решаетесь обзывать поносным именем того, который перед правосудием оказывается невиновным?

– Но ведь я собственными…

– Ах, что вы меня уверяете! – нетерпеливо перебивает пристав оторопевшего заявителя. – Мало ли что может показаться! Вон мне тоже показалось, что ваше заявление правдоподобно… Я вам должен заметить раз навсегда, что в моем околотке воровства не существует… Однако я должен снять с вас показания и обнаружить на всякий случай вашу личность. Потрудитесь пройти ко мне в кабинет.

В кабинете разговор был другого рода.

– Ты оклеветал невинного человека, – мгновенно переменял тон пристав. – Он тебе этого не простит! Ты надругался над его честью и за это жестоко поплатишься…

– Но я могу принять присягу!

– Кто твоей присяге поверит? Она будет так же вероятна, как вероятен этот вор… Ты скандалист, ты бунтовщик – тебе место в Сибири! Ты бесчестишь непорочных и беспокоишь правительство.

– Правительство? Чем это?

– А что ж я, по-твоему, обыкновенный человек, что ли?

После сильнейшей нотации, когда потерпевшему становится ясным, что ему не миновать каторги, если только не большего, он начинает заискивающе поглядывать на пристава. Тот смягчается.

– Уж коли так… то, конечно… Бог с ним…

– Этого-с мало. Он так твоего облыжного заявления не оставит… Он тебя по судам затаскает…

– Что ж мне делать?

– Откупиться надо…

Начинается торговля. После многих скидок и “надбавок” приходят к соглашению.

– Деньги эти оставь у меня, я их ему передам и уговорю его не поднимать дела… Прощай! Да напредки, смотри, будь поосмотрительнее…

Потерпевший, кланяясь и рассыпаясь в благодарностях, удаляется. Сейчас же в кабинете появляется вор.

– Ах ты, мерзавец! – принимается кричать на него пристав, поспешно упрятывая в карман деньги. – Опять? Опять попался? На этой неделе уже в двенадцатый раз? Ну какой ты вор – дурак ты, не больше… Тебе, кажется, скоро придется бросить воровство и приняться за работу. Никогда, брат, из тебя путного вора не будет…

– Нечайно-с… А вы бы, ваше скородие, приказали сторожам хоть один кошелек отдать мне, а то без гроша остаюсь…

– Чего? Назад отдать? Ах ты, каналья! Да разве я виноват, что ты попадаешься?.. С какой же это стати я тебе вещественные доказательства буду возвращать?.. Ведь я за это перед законом могу ответить?.. Вон!

Пристав этот нажил большое состояние и был уволен “без прошения”. Впоследствии он жаловался на несправедливость начальства и любил хвастнуть, что его обожал весь околоток за порядок следствия и за умелое умиротворение…

А как в старину производилась охранительная опись имущества? О, это очень характерная картинка.

Умер, например, богатый купец, оставивший много ценного имущества, для охранной описи которого был назначен Иван Дмитриевич. Явясь на квартиру покойного, Путилин приступил к тщательному осмотру и аккуратнейшим образом все переписал. Когда эта опись попала в руки ближайшего его начальства, последовал строгий выговор:

– Что это за нововведение? Что это за безобразная опись? Как могли найтись у него золотые и серебряные вещи, дорогие меха, редкости?

– Да ведь это богач…

– Знаю-с, что богач, но это не наше дело… Он мог быть богатым и в то же время скрягой… Он мог есть медными ложками, носить железную цепочку при высеребренных часах и кольца с фальшивыми камнями…

– Да, но у него нет ничего поддельного, все очень дорогое, несомненно, настоящее…

– А вы почем знаете?

– Я все внимательно осмотрел; кроме того, на всех металлических вещах есть проба…

– Проба? Ха-ха-ха! Какой вы наивный человек!.. А точно ли вы уверены, что эти пробы не фальшивые?

– Да, я уверен…

– Вы не знаете полицейской службы… Наш брат ни в чем не может быть уверен… Ведь эти ценности не в вашем кармане будут охраняться, а потому нельзя поручиться за то, что все это, теперь, несомненно, настоящее, через день не превратится в поддельное… Нужно оберегать, прежде всего, собственную шкуру, а поэтому предусмотрительно все обесценить, чтоб не было препирательств с наследниками. Представьте себе, что ложки, показавшиеся вам серебряными, или часы, которые вы нашли золотыми, по тщательном исследовании окажутся медными, – что вы станете делать? Ведь того, что написано пером, – не вырубишь топором…

– Но как же это может случиться?

– Случалось, батенька… должно быть, ни одна подобная опись не обходилась без курьезов и превращений…

– Что же мне делать?

– А то, что, пока бумага не подписана понятыми, поскорее перепишите ее… Я исправлю ваши ошибки, как старый и опытный служака.

Путилин принужден был приняться за переписку. Опись, оказавшуюся непригодной, начальник взял в руки и стал ее перефразировать:

– “…Иконы в золотых ризах”. Гм… это рискованно… быть может, ризы-то только вызолочены? Пишите: “в позлащенных ризах”… Затем: “серебряный чайный сервиз”. Это вещь дорогая, упаси Боже, ежели она окажется ненастоящею. Нужно быть осторожным и скромно пометить сервиз “старым, белого металла, похожим на серебро”…

– Чего там, похоже! Настоящее серебро…

– Уж не воображаете ли вы себя чиновником пробирной палаты? Откуда у вас такие знания? Вы говорите серебро, а я утверждаю – медь! И вы не спорьте, я лучше знаю, потому что третий десяток лет в полиции служу…

– Ну все равно, пусть будет белого металла, похожего на серебро…

– Так-то вернее. Нагрянут наследники, наткнутся на медь, олово, железо – и пикнуть не посмеют, потому что все своевременно удостоверено… Ну-с, дальше: “шейная для часов цепь червонного золота”… Это что за глупость? Почем вы знаете, что червонного золота, а не пикового… то есть такого, из которого пики для казаков куются?

– Опять-таки проба…

– Вздор-с! Я вам таких проб на меди наставлю, что вы ошалеете от удивления. Пишите проще: “шейная цепочка какого-то дешевого металла, вызолоченная”… А это что: “камчатский бобер”?

– Мех…

– Знаю, что мех, а не ананас! Но как вы узнали, что бобер камчатский, а не иной какой-либо?

– Это сразу видно.

– Видно?! Что вы за зоолог? Это даже уж возмутительно! Ведь вы в Камчатке не бывали?

– Нет!

– Так откуда ж вы тамошнего бобра знаете? Мех-то может быть от дворовой собаки, а вы его в камчатский бобер возводите… Пишите короче: “потертый, линялый мех, по старости неузнаваемый, какой именно”…

И все было переправлено и перемечено таким же образом. Ничего не подозревавший Путилин поверил, что это делается исключительно из предосторожности, чтобы действительно отвлечь от себя порицания, очень возможные со стороны наследников в случае обнаружения каких-либо неточностей в описи. В этом очень хорошо убедил его начальник, горячо ссылавшийся на свой многолетний опыт.

Через установленный срок наследники купца явились за получением имущества. Иван Дмитриевич присутствовал при этом, как представитель полиции и охранительной власти. Он пристально приглядывался к вещам, еще недавно им виденным и подробно отмеченным в первоначальной описи, но не узнал их. Почти ни один предмет не имел надлежащего вида – все превосходно соответствовало другой, то есть переделанной описи… Только тут понял неопытный квартальный надзиратель, как опытен его начальник!»{219}

Мог ли Путилин, пройдя подобную «школу», оставаться кристально честным человеком? Вряд ли… «Белые вороны»

слишком опасны для коллег. Их либо «перекрашивают» (чем, собственно, и занимался пристав), либо от них избавляются.

В 1870 году Путилин обратился с просьбой в канцелярию градоначальства о предоставлении Татьяне Константиновне отдельного вида на жительство. В те времена подобный поступок свидетельствовал о том, что супруги решили жить отдельно друг от друга. Но трещина в семье Путилина оказалась слишком глубокой. Через год из-за неверности Ивана Дмитриевича они с женой развелись с «воспрещением [ему] навсегда вступать в брак»{220}. И тут же продали дом в Апраксином переулке, что косвенно подтверждает нашу версию, что его строительство они финансировали совместно.

К тому моменту (Путилину всего лишь 41 год) он уже серьезно болен «вследствие тех особенностей службы, и опасностей, и лишений, с которыми сопряжено было исполнение лежащих на мне обязанностей»{221}. Иван Дмитриевич испрашивает четырехмесячный отпуск, чтобы по совету докторов «воспользоваться единственно возможным для моей болезни лечением карлсбадскими водами и купанием в морских ваннах на южном берегу Франции»{222}. Ввиду тяжелого материального положения Путилин просит на время отпуска сохранить ему денежное содержание. Начальство удовлетворяет все его просьбы.

Путилин ещё несколько раз уходил в отпуск для поправки здоровья (должность начальника обычно исполнял чиновник для поручений СПбСП Иван Иванович Соловьев, однако в 1871 году Путилина замещал штабс-капитан Василий Михайлович Орлов). Но в конце 1874 года врачи стали настаивать на том, чтобы он оставил Сыскное навсегда, поскольку не только продолжать службу – даже обходиться без посторонней помощи он уже не мог. Борясь с собственной немощью, Путилин дважды уходил в отставку по болезни (с 01.02.1875 по 03.06.1878 и с 31.07.1881 по 01.04.1883), но, подлечившись, возвращался в кабинет начальника Сыскной полиции.

Известный судебный деятель Анатолий Федорович Кони познакомился с Иваном Дмитриевичем в 1873 году:

> *«По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойною сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами,*

проницательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор, и писал недурно и складно, хотя место и степень его образованности … "были покрыты мраком неизвестности". К этому присоединялась крайняя находчивость, причем про него можно было сказать "qu'il connaissait son monde" (он знал людей, с которыми приходится иметь дело)»[223].

Дело № 13. А.Ф. Кони «Убийство иеромонаха Иллариона»

«В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион *жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекшей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посередине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов*

брызг.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому – в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабаня пальцами по стеклу. "Я пошлю, – сказал он мне затем вполголоса, – агентов (он выговаривал "ахентов") по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции". "Но как же они узнают убийцу?" – спросил я. "Он ранен в кисть правой руки", – убежденно сказал Путилин. "Это почему?" – "Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты – в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду". – "Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?" – "А вот почему. Пожалуйте сюда к комоду. Видите: убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как перелистывают страницы книги, и видите – на каждом

свернутом полотенце снизу – пятно крови. Это правая рука, а не левая: при перевертывании левой рукой пятна были бы сверху…”

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненым в ладонь правой руки и расплачивался золотом. Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная»{224}.

В 1887–1888 годах в личной жизни Ивана Дмитриевича произошло много разных событий:

– он наконец-то собрал документы для причисления себя и сыновей к потомственному дворянству, право на которое получил ещё в 1870 году вместе с орденом св. Владимира 3-й степени. Правительствующий Сенат вынес соответствующее решение 12 апреля 1888 года{225};

– вторично женился (честно признаемся, что не знаем, каким именно образом Путилину удалось преодолеть запрет консистории на повторный брак, в его формулярах про это ничего не сказано; выскажем предположение, что консистория по ходатайству Ивана Дмитриевича дала ему разрешение после покаяния) на дочери статского советника Иванова девице Ольге Семеновне{226} (? – 06.03.1900){227}. Новая жена, как и предыдущая, была домовладелицей – на Петербургской стороне по адресу Теряева[133], 3, у неё имелся благоприобретенный деревянный дом{228}. Видимо, в качестве свадебного подарка, император Александр III ещё до отставки Ивана Дмитриевича и начисления ему пенсии «всемилостивейше соизволил в случае смерти Путилина производить лично Ольге Семеновне Путилиной, урожденной Ивановой, пожизненную пенсию из казны по 1500 рублей в год»{229}. Кроме пенсии, Иван Дмитриевич (а потом и его вдова) получали из казны ещё и «аренды»[134]. Детей в этом браке у Путилина не было{230};

– купил имение с деревянным домом на берегу реки Волхов в деревне Оснички Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. Места эти были Путилину хорошо знакомы – буквально в нескольких верстах от его владений находилось поместье, доставшееся по наследству его старому другу Кельчевскому (в 1850 году он переоформил его на свою жену Александру Федоровну, в девичестве Доброжеву{231}). Феликс Феликсович, выйдя в 1868 году в отставку, в Осничках и проживал{232}. И во

время своих отпусков Иван Дмитриевич частенько заезжал сюда навестить старого друга (например, в 1870 году)[233]. Имение Путилин купил очень большое – 5660 десятин[135] земли[234] (для сравнения: у Кельчевских до реформы было 1900 десятин[235]), оценочная его стоимость равнялась 34 тысячам 100 рублям. Практически сразу после покупки имение было заложено в Санкт-Петербургском отделении Государственного дворянского земельного банка с выплатой Ивану Дмитриевичу суммы в размере 21 500 рублей[236].

В своих воспоминаниях о Путилине, признавая его заслуги, А.Ф. Кони тут же заметил, что *«после ухода Трепова из градоначальников*[136] *отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания»*[237].

Более подробно об этих нарушениях рассказано в мемуарах генеральши Александры Викторовны Богданович в записи от 20 мая 1989 года: Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден

> *«Был [присяжный поверенный В.В.] Ардашев. Много интересного рассказывал о бывшем начальнике сыскной полиции Путилине. Какой это низкий человек! Это страшный взяточник. Пока он не подал рапорт о болезни бежавшего за долги Овсянникова, нельзя было в этом убедиться. Затем он был пойман по указаниям пристава в 24 часа. Как долго этот человек пользовался властью!»*[238]

Рис. 57. И.Д. Путилин, 80-е годы XIX века

Однако наказаний за эти проступки не последовало. Наоборот! 4 мая 1889 года Путилину был пожалован чин тайного советника вкупе с увольнением от службы согласно прошению. В знак признания заслуг ему была назначена повышенная пенсия – 2400 рублей в год{239}.

Иван Дмитриевич умер 18 ноября 1893 года от инфлюэнцы, вызвавшей отек легких. Похоронили его 22 ноября{240} на кладбище при Пчевской[137] Преображенской церкви Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Кельчевский пережил Путилина на двенадцать лет и упокоился на том же кладбище. В годы Второй мировой войны оно сильно пострадало, могилы сыщика и следователя не сохранились.

«При жизни, с помощью жалованья и пенсии, он ещё всячески

изворачивался и мечтал даже удержать за собой приобретенную с помощью всяких банковских комбинаций и займов усадьбу. Но с его смертью рухнуло всё. И движимое, и недвижимое пошло "с молотка" для расчета с кредиторами[241]*»*, – с грустью сетовал автор биографического очерка в сборнике И.А. Сафонова. *«… Путилин ничего не оставил семье, кроме пенсии»*[242], – утверждал другой биограф первого начальника СПбСП М.В. Шевляков.

А как же знаменитые воспоминания? Кому он их оставил, если не семье?

Вот что по этому поводу пишет Шевляков:

> *«Иван Дмитриевич мог бы дать полную, обстоятельную и глубоко любопытную картину столичной "уголовщины" и до, и после реформенного периода, но этого сделать ему не удалось, несмотря на неотступное желание. Его "записки", которые он намеревался составить при моем сотрудничестве вскоре после выхода в отставку, были бы чрезвычайно интересны со стороны бытовой, но осуществить эту мысль он колебался в силу того, что самые лучшие эпизоды пришлось бы пропустить, самых типичнейших героев "сыскных дел" не называть по имени; всё ещё так свежо, так близко, так памятно. Много раз возбуждался вопрос, как систематизировать воспоминания, и никогда не могли мы прийти к утешительному решению придать им общепринятый характер.*
>
> *– Я не хочу, – говаривал Иван Дмитриевич, – чтобы меня упрекали в предумышленных пропусках, но также не хочу, чтоб и бранились за преждевременное опубликование того, что для многих пока может быть неприятным и невыгодным.*
>
> *Поэтому пришлось остановиться на мысли издать ряд отдельных рассказов из недалекого прошлого, но хорошо забытого. Рассказы эти должны были заключать в себе эпизоды анекдотического свойства, то есть быть целостными и представлять интерес не только бытовой, характеризующий известное время и людей этого времени, но и литературный. Долгое время подготовлялись мы к воспроизведению такого рода отрывочных воспоминаний "бывшего сыщика", но начинания наши не увенчались успехом. Были кое-какие наброски, кое-что было записано со стенографической точностью, имелось много заметок, но в общем любопытный материал этот не был приведен в порядок*

по вине покойного, постоянно жаловавшегося на недостаток времени. И только уже после смерти Путилина я, наконец, разобрался в том, что записал с его слов или что уцелело в моей памяти из его рассказов»[243].

Материалы эти были опубликованы Шевляковым в 1898 году в сборнике «Из области приключений. По рассказам бывшего начальника С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина». Как и обещал автор, это «эпизоды анекдотического свойства»: как одни ловкие мошенники сумели продать незадачливым провинциалам под застройку Семеновский плац, а другие – «леса» Исаакиевского собора на сруб и т. д. Нет имен, нет дат, нет упоминаний коллег по Сыскной полиции.

Сборник имел успех, публика хотела продолжения. И в 1903 году в издательстве И.А. Сафонова вышла книжка «Записки Путилина» (второе издание в 1904 году называлось «Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным»). Повествование в ней ведется уже от лица самого Путилина. Каждый рассказ посвящен конкретному делу, излагаются факты, описываются подробности расследования, упоминаются градоначальники и сотрудники Сыскной. Нет никаких сомнений, что изданный Сафоновым сборник был выпущен при участии кого-то из семьи – биографический очерк, помещенный в самом его начале, изобилует подробностями жизни Ивана Дмитриевича, которые могли знать только самые близкие ему люди. Книга иллюстрирована двумя фотографиями Путилина – в молодости и в зрелые годы, явно из семейного архива.

Но кто написал рассказы? Многие исследователи не сомневаются в авторстве Ивана Дмитриевича. Однако у нас нет никаких оснований не доверять свидетельству Шевлякова о том, что Путилин мемуары не оставил. Да и составитель сборника, изданного И.А. Сафоновым, этот факт признает: *«по выходе в отставку Путилин поселился на реке Волхов в Новоладожском уезде. Здесь на свободе у него созрела мысль разработать и издать накопившийся у него за долголетнюю службу интереснейший материал по всякого рода уголовной хронике России. Нечего и говорить, насколько были бы интересны подобные записки, доведенные до конца непосредственно самим Ив. Дм. Он уже и принялся было за них. Привел в порядок многие бумаги, набросал план и порядок записок, принялся за их детальную разработку. Но как раз в то время, когда он желал приступить к печатанью своих записок, смерть неслышно подкралась к нему и унесла его в*

могилу[244]».

И снова процитируем Шевлякова: *«Иван Дмитриевич был неподражаемым рассказчиком и даже имитатором. Обладая природной наблюдательностью и врожденным юмором, он картинно передавал всяческие события и типы, всегда возбуждая глубокое внимание и неудержимый смех слушателя. Увлекая своим повествованием других, он увлекался сам и ни за что, бывало, не позволял остановить себя хотя бы на момент, чтобы занести в памятную книжку какое-нибудь характерное событие, собственное имя или хронологическую пометку. Первоначально я было протестовал, но после не стал прекословить, когда Путилин объяснил мне раз и навсегда, что малейшая пауза может "расхолодить" его и из-за этого пропасть весь рассказ»*[245]. Выскажем предположение, что в кругу семьи и близких друзей (тех же Кельчевских) Путилин был более откровенен, чем с Шевляковым. И, не стесняя себя этическими рамками, называл имена, рассказывал подробности, не предполагая, что его устный рассказ будет кем-то из них записан и напечатан. Если согласиться с этой версией, станут понятны и причины многочисленных ошибок в «мемуарах» Путилина, которые мы подробно проанализировали на примере Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден и Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

Кто же записал за Путилиным его байки? Наиболее вероятный кандидат – его сын Константин. В 1913 году он опубликовал рассказ с воспоминаниями об отце под своим именем – «Покушение в поезде», который ныне включается в сборники произведений Ивана Дмитриевича. Вот как Константин Иванович его начал:

> *«Просматривая как-то бумаги моего покойного отца И.Д. Путилина, первого начальника Петербургской сыскной полиции со дня её учреждения в 1866 г., я нашел записную книжку, где его рукой мелким, крайне неразборчивым почерком занесен ряд отрывочных заметок, воскресивших в моей памяти знакомые образы и обстановку целого ряда преступных дел, типичных по замыслу и выполнению, других – по приемам раскрытия преступлений, не отмеченных до сего времени в печати»*[246].

Предположим, что часть этих заметок Константин Иванович в 1903 году переработал в рассказы для сборника, изданного И.А. Сафоновым. Но почему только через десять лет после смерти отца? Возможно, он просто не имел доступа к его бумагам, и они

попали к нему только после смерти мачехи (напомним, Ольга Семеновна умерла в 1900-м году).

Выдвинем ещё две версии.

По одной – автор этих рассказов – внук Ивана Дмитриевича – **Евгений Анатольевич Кельчевский** (14 августа 1883 г. – 26 августа 1935 г.).

Несколько слов о его родителях. В 1882 году его мать Евгения, в девичестве Путилина, вышла замуж{247} за поручика Уланского полка Анатолия Игнатьевича Кельчевского (07.05.1855 –?), сына полковника Игнатия Феликсовича Кельчевского{248}. Выскажем предположение, что Игнатий Феликсович приходился Феликсу Феликсовичу родным братом. 14 августа 1883 года в молодой семье родился первенец, однако буквально через месяц Евгения Ивановна скончалась и была похоронена на кладбище Санкт-Петербургского Новодевичьего монастыря{249}.

В пользу авторства Евгения Анатольевича Кельчевского говорит то, что он был не чужд литературе. Его перу принадлежат романы (написаны они были в эмиграции) «После урагана», «Дмитрий Оршин» и «В лесу». Однако смущает возраст Евгения Анатольевича на момент смерти деда – мальчику было всего десять лет. Мог ли он что-либо запомнить из рассказов Ивана Дмитриевича? Думаем, что да. Именно в десятилетнем возрасте большинство мальчишек зачитываются произведениями Дюма и Конан-Дойла. Но когда у тебя собственный дед – «гений сыска» и «русский Шерлок Холмс», никакого Конан-Дойла не надо. Сиди, слушай, открыв рот, и запоминай. А память в этом возрасте хорошая. Да и предполагаемый двоюродный дед мальчика Феликс Феликсович Кельчевский к моменту написания рассказов, изданных в 1903 году Сафоновым, был ещё жив. Он-то рассказы приятеля слушал не по одному разу, мог запросто помочь внуку. А мог и сам написать. Вот вам и вторая версия.

Но, кроме сборников Шевлякова и Сафонова, есть и третий. Сорок девять рассказов про подвиги Путилина были опубликованы в 1908–1909 гг. отдельными книжками. Их автор – Роман Добрый. За этим псевдонимом скрывается известный тогда прозаик, фельетонист и драматург Роман Лукич Антропов (1876 (?) – 1913 гг.). Рассказы его абсолютно фантазийные – одни названия чего стоят: «Одиннадцать трупов без головы», «Тайны изуверов-фанатиков», «Поцелуй бронзовой девы». Повествование идет от лица напарника Путилина, некоего доктора Z, русского аналога доктора Ватсона. К сожалению, после 1990 года рассказы Романа Доброго включаются в сборники воспоминаний И.Д. Путилина вместе с рассказами М.В. Шевлякова и рассказами из сборника, изданного И.А. Сафоновым, без указаний на авторство

Антропова и их фантазийный характер.

Но и это, увы, ещё не всё… В сборнике И.А. Сафонова 1904 года издания был опубликован рассказ «Темное дело»{250}, который в современных сборниках обычно именуют «Вещим сном под Рождество»{251}. Однако этот же рассказ (с очень небольшими различиями) под тем же названием «Темное дело» был напечатан годом ранее в двух номерах журнала «Огонек» под двумя (!) псевдонимами «-нъ»{252} и «ъ…»{253}. Бóльшая часть текста в рассказах совпадает, но имеются и отличия. В Сафоновском сборнике повествование ведется от лица Путилина, в «Огоньке» – от имени агента Сыскной полиции, которого зовут Иван Петрович. Мать убитого в журнальном варианте называет сыщику свою фамилию – Кайвани, в сборнике она опущена. Иван Петрович то и дело докладывает результаты розысков начальству и получает от него распоряжения. Путилин же сам себе начальство, докладывать ему некому, поэтому эти куски переписаны: Иван Дмитриевич якобы советуется с неким Тепловым, который у него в подчинении.

Рассказ «Темное дело» был опубликован в «Огоньке» в подборке произведений под общим заголовком «Из уголовной летописи Петербурга», которая печаталась с № 28 по 38 (с пропусками в № 30, 34 и 36). Многие из них в переработанном виде были включены автором в 1914 году в книгу «Кровавые летописи Петербурга. Преступный мир и борьба с ним». А один – «С опасностью для жизни» – был опубликован без изменений (см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден). Таинственный автор и тут не назвал себя, попытавшись спрятаться под другим псевдонимом – Абориген. Однако известно{254}, что за ним «скрывался» известный тогда автор исторических и криминальных романов Андрей Ефимович Зарин (1862–1929). Какое отношение он имел к Сафоновскому сборнику, мы не знаем, возможно, участвовал в литературной обработке материалов, которые написал кто-то из родственников Путилина.

Итак, подытожим. Издаваемые ныне «Записки Путилина» состоят из двух частей. Первая – «литературные пересказы устных рассказов» Ивана Дмитриевича, написанные с коммерческими целями М.В. Шевляковым и кем-то из близких сыщика (сыновья, внук, супруга, старый друг). Вторая часть – чисто беллетристические произведения Р.Л. Антропова и А.Е. Зарина. И, значит, в качестве исторического источника «Записками Путилина» надо пользоваться очень аккуратно, обязательно проверяя приведенные в них факты во «Всеподданнейших отчетах», по газетам и журналам тех лет, по стенографическим

отчетам судебных заседаний и т. п. источникам.

Непосредственно перу И.Д. Путилина принадлежат лишь «Очерки некоторых видов воровства в Петербурге»{255}, которые мы цитировали в разделе 5 «География зла», и словарь воровского арго «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем “музыки”, или “байкового языка”». Интересно, что за прошедшие сто пятьдесят лет с момента его создания многие из слов «проникли» из арго в общеупотребительный лексикон:

клёвый – хороший, красивый, дорогой;
мудак – мужик;
обначивать – обманывать;
отначивать – оттянуть от другого;
подначивать – подговаривать на воровство;
перетырить – передать краденую вещь товарищу;
растырбанить – разделить добычу;
слам – доля в добыче;
бабки – деньги;
стрёма – осторожней;
стырить – украсть;
фомка – небольшой лом{256}.

6.1.2. Александр Александрович Блок

Первый чиновник для поручения СПбСП.

Начал служить 15 ноября 1863 года сразу по «линии» МВД. Чин коллежского регистратора получил 29 октября 1865 года, орденов не имел, чиновником для поручений СПбСП служил с 1 января 1867 года (с момента основания). По неизвестным причинам Александр Александрович в конце 1867 года{257} покинул СПбСП.

В 1872 году он служил исправником в гродненском уездном полицейском управлении{258}, в 1874 году – на такой же должности в Николаевском уездном полицейском управлении Самарской губернии{259}. Далее следы А.А. Блока теряются.

6.1.3. Григорий Григорьевич Кирилов [138]

Начальник СПбСП с 11.02.1875 по 30.04.1877.

Советские писатели, воспевавшие подвиг цареубийц-народовольцев, утверждали, что «генерал» (некоторые для разнообразия именовали его действительным статским советником) *«Кирилов начинал свою службу рядовым шпиком еще при генерале Дуббельте. Немало намерзся он под фонарями, немало потерся в передних у начальства, за долгие годы прошел одну за*

другой все ступени политического сыска, пока не достиг, наконец, потолка – стал руководителем политической агентуры императорской тайной полиции. Да, нечасто делались в России такие карьеры!»{260}

Тут сплошные досужие вымыслы! Начать службу при генерале от кавалерии Леонтии Васильевиче Дубельте (1792–1862) Кирилов никак не мог, так как поступил на неё не ранее 1864 года, когда тот уже умер. И под фонарями Григорий Григорьевич не мерз, потому что начинал службу не в III отделении, а в канцелярии тульского губернатора на должности младшего чиновника особых поручений, при этом чин имел коллежского секретаря{261}, то есть получил образование либо в лицее, либо в гимназии. В 1866 (или 1867) году Кирилов в чине титулярного советника служил исправником Одоевского полицейского управления Тульской губернии{262}. А в 1869 году Григорий Григорьевич получил чин коллежского асессора{263}.

В Петербургскую сыскную полицию он поступил не позднее 20 января 1874 года чиновником для поручений в чине надворного советника. А с 11 февраля 1875 года по 30 апреля 1877 года служил её начальником.

Список резонансных дел, раскрытых под руководством Г.Г. Кирилова:

– раскрытие кражи пяти часов из кабинета великого князя Константина Николаевича, в то время когда его высочество почивал в этом кабинете;

Дело № 14. Дело о краже часов из кабинета великого князя Константина Николаевича

1 марта 1875 года в 4 часа пополудни один из камер-лакеев Мраморного дворца заметил исчезновение из кабинета и уборной великого князя Константина Николаевича пяти карманных часов и золотого кольца. При сопоставлении времени, когда Его Высочество в последний раз видел пропавшие вещи, выяснилось, что кража была совершена в то время, когда он почивал в кабинете.

Все часы были очень приметными и редкими по механизму, поэтому вскоре удалось четыре из них найти в ломбардах и ювелирных лавках. Оказалось, что они были туда сданы/проданы в день пропажи некой молодой женщиной. По коллекции фотографических карточек преступников, которую собирала Сыскная полиция, владельцы ломбардов и ювелирных лавок опознали в неизвестной женщине Ольгу Разамасцеву, в декабре освобожденную из тюрьмы, где она отбывала срок за дерзкую

квартирную кражу. Несмотря на большие сложности (Разамасцева нигде не была прописана), Сыскной полиции удалось её задержать, когда она пришла в магазин Буре продать последние, самые ценные из украденных ею часов, которые принадлежали императору Александру I и находились при нём в день Аустерлицкого сражения. В ходе следствия выяснилось, что, кроме кабинета великого князя в декабре 1874 года, Разамасцева ограбила квартиру военного министра Д.А. Милютина, где украла цепь к ордену Андрея Первозванного{264}.

Рис. 58. Мраморный дворец

«Бойкая девушка двадцати двух лет, с миловидным лицом, большими живыми черными глазами, она [Разамасцева[139]], улыбаясь, рассказывала про свои похождения, остроумно описывая свое изумление при виде, как мало охраняются от посторонних входы и выходы “в этакие-то важные дома”. “Ну как тут было не взять? – прибавляла она со смехом. – Уж очень оно лестно”. Во время осмотра по её указаниям пути, которым она приникла в кабинет великого князя в Мраморном Дворце и в уборную военного министра, её объяснения пожелал выслушать августейший хозяин дворца, и на вопрос его, как у неё хватило смелости проникнуть в кабинет, куда он мог войти каждую минуту и застать её на краже, она ответила, смеясь: “смелым Бог владеет”, и пояснила: “кабы изволили войти до этих самых часов, так я бы

сказала, что заблудилась по лестницам, и попросила извинения, а если бы после часов, так то же самое бы сказала да и ушла бы с часами. Может быть, даже лакея меня проводить послали бы: ведь не стали бы смотреть на стену, все ли там часы. Ну а когда я их брала, так в кабинете никого не было". Эти же объяснения повторила она и в судебном заседании, постоянно посмеиваясь и весело поглядывая на публику»[265].

Разамасцева была осуждена на срок год и четыре месяца в рабочем доме[266].

– раскрытие кражи носильного чёрного платья императрицы Марии Александровны, похищенного за два часа перед востребованием его;

– раскрытие кражи из буфетного отделения Зимнего дворца столового серебра и серебряной вазы с императорскими гербами.

По этим трём делам имелись высочайшие повеления о непременном раскрытии их с назначением для этого трёхдневного срока;

– раскрытие мрачного дела Мраморного дворца о краже бриллиантового сияния с иконы из опочивальни великой княгини Александры Иосифовны;

Дело № 15. Искандер

Самое необычное и скандальное из всех дел СПбСП. И, наверное, самое загадочное из-за так и невыясненных мотивов преступника – великого князя Николая Константиновича. Поэтому до сих пор существуют сомнения в его виновности.

Рис. 59. Великий князь Николай Константинович Романов

Случилось оно годом ранее исчезновения часов в том же Мраморном дворце. Только на этот раз ограбили не Константина Николаевича, а его супругу Александру Иосифовну. В её спальне из оклада иконы, которой когда-то благословил брак великокняжеской четы Николай I, украли три бриллианта.

Г.Г. Кирилов утверждал, что это дело было раскрыто под его

руководством, но в апреле 1874 года, когда произошла и была раскрыта эта кража, Сыскную возглавлял Путилин. Может быть, Иван Дмитриевич находился тогда в отпуске по болезни?

CH. REUTLINGER. PHOT.

CH. REUTLINGER. PHOT.

Déposé. Garanti d'après nature.

Рис. 60. Фанни Лир (Харетт Блэкфорд), возлюбленная великого князя Николая Романова

Кража была раскрыта СПбСП быстро – через два дня после обнаружения пропажи 12 апреля 1874 года бриллианты были найдены в одном из городских ломбардов. Выяснилось, что сдал их туда адъютант великого князя Николая Константиновича, сына Александры Иосифовны и Константина Николаевича, капитан Конногвардейского полка Евгений Варнаховский[140]. На его допросе, который провел 15 апреля градоначальник Ф.Ф. Трепов, присутствовали оба великих князя, отец и сын. Но Варнаховский поклялся в невиновности. В тот же день следствие передали из Петербургской полиции шефу корпусов жандармов графу П.А. Шувалову. Ему Е.П. Варнаховский признался, что заложил бриллианты по указанию великого князя Николая Константиновича.

Тот ещё задолго до этой истории считался enfant terrible дома Романовых, потому что имел наглость публично утверждать, что престол достался его дяде, Александру II, «по недоразумению». Мол, согласно Акту о престолонаследии, подписанному в 1797 году Павлом I, законным преемником царя является сын, который родился, когда его отец был уже государем или хотя бы наследником. А Александр II родился в 1818 году, когда наследником ещё считался великий князь Константин, второй сын Павла I. Зато отец Николая Константиновича – Константин Николаевич – родился в 1827 году, когда Николай I уже занял престол.

Нетрудно догадаться, что за подобные публично высказанные взгляды ни император Александр II, ни цесаревич – будущий император Александр III – Николая Константиновича не жаловали. Не одобряли в свете и связь великого князя с американской танцовщицей Фанни Лир (настоящее имя – Харетт (Генриетта) Блэкфорд) – та до знакомства с великим князем успела побывать замужем, родить дочь и развестись. Но Николаю Константиновичу на «общественное» мнение было плевать: он снимал Фанни Лир особняк в центре Петербурга, возил в путешествие по Европе, где сорил деньгами, покупая возлюбленной дорогие подарки. Увидев в Риме знаменитую статую обнаженной Полины Боргезе работы Антонио Кановы, Николай Константинович заказал скульптору Томазу Солари её копию, только вместо Полины Боргезе велел изобразить Фанни Лир.

После признаний Варнаховского Шувалов вызвал на допрос Николая Константиновича. На нём присутствовал его отец. Из

дневника великого князя Константина Николаевича:

> *«15 апреля… Страшная сцена допроса Николы Шуваловым и мною… Никакого раскаяния. Никакого сознания, кроме когда уже отрицание невозможно, и то пришлось вытаскивать жилу за жилой. Ожесточение и ни одной слезы. Заклинали всем, что у него ещё осталось святым, облегчить предстоящую ему участь чистосердечным раскаянием и признанием. Ничего не помогло!*[267]»

Николай Константинович так и не сознался. Однако поверили не ему, а Варнаховскому. Почему? Зачем Н.К. Романову было красть бриллианты из спальни собственной матери? Ведь, как и все великие князья, он получал ежегодное немалое денежное содержание, имел собственный особняк на Гагаринской улице, в котором находилось огромное количество очень дорогих вещей, которые он без всяких последствий мог сдать в ломбард или продать. Если бы ему срочно понадобились деньги, Н.К. Романов мог запросто получить огромный кредит как в банке, так и у ростовщиков.

19 апреля была созвана конференция членов императорской фамилии, сановников и врачей, на которой Николая Константиновича признали сумасшедшим, мол, совершил кражу, чтобы иметь возможность покупать подарки американской танцовщице. Фанни Лир тут же выслали из страны (она умерла в 1886 году в Ницце, успев выпустить мемуары о похождениях в России), а Н.К. Романова лишили званий и наград, принадлежавшее ему наследство передали младшим братьям. Его вычеркнули из списков Конногвардейского полка и царствующей семьи и выслали из Петербурга навечно, обязав жить под арестом в том месте, где ему будет указано. Сперва Николая Константиновича сослали в Крым, потом в село Таврово Подольской губернии, затем в Оренбург. После убийства Александра II и воцарения Александра III, давнего недруга Николая Константиновича, его выслали в Ташкент, где он и провел остаток жизни. Занимался научной деятельностью, предпринимательством, орошением местных пустынь, построил театр, учредил стипендии выходцам из Туркестана для обучения в высших учебных заведениях (между прочим, Николай Константинович первым из Романовых получил высшее образование). Отречение Николая II принял с восторгом, подняв над домом красный флаг. Февральская революция позволила ему приехать в Петербург, вернуть себе фамилию Романов (в ссылке он носил фамилию Искандер[141]). Однако обстановка в

Петрограде заставила его вернуться в Ташкент, где 14 (27) января 1918 года он скончался от воспаления легких.

Когда великий князь уже жил в Ташкенте, его мать, Александра Иосифовна, сделала ему подарок, прислав мраморную скульптуру полуобнажённой женщины с яблоком в руке работы Томаза Солари. Ныне она украшает Ташкентский музей изобразительных искусств.

– раскрытие кражи из Исаакиевского собора большого наперсного креста;– раскрытие пяти краж в денежной экспедиции СПб. почтамта на сумму более 100 000 рублей. По всем означенным делам похищенное было отыскано полностью и виновные обнаружены;

– раскрытие кражи из Госбанка денежных купонов, которых было заявлено на 37 000 рублей, найдено же в келье у монаха Лавры на 75 000 рублей (за раскрытие этого дела Кирилов получил от императора 1000 рублей)[{268}].

Почему Г.Г. Кирилов покинул Сыскное и где служил (и служил ли?) с апреля 1877 года по сентябрь 1878 года, пока неизвестно.

4 августа 1878 года в Петербурге на Михайловской площади был убит шеф жандармов и глава III Отделения Его Императорского Величества канцелярии генерал-лейтенант Николай Владимирович Мезенцев (1828–1878). Революционер-народник Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1851–1895) ударил сановника кинжалом и сумел скрыться вместе с товарищем на поджидавшем их экипаже. Мезенцев добрался домой, но рана его оказалась смертельной, в тот же день он скончался. А Степняку-Кравчинскому удалось выехать за границу.

По рекомендации министра внутренних дел Александра Егоровича Тимашева (1818–1893) коллежский советник Григорий Григорьевич Кирилов был приглашён на должность чиновника особых поручений при III Отделении для заведования полицейской агентурой внутри империи при производстве розысков убийц Мезенцева. В ходе расследования Кирилов обнаружил конспиративную квартиру народовольцев, в которой оказалось несколько нелегальных лиц из числа руководителей подпольного движения, огромный склад произведений подпольной печати, большое количество ручного оружия, причем упомянутые лица оказали сопротивление жандармам.

Впоследствии Г.Г. Кирилов был назначен старшим чиновником особых поручений с оставлением за ним прежних обязанностей и с присоединением заведования заграничной агентурной частью. На 1 января 1880 года он уже статский советник (однако следующий чин – действительного статского

советника – он так и не получит). Г.Г. Кирилов был двукратно командирован за границу: первый раз вместе с полковником Николаем Михайловичем Барановым (1837–1901) для оценки предлагавшихся русскому правительству за полмиллиона франков политических документов революционной организации; второй – для предупреждения ввоза из-за границы преступных снарядов, за что получил орден св. Анны 2-й степени, минуя орден св. Владимира{269}.

Полковник Н.М. Баранов в марте 1881 года (после убийства Александра II) был назначен петербургским градоначальником. А вот карьера статского советника Г.Г. Кирилова в 1881 году завершилась. Причиной стал невзрачный чахоточник-очкарик Николай Васильевич Клеточников (1846–1883), которого Кирилов имел неосторожность принять на службу.

Дело № 16. Клеточников

Николай Васильевич родился в семье архитектора Пензенской казенной палаты. В 1864 году он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, однако в 1866 году врачи признали у него чахотку, и учебу он бросил. Для поправки здоровья Клеточников отправился в Ялту, где поступил на службу. Получив в 1873 году небольшое наследство, он «прожил» его за границей и вернулся оттуда с решимостью принять участие в революционной борьбе. Его землячки – слушательницы Бестужевских курсов – свели Николай Васильевича с членами Исполнительного комитета «Народной воли» Александром Дмитриевичем Михайловым (1855–1884) и Николаем Александровичем Морозовым (1854–1946).

Из воспоминаний Н.А. Морозова:

> *«Мы пришли вместе и после четверти часа общего разговора были оставлены девушками наедине с приезжим.*
>
> *– Я хотел бы принять участие в каком-нибудь опасном предприятии, – сказал нам Клеточников совсем просто.*
>
> *Михайлов задумался.*
>
> *– Пока мы ничего такого не можем вам предложить, – сказал он. – Надо немного выждать. А вот не согласились бы вы оказать нам очень ценную услугу? Здесь есть одна подозрительная дама. Она содержит меблированные комнаты и не сдает их никому, кроме учащейся молодежи, говоря, что любит молодежь и ее*

идеалы, а между тем редко кто доживает у нее до конца зимы, не будучи арестован или сослан. Все это очень подозрительно. Как раз на днях там были арестованы две курсистки, и они пишут нам контрабандой из тюрьмы, что, судя по вопросам, никто другой не мог их выдать, кроме слащавой хозяйки. Не можете ли вы на время поселиться у нее и понаблюдать за нею?

– Очень охотно! – ответил Клеточников, и, взяв адрес Кутузовой, как называлась подозрительная дама, он на следующий же день как будто случайно поселился у нее в освободившейся благодаря аресту комнате.

Так просто и малообещающе началось одно из важнейших дел «Земли и воли». Целых две или три недели, казалось, не было никаких результатов от усилий Клеточникова приобрести откровенность хозяйки, но ее симпатию получил он очень скоро и притом таким незамысловатым способом, что нам потом было смешно даже вспомнить.

[Анна Петровна] Кутузова была страстная любительница поиграть в карты, непременно на деньги, и вдобавок жадна до малейших выигрышей.

Заметив ее слабость, Клеточников каждый вечер резался с ней в карты, несмотря на страшную тоску от такого глупого занятия, и проигрывал ей рубля по два, притворяясь волнующимся и удивляющимся ее счастью и ловкости.

Скоро вечер, проведенный без ее вечного партнера, стал ей казаться нестерпимым, а заметивший это Клеточников все больше и больше стал выражать сожаление, что даром приехал в Петербург, так как обещанного места в здешнем земстве, по-видимому, совсем не удастся получить.

– Еду обратно в провинцию, – начал заявлять он ей каждый вечер. – Здесь и дух-то у вас всех какой-то либеральный, не по мне. Даже вот и вы, серьезная и умная женщина, а все же сочувствуете этим разбойникам!

Она же всегда защищала нас.

Наконец проиграв ей как-то сразу десять рублей, он сказал:

– Нет! Кончено! Прощайте! Завтра же еду в Новочеркасск. Рассчитаемся! Сколько я вам должен за квартиру?

– А что если бы я вас устроила? – таинственно заметила Кутузова, будучи не в силах перенести мысли,

что из ее рук вырвется такой жилец.

– Но где же вы можете? – спросил он. – Ведь у вас нет знакомых, кроме этих стриженых курсисток, с которыми мне противно даже встречаться.

– А может быть, и есть?

– Где же?

– Вот вы так не любите курсисток, а у меня племянник служит начальником всего тайного политического сыска при Третьем отделении. Хотите, я отрекомендую вас ему? – проговорила она, оставив свой прежний либерализм».

Рис. 61. Николай Васильевич Клеточников

Племянником Кутузовой оказался помощник Г.Г. Кирилова статский советник[142] Василий Алексеевич Гусев. Он предложил Клеточникову «пошпионить» за одним из его приятелей, который подозревался III отделением в революционной деятельности. Николай Васильевич хотел было отказаться – доносительство было ему противно. Но А.Д. Михайлов уговорил его согласиться для того, чтобы революционеры смогли узнать адрес конспиративной квартиры, на которой Гусев встречался с осведомителями. Установив потом за ней наблюдение,

народовольцы сумели вычислить «предателей» в своих рядах.

Гусев поначалу был Клеточниковым недоволен – по понятным причинам тот не мог сообщить ему никакой ценной информации. И Николай Васильевич со дня на день ждал, что статский советник погонит его прочь. Гусев так бы поступил, если бы не увидел каллиграфический почерк Клеточникова. Он тут же предложил ему место вольнонаемного писаря. И с 8 марта 1879 года народоволец Клеточников начал службу в Третьей экспедиции III отделения.

> *«Он был не только умен и наблюдателен, но и умудрен чиновничьим опытом, легко ориентировался в канцелярской волоките, все умел, все помнил, а главное, на лету схватывал суть любого, хотя бы и невероятно запутанного дела, после чего мог проворно и лаконично изложить его. К тому же сослуживцы и начальство Клеточникова сразу оценили его редкостное усердие: он первым являлся на службу и последним оставлял ее»*{270}.

И рвение писаря было вознаграждено – 12 октября его приняли на штатную должность чиновника для письма.

> *«После того как Третье отделение было упразднено, а его функции переданы Департаменту полиции, Клеточников с декабря 1880 года заведовал секретной частью 3-го делопроизводства (идентичного по смыслу 3-й экспедиции Третьего отделения) и, наконец, 1 января 1881 года был назначен младшим помощником делопроизводителя всего Департамента полиции. Теперь он, по словам обвинительного акта*[143]*, “был посвящен во все политические розыски, производившиеся не только в С.-Петербурге, но и вообще по всей империи”. Ему доверялись и сбор, и пересылка, и хранение секретной информации. Сам Николай Васильевич показывал на дознании, что он всегда имел при себе ключи от шкафов с перлюстрацией, от сундучка с бумагами особой секретности, а в последний месяц службы и от шкафа с запрещенными книгами».*{271} Начальство благоволило к нему. *«Николай Васильевич частенько получал денежные премии, а иногда, в особом порядке, даже приглашения от начальства на званые вечера. 20 апреля 1880 года царь Александр II, по представлению «вице-императора» М.Т. Лорис-Меликова, пожаловал Клеточникову орден св. Станислава 3-й степени. Полковник В.А. Гусев, генерал*[144] *Г.Г. Кириллов и директор Департамента полиции В.К.*

> *Плеве после ареста Клеточникова вынуждены были признать … что он «в продолжение всей своей службы отличался особенным усердием и пользовался полным доверием начальства»*{272}.

Клеточников был очень важным источником сведений для народовольцев – предупреждал их об обысках, арестах и предателях. Однако знал он далеко не всё. 18 июля 1880 года был арестован и предан суду 20-летний рабочий-народоволец Иван Окладский. Его приговорили к повешению. В камере смертников он согласился в обмен на жизнь сотрудничать с охранителями. По наводке Окладского был арестован агент Исполнительного комитета «Народной воли» Г.М. Фриденсон. Далее по цепочке полиция вышла на Клеточникова.

Его тоже приговорили к смертной казни, однако 17 марта 1882 года её заменили пожизненным одиночным заключением. Клеточников отбывал его в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Условия содержания там были издевательские. И Николай Васильевич в знак протеста объявил голодовку. Однако здоровье его было подорвано чахоткой, и на десятый день голодовки он скончался. После этого режим в Алексеевском равелине немного смягчили.

Интересно, что описание внешности Г.Г. Кирилова и распорядок его дня мы знаем от того же Клеточникова – он сообщил в записках эти сведения товарищам-народовольцам:

> *«Приметы Григория Григорьева Кирилова: среднего роста, усы и баки черные с проседью; подбородок немного пробрит, лоб облысевший, волосы темные с проседью; басит. Лицо смуглое, глаза синие; вид суровый; лет 40. Выходит из дому между 8 и 9 часами утра; в 12 или в 12 с четвертью дня (в III Отделение); делает доклад начальству в 4 часа. Ездит на извозчиках; живет в 4 этаже, Литейный, 43, [квартира] 11, имеет лакея; вход с парадного подъезда. У него собираются агенты по утрам до 12 ч. И в неопределенное время по экстренным делам»*{273}.

После разоблачения Н.В. Клеточникова статский советник Г.Г. Кирилов был вынужден подать в отставку с должности делопроизводителя Департамента Государственной полиции, на которую его перевели после ликвидации III отделения. Как бывшему чиновнику III отделения, ему была положена очень высокая пенсия – 4200 рублей в год! Однако из-за «дела Клеточникова» ему выплачивали «всего» 2200 рублей. Много лет

Кирилов боролся за первоначальную сумму, однако ему удалось добиться повышения пенсии лишь до 3000 рублей в год[274]. По всей видимости, с 1881 по 1894 год Кирилов нигде не служил.

В 1894[275] –1897[276] годах Г.Г. Кирилов, не получая жалованья, служил прикомандированным от МВД чиновником особых поручений при варшавском генерал-губернаторе. Дальнейшая его судьба неизвестна.

6.1.4. Август Ульрихович Гейер (02.05 1843–25.03.1891)[277]

Помощник начальника СПбСП с 01.01.1877 по 21.08 1878.

Август Ульрихович Гейер стал первым помощником начальника Сыскной полиции – с 1 января 1877 года, как только эта должность появилась в штатах (см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

По вероисповеданию был лютеранином, воспитывался в 3-й Санкт-Петербургской гимназии[145], на службу поступил 13 декабря 1863 года[278], на должность чиновника по особым поручениям СПбСП был назначен 08.07.1875 в звании штабс-капитана.

21 августа 1878 года Гейер перешел из Сыскной полиции в Наружную, где служил сперва приставом 1-й Выборгской части[279], потом приставом 2-го участка Казанской части[280], затем и до самой смерти в звании подполковника (числился по армейской пехоте) приставом 1-го участка Коломенской части[281].

Был похоронен на Волковском лютеранском кладбище[282].

6.1.5. Василий Иванович Назоров

Исправляющий должность начальника СПбСП с 30.04.1877 по 03.06.1878.

К сожалению, в одних исторических источниках, например, «Справочных книжках с. – петербургского градоначальства», фамилия этого чиновника указывается как НазОров, в других – таких как «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц» – как НазАров, что осложняет поиски.

Уроженец Костромской губернии, Василий Иванович долгое время служил в Костроме в административных учреждениях и в штате городской полиции{283}. С 21 октября 1872 года Назоров – чиновник для поручения СПбСП.

В своем рассказе «Убийство под сенью святой обители», посвященном расследованию убийства иеромонаха Иллариона (о нём подробнее Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден), Иван Дмитриевич Путилин сообщает, что задержание преступника на станции Окуловка (у А.Ф. Кони – станция Любань) производил агент Назаров, который «действовал умно, тонко, осторожно»{284}. Скорей всего, это Василий Иванович Назоров (мы уже не в первый раз сталкиваемся с ошибками у Путилина с фамилиями, а словом «агенты» тогда было принято обозначать всех чинов Сыскной – чиновников, надзирателей и собственно агентов).

С 21 декабря 1873 года Назоров имел чин коллежского асессора.

С 30.04.1877 по 03.06.1878 Василий Иванович возглавлял Сыскное отделение в качестве исправляющего должность начальника. Приказом Санкт-Петербургского градоначальника № 2734 от 06.06.1878 в связи с возвращением на должность начальника Сыскной полиции И.Д. Путилина коллежский асессор Назоров был возвращен на прежнюю должность чиновника для поручений{285}. Однако на 5 ноября 1878 года он уже был выведен за штат Сыскного отделения и в чине надворного советника числился среди классных чинов градоначальства (этих чиновников обычно прикомандировывали для усиления состава к отделениям полиции, участкам и т. д.){286}.

Затем он вышел в отставку. 11.08.1882 отставной надворный советник Василий Назоров по ходатайству Саратовского губернатора был причислен к МВД, командирован в распоряжение Департамента государственной полиции{287} и оттуда в распоряжение Саратовского губернатора для заведования сыскной и паспортной частью. В Саратов он прибыл

1 сентября[288]. Получал на новой службе жалования по 200 рублей в месяц, отозван был из командировки 22.11.1883[289] и 15.12.1883 уехал в Санкт-Петербург[290]. 8 января 1884 года был отозван от занятий в Департаменте полиции, но остался причисленным к МВД и не позднее апреля 1887 года получил следующий чин – коллежского советника[291]. Умер не позднее 11 февраля 1902 года, так как в этот день в МВД поступило ходатайство его жены Татьяны о назначении ей пенсии.

Дело № 17. В.О. Михневич «Убийство кухарки поэта Н.А. Некрасова»

«В 1877 г., летом, за несколько сот верст от Петербурга по варшавской железной дороге, близ станции Новоселье, в лесу был найден изувеченный труп не старой еще женщины, с явными признаками насильственной смерти и ограбления. Покойница оказалась совершенно неизвестной личностью как для местной полиции, так и для окрестных поселян, в том числе и для жителей Новоселья. Казалось, будто она с луны свалилась на территорию Порховского уезда, к великому скандалу и смущению порховских блюстителей. Ввиду такой загадочности события псковская прокуратура обратилась за содействием к столичной сыскной полиции, которая и командировала немедленно на место происшествия искусного и опытного агента. Последний, однако, на первых порах тоже стал в тупик. Из осмотра трупа он сделал одно только верное заключение, что покойница была петербургская жительница; но как она попала в лесную глушь Порховского уезда, кто её завез туда и для какой цели, кто, наконец, наложил на неё руки, – долго оставалось неразъяснимой тайной. Было очевидно, что она приехала по железной дороге на станцию Новоселье и отсюда отправилась дальше; но куда и с кем – нельзя было добиться от местных жителей. Особенно настойчиво приставал агент с расспросами к хозяину и прислуге находящегося при станции трактира, так как здесь обыкновенно происходили rendez-vous всех приезжающих. Потом оказалось, что трактирщик и его домашние очень хорошо заприметили петербургскую гостью и знали, с кем она уехала со станции; но, по присущему русским людям страху к следствию и суду, наотрез отказались дать какие-нибудь сведения, отговариваясь классической фигурой умолчания: “знать не знаем, ведать не ведаем!” Только благодаря случайности агент напал на прямые следы преступников. Одна соседняя помещица, узнав об убийстве и его обстоятельствах, доброхотно сообщила полиции, что она, быв на станции Новоселье в день убийства, видела лично, как

такие-то, известные ей крестьяне (она назвала имена), ранним утром увозили куда-то приехавших с поездом трех женщин, по-городски одетых. Этим показанием целый угол завесы над кровавой тайной был приподнят, – и полиция вскоре открыла ее всю, путем очень сложных розысков, за которыми следить дальше нам нет надобности.

Убитая оказалась жертвою очень замысловатой и даже довольно тонкой интриги, особенно если взять во внимание малоразвитость и некультурность действующих лиц. Жила у Некрасова в кухарках смирная, добронравная и бережливая чухонка, Марья Эсаиасовна Линдфорс, которую для краткости обрусили, назвав попросту Ильиничной. Известно, что творец поэмы «Кому на Руси жить хорошо?» любил сам хорошо жить и вкусно кушать. Следовательно, Ильинична была, вероятно, отличной стряпухой; но, видно, в делах житейских была простовата и большой смекалкой не обладала, как все почти петербургские чухонки.

В Петербурге искусные и исправные кухарки дорого ценятся. Ильинична, надо полагать, жила всегда на “хороших местах”, с точки зрения кухарочных выгод и прибылей, и скопила порядочные средства: у неё были и ценные вещи, и деньги в таком размере, что она могла давать в долг по сту рублей. Женщина уже зрелых лет, одинокая, состоявшая на положении девицы, Ильинична была не прочь от уз Гименея и вообще имела сердце теплое и общительное. Случай свел её с одной девушкой, Настасьей, служившей в кухмистерской, в том же доме г. Краевского, где всегда и до конца дней жил Некрасов. Ильинична очень сблизилась с Настасьей и переманила её к Некрасову на должность судомойки. Теперь подруги были неразлучны, и простодушная Ильинична беззаветно вверилась Настасье. У Настасьи были здесь родные – старшая сестра, Ульяна, и её муж, оба фабричные, которые тоже познакомились с Ильиничной. Неизвестно, кто первый из них набрел на мысль воспользоваться достоянием зажиточной чухонки, но обрабатывали они эту мысль все вместе, деятельнее же всех – Настасья. По всем вероятиям, они сразу остановились на убийстве, как на верном средстве для достижения намеченной цели; но как это сделать половчее? – Тут начинается комедия, очень ловко разыгранная и основанная на тонком изучении характера жертвы. Как старая дева, Ильинична была склонна к сантиментальности и жаждала выйти замуж по любви. Этой её слабой стрункой и пользуются злоумышленники. Настасья вспоминает, как бы невзначай, что у неё на родине, в Порховском уезде, есть приятель, некий волостной старшина – красавец, богач, ангел доброты, притом холостой, и, будучи

“образованным человеком”, желает жениться, но не на деревенщине, а на приличной городской даме – вот бы жених Ильиничне!.. Ильинична развесила уши и поддалась соблазнительной мечте стать супругой эдакого идеала. Настасья кует железо пока горячо – и положительно берется сосватать подруге блистательного старосту. По адресу его немедленно написано в таком смысле подзадоривающее письмо, в котором Ильинична представлена во всей красе своих прелестей и добродетелей. Ответ не заставляет себя долго ждать – староста в восторге от невесты и выражает полную готовность отдать ей сердце. Начинается любовная переписка, совершенно отуманивающая чувствительную чухонку. Наконец влюбленный староста, горя страстным нетерпением, зовет Ильиничну в свой “чертог златой” для заключения брачного союза… Дева побеждена и, пренебрегая “хорошим местом” у Некрасова, выгодами городской жизни, а – что всего важнее – неизвестностью будущего и незнакомством с женихом, бросает Петербург, берет с собою все пожитки и мчится очертя голову по железной дороге, в сопровождении коварных подруг и свах, Настасьи и Ульяны. В Новоселье встречает их с лошадьми муж Ульянин, раньше уехавший из Петербурга, чтобы подготовить развязку этой трагикомедии. Ильинична, полная сантиментальных мечтаний о близкой романической встрече с пленившим её сердце старостой, садится в телегу со своими друзьями и едет, ничего не подозревая. Путь был недолгий. Спустя не более получаса после отъезда несчастная уже лежала с раздробленным черепом в лесу, бездыханная и ограбленная… По показанию Настасьи, убийство совершили её сестра и муж последней; но если сама Настасья и оставалась здесь безучастной, то в подготовке преступления ей принадлежала главная роль. Говорить ли, что никакого жениха старосты тут не было и ниоткуда никаких писем с изъявлением любви Ильиничне не присылалось – всё это был плод изобретательной фантазии Настасьи и её родных, а что касается писем от мнимого старосты, то, за безграмотством всех участников этой интриги, их сочинял, по просьбе Настасьи и совершенно платонически, её “знакомый”, молодой человек – ученик консерватории»[{292}].

Дело № 18. Убийство в Харькове врача А.И. Ковальчукова, раскрытое петербургской сыскной полицией

10 декабря 1877 года в № 48 харьковской гостиницы «Дагмара» был убит известный в городе врач, статский советник

А.И. Ковальчуков, 45 лет. Подозрение пало на одного из постояльцев, отставного ротмистра барона Аркадия Штемпеля, который вызывал доктора в гостиницу для оказания медицинских услуг. После обнаружения трупа ротмистр спешно покинул гостиницу, забыв в номере свои вещи.

Харьковская полиция выяснила, что убитый был женат, однако его супруга несколько лет назад, прихватив детей и деньги мужа, сбежала от Ковальчукова к гусару Ильяшенко. В связи с тем что теперь она проживала в Петербурге, харьковчане обратились за помощью к Петербургской сыскной полиции. Та выяснила, что гусар Ильяшенко давно отставлен и что до конца ноября Мария Ковальчукова проживала в питерской гостинице «Bell-vue»[146] с отставным поручиком Георгием Безобразовым под видом его жены. Однако в первых числах декабря Безобразов выехал в Ялту, и Ковальчукова переехала в меблированные комнат по адресу: Невский проспект, дом 94. За ней установили наблюдение. 15 декабря она выехала в Харьков, по дороге вела себя так, будто ожидала ареста.

По внешним приметам Безобразов был схож с загадочно исчезнувшим из Харькова отставным ротмистром. Петербургская сыскная полиция раздобыла фотокарточку Г.А. Безобразова, переслала её в Харьков, где служащие гостиницы «Дагмара» опознали на ней «барона Штемпеля». А прислуга отеля «Bell-vue», осмотрев вещи, забытые «бароном» в харьковском номере, указала на их владельца – Георгия Безобразова. По приезду в столицу 29 декабря он был задержан.

Суд состоялся в октябре 1878 года в Харькове. «В зале был весь цвет харьковской публики, все были разодеты, словно приехали не в суд, а на бал, а на лицах сияла такая радость и нетерпение, что, признаюсь, можно было подумать, что все эти люди собрались на самое веселое зрелище.

Ввели подсудимых. Герой процесса – Безобразов, красивый ещё джентльмен, несмотря на свои сорок восемь лет. Он отставной офицер и принадлежит к знатной фамилии. Героиня – жена убитого доктора, недурная собой малороссиянка, тридцати одного года, несколько полноватая, с голубыми глазками. Лицо вульгарное, но не лишено пикантности»{293}.

Георгий Безобразов сообщил суду, что *«жил не по средствам и наделал более миллиона долга»*{294}. *Родственники предложили ему поехать на службу в Ялту, где он сблизился с отдыхавшей там Ковальчуковой.* Очутившись позднее в Харькове, он увидел хорошие дома, *«мне сказали, что дома эти принадлежат Ковальчукову. Я должен здесь сказать, гг. присяжные заседатели, что тут мне пришла мысль, и я подумал, что вот такая дрянь-*

ростовщик пользуется таким капиталом и прелестной женой, тогда как мои дела совершенно расстроены, и мне пришла мысль, что не худо было бы, чтобы Ковальчукова была вдова»{295}.

«Разработав» эту мысль, Безобразов приехал в декабре в Харьков под чужой фамилией и вызвал Ковальчукова для врачебного совета.

> *«Я зашел к нему сзади, взял топор и дал удар ему прямо в голову так, что голова раздвоилась. Он упал, сделав поворот налево. Может, я дал два удара – я этого не помню. Когда он упал и полилась, конечно, уже кровь, я вспомнил, что у меня дверь номера не заперта. Я наскоро дал ему ещё удар, кинул топор и побежал запереть дверь»*{296}.

Безобразов всячески выгораживал Ковальчукову, мол, она ничего не знала. Присяжные поверили. Её оправдали, а он был приговорен к 11 годам каторжных работ. По выходе из Окружного суда Ковальчукова сразу отправилась в ту самую гостиницу «Дагмара» и пожелала осмотреть номер, где погиб её муж, а затем заказала себе ужин с шампанским. На следующий день она посетила тюрьму, где «поплакала» вместе с Безобразовым, а вечером в том же «Дагмаре» закатила обед для друзей и родных. Марии Ковальчуковой было что праздновать – она избавилась от ненавистного ей мужа, унаследовав его капиталы.

6.1.6. Василий Васильевич Фурсов (06.10.1830 –?)

Помощник начальника СПбСП с 21.08 по 08.10.1878.

Родился 6 октября 1830 года в семье обер-офицера, окончил курс в Санкт-Петербургском Введенском училище[147], трудовую деятельность начал канцелярским служителем в 1-м департаменте Санкт-Петербургского городского магистрата 30 августа 1847 года{297}. Однако срок его коронной службы отсчитывался не с этой даты, а с даты достижения им восемнадцатилетнего возраста, т. е. 6 октября 1848 года. В октябре 1850 года Фурсова переводят в другой департамент – Гражданских отчетов, а 4 мая 1853 года он был произведен в чин коллежского регистратора (со старшинством с 6 октября 1852 года). Получал он немного: 113 рублей серебром в год жалованья, 25 рублей квартирных и 13 рублей 72 копейки пайковых{298}.

К сожалению, сведений, чем занимался и где служил Фурсов следующие двадцать лет, у нас нет. По всей видимости, он выходил в отставку на три года, так как в коллежские асессоры был произведен только в 1870 году, тогда как его ровесник Путилин – в 1867 году (а первый свой чин – коллежского регистратора – они оба получили одновременно, в октябре 1852 года). В СПбСП Фурсов поступил не позднее 21.01.1874 на должность старшего помощника делопроизводителя. 26 августа 1875 года уже в чине надворного советника (старшинство с 26 августа 1874 года) стал чиновником для поручений{299}.

Дело № 19. Убийство дворников Григорьева и Иванова

8 июня 1878 года во дворе дома № 22 по 9-й линии Васильевского острова при закладке фундамента нового флигеля был найден сильно разложившийся труп, при медицинском освидетельствовании которого обнаружены были следы насильственной смерти. Сыщики (кроме Фурсова, дознанием занимались полицейские надзиратели Эдуард Амброзиевич Руткевич, через пару лет ставший чиновником Сыскной и прослуживший там в этой должности до конца 80-х годов, и некий Шемаргин) выяснили, что ещё 2 мая пропали дворник означенного дома Михаил Григорьев и его приятель, дворник дома № 28 по 9-й линии, Денис Иванов. Брат Иванова опознал жилетку, которая была на убитом, мол, она принадлежала Денису. Возникло предположение, что Григорьев убил Иванова и

решил скрыться. Однако оно не подтвердилось – 20 июля на том же дворе был найден второй труп и тоже со следами насильственной смерти. Рядом с ним откопали ключ от дворницкой, в которой проживал Григорьев.

Сыщики стали опрашивать знакомых убитых дворников и выяснили, что у Григорьева в дворницкой долгое время проживали без прописки крестьянин Московской губернии Клинского уезда Андрей Киселев и жена его однодеревенца Марья Густова. Однако после «исчезновения» Григорьева их никто более не видал. Фурсов был откомандирован в Клинский уезд, где выяснил, что Киселев и Густова содержатся там под арестом за кражу, совершенную ими ещё до приезда в Петербург. Оба чистосердечно признались в том, что причастны к убийству Григорьева и Иванова, только как укрыватели преступника – дворника дома № 20 Алексея Ефимова. Тот ревновал их к своей сожительнице Александре Зиновьевой и давно искал возможность расправиться с соперниками. Удобный случай ему представился 2 мая.

Ефимов был арестован. Дело было передано судебным властям{300}. За быстрое и успешное раскрытие сего дела чиновнику для поручений Сыскной полиции надворному советнику Фурсову санкт-петербургский градоначальник генерал-майор Александр Елпидофорович Зуров (1837–1902) объявил благодарность{301}.

После перехода первого помощника начальника Сыскной А.У. Гейера в Наружную полицию, 21 августа 1878 года Василий Васильевич занял его кабинет. Но всего лишь на три месяца – уже 25 ноября 1878 года Фурсов был назначен заведующим Секретным отделением Санкт-Петербургского градоначальства{302} (официальное название до 1881 года – «Отделение для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге», неофициальное – «Охранка»).

Главной задачей Секретного отделения был надзор за жизнью политически неблагонадежных лиц, разрешение или воспрещение проживания им в столице, высылка их из города и объявление в розыск. Штат отделения был небольшим – всего 3 человека: начальник (заведующий), делопроизводитель и его помощник{303}. Также к отделению постоянно было прикомандировано от 4 до 6 человек{304}. Понятно, что такими силами надзор за неблагонадежными лицами в столице было не осуществить. Секретное отделение было не исполнительным, а распорядительным органом, в котором концентрировались,

обобщались и анализировались сведения об этих людях, и на их основе готовились распоряжения (секретные прибавления к суточным приказам) градоначальника участковым приставам, которые и осуществляли надзоры и розыски{305}.

По мнению начальника императорской охраны штабс-капитана Карла-Юлиуса Иоганновича Коха (1846–1909 (?)), В.В. Фурсов относился к охране общественного порядка с ленцой, а выделяемые ему на агентуру средства клал себе в карман. В качестве доказательства этих утверждений Кох в воспоминаниях рассказывает о визите к нему в феврале 1881 года (незадолго до убийства императора) вдовы отставного чиновника Ковальского, у которой, по её словам, на квартире собирались заговорщики, замышлявшие покушение на Александра II. Ковальская заявила Коху, что ранее она сообщала эти сведения В.В. Фурсову, но тот ровным счетом ничего не предпринял, а вдобавок ещё и не заплатил. Штабс-капитан К-Ю.И. Кох составил подробную записку с изложением дела и представил её министру внутренних дел графу Михаилу Тариэловичу Лорис-Меликову (1824–1888) Однако тот принял начальника охраны холодно, посоветовал ему «служить без суеты», а составленную записку велел отнести непосредственному начальнику Фурсова – тогдашнему градоначальнику (с 9 мая 1880 г. по 10 марта 1881 г.) генерал-майору Александру Владимировичу Федорову{306}. Федоров был лаконичен: «Хорошо, я передам вашу записку Фурсову». Позднее при встрече с Кохом Федоров «произнес следующее в довольно саркастически-насмешливом тоне: *“А Ваше ужасное заявление осталось без последствий, так как заявительница, по отзыву Василия Васильевича Фурсова, оказывается сумасшедшей барыней, словам и личности которой не следует придавать никакого значения…”*»{307}.

Неизвестно, была ли Ковальская и впрямь сумасшедшей или же Фурсов упустил возможность раскрыть заговор террористов. Учитывая обстановку (народовольцы последние 15 лет охотились за царем), он был обязан проверить сведения, изложенные Кохом, даже имея сомнения в дееспособности осведомителя.

Не придал должного значения В.В. Фурсов и сведениям, которые сообщил ему утром 28 февраля 1881 года, за день до убийства Александра, пристав 1-го участка Спасской части П.П. Теглев. На этом карьера Фурсова и завершилась.

Дело № 20. Подкоп на малой садовой улице

28 февраля 1881 года пристав 1-го участка Спасской части статский советник Павел Павлович Теглев сообщил начальнику

Секретного отделения статскому советнику В.В. Фурсову о подозрительной лавке «Склад русских сыров» на Малой Садовой улице в доме графа Менгдена (второй от угла с Невским проспектом. В 1902–1903 гг. на этом участке был построен магазин Елисеевых).

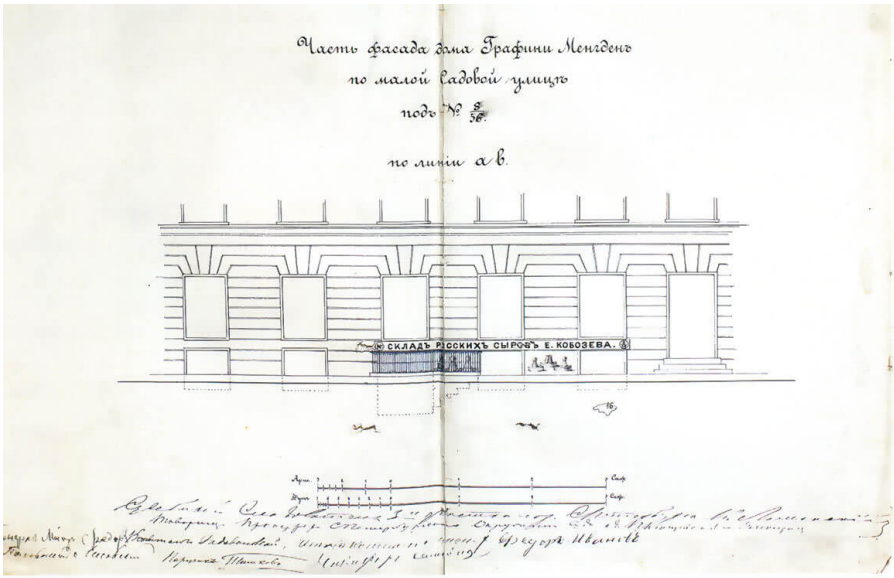


Рис. 62. Часть фасада дома графа Менгдена с вывеской «Склад русских сыров Е.Кобозева»{308}

Лавка была снята в декабре 1880 года супругами Кобозевыми[148], однако торговля велась ими неумело и как бы для виду. А внешний их вид (чистые, непривычные к физическому труду руки) и привычки (Елена Кобозева – на самом деле её звали Анной Васильевной Якимовой (Баска) (1856–1942) – курила папиросы и часто не ночевала дома) были необычны для торговцев из крестьян. Кроме того, лавку часто посещали лица, казавшиеся дворникам подозрительными. Так, 27 февраля 1881 года дворник Никифор Самойлов обратил внимание, что двое посетителей лавки Кобозева, проходя мимо него, прячут свои лица под воротниками. О своих подозрениях он сообщил околоточному Исаю Дмитриеву, которому удалось проследить, что, выйдя из лавки, один из этих посетителей нанял «лихача» за рубль, чтобы тот отвез его на Вознесенский проспект. Вернувшись, лихач сообщил околоточному, что по дороге клиент переменил маршрут, велев ехать в Измайловский полк, где, внезапно приказав остановиться на одной из улиц, бросил извозчику три рубля и скрылся[149].

Фурсов отдал распоряжение приставу Теглеву и старшему

технику технической части[150] градоначальства генерал-майору Константину Иосифовичу Мровинскому[151] (1828–1923) произвести осмотр лавки, который они в тот же день и сделали. И хотя хозяин лавки Евдоким Ермолаевич Кобозев (впоследствии было установлено, что под этим именем скрывался народоволец Юрий Николаевич Богданович (1849–1888)) был напуган и смущен их появлением, осмотр не дал никаких результатов.

После событий 1 марта Кобозевы покинули лавку и больше туда не возвращались. Дворники заявили об этом в полицию. В лавке произвели обыск и нашли: серебряный рубль с запиской, содержащей просьбу отдать его мяснику, которому Кобозевы задолжали за мясо для кота, орудия для землекопания и землю в больших количествах: в бочке, кадке, деревянных ящиках, внутри дивана и т. д. Вызванный полицией судебный следователь, отодрав обшивку одной из стенок, обнаружил вырытый из лавки подкоп под Малой Садовой улицей с установленным там зарядом (два пуда черного динамита, капсюля с гремучей ртутью и шашка пироксилина, пропитанного нитроглицерином). По мнению экспертов, если бы заряд взорвался, на улице образовалась бы воронка с диаметром до двух с половиной сажен[152], а в соседних домах были бы вышиблены оконные рамы и могли бы обвалиться печи и потолки.

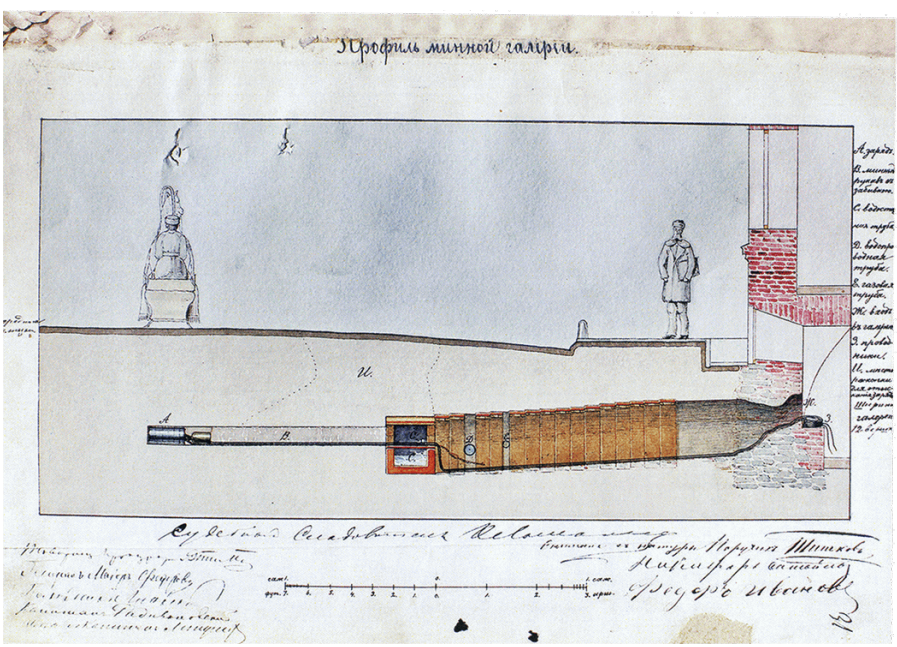
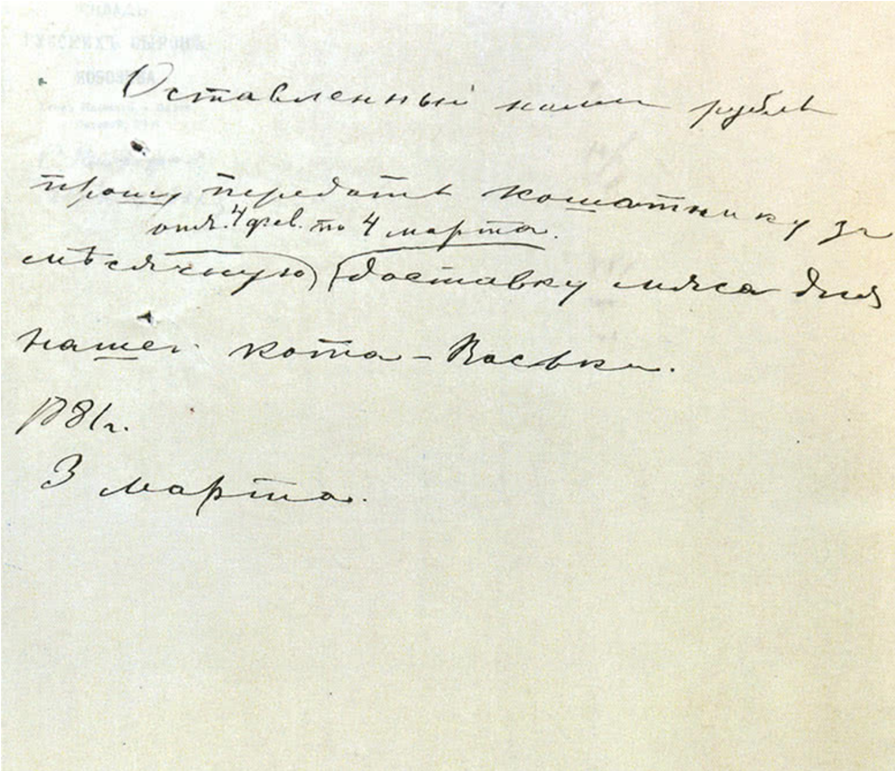


Рис. 63. Профиль минной галереи на Малой Садовой улице{309}



Оставленные нами рубли прошу передать кошатнику за
от 4 фев. по 4 марта.
месячную (доставку мяса для
нашего кота-Васьки.
1881 г.
3 марта.

Рис. 64. Записка, найденная в лавке Кобозевых{310}

Дознание о подкопе, обнаруженном в доме графа Менгдена, проводил Свиты Его Величества генерал-майор Петр Александрович Черевин (1837–1896), занимавший должность товарища[153] министра внутренних дел. Выяснилось, что Андрей Желябов (1851–1881) и его товарищи готовили несколько вариантов для убийства императора 1 марта 1881 года. Одним из них был подрыв царя на Малой Садовой. Однако Александр II в тот день изменил маршрут, по этой улице не поехал и был убит на набережной Екатерининского канала другой группой террористов.

У властей, следствия и общественности возник закономерный вопрос: почему подкоп не был обнаружен 28 февраля во время осмотра лавки? Ведь Мровинский даже простукал злополучную стенку, обнаружил за ней пустоту, но ничего не предпринял.

Мровинского и Теглева предали суду, обвинив в преступном бездействии. Вместе с ними 25–29 ноября 1881 года на скамье подсудимых оказался и статский советник В.В. Фурсов, который был «признан виновным в том, что, удостоверившись утром 28 февраля в недостаточности мер, принятых Теглевым по наблюдению, не испросил разрешения градоначальника на обыск,

не усилил негласного наблюдения и ограничился осмотром»[311].

Всех троих осудили за преступное бездействие, лишили всех особенных и личных по состоянию прав и преимуществ и приговорили к ссылке на житье в Архангельской губернии в течение трех лет[312].

25 декабря 1881 года В.В. Фурсов подал в Сенат прошение о кассации, в котором просил переквалифицировать ему обвинение с преступного бездействия на преступное нерадение, что смягчило бы наказание. Прошения о пересмотре приговора Петербургской судебной палаты подали и адвокаты других осужденных. Кассационный департамент Правительствующего сената 16 февраля 1882 года отменил обвинительный приговор Теглеву, оставив его в силе в отношении Мровинского и Фурсова[313]. Дальнейшая судьба В.В. Фурсова нам неизвестна.

6.1.7. Василий Адрианович Иванов (1827/1828 г. – 28.03.1893)

Помощник начальника СПбСП с 20.06.1880 по 31.07.1881. Начальник СПбСП с 31.07.1881 по 01.04.1883.

Окончил курс в Аудиторском училище. Службу начал с 08.02.1849, принимал участие в Крымской войне и был награжден медалью в память о ней. В 1859 году титулярный советник В.А. Иванов служил аудитором в управлении коменданта Кронштадта{314}. 4 марта 1863 года перешёл на службу в Министерство внутренних дел – на должность одного из частных приставов в Кронштадте. В 1868 году он уже коллежский асессор{315}.

Василий Адрианович попал в Сыскную благодаря совместным с ней розыскам. *«Весьма часто по некоторым произошедшим в Кронштадте кражам Кронштадтская полиция обращалась к содействию Санкт-Петербургской сыскной полиции, и только при её содействии делалось возможным обнаружение следов преступлений и розыск преступников, так как при близком соседстве Кронштадта от Петербурга злоумышленники, совершив преступление в Кронштадте, тотчас скрывались в Петербурге»*{316}, – писал в благодарственном письме 4 октября 1871 года кронштадтский военный губернатор петербургскому градоначальнику, отмечая, что по всем подобным делам в столицу неизменно командировался пристав Кронштадтской Купеческой части В.А. Иванов, который лично взаимодействовал с И.Д. Путилиным. В итоге начальник СПбСП «переманил» к себе способного к сыску пристава. На должность чиновника для поручений Сыскной полиции надворный советник В.А. Иванов поступил 17 января 1872 года, и уже через неделю градоначальник Ф.Ф. Трепов объявил ему (вместе с И.И. Соловьевым и Н.Г. Молодовским) за успешные розыски благоволение в приказе{317}.

Чин коллежского советника В.А. Иванов получил 11 сентября 1878 года.

После перехода В.В. Фурсова в Охранное отделение должность помощника начальника Сыскной почти два года оставалась вакантной. И только 20 июня 1880 года И.Д. Путилин, вероятно, из-за собственных планов на отпуск, выбирает себе «заместителя». И уже 4 июля уезжает отдыхать на шесть дней, оставляя за себя В.А. Иванова. Осенью того же года Иван Дмитриевич снова уходит в отпуск, уже на 28 дней, и опять

Иванов исполняет его должность{318}. Исправляющий должность градоначальника генерал-майор Федоров приказом № 275 от 02.10.1880 счел *«приятным долгом выразить мою особую благодарность за отличное исполнение должности начальника сыскной полиции В.А. Иванову»*{319}.

Приказом по Санкт-Петербургскому градоначальству и полиции от 17 июля 1881 года № 197 градоначальник генерал-майор Н.М. Баранов (тот самый, что ездил с Г.Г. Кириловым в заграничную командировку) подвел итоги последних двух с половиной месяцев деятельности Сыскной полиции под руководством Ивана Дмитриевича, который снова попросил об отставке:

> *«За последнее время, с 1 мая по 16 сего июля, в Петербурге было 16 случаев серьезных, уголовных преступлений… По всем этим преступлениям не только следы их обнаружены, но почти все виновные отысканы и задержаны, и при этом, в большинстве случаев, удачные результаты розысков получались лишь по прошествии нескольких часов после преступления.*
>
> *Успех, достигнутый деятельностью С.-Петербургской Сыскной Полиции, не может быть объяснен одним счастливым совпадением случайностей, ибо некоторые из преступлений были сопровождаемы обстоятельствами, крайне запутанными и весьма усложнявшими деятельность Полиции, а потому упоминаемый успех должен быть всецело отнесен к хорошей организации Сыскной части Петербургской Полиции, организации, главным образом, устроенной Действительным Статским Советником И.Д. Путилиным, и к необыкновенно усердной, энергичной, умелой и опытной деятельности Коллежского Советника В.А. Иванова, за все последнее время, за отсутствием г. Путилина*[154]*, исполняющего должность Начальника Сыскного Отделения и умеющего с большим знанием дела руководить деятельностью чинов вверенной ему части.*
>
> *В достигнутых прекрасных результатах усматривая и на будущее время верный залог хорошего исполнения одной из главных задач Полиции, то есть ограждения безопасности жизни и имущества жителей столицы, я считаю своим приятным долгом гласно принести мою глубокую, душевную признательность Василию Адриановичу Иванову и содействовавшим ему сотрудникам»*{320}.

31 июля 1881 года прошение об отставке И.Д. Путилина «вследствие расстроенного здоровья» было удовлетворено, и Василия Адриановича Иванова назначили на его место.

В бытность В.А. Иванова начальником Сыскной (31.07.1881–01.04.1883) было раскрыто несколько групп преступников, промышлявших производством и/или сбытом фальшивых денег. Хотя фальшивые монеты ходили «в обращении преимущественно между малоразвитыми рабочими людьми»{321}, их «производством» занимались представители практически всех сословий. С декабря 1882 года по март 1883 года Сыскная полиция задержала:

– проживавших в доме 16/20 по Новопетергофскому проспекту дворян Ковенской губернии Тельшевского уезда Оттона и Казимира Мартышевских, у которых при обыске была найдена машинка для «делания монет, равно как и самые монеты и остатки от плавильного материала»{322};

– дворника дома 10 по Поварскому переулку крестьянина Андрея Васильева, у которого была найдена гипсовая форма для отлития монет, 3 фальшивых 20-копеечных монеты и куски олова{323};

– проживающих в Шлиссельбургском участке сыновей ремесленника Григория и Ивана Финогеновых, у которых также были найдены машинка для отливки монет, сами монеты и плавильный материал;

– однако самый масштабный проект по чеканке фальшивой монеты затеял жестяных дел мастер Михаил Николаевич Шприц, державший в доме 64/1 по Демидову переулку свечную лавку. В его квартире в этом же доме 23 марта 1883 года Сыскная полиция обнаружила машину (пресс) для чеканки монеты весом около 20 пудов (320 кг), всевозможные приспособления для этого процесса и очень качественно сделанные 82 фальшивые монеты достоинством 20 копеек. При допросе Шприца и его подручного кременецкого мещанина Мейера Сосна сыщики выяснили, что металлические кружки для чеканки они получали с пуговичной фабрики господина Копейкина.

Производство фальшивых банкнот было делом технологически гораздо более сложным, чем чеканка «звонкой монеты», сбытчики предпочитали кустарному товару продукт, произведенный за границей:

– у содержателя ренского погреба в доме 18 по Фурштатской улице, приписанного к городу Газенпоту (ныне город Айзпуте, Латвия), Людвига-Теодора Шеффеля в квартире и дровяном складе было найдено фальшивых депозиток разного достоинства на 200 рублей по указанному на них номиналу;

– у мещанина Николая Фаддеевича Варламова, имевшего в разных частях столицы сливочные лавки и трактирное заведение, были изъяты фальшивые депозитки достоинством по 5 рублей каждая;

– такие же депозитки на сумму 500 рублей были найдены у петербургского мещанина Сергея Михайлова;

– чиновник Государственного банка Заволоцкий, который имел знакомство с евреями, получал от них привозимые из-за границы фальшивые деньги, которые менял на настоящие;

– над вдовой кандидата права Елизаветой Сементковской было учреждено негласное наблюдение, когда было выяснено, что она ищет покупателя на фальшивые депозитки разного достоинства на сумму 800 тысяч рублей.

По ходатайству обер-полицмейстера Петра Аполлоновича Грессера (10.08.1833–29.04.1892), секретная часть Министерства финансов на основании статьи 908 части 1-й Первого тома Свода Законов наградила в апреле 1883 года:

– начальника Сыскной полиции Иванова Василия Адриановича суммой в 600 рублей;

чинов той же полиции:

– титулярного советника Молодовского Николая Гавриловича суммой в 150 рублей;

– коллежского советника Шереметевского Леонида Александровича (будущего начальника СПбСП) – 250 рублей;

– пристава 4-го участка Московской части Варищева Константина Петровича – 150 рублей{324}.

Подделывали не только монеты с банкнотами, но и изделия из золота. В октябре 1882 года мещанка Авдотья Басова заявила о приобретении у неизвестного ей лица якобы золотых четырех карманных часов, браслета, ложек и колец на общую сумму 450 рублей, которые при проверке оказались медными. На все изделия были наложены фальшивые пломбы, которыми обыкновенно маркировались изделия из золота. Вслед за Басовой фальшивую золотую цепочку, изготовленную из меди, приобрел буфетчик чайной, что на углу Соляного переулка и Рыночной улицы, Николай Дмитриев. Поиски злоумышленника были затруднены тем, что подделки он сбывал на толкучих рынках, где легко можно было скрыться. Начальник Сыскной полиции В.А. Иванов дал задание агентам найти преступника, и 14 ноября 1882 года ими был задержан с медными вещами, отполированными под золото, крестьянин Рязанской губернии Иван Филиппов. Он признался в сбыте фальшивок и выдал их изготовителя, запасного матроса 8 Флотского экипажа Петра Фомина{325}.

Награды Иванова В.А.: ордена св. Владимира 4-й степени, св.

Анны 2-й степени (получил 28.03.1882), св. Станислава 3-й степени{326}.

Заканчивал службу в Сыскной полиции В.А. Иванов уже статским советником. 1 апреля 1883 года, после возвращения Путилина в строй, приказом № 91 от 01.04.1883 Василий Адрианович был снят с поста начальника Сыскного отделения и назначен исправляющим должность Члена Распорядителя Врачебно-Полицейского комитета{327} (подразделение, занимавшееся среди прочего выдачей «желтых билетов» проституткам).

Где Василий Адрианович трудился потом, нам неизвестно, однако закончил он службу действительным статским советником. Скончался Иванов после тяжелой и продолжительной болезни в ночь на 23 марта 1893 года{328} в своей квартире на Торговой улице[155], дом 31[156]. Похоронили Василия Адриановича, по-видимому, согласно его последней воле, на городском кладбище в Кронштадте, в котором он прослужил много лет. Благодаря известной картотеке Б.Л. Модзалевского, в свое время скопировавшего надписи с надгробий этого кладбища, нам известно, что умер В.А. Иванов[157] в возрасте 65 лет{329}, что позволило определить возможные годы его рождения: либо 1827-й, либо 1828-й.

6.1.8. Иван Александрович Виноградов (1843 г. – 04.11.1909)

Помощник начальника СПбСП с 24.01.1883 по 07.05.1884, исправляющий должность начальника СПбСП с 11.06.1889 по 14.07.1889, помощник начальника СПбСП с 14.07 1889 по 28.03.1890.

После финальной отставки И.Д. Путилина чуть больше месяца (с 11 июня по 14 июля 1889 года) должность начальника Сыскной полиции исправлял его помощник Иван Александрович Виноградов.

О нём уже упоминавшаяся генеральша А.В. Богданович написала в воспоминаниях ещё более уничижительно, чем о самом Путилине:

> *«На его место [Путилина] назначили Виноградова, человека, пользующегося плачевной репутацией. Его судили раньше за разные проделки. Если пристав какого-нибудь квартала ему не платил взятки, то его полиция разрешала петербургским ворам грабить этот квартал, и не проходило дня, чтобы не было там 3–4 краж со взломом. И такого человека теперь сделали начальником! Видно, что [градоначальник] Грессер очень нечист на руку – окружает себя такими людьми»*{330}.

Насчет судимости генеральша ошибалась – в формуляре И.А. Виноградова{331} (по состоянию на 23.04.1890) указано, что судимостей у него не было и под следствием он не состоял. В тюрьмах, действительно, бывал, но не в качестве узника – до перехода в столичную полицию Виноградов четыре года служил в Петербургской исправительной тюрьме (сперва экономом, потом помощником начальника, затем исправлял его должность).

А начиналась карьера Ивана Александровича в Костроме – там в 1858 году он закончил гимназию, а 11 августа 1860 года поступил на службу канцелярским служителем в Костромское губернское правление.

Послужной список Виноградова довольно велик, пересказывать его мы не станем. Ранее он не публиковался, но вы можете ознакомиться с ним в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

С 24.01.1883 Виноградов исправлял должность помощника начальника СПбСП, с 07.05.1884 был утверждён в этой должности. Его начальник Путилин в последние годы своего

руководства Сыскной уходил в отпуска очень часто, иногда по два раза в год. И отпуска у него, как правило, были продолжительны – по месяцу или даже по два. Виноградов неизменно исправлял его должность. А.В. Богданович права – генерал-адъютант Пётр Аполлонович Грессер действительно благоволил к Виноградову и не раз выносил ему благодарность в приказах. А 1 января 1889 года император пожаловал ему орден Станислава 2-й степени{332}.

Дело № 21. О похищении у купца Толкачева процентных бумаг

26 января 1885 года в 10 часов вечера на Михайловской площади был обнаружен в бесчувственно-пьяном состоянии санкт-петербургский временный 2-й гильдии купец Иван Алексеевич Толкачев, торговавший хлебом на Калашниковской[158] пристани. При осмотре в полицейском доме Спасской части у него было найдено тринадцать тысяч рублей. Проспавшись, Толкачев заявил, что, кроме денег, в кармане сюртука у него лежали процентные бумаги на сумму сорок шесть с половиной тысяч рублей, и высказал предположение, что они украдены. Но кем и когда, припомнить не смог. Подозрения пали на извозопромышленника Малышева, к которому Толкачев приходил в тот день за деньгами за проданный овес и от которого ушел пьяным, на дворника и извозчика, доставивших купца в полицейский дом, а также на служителя этого дома запасного канонира Еремея Калинина, производившего осмотр Толкачева. Почти год (!) Сыскная полиция наблюдала за образом жизни этих людей. И только когда Калинин без всякой причины оставил службу и стал позволять себе денежные траты, несопоставимые со средствами, которыми он мог бы располагать, у сыщиков наконец-то появился подозреваемый. А когда Калинин купил у отставного ефрейтора Никиты Антипина ренсковый погреб, они решили обыскать его квартиру в доме № 6 по Екатерингофскому проспекту[159], где под подоконником нашли процентные бумаги на сумму 26 тысяч 750 рублей. Позднее были обнаружены у Калинина и другие ценности на общую сумму 44 750 рублей{333}. Генерал-лейтенант П.А. Грессер приказом № 51 от 20 февраля 1886 года, «отнеся успех столь сложного и трудного дознания прежде всего к руководившему розысками и направлявшему их с благоразумною осторожностью Действительному Статскому Советнику Путилину, а затем к энергической, но требовавшей особого при этом внимания и особого усердия, деятельности Коллежского Советника Виноградова и Титулярного Советника

Шереметевского, счёл приятной обязанностью выразить Действительному Статскому Советнику Путилину мою искреннюю признательность, а Виноградову и Шереметевскому – мою благодарность»{334}. Полицейскому надзирателю Проскурину, принимавшему также деятельное участие в розысках и выказавшему толковое и добросовестное наблюдение в течение продолжительного времени за поведением заподозренных лиц, Грессер назначил награду 50 рублей.

Дело № 22. Убийство кухарки Червяковой, раскрытое СПбСП во время исправления И.А. Виноградовым должности начальника

29 июня 1889 года около 10 вечера пристав 1 участка Рождественской части известил Сыскную полицию об обнаружении в квартире дома № 182 по Невскому проспекту трупа Прасковьи Корниловны Червяковой, служившей кухаркой у торговца рыбой Буевского. Убийство было совершенно явно с целью ограбления, но что именно украдено, было невозможно определить из-за отсутствия хозяев – на лето они съехали на дачу.

При опросе проживавших в квартире работников возникли подозрения против одного из них – Ивана Куликова. Слуги-мальчишки Трефилий Степанов и Павел Абрамов рассказали, что в 7 часов вечера они шли домой, однако Куликов сообщил им, что у старухи-кухарки гости и поэтому домой она их не пустит. Куликов настойчиво предлагал мальчикам пойти погулять, а когда они отказались, дал им 15 копеек и велел заказать в трактире купца Кирсанова чай на троих, мол, он сам подойдет туда позже. Это показалось сыщикам очень подозрительным.

Куликов первоначально вину свою отрицал, но в итоге признался в убийстве кухарки. На кровавое преступление он пошел, чтобы завладеть хозяйскими деньгами, необходимыми ему для поддержки больной матери. Выпив для храбрости водки с пивом, Куликов купил нож и пошел в квартиру. Кухарка впустила его с ворчанием, она уже отдыхала. Услышав её храп, Куликов вонзил ей в шею нож. Взломав письменный стол, он обнаружил там кредитный билет пятирублевого достоинства, серебряный рубль и 25-копеечную монету, а из шифоньерки похитил браслет. Спустившись по парадной лестнице, он нанял извозчика и отправился в трактир, где его дожидались мальчишки. Выпив чай и наевшись пирогов, они вместе вернулись домой. Дверь с парадной лестницы была распахнута – обнаружив труп, Куликов вызвал полицию. Но обмануть её ему не удалось{335}.

Причины, по которым И.А. Виноградова не утвердили в должности начальника Сыскной полиции, нам доподлинно неизвестны. Если бы с его стороны имелись крупные злоупотребления, вряд ли бы он остался в отделении в должности помощника ещё девять месяцев. Только 28.03.1890 г. он был уволен от службы. Виноградов страдал тяжёлой и неизлечимой болезнью, дававшей ему право на получение пенсии. Её назначили в размере 750 рублей в год.

Умер И.А. Виноградов 4 ноября 1909 года (последнее место жительства – город Великие Луки). Его вдова Анна Алексеевна после кончины мужа получала пенсию 378 рублей в год.

6.2. Между И.Д. Путилиным и В.Г. Филипповым

6.2.1. Платон Сергеевич Вощинин (1850 г. {336} – ноябрь 1915 г.){337}

Исправляющий должность начальника СПбСП с 14.07.1889 по 19.09.1889. Начальник СПбСП с 19.09.1889 по 15.07.1896.

Платон Сергеевич[160] происходил из потомственных дворян Курской губернии. Однако родовых имений ни сам Вощинин, ни его супруга Парасковия Александровна (до замужества Воеводина{338}, скончалась в ноябре 1912 года{339}) не имели. Зато имели троих детей:

– **Владимира** (26 мая 1882 года – 1965) – по образованию географ, до революции служил делопроизводителем в канцелярии Государственный Думы. 03.08.1931 был приговорен коллегией ОГПУ к 10 годам заключения «за участие в работе по составлению проекта орошения Голодной степи 1926 г. под руководством профессора Г.К. Ризенкампфа». Работал при Техническом бюро № 1 Беломорстроя в Ленинграде. Позднее – профессор Ленинградского университета{340};

– **Наталью** (16 января 1875 года –???), в замужестве Плесковская{341};

– **Людмилу** (20 мая 1883 года –???), в замужестве Квашнина-Самарина{342}.

Платон Сергеевич Вощинин учился в Нежинском лицее князя А.А. Безбородко[161].

После его окончания Платон Сергеевич поступил на службу в канцелярию Волынского губернатора (эту должность с 1871 по 1878 год занимал Петр Аполлонович Грессер), во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был отправлен в распоряжение Императорского Российского Комиссара в Болгарии, где занимался налаживанием почтово-телеграфной связи. В 1879 году Вощинин вернулся в Волынь, где продолжил службу по почтовому ведомству. В 1882 году его перевели в столицу и в 1885 году назначили на должность делопроизводителя Главного управления почт и телеграфов.

Сложно сказать, что явилось причиной назначения на должность начальника Сыскного отделения П.С. Вощинина, до того ни дня не служившего в полиции. Обычное для России кумовство и землячество (Вощинин, как было сказано выше, начинал службу под руководством П.А. Грессера)? Или же Грессер решил поставить на ответственное место испытанного им человека, в честности и порядочности которого он не сомневался

и который не имел связей с преступным миром?

Рис. 65. Генерал-лейтенант Петр Аполлонович Грессер, санкт-петербургский градоначальник с 1883 по 1892 г.

Судя по тому, что на новой должности Платон Сергеевич регулярно получал ордена и без задержки повышался в чинах, с обязанностями начальника Сыскной он отлично справлялся. Однако его личное дело{343} переполнено жалобами задержанных на рукоприкладство с его стороны.

Через несколько лет после назначения начальником СПбСП П.С. Вощинину пришлось расследовать дело о смерти своего покровителя П.А. Грессера. Вот что об этом расследовании пишет

в своем дневнике уже упоминавшаяся Александра Богданович:

> ***«27 апреля***[162].
>
> *Сегодня утром узнала грустную новость об опасной болезни Грессера. Болезнь у него непонятная; заболел он в ночь с 25-го на 26-е от укола, вследствие которого явилось гнилостное воспаление обеих голеней. Лечат его 7 докторов. Явился оттуда Жаконе с новостью, что это – последствия лечения Гачковского, его виталина, который он вспрыскивал Грессеру в большом количестве. Гачковский здесь много лечил и всем помогал. Он не доктор, а инженер, который нашел это средство лечения в Китае. Жаконе говорит, что он отравил Грессера, при котором в городе было спокойно и которого все боялись. Гачковский, который до сих пор бережно скрывал свой секрет, сегодня в "Новостях" напечатал письмо, в котором говорит, что его средство состоит из боракса*[163] *и глицерина, но ему теперь не поверят.*
>
> ***29 апреля.***
>
> *Сегодня умер Грессер. Это большая утрата в смысле безопасности Петербурга. У Гачковского был судебный обыск (прокурор Чаплин, Вощинин, эксперты); взяты у него все его средства, запрещено лечить. Сегодня профессор Пель пишет в газетах, что когда вспрыскивание виталином делается умелым человеком, то это средство вреда не сделает. Грессер, говорят, заставлял себе делать по 14 вспрыскиваний в день»*{344}.

Препарат шарлатана М.П. Гачковского «Виталин» впрыскивали для «омолаживания» организма. Что стало причиной смерти П.А. Грессера – плохая стерилизация шприца или состав «чудо-препарата» – осталось неизвестным.

В связи с тем что формулярный список П.С. Вощинина тоже никогда не публиковался, приводим его полностью в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

Дело № 23. Бухгалтер Цеханович

5 февраля 1893 года в СПбСП пришла телеграмма от судебного следователя по важнейшим делам Виленского Окружного суда о том, что помощник бухгалтера Виленского Государственного банка Михаил Цеханович, воспользовавшись отъездом управляющего банком Покровского в столицу, похитил

из кладовой облигаций 4 выпуска на сумму пятьдесят тысяч рублей. По сведениям следователя, Цеханович сбежал в Америку, однако в Петербурге в настоящее время пребывает его возлюбленная Алина Грушевская, которая была опознана сотрудниками банковской конторой Геймана в Вильне, где она продала на 15 тысяч рублей облигаций из числа похищенных.

Чиновники СПбСП сделали обыск дома у Грушевской, нашли четыреста рублей, которые она, «существовавшая единственно заработком от преподавания, скопить не могла. Грушевская не только созналась в том, что принимала участие в размене акций, но и изъявила согласие содействовать Сыскной полиции в деле розыска и задержания Цехановича»{345}. И когда тот прислал ей письмо с настойчивым приглашением переехать к нему в Америку, она написала ему в ответ, что якобы боится в одиночку пересекать океан и потому просит встретить её в одном из городов Европы. Цеханович телеграммой сообщил ей, что прибудет в Гамбург. По распоряжению министра внутренних дел два сотрудника Сыскной полиции (один из них – Яков Коцинг[164]) были командированы туда. При содействии российской миссии в Гамбурге питерские сыщики «вошли в сношение с местной полицией, и благодаря её энергичному содействию немедленно по прибытии в Гамбург [Цеханович] был арестован, причем от него отобраны ценности на 46 тысяч рублей»{346}. Признав себя виновным, Цеханович рассказал, что сразу после похищения он отправился в Эйдткунен[165], где за 150 рублей был переведен через границу неизвестным ему евреем, после чего беспрепятственно выехал в Америку.

Прусские власти препроводили задержанного до русской границы, где передали преступника в распоряжение отечественного правосудия. 2 декабря 1894 года император Александр III Высочайше соизволил наградить прусских полицейских Плёца, Цанкерта и Шёнике, принявших деятельное участие в задержании Цехановича, суммой в размере 1500 рублей{347}.

После отставки с должности начальника СПбСП П.С. Вощинин поселился по адресу наб. Екатерининского канала, д. 79, однако вскоре переехал в Житомир, где купил за десять тысяч рублей дом по адресу Большая Петербургская улица, 37{348}.

Последние пятнадцать лет жизни Платон Сергеевич тяжело болел:

> *«на глазах катаракта и почти совсем слепой, пишу по памяти, а прочесть написанное не могу и если*

остановлюсь на полуслове, то должен звать жену, чтобы указала, откуда продолжать писание. Пузырь мой стал никуда не годный, в нём застыли камни, а делать операцию врачи не советуют, и, вероятно, потому, что за свою жизнь выпил слишком много во всех видах; слух тоже изгадился, и, в общем – Изабелла ослабела» – писал он 4 марта 1909 года экс-министру просвещения Владимиру Гавриловичу Глазову{349}.

Скончался Вощинин в конце ноября 1915 года – об этом известно из письма тому же В.Г. Глазову зятя Платона Сергеевича Сергея Васильевича Квашнина-Самарина{350}. Фотопортрет П.С. Вощинина (он справа в партикулярном платье, слева его брат Александр) публикуется впервые{351}.

Рис. 66. Александр Сергеевич и Платон Сергеевич Вощинины

6.2.2. Леонид Алексеевич Шереметевский (05.06.1849{352} –28.09.1905){353}

Исправляющий должность помощника начальника СПбСП с 02.06.1890 по 31.12.1893. Помощник начальника СПбСП с 31.12.1893 по 15.07.1896. Начальник СПбСП с 15.07.1896 по 14.01.1899.

В отличие от П.С. Вощинина, до занятия должности начальника Сыскной не служившего в полиции, Леонид Алексеевич Шереметевский прослужил в ней всю жизнь. Начинал с самых низов – 22 октября 1872 года поступил в Санкт-Петербургскую полицию городовым. И дальше ступенька за ступенькой карабкался вверх по служебной лестнице: околоточный надзиратель, частный пристав (в Тамбове), полицейский надзиратель в Сыскной полиции столицы.

Вот как отзывался о Леониде Алексеевиче И.Д. Путилин:

> *«Шереметьевский*[166] *– один из наиболее ловких и даровитых чиновников сыскной полиции. В тех случаях, когда необходимы были "трансформации", он был положительно незаменим. С ловкостью и талантом заправского актера он мог играть какую угодно роль. Я помню даже такой эпизод, когда он с неподражаемым мастерством превратился в гулящую пьяную бабенку»*{354}.

Отношения между начальником и подчиненным были не только служебными – так, 19 октября 1888 года на свадьбе старшего сына Путилина Константина Ивановича Л.А. Шереметевский участвовал в качестве поручителя[167] жениха{355}.

Однако продвижение по службе шло у Шереметевского не без скрипа: так, исправляющим должность чиновника для поручений С.-Петербургской сыскной полиции он числился четыре с половиной года, а исправляющим должность помощника начальника – три с половиной года, возможно, из-за слишком низкого на тот момент чина. А вот начальником его назначили сразу, тем же приказом, которым уволили со службы П.С. Вощинина.

Так как формуляр Л.А. Шереметевского тоже ранее не публиковался, приводим его полностью на момент отставки с должности начальника Сыскной в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

Дело № 24. А.Е. Зарин «Убийство Елены Жак»

«На 14-й линии Васильевского острова в третьем этаже дома № 49 проживала вдова [отставного губернского секретаря Наталья Ивановна{356}] Жак с шестью детьми, из которых три были дочери: Анна, Елена, Варвара и три сына.

Старшая дочь Анна служила в конторе газеты "Свет", средняя 15-ти лет Елена помогала матери по хозяйству, а младшая, Варвара, 13-ти лет, ещё училась.

18 октября 1896 года в 11 часу утра к старшему сыну Жак [Владимиру]{357} задумал зайти его товарищ, некто С. Вяльмосов[168]. К его удивлению, у этих аккуратных людей (они жили без прислуги) дверь оказалась открытой. Войдя в прихожую, он услышал странные звуки из гостиной. Ничего не подозревая, он разделся, вошёл в комнаты и тотчас с криком ужаса выбежал на лестницу, на двор, крича об убийстве. На полу гостиной между печкой и окном он увидел в луже крови с лицом, прикрытым газетой, девушку Елену Жак. Это убийство тотчас взволновало всё население 14-й линии. Двор запрудила толпа.

Когда вернулась мать, а она, оказывается, уходила за провизией, она застала дочь уже мёртвой с разбитой головой.

Приехавшие власти и чины полиции нашли у бедной Елены проломленным висок и около шести ран на голове.

При дальнейшем осмотре оказалось, что из комода Жак похищены восемь билетов внутреннего займа и деньги, всего 3500 рублей, а далее на рояле увидели забытую шляпу-котелок и в передней калоши с буквами А.П.

Эти вещи тотчас признали принадлежащими Александру Попову, который ночевал у Жак и которого несчастная мать оставила наедине с дочерью, уходя за провизией. Он [Александр Исаакович Попов, 33 лет{358}] был беден, Жак при нём доставала деньги из комода и дала ему рубль как бы на извозчика.

Очевидно, убийца он.

Александр Попов, чином губернский секретарь, служил раньше на электротехническом заводе инженера Смирнова, а потом стал заниматься от себя установкою электрического освещения и в 1892 году, между прочим, устраивая освещение в конторе типографии газеты

“Свет”, познакомился с Анной Жак. В 1895 году он с нею сошёлся и с 1896 года был введён ею в семью и стал у них “своим” человеком[169].

Сомнений не оставалось, что убийца именно он, и за ним тотчас направили агентов, но Попов скрылся.

Задачей полиции явилось найти его и передать в руки правосудия.

И полиция горячо взялась за это дело. Главным деятелем здесь явился чиновник Викторов (потом фигурирующий на суде). Прежде всего он обратил внимание, что Попов был без шляпы, и поэтому тотчас стали деятельно наводить справки о человеке, шедшем по улице без шляпы[170] *и покупавшем шляпу за неимением таковой. В тот же день нашёлся извозчик, который вёз с Васильевского острова господина без шляпы, с головой, прикрытой капюшоном непромокаемой накидки.*

Извозчика допросили. Он отвёз барина на угол Садовой и Гороховой, где барин сошел и прошёл в меняльную лавку. Это оказалась лавка Балина. Допросили его. Был, действительно, господин без шляпы, сказал, что на Неве ветром сорвало, и разменял три билета внутреннего займа. Идя по Садовой, нашли лавку, где Попов купил себе шляпу, и… след исчез.

У Анны Жак нашли его портрет. Это господин лет 35 с интеллигентным лицом, в очках. У него задумчивый взгляд, острая рыженькая бородка, тонкий нос, и только оттопыренные, тонкие, как у летучей мыши, уши намекают на преступность натуры. Его портрет с приметами был тотчас разослан по всем центровым городам и на все узловые станции. На вокзалах был учреждён строгий досмотр, а Попов всё не объявлялся.

В числе прочих мер был установлен надзор и за Анной Жак, так как известна была его любовь к ней. И эта мера сослужила службу. Спустя неделю Анна Жак получила от Попова письмо с 20-ю рублями. В нём он звал её в Москву, обещаясь встретить её на одной из станций по пути, писал, что скрывается, так как знает, что его подозревают, но он невинен.

Это письмо получила сестра убитой и на другой день поехала. Вместе с ней ехали и агенты, присутствие которых она не подозревала. На станции Осташково Попов подошёл к ней и был тотчас схвачен. При нём оказались револьвер, нож и ключ от номера гостиницы в Твери, где нашли почти все деньги. Он отказывался от

преступления, но на его одежде нашли кровяные пятна; деньги служили немалой уликой, и на суде с присяжными 8 марта 1897 года его присудили к 18 годам каторжных работ»{359}.

Дело № 25. Крестьянка Fatale[171]

17 октября 1897 года в 2 часа дня из пруда у деревни Коломяги был выловлен труп неизвестного с несомненными признаками насильственной смерти – на голове рана, нанесенная тупым предметом, на шее следы удушения, к телу на толстой веревке привязан трехпудовый камень.

Жители Коломяг и близлежащих деревень труп не опознали. Вечером того же дня на него пришла полюбопытствовать крестьянка Анна Филипповна Федотова, служившая кухаркой на станции Графской Озерковской ветки[172] Приморской Санкт-Петербург – Сестрорецк железной дороги, и признала в убитом своего мужа Никиту.

Чинов Сыскной полиции смутило то, что Федотова опознала мужа с довольно большого расстояния, и они заподозрили вдову в соучастии в убийстве. Было выяснено, что Федотова состояла в любовной связи одновременно с дорожным мастером Приморской дороги Петром Никитиным и с рабочим Егором Петровым, а вот с мужем, которому разгульное поведение супруги не нравилось, она сходилась редко. Все трое были арестованы и после непродолжительного запирательства повинились. Инициатором убийства была Федотова, план был продуман заранее. И когда Федотов пришел 13 октября 1897 года к жене в гости, Петр Никитин пригласил его пойти в Коломяжский трактир, отстоявший от станции Графской примерно на версту. Обратно из трактира опьяневшего там Федотова Никитин повел парком, где в заранее намеченном месте их поджидал Петров. Именно он сшиб Федотова с ног, ударив камнем по голове, а потом лишил жизни, задушив руками. Никитин тем временем сбегал за Федотовой, и они втроем перенесли труп к пруду (примерно 100 саженей = 213 метров), где, привязав камень, погрузили его в воду{360}.

Рис. 67. Станция Графская Приморской железной дороги. Фрагмент подготовительного рисунка К.О. Брожа для июльского номера журнала «Всемирная иллюстрация» за 1993 год. Из коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Федотова получила 20 лет каторги, Никитин – 15, Петров – 10{361}. За раскрытие преступления был награжден премией в 25 рублей надзиратель второго разряда Николай Яковлевич Алексеев[173], чиновник В.К. Викторов и надзиратель Попов удостоились благодарности от градоначальника{362}.

Леонид Алексеевич Шереметевский был женат первым браком на девице Эмилии Александровне Зиберг{363} (1862 года рождения){364}. В их семье было пять детей:

– **Георгий** (27.03.1888–18.06.1969). Окончил: Николаевский кадетский корпус (1905 г.), Николаевское инженерное училище (1908 г.), Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы (1913 г.). Один из первых русских военных летчиков. В Первую мировую войну дослужился до капитана, в Гражданскую в рядах Добровольческой Армии и Вооруженных Силах Юга России – до генерал-майора. После эмигрировал, умер в США{365}.

Про остальных отпрысков Леонида Алексеевича столь подробной информации у нас нет. Приводим данные на 1909 год (тогда Эмилия Александровна хлопотала об увеличении пенсии):

– **Александр** – (28.08.1890 –???) – юнкер Инженерного училища;

– **Павел** (27.06.1893 г. – ?) – кадет 1 корпуса, учился там на стипендию принца Ольденбургского;

– **Леонид** (05.08.1896 – 1909/1910) – учился на стипендию генерала Трепова. Умер в конце 1909 года или в самом начале 1910 года;

– **Ольга** (15.06 1898 –?) – приходящая ученица института принца Ольденбургского, своекоштная.

После выхода в отставку Шереметевский проживал в Санкт-Петербурге по адресам: Прядильная (ныне Лабутина) улица, д. 2–17, и Большая Мастерская улица (ныне Лермонтовский проспект), д. 11–55. Однако в 1904 году оттуда съехал, устроившись на должность начальника климатической станции в Гаграх – так необычно для современного уха назывался тогда тамошний курорт.

Ещё до Рождества Христова бухту Гагры на восточном берегу Черного моря колонизировали греки, во времена Римской империи там появились виллы богатых патрициев, которые защищала от набегов варваров крепость в ущелье речки Жоэквары. В тридцатых годах XIX столетия в Гаграх высадился небольшой отряд (около трех рот) русских войск под начальством генерал-майора Гессе, который для защиты от нападений черкесов восстановил римское укрепление. Во второй половине пятидесятых годов XIX века в крепости располагался санаторий для нижних чинов, однако к концу шестидесятых он был заброшен, и до начала двадцатого столетия Гагры были необитаемы.

Рис. 68. Гагры, дворец принца А.П. Ольденбургского

В 1901 году бухту посетил принц Александр Петрович

Ольденбургский (1844–1932), который решил устроить здесь фешенебельный курорт, русскую Ниццу. Уже в октябре начались работы по устройству климатической станции, а в январе 1903 года она была открыта. *«Комфортабельные гостиницы и первоклассный ресторан для состоятельных; удобные, хорошо обставленные меблированные комнаты и столовая – для лиц среднего достатка, образцовое здание ванн и купальни [архитектор Г.И. Люцедарский], хорошо организованная медицинская помощь [больница и аптека]; охота и рыбная ловля для спортсмэнов – все это к услугам посетителей, и надо быть очень требовательным, чтобы желать бóльшего»,* – уверял рекламный путеводитель{366}.

Кроме щедрого жалованья начальника климатической станции (6000 рублей в год плюс готовая квартира), для переезда на кавказское побережье у Шереметевского имелись и личные обстоятельства – его жена Эмилия Александровна с 1900 года страдала туберкулезом легких, а морской воздух считался тогда единственным способом лечения этой страшной болезни{367}.

Семья Шереметевских поселилась в так называемом «доме администрации», во втором и третьем этажах которого были устроены квартиры для служащих, а на первом располагались управление климатической станцией, камера (кабинет) мирового суда, управление лесной дачей, полицейское управление и пост пограничной стражи.

Шереметевский придавал безопасности курорта первостепенное значение. Считая местное население ненадежным в политическом отношении, Леонид Алексеевич начиная с 1905 года стал отстранять от службы абхазов и мингрелов и заменять их на русских.

> *«С мая 1905 года в Гаграх стало образовываться тайное политическое движение: начались тайные сходки, распространение нелегальной литературы представителями РСДРП фракции “большевиков”. Они по своей программе допускали убийство вредных для себя лиц. Леонид Алексеевич Шереметевский строго следил за политическим движением и принимал всевозможные меры для его предотвращения, так как находил, что всякое нарушение спокойствия может вредно отразиться на курорте. О каждом случае сходок, подкидывания прокламаций он доносил шифрованными депешами Его Высочеству Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Благодаря этому была усилена охрана в Гаграх, были присланы казаки, матросы, увеличено количество стражников»*{368}.

«Гагринская организация социал-демократической партии фракции “большевиков” для свержения Царского самодержавия с заменой его демократической республикой имела в распоряжении склад оружия, которым вооружала лиц, принадлежащих к означенной организации, учредила народную милицию и народный суд, вела пропаганду революционных идей среди нижних чинов и матросов Гагринского гарнизона, устраивала митинги, на которых произносились речи о необходимости свергнуть царя и существующее правительство, собирала деньги на революционные цели с членов организации, а также насильственно требовала деньги на те же цели от лиц, не принадлежащих к партии, вмешивалась в распоряжение военных и административных властей Гагры, требовала отмены тех или других распоряжений, каковые требования в виду угрожающего поведения участников сообщества и выполнялась властями, угрожала лишением жизни лицам, не примыкавшим к сообществу, а также убийством лиц, противодействующим революционной деятельности сообщества»{369}.

Гагрскую организацию РСДРП с марта 1905 г. возглавляли топограф Иосиф Маруашвили и кассир станции Илья Чичкан{370}. 31 июля в десяти верстах от Гагр они организовали противоправительственную сходку с участием трехсот мингрелов и абхазов. Брат Маруашвили нёс красный флаг с надписью «Долой самодержавие, да здравствует свобода!» Демонстранты двинулись к Гаграм, однако по дороге были рассеяны казаками. Чичкан и Маруашвили по приказу Шереметевского были арестованы. В Гаграх начались волнения, закрылись лавки и магазины. Бастующие требовали освобождения задержанных, группами собирались возле «крепости» принца Ольденбурского, что вынудило Шереметевского освободить арестованных.

В своем донесении 1 августа начальник станции поставил принца в известность о происходивших в Гаграх событиях, отметив, что «в последнее время очень неспокойно и не только рабочие, но и старшие служащие не внушают особого доверия». Вечером 7 августа революционеры смертельно ранили садовника Котека, который был информатором Шереметевского. На следующий день встревоженный принц обратился из Женевы к наместнику Кавказа с просьбой «скорее прислать еще взвод казаков» в Гагры{371}.

11 сентября 1905 года по требованию Шереметевского И. Чичкана и И. Маруашвили выслали из Гагр, местное население

устроило им пышные проводы с пением «Марсельезы». В тот же день местные большевики приняли решение об убийстве начальника станции{372}.

> *«…революционеры кричали “Долой царя, долой дворянство, княжество”. В речах говорилось, что этого паразита, как они называли Шереметевского, надо стереть с лица земли. Причиной подобного озлобления был неустанный надзор Шереметевского за политическим движением. Считая туземцев неблагонадежным в политическом отношении элементом, он стал отстранять их от должностей и торговли и выселять из Гагр. Один из революционеров так и показал на следствии, что по решению народа нужно было его убить, так как он всем мешал»*{373}.

28 сентября Леонид Алексеевич Шереметевский в составе комиссии отправился на осмотр строившегося на Жоэкварском водопаде водопровода. На обратном пути Шереметевскому сообщили, что в Английской гостинице в Гаграх убили сторожа (как потом выяснилось, его только ранили). Шереметевский вместе с инженером Ахтеном и доктором Харватом горными тропами поспешил в Гагры. Около Английской гостиницы они попали в засаду – злоумышленники Парнозе (он же Барнаба) Васильевич Джикия, 24 лет от роду, и Давид Гаврилович Бенделиани, 20 лет, там их поджидали. Первый выстрел цели не достиг. Шереметевский с сопровождавшими бросились бежать, однако им вдогонку было выпущено ещё три пули, и все они попали в Шереметевского (две в голову, одна в спину). Леонид Алексеевич упал и через минуту умер{374}.

Убийц в 1912 году приговорили к каторжным работам.

Однако суд не признал убийство Шереметевского политическим, что повлекло за собой многолетние хлопоты вдовы за повышенную пенсию (законом от 18 марта 1909 года она полагалась семьям жертв революционеров). Переписка различных ведомств длилась до осени 1913 года. В итоге дело о пенсии семье Шереметевского было заслушано на заседании Совета министров 27 сентября 1913 года, докладчиком выступил министр внутренних дел. Было решено платить Эмилии Александровне пенсию по закону от 18 марта 1909 года. 30 ноября император утвердил это решение.

Леонид Алексеевич Шереметевский был похоронен на Новом Лахтинском кладбище. Семья проживала неподалеку от могилы на круглогодично арендуемой за 100 рублей в год даче, расположенной по адресу: 3 стан Санкт-Петербургского уезда, по

Приморской железной дороге, станция Лахта, дом 111. С Эмилией Александровной и детьми проживала и престарелая мать Леонида Алексеевича.

6.2.3. Михаил Флорович Чулицкий (1853–1921 (?))[174]

Начальник СПбСП с 14.01.1899 по 10.02.1903.

Леонид Шереметевский стал последним начальником Сыскной полиции, не имевшим высшего образования. После его отставки градоначальник Н.В. Клейгельс решает пригласить на эту должность профессионального юриста – чиновника, служившего ранее в Министерстве юстиции судебным следователем и товарищем (заместителем) прокурора.

Рис. 69. М.Ф. Чулицкий в молодости

Михаил Флорович (1853[{375}] –1921 (?)) (иногда его отчество путают: пишут Фролович и даже Федорович) – потомственный юрист. Его отец – коллежский советник Флор Дмитриевич Чулицкий – был губернских уголовных дел стряпчим в Витебской губернии.

В 1876 году Михаил Флорович окончил курс наук в Военно-Юридическом училище, на службу поступил 20 июня 1876 года – первоначально в распоряжение Главного Военно-Судного Управления, но 17 августа того же года был переведен в Министерство юстиции в распоряжение Витебского губернского прокурора. Его приказом с 29 сентября 1876 года по 9 августа 1877 года Чулицкий был откомандирован в помощь для занятий Лепельскому судебному следователю (Лепель – город на севере современной Беларуси, тогда уездный город Витебской губернии). Далее девять лет Михаил Флорович служил судебным следователем в Архангельской, Астраханской и Смоленской губерниях. 13 января 1886 года его повысили до товарища прокурора – в этой должности он три года служил в Тульском Окружном суде и десять лет в Санкт-Петербургском.

В 1897 году председателем Высочайше учрежденной комиссии о предупреждении занесения в империю чумной заразы и борьбе с ней, принцем Александром Петровичем Ольденбургским, Михаил Флорович был командирован в экспедицию генерал-лейтенанта Георгия Робертовича Васмунда (1840–1904, встречается другое написание фамилии – Васмундт) на берега Черного и Каспийского морей и на границу Турции и Персии[{376}].

Летом 1898 года, узнав о скорой отставке Л.А. Шереметевского, Чулицкий хлопотал о своем назначении на должность начальника Сыскной полиции (в фондах РГИА хранится его письмо с ходатайством об этом В.Г. Глазову[{377}]). Хлопоты эти увенчались успехом – 18 октября 1898 года его уволили из Министерства юстиции по случаю причисления к Министерству внутренних дел с откомандированием в распоряжение петербургского градоначальника, который в тот же день 18 октября 1898 года назначил Михаила Флоровича своим чиновником особых поручений. 5 марта 1899 года Высочайшим приказом Чулицкого назначили начальником Сыскной полиции (фактически он стал руководить Сыскной с 14 января 1899 года[{378}]).

За три года службы Михаила Флоровича в этой должности Сыскная полиция раскрыла следующие выдающиеся преступления:

– открыты виновные и найдены деньги, 43 тысячи рублей,

похищенные из полкового ящика лейб-гвардии Преображенского полка;

– задержан виновный в продаже фальшивых камней особам императорской фамилии;

– обнаружен автор анонимных писем особам императорской фамилии;

– разыскан покушавшийся на убийство архимандрита в Александро-Невской лавре;

– по всем крупным убийствам виновные были обнаружены;

– обнаружены виновные в краже кредитных билетов трехрублевого достоинства из Государственного банка;

– обнаружены виновные и найдены все вещи, похищенные из павильона Петергофского дворца{379}.

О последнем из этих дел расскажем подробнее.

Дело № 26. Туловище императрицы

Житель деревни Низино Петергофского уезда Александр Сандер зарабатывал на жизнь вывозом мусора. 2 декабря 1902 года в четыре часа утра, направляясь на свалку с бочкой нечистот, в ста саженях от павильона «Озерки» (другое название – «Розовый павильон», был разрушен во время Второй мировой войны, до сих пор не восстановлен) обнаружил на дороге туловище статуи покойной императрицы Александры Федоровны и обрезки свинцовых труб. Мусорщик тут же дал знать о находке лакею при Петергофском дворце Прокопию Филиппову, тот сообщил гоффурьеру (служителю, заведовавшему дворцовой прислугой), а он по телефону вызвал полицию. В шесть утра к павильону прибыли приставы обоих участков Петербургского уезда, исполняющий должность смотрителя по наружно-полицейской части и околоточный надзиратель Черняк. Они обнаружили, что дверь в подвал павильона открыта (филенка вырезана, замок взломан), причем на косяке имеются следы крови. После осмотра павильона была составлена опись украденных вещей: несколько статуэток из темной бронзы, часы из черного мрамора с бронзовой фигуркой пастушка, свинцовые трубы, срезанные с потолка и стен, а также оторванные от крупных статуй (летом выставляемых в садике, а зимой хранившихся в подвале) куски: уже найденное туловище императрицы и конечности двух мифологических фигур полулюдей-полуживотных. Осквернение статуй вкупе со срезкой труб указывало на то, что целью воров были не предметы искусства, которые сложно продать из-за их приметности, а металлы, из которых они изготовлены, – бронза и свинец.

Рис. 70. Павильон «Озерки» в Петергофе, начало XX века

Пристав Горностаев отправился с описью в Санкт-Петербургскую сыскную полицию, чтобы её агенты начали поиски по ломбардам и тряпичникам. Однако, получив от него заявление, начальник Сыскной Михаил Флорович Чулицкий счел нужным лично выехать на место преступления и в 10 утра вместе с подчиненными уже осматривал павильон «Озерки». Опытные сыщики быстро выяснили, что:

– злоумышленников в павильоне было трое, причем один из них при срезке труб сильно порезался, отсюда и следы на косяке;

– снаружи воришек дожидался сообщник с лошадкой, запряженной в сани. Однако кляча его была слишком старой и слабой, и из-за её немощи преступникам пришлось сразу же избавиться от самой тяжелой (и самой ценной) добычи – туловища императрицы.

Агенты Сыскной стали искать по окрестностям подобную лошадку и уже на третий день привели на Офицерскую улицу её владельца, жителя села Высоцкого Витинской волости Петергофского уезда Сергея Мазилкина. Перепуганный крестьянин, занимавшийся извозом, сразу открыл Чулицкому имена воришек: жителей села Костино Рощинской волости того же уезда братьев Константина, Григория и Степана Кононовых-Романовых. Петергофская полиция их хорошо знала: несмотря на молодость – старшему было 23, среднему 20, а младшему 18, – все они имели по судимости. Также была задержана их «мамашка» Ольга Романова, промышлявшая скупкой краденого. В доме у Кононовых-Романовых произвели обыск и нашли

украденные в июле 1902 года на даче по адресу Луизинская улица, дом 7, вещи надворного советника П.Л. Барке. Однако ничего из похищенного в павильоне «Озерки» там не обнаружили – узнав о задержании Мазилкина, братья Кононовы-Романовы успели выкинуть украденные статуэтки в заросли тростника возле пруда, на котором расположен островок с руинами. Там 5 декабря их нашел сторож караулки Петергофского Дворцового управления отставной унтер-офицер Третьяков. Однако часов из черного мрамора с пастушком и одну из статуэток (нагой женщины, надевающей на ногу сандалию) на берегу пруда отыскать не смогли.

Братья Кононовы-Романовы на допросах категорически отрицали свою причастность к краже в павильоне «Озерки». Чулицкий им не верил – при осмотре у Григория были обнаружены глубокие порезы на руке. 16 декабря Михаил Флорович в очередной раз вызвал его на допрос и рискнул пойти на хитрость, объявив, что кровь Григория совпадает с той, что найдена в павильоне{380}. Григорий был неграмотным и, конечно, не знал, что такими методиками полиция ещё не располагает (даже сравнительный анализ по группе крови появится через несколько лет в 1907 году{381}, а полная идентификация по ДНК – только в 1984 году), потому сознался и указал на скупщика краденого, которому были проданы часы и фигурка женщины с сандалией. В ночь с 17 на 18 декабря на Александровском рынке в «железной» лавке Алексея Смирнова во время обыска Чулицкий лично их отыскал.

За «энергичные и настойчивые розыски» Чулицкий был награжден императором Николаем II суммой в двести рублей. А особо отличившихся в раскрытии этого преступления агентов Сыскной полиции – Евгения Афанасьева (или Афонасьева), Петра Тарасова и Александра Гольмана наградили серебряными часами с изображением государственного герба и цепочкой стоимостью сорок рублей{382}.

Награду эту М.Ф. Чулицкий получил уже перед отставкой. «Лично руководя розысками по перечисленным преступлениям, статский советник Чулицкий обращал на себя внимание неутомимыми трудами и энергией; при усиленных трудах здоровье его подвергалось постоянному испытанию от крайнего напряжения физических и нравственных сил, и наконец совершенно расстроилось», – писал петербургский градоначальник генерал-лейтенант Николай Васильевич Клейгельс, ходатайствуя о назначении бывшему подчиненному усиленной пенсии{383}. Ходатайство было удовлетворено. М.Ф.

Чулицкий получил пенсию в 2000 рублей.

Пребывая в отставке, Чулицкий ещё пару лет оставался приписанным к Министерству внутренних дел, а с 1904 года стал служить в Комитете С.-Петербургского городского попечительства о народной трезвости (государственной организации, занимавшейся благотворительной деятельностью, председателем её был принц А.П. Ольденбургский).

В этот период жизни Чулицкий активно занимается литературной деятельностью: в 1904 году публикует две книги «Петербургские бродяги. Из записной книжки судебного деятеля» и «Прелестная женщина» (обе переизданы в 2009 году издательством «Авалонъ» под одной обложкой)[{384}]. Также Михаил Флорович публикует статьи и рассказы в журналах «Русская старина», «Вестник полиции», «Исторический вестник», газетах «Петербургская газета», «Неделя», «Петербургский листок» К сожалению, о своих расследованиях на посту начальника Сыскной он в них почти не рассказывает.

Дело № 27. М.Ф. Чулицкий «Кто убил?» [175]

Уголовные очерки М.Ф. Чулицкого
КТО УБИЛ? (из уголовной хроники Петербурга)

Отставной надворный советник старый холостяк Венедикт Иванович Долгоносов мирно доживал свой век. Требования к жизни у него были скромные, и жил он безбедно.

Получал он небольшую пенсию и имел, кроме того, несколько тысяч, которые он отдавал под небольшие проценты преимущественно своим бывшим сослуживцам. В своей одинокой однообразной жизни он привык к аккуратности, которая доходила у него до педантизма. Вставал он ежедневно в 8 часов утра, пил чай, читал газету и в 9 часов утра выходил из дома. Шёл он всегда в одном и том же известном направлении. Дорогой его догоняли бывшие сослуживцы. С ними он шёл до здания, в котором на службе просидел несколько стульев. Попрощавшись с товарищами у подъезда, он сокрушенно вздыхал и пешком же медленно подвигался домой, изредка останавливаясь у окон и витрин магазинов. В час дня он съедал скромный обед и опять уходил. Теперь он шёл уже по делам, по взысканию денег с неаккуратных должников. Возвращался домой часам к 7, когда пил чай. Позанявшись списанием расчётов и исковых прошений, в 10 часов вечера отправлялся в ближайший трактир. Там он усаживался в бильярдной, требовал себе бутылку пива и изредка держал мазу за хорошего игрока. Из трактира уходил в 11 1/2 часа и в 12 часов лежал уже в постели. Так регулярно текла его жизнь в течение

многих лет изо дня в день.

В квартире чистота всегда была праздничная и порядок образцовый. Всё всегда стояло и лежало на известном месте, было прибрано и припрятано.

Единственная его прислуга, сухая болезненная старуха кухарка Мавра, жившая у него чуть ли не 20-й год, приноровилась к его привычкам. Хозяин и кухарка понимали друг друга без слов. Поэтому кухарка молча подавала и чай, и кушанье и молча же убирала со стола. Не разговаривали они до тех пор, пока хозяин не спрашивал отчет в израсходовании денег и не требовались деньги на провизию. Тогда молчание вознаграждалось сторицей. Слова лились без конца. Неизбежно спор переходил в ругань и ссору. Долгоносов упрекал Мавру в расточительности и в неумении торговаться и дешево покупать, а та в свою очередь уличала его в том, что он её обсчитывает, и ругала его скрягой.

Такие споры происходили у них почти ежедневно и вошли в привычку. Иногда происходили и бурные сцены. Это случалось, когда Мавра что-нибудь разбивала или ломала. Тогда Долгоносов приносил в кухню паспорт, клал его на стол и кричал, чтобы Мавра убиралась вон, на все четыре стороны. Мавра заявляла, что она с радостью оставляет ненавистного хозяина и что наконец-то её истерзанная душа найдет успокоение. Обыкновенно через час после этой трагической сцены хозяин с кухаркой мирно обсуждали меню завтрашнего обеда. Мавра знала, что её, старую и болезненную женщину, никто в прислуги не наймет, а Долгоносов понимал, что такой дешевой, нетребовательной, честной и преданной прислуги ему больше не найти.

Однажды Долгоносов встретился в трактире с одним из своих старых сослуживцев и выпил с ним лишнее. На следующий день он тем не менее встал по обыкновению в 8 часов, выпил чаю, прочитал газету и собрался было уходить из дома, как вдруг почувствовал сильное головокружение. Он зашатался и беспомощно опустился на диван. Собрав силы, он позвал Мавру. Та явилась:

– Что с вами, барин? – спросила она испуганно, увидав его бледное лицо.

– Подай мне скорее стакан воды!

Мавра подбежала к столу, налила из графина стакан воды и быстро направилась к барину. От испуга руки у неё тряслись и расплескивали воду. Случайно она запнулась за ковёр и с размаха упала на пол. Стакан вылетел из рук и разбился. Звук разбитого стекла подействовал на Долгоносова как электрический ток. Он мгновенно вскочил и закричал:

– Ах ты, старая карга! Разве не знаешь, сколько стакан стоит!

Мавра между тем лежала без движения.

– Ну вставай же! – крикнул хозяин.

Мавра не шевельнулась. Долгоносов стал беспокоиться:

– Послушай, Мавра! Вставай! Я на этот раз прощаю и вычитать из твоего жалованья за разбитый стакан не буду.

Ответа не было. Долгоносов нагнулся – из головы Мавры сочилась кровь. Она при падении ударилась виском об стул. Долгоносов достал из шкафа другой стакан, налил в него воды и сначала выпил сам, а потом стал опрыскивать лицо Мавры и, приподняв её голову, вливать воду ей в рот. Ничто не помогало.

У Мавры не проявлялось ни малейших признаков жизни. Долгоносов очень струсил и, что называется, потерял голову.

– Что мне делать? Что мне делать? – шептал он. – Вот беда! Очень плохо! Никто не поверит, что она сама упала. Скажут, что это я убил. В тюрьму запрячут! Дворники на меня злы, что на чай мало даю. С удовольствием подлецы подтвердят, что я постоянно бранил её. Ещё на днях, как нарочно, я при дворнике ругал её. А она ещё причитала, что ей только и остаётся – повеситься. Батюшки! Вот счастливая мысль пришла. Ведь если она сама повесилась, я бы за это не отвечал.

Долгоносов немедленно стал приводить свой план в исполнение. Он обмыл лицо Мавры (кровь перестала литься). На виске прикрыл волосами небольшую ранку и, подхватив под мышки неподвижное тело, приволок его через коридор на кухню. Там он разыскал бечевку, один конец которой привязал к гвоздю над кроватью, а на другом сделал петлю. Приподняв затем Мавру, он посадил её на кровать, прислонив спиной к стенке, и набросил свободную петлю на шею.

– Петлю затягивать нельзя, – беззвучно шевеля губами, рассуждал Долгоносов сам с собой. – Возможно, что у ней только глубокий обморок. Она может опомниться. Тогда она сама снимет петлю с шеи. Если же она умерла, всякий скажет, что она повесилась. Ну-с, кажется, отлично всё устроено. Теперь остаётся только поскорее улизнуть. Чтобы не возникло подозрение на меня, что это я её убил, отворю дверь на черную лестницу. Если почему-либо не поверят, что повесилась сама, скажут, что пришли грабители и повесили. А вдруг действительно явятся воры и обкрадут всю квартиру?! Нет! Увидят труп и побоятся.

В это время пробило 9 часов.

– Уже девять. Скорее надо уходить, швейцар может заметить, догадаться…

Долгоносов быстро надел пальто, нахлобучил шапку, вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь, и стал спускаться с лестницы.

– А вы сегодня на несколько минут запоздали, – весело

заметил швейцар, которому Долгоносов всегда твердил об аккуратности.

– Стар становлюсь. Вчера немного кутнул, сегодня уже и болен. Едва с лестницы сошёл.

«Вот она моя точность и аккуратность. Говорил я, что швейцар может заметить», – рассуждал сам с собой Долгоносов.

Вдруг он остановился, зашатался и едва не упал.

«Что я сделал? Вот беда! Второпях я забыл ведь замыть кровь в гостиной на полу. Что мне теперь делать? Возвратиться домой нельзя. Опять швейцар заметит, что я не вовремя возвратился. Пропал я! Сидеть мне в тюрьме!» – рассуждал Долгоносов.

Он так скверно себя чувствовал, что вместо обычной прогулки прошёл в сквер и там, не двигаясь со скамейки, просидел до полудня.

– Теперь надо домой идти. Пора!

Между тем, вскоре после ухода из дома Долгоносова, младший дворник принес к нему на кухню дрова. Постучав несколько раз в дверь и не получив ответа, дворник дернул за ручку двери. Незапертая дверь открылась. Дворник вошёл в кухню, бросил на пол дрова и вдруг в ужасе отскочил в сторону. На кровати с вытянутыми ногами лежала без движения Мавра.

– С нами крестная сила! Повесилась! – крикнул дворник, заметив веревки, и бросился вон из кухни.

Через полчаса в кухне сидел уже околоточный надзиратель и писал протокол.

– Господин околоточный, руки-то у покойницы совсем теплые. Не жива ли она ещё? Не снять ли её с петли? – спросил один из понятых.

В это время вбежал в кухню дворник и крикнул:

– Господин околоточный, в гостиной лужа крови!

Околоточный надзиратель отложил в сторону перо и пошел в гостиную. Увидев на полу кровь, разбитый стакан и валяющуюся около дивана женскую головную гребёнку, он сообразил, что в данном случае могло быть и убийство. Поэтому он сейчас же послал в управлении участка городового с запиской, в которой кратко изложил обстоятельства дела.

В ожидании прихода высших властей околоточный надзиратель уселся за продолжение протокола.

– Взгляни-ка, – обратился он к дворнику, – как там завязана веревка на гвозде?

Младший дворник подошел кровати, отодвинул её немного от стены, протиснулся между кроватью и стеной и стал разглядывать узел. Между тем веревка, которая свободно лежала вокруг шеи старухи, натянулась. У Мавры раскрылись веки и

выпятились глазные яблоки, из раскрывшегося рта высунулся язык.

– Какой узел? Простой? Крепко завязан? – спросил околоточный надзиратель.

– Напутано что-то, – отвечал дворник.

Околоточный надзиратель оглянулся и, увидев изменившееся лицо старухи, испуганно вскочил.

– Что ты делаешь?! – закричал он. – Придвигай кровать на прежнее место!

В это время одним за другим стали приходить: участковый пристав, полицейский врач, судебный следователь и члены сыскной полиции. Вошёл и Долгоносов.

– Что такое? Что случилось? Зачем вы здесь? – задавал он дрожащим голосом вопросы.

– Ваша кухарка или убита, или сама повесилась. Пожалуйте на кухню. Взгляните.

– Я боюсь.

– Пожалуйста, посмотрите. Может быть, дадите тогда хоть какое-нибудь разъяснение.

Долгоносов вошёл в кухню и, взглянув на страшное лицо Мавры с выкатившимися глазами, вскрикнул, зашатался и упал в обморок.

Умелый осмотр квартиры выяснил многое. Было установлено, что Мавра была убита в гостиной. Лужа крови, разбитый стакан, валявшаяся на полу гребенка и сдвинутый ковер были этому свидетелями. Заметные бороздки от каблуков на полу говорили, что труп убитой был приволочен из гостиной в кухню. Единственной загадкой являлось повешение Мавры.

Пришедший в чувство Долгоносов рассказал, что когда он уходил, по обыкновению в 9 часов утра, кухарка была в кухне.

Швейцар и дворник удостоверили аккуратность и точность Долгоносова, ничем не нарушенные в этот день.

Пока производился осмотр и шли расспросы, весь расстроенный бледный младший дворник подошел к врачу.

– Позвольте узнать, ваше благородие, давно ли умерла Мавра? – спросил он.

– Нет, недавно, труп ещё не остыл.

– А не сейчас ли она умерла?

– Не думаю. Впрочем, теперь ничего не могу сказать о причине смерти… Завтра будет вскрытие, и тогда узнаем.

– Да мне нужно знать одно только, не умерла ли она вот теперь при нас в кухне.

– Почему ты это спрашиваешь?

– Чтобы совесть не мучила. Раньше мы думали, что она висит мертвая. Лицо у неё было такое спокойное, чистое, глаза и рот

были закрыты. По приказу околоточного, чтобы взглянуть на узел, отодвинул я кровать, а веревка вокруг шеи и натянулась. Как взглянул я потом, страшно стало. Глаза вылезли, язык высунулся, лицо стало синее. Как бы мне, хоть и нечаянно, да не взять бы греха на душу. Может быть, жива еще была?!

– Успокойся. Она была мертвая. Её убили в гостиной и мертвую притащили и повесили.

На следующий день дворник явился в больницу, где производилась вскрытие, и опять спросил у врача о причине смерти Мавры.

– Рана на виске была легкая, поверхностная, – объяснил ему врач. – Вероятно, кто-то ударил Мавру чем-нибудь твёрдым по виску и оглушил. Она была старая и болезненная. С ней приключился очень глубокий обморок, который постепенно и перешел в смерть. Вот всё, что могу сказать. Кто и зачем убил, это уже докажет следствие.

Однако предварительное следствие ничего не открыло. Предполагалось, что на Мавру было нападение с целью ограбления и что с целью сокрытия следов преступления было симулировано самоповешение. Было ли что-либо похищено у Мавры и были ли у неё деньги, кроме найденных в чулке девяти рублей, установить не представлялось возможным, так как у неё никаких родных не было. О причастности к делу Долгоносова никто и не думал. Он был выше всяких подозрений. За необнаружением виновного дело было прекращено.

Долгоносов переехал в другую квартиру, и там его преследовала страшное лицо Мавры. Его преследовала и днем, и ночью одна и та же мысль:

– Может быть, – думал он, – Мавру можно ещё было привести в чувство. Если бы я не был так малодушен и пригласил бы доктора, она, вероятно, ожила бы.

Долгоносов стал опускаться, пить и вскоре умер. После его смерти была найдена записка, в которой он подробно описал, при каких обстоятельствах умерла Мавра.

Смерть успокоила Долгоносова, младший же дворник продолжал переносить большие нравственные мучения.

– Глаза были закрыты – и выкатились. Рот раскрылся, и язык высунулся. Лицо было чистое и спокойное – стало синим и страшным. Нечаянно, не нарочно, а всё-таки я, грешный, задушил её. Жива была ещё. Прости меня, Господи! – не переставал говорить он сам с собой.

Через месяц после смерти Мавры он отправился в монастырь на остров Валаам замаливать свой невольный грех.

Когда именно, в какой момент у Мавры потухла последняя

искра жизни, так и осталось невыясненным.

В конце 1910 года тяжело заболела супруга Чулицкого Текла Ивановна (в девичестве Скивская (Скифская), 1858 года рождения, католического вероисповедания. Ухаживая за ней, Михаил Флорович не спал по ночам и по этой причине однажды опоздал утром в канцелярию принца Ольденбургского. Взбешенный принц потребовал, чтобы Чулицкий подал прошение об отставке. Тот так и поступил{385}.

Рис. 71. Текла Ивановна Чулицкая в молодости

По собственному признанию М.Ф. Чулицкого, служить он

больше не хотел и потому ушёл на вольные хлеба. Сперва пытался жить литературными трудами, но вскоре решил вернуться в юриспруденцию. 27 октября 1911 года его внесли в списки присяжных стряпчих коммерческого суда{386}. Однако возраст, сердце, плеврит и болезнь печени вынудили его 2 декабря 1916 года подать прошение об исключении его из списка присяжных стряпчих, которое было удовлетворено 3 февраля 1917 года{387}.

У Михаила Флоровича и Теклы Ивановны Чулицких было шестеро детей:

Рис. 72. М.Ф. Чулицкий (в центре) с семьей, на перилах сидит его сын Константин, 1900-е годы

– **Михаил**, дата рождения 10 октября 1879 года, по окончании Кронштадтской гимназии поступил в Санкт-Петербургский университет, где прослушал полный курс на юридическом факультете, однако испытаниям не подвергался. С 1904 года – на службе в Министерстве просвещения, с 6 марта 1906 года он исполняющий должность делопроизводителя восьмого класса младшего оклада Департамента народного просвещения{388};

– **Константин**, родился 14 апреля 1881 года в Астрахани, в 1906 году окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета с дипломом II степени и поступил на службу в столичный Окружной суд. С 1910 года Константин Чулицкий – товарищ прокурора Усть-Медвидцкого

Окружного суда, в 1912 году перемещен на ту же должность в Митавский Окружной суд. Несмотря на то что на освидетельствовании 29 декабря 1907 года комиссия при усиленном лазарете лейб-гвардейского Московского полка признала Константина Чулицкого неспособным как к строевой, так и нестроевой службе, 14 августа 1914 года он ушёл добровольцем в действующую армию. Для этого Митавский Окружной суд предоставил титулярному советнику Константину Михайловичу Чулицкому отпуск с сохранением содержания. В апреле 1917 года прапорщик 19-го Драгунского Архангелогородского полка К.М. Чулицкий, прикомандированный к Отделу службы связи, обратился в Петроградский Окружной суд с ходатайством назначить его товарищем прокурора, ввиду того что обязанности воинской службы, на которой он находится, позволяют ему одновременно исполнять и обязанности по должности товарища прокурора{389}. После революции – совслужащий. Фотографии М.Ф. Чулицкого и его семьи, приведенные в этой работе, любезно предоставила нам внучка Константина Михайловича Ольга Анатольевна Семенкова;

– **Виктор**, родился 16 марта 1889 года (предположительно сидит на фотографии в кадетской форме в ногах у отца). Известно, что в 1909 году десятилетний кадет Виктор пытался застрелиться{390};

– **София**, родилась 29 августа 1883 года;

– **Валентина**, родилась 21 сентября 1885 года.

– **Лидия**, родилась 26 декабря 1886 года.

В 1916–1917 годах Чулицкий постоянно проживал на даче в Озерках по адресу Б. Озерная, дом 28, служил в Главном управлении Российского общества Красного Креста. В 1917/1918 годах он переехал (возможно, не по своей воле) в деревню Вязники Владимирской губернии. Согласно семейным преданиям умер Михаил Флорович Чулицкий в 1921 году в городе Коврове Владимирской губернии.

Данные из формулярного списка М.Ф. Чулицкого приведены в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

6.2.4. Помощники начальника СПбСП Александр Петрович Силин (30.08.1857 –???) и Сергей Ильич Инихов (13.04.1857–10.10.1906)

До работы над этой книгой мы лишь знали их имена – Александр Петрович Силин и Сергей Ильич Инихов. А также что оба пришли в СПбСП сразу на должность помощника начальника, но начальниками Сыскной ни тот, ни другой так и не стали.

Однако исследовательская удача нам улыбнулась – в архивах мы нашли их формулярные списки: А.П. Силина – в РГИА{391}, С.И. Инихова – в ГАРФ{392}.

Александр Петрович Силин родился 30 августа 1857 года в семье штаб-офицера[176]. Учился в реальном училище в Вильно, но закончил всего 5 классов. В двадцатилетнем возрасте поступил на службу в канцелярию генерал-губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского края, откуда в 1887 году перешел на службу в полицию (подробности – в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден), где за четырнадцать лет прошел путь от надзирателя до пристава. За эти годы Александр Петрович выслужил чин титулярного советника, женился на дочери землевладельца лютеранке Берте Яковлевне Рантен, в 1891 году у них родился первенец – сын Сергей (всего у Силиных было пятеро детей, все православного вероисповедания: Николай – дата рождения 5 января 1896 года; Евгения – 5 декабря 1896 года; Зинаида – 6 декабря 1893 года; Нина – 28 февраля 1902 года).

Рис. 73. А.П. Силин, 1903 год. Увеличение с группового снимка

В феврале 1892 года Силина увольняют с должности пристава 1-го стана Ново-Александровского уезда и переводят в Ковенское губернское правление. 30 июня он выходит в отставку, но уже через две недели вновь поступает на службу на должность делопроизводителя Варшавской сыскной полиции. Начальство (а варшавским обер-полицмейстером тогда служил Н.В. Клейгельс) Силиным было довольно – его деятельность считают особо полезной и усердной, за что в 1895 году объявляют благодарность, а в 1896-м награждают орденом – св. Станислава 3-й степени.

В 1895 и 1896 годах во время длительных болезней начальника Варшавской сыскной Эрнеста Феликсовича Гриневецкого А.П. Силин исправлял его должность (в отличие от СПбСП, в штате Варшавской сыскной не было чиновников для поручений, из классных чинов имелись лишь начальник и два делопроизводителя, всю оперативную работу исполняли полицейские надзиратели).

6 декабря 1895 года Николая Васильевича Клейгельса (1850–1916) назначили градоначальником Санкт-Петербурга. В июле 1896 года подает в отставку с должности начальника СПбСП Платон Сергеевич Вощинин. На его место Клейгельс назначает многоопытного Л.А. Шереметевского, а в кресло помощника приглашает из Варшавы хорошо зарекомендовавшего себя там Александра Петровича Силина.

Рис. 74. Генерал-адъютант Николай Васильевич Клейгельс, санкт-петербургский градоначальник 1895–1903 гг.

В марте 1899 года в отставку уходит уже Л.А.

Шереметевский. Клейгельс, видимо, своим протеже оказался не слишком доволен – начальником его не назначил. Вероятно, и М.Ф. Чулицкому доставшийся в наследство помощник тоже не приглянулся, под его началом Александр Петрович проработал меньше полугода, 18 мая 1899 года Силин перешел на должность пристава в наружную полицию. Служил сначала в 3-м участке Александро-Невской части, потом во 2-м. Данные из формуляра А.П. Силина в приложении Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

В июле 1904 года Силин вышел в отставку. Дальнейшие обстоятельства его жизни нам неизвестны. Неизвестны и уголовные расследования СПбСП, в которых Силин принимал участие. Возможно, оперативной работой он вообще не занимался, так как в обязанности помощника начальника Сыскной полиции входили текущая переписка, наблюдение за арестантской частью и прием просителей.

Дело № 28. А.Е. Зарин «Краюшкин»

Честно признаемся, нам не удалось сопоставить эту забавную историю с кем-то персонально. Также нам не удалось найти уголовные дела, в расследовании которых участвовал бы А.П. Силин. Как известно, «минус на минус даёт плюс», вот почему история про Краюшкина попала в этот раздел.

> *«Красивый молодой человек, с замечательно умным и энергичным лицом… Широкий высокий лоб, умный и быстрый взгляд, атлетическое сложение.*
>
> *Это Краюшкин.*
>
> *Он был унтер-офицером электротехнической команды и состоял при школе, выделяясь своими знаниями, прилежанием и смышленостью. У него жена и единственный ребёнок, в которых он души не чаял. И жили они скудно и бедно, богатые только взаимной любовью.*
>
> *Не находя источников для увеличения средств и, вероятно, по призванию, Краюшкин решил заняться… кражами и грабежами.*
>
> *Но занимаясь ими, он сумел найти в этом занятии удовлетворение своего честолюбия, поражая всех дерзостью своих краж.*
>
> *Отработав шесть дней, он седьмой посвящал своим приватным занятиям.*
>
> *На эту работу он шёл как на праздник, надевая*

чистое бельё и переряжаясь в статское платье.

Нежно простившись с женой и ребенком, он уходил, не зная, что сделает, не зная, вернется ли, и вскоре возвращался с деньгами и подарками.

Шел он, например, мимо богатого подъезда и увидал, как в подъезд вошел господин и оставил у швейцара дорогие шубу и шапку.

Он спустя минут пять входит в тот же подъезд и, давая швейцару двадцать копеек, просит у него стакан воды.

– Мне что-то дурно, – говорит он, и швейцар доверчиво идёт в свою каморку за стаканом и водой…

Едва он вошел в свою нору, как Краюшкин быстро захлопывает за ним дверь, запирает его на ключ, затем, надев шубу и шапку, спокойно выходит из подъезда, берёт извозчика и едет в ломбард, а оттуда домой с подарками. А швейцар бьётся и орёт в своей норе.

Идёт Краюшкин по рынку, видит, как к лавке Расторгуева приезжает возчик за ящиком и говорит:

– Пётр Иванович приказал взять два пуда меди или 15 пудов железа…

И ему тотчас накладывают товар на телегу и отпускают.

Краюшкин берёт с биржи двух ломовых, они подъезжают, говорит:

– Наказано взять 40 пудов кранов!

И им тотчас отпускают эти краны, и Краюшкин продает их через десять лавок в том же рынке.

И жил он счастливо, любовно и радостно, пока его не изловили на 18 краже.

Он спокойно сознался во всех и сказал:

– Только всё это напрасно, потому что я уйду.

Его посадили в острог. Спустя неделю он симулировал сумасшествие и, как военный, был посажен на испытание в Николаевский военный госпиталь.

А еще через три дня убежал оттуда и отпраздновал свою свободу разгромом квартиры известного Молоствова. Полиция бросилась его искать… и не нашла.

Спустя месяц его жена получила от него письмо из Лондона, где он пишет, что последний грабёж дал ему средства эмигрировать в Америку, где он решил зажить частной жизнью и куда зовёт её и ребёнка…

Полиция узнала об этом письме и задумалась: отпустить за границу его жену или нет? Если

отпустить, то Краюшкин ушёл от преследования, потому что в Америке, где он решил зажить, найти, а тем более арестовать человека, дело почти немыслимое.

Если не отпустить жену, то он – как нежный муж и отец – несомненно вернется в Петербург. Но тогда, несомненно, тоже начнутся опять грабежи и кражи, страшные своей бесшабашной наглостью.

И, наконец, из чувства гуманности тяжело было держать любящую жену вдали от любимого мужа… и ей выдали заграничный паспорт. Она пришла отблагодарить начальника. Он дружески с ней простился и попросил, чтобы она уговорила мужа указать, где заложены или проданы вещи от последнего грабежа…

Через два месяца Краюшкин прислал подробный отчёт о каждой вещи.

Полиция мирным путём избавила столичное население от опасного и беспокойного человека, не нашедшего в солдатской шинели иного применения своим способностям, чем кражи и грабежи.

Теперь он, быть может, честный работник, отец и муж, а, быть может, следуя призванию, и там удивляет полицию своими подвигами»{393}.

Возможной причиной замены помощника могло стать и отсутствие у А.П. Силина образования. Вот что писал журнал «Огонёк» в 1903 году:

«Едва ли не самой главной реформой в деле улучшения этого учреждения [сыскной полиции] является со стороны нынешнего градоначальника [Н.В. Клейгельса] идея привлечения к делу интеллигентных и образованных людей, что, конечно, кладёт уже свой отпечаток на весь состав служащих.

В настоящее время как начальник, так и его помощник – люди с высшим образованием, занявшие свои должности скорее по призванию, чем по необходимости, и старые грубые порядки под их управлением уже отошли в область преданий»{394}.

Сергей Ильич Инихов родился 13 апреля 1857 года в семье коллежского асессора.

Окончив Лазаревский институт восточных языков[177], в октябре 1882 года он поступил на службу канцелярским чиновником Московской сберегательной кассы и в соответствии с полученным образованием сразу же был произведён в коллежские секретари. Однако, не прослужив и года, вышел в отставку. На службу вернулся только через пять лет, 30 апреля 1888 года, поступив околоточным в СПб. полицию. Довольно странное

занятие для востоковеда, не правда ли?

В мае 1889 года Сергей Ильич был направлен в полицейский резерв, а в конце того же года стал исправлять должность младшего помощника пристава 2 участка Васильевской части{395} и вскоре был в ней утверждён.

В наружной полиции Инихов прослужил до 1899 года, успев подняться в чине до надворного советника, а в должности – до участкового пристава 3 участка Литейной части{396}, заслужил свой первый орден – св. Станислава 3-й степени.

14 января 1899 года начальником СПбСП был назначен Михаил Флорович Чулицкий. По всей видимости, с Иниховым они были хорошо знакомы (Чулицкий в течение десяти предшествующих лет служил одним из товарищей (заместителей) прокурора Окружного суда и «курировал» то один, то другой участки города), и он решил привлечь Сергея Ильича к работе в Сыскной полиции. Спустя неделю после смены руководителя Сыскной, 20 января 1899 года, Инихов был назначен делопроизводителем СПбСП, а 24 мая стал помощником начальника.

6 декабря 1899 года Инихов был награжден орденом св. Анны 3-й степени (кроме двух орденов, имел серебряную медаль на Александровской ленте). Высочайшим приказом от 22.12.1901 № 94 был произведен в чин коллежского советника со старшинством с 19.06.1901.

В начале 1903 года Чулицкий серьезно заболел и подал в отставку. 22 января исполняющим должность начальника Сыскной был назначен В.Г. Филиппов. Буквально через несколько дней был ограблен Исаакиевский собор.

Дело № 29. Ограбление Исаакиевского собора

5 февраля 1903 года сторожа Исаакиевского кафедрального собора, совершая около пяти часов утра обычный обход, обнаружили, что одно из окон левого придела, выходящего к Александровскому саду, разбито, а проём завешен куском черного коленкора, испачканного кровью. Войдя в собор, сторожа увидели, что из золотой ризы образа Нерукотворного Спасителя, подаренного собору Петром I, выломан золотой венчик с бриллиантами. Рама образа, его подвесная пелена и разбитое вдребезги стекло были окровавлены.

Прибывшие сыщики во главе с Филипповым быстро выяснили, как злоумышленнику удалось проникнуть в собор – он влез в проем между поленницей дров и стеной, поднялся по громоотводу на карниз, выдавил наружное стекло рукой, а

внутреннее – ногами и при этом порезался. Выбирался он из храма тем же путем. Только вот эти сведения никаких ниточек для розыска преступника не давали. Найти в миллионном городе человека с порезанной рукой – все равно что отыскать иголку в стоге сена. Филиппов, конечно, отдал соответствующее распоряжение надзирателям, те переадресовали задание дворникам…

У преступников тогда в ходу было словечко «фарт» – мол, крупно повезло, невозможное стало возможным. У сыщиков «фарт» тоже случался. Филиппову в раскрытии кражи из Исаакиевского собора крупно «подфартило», причем в самый ответственный и важный для него момент. Не раскрой он эту кражу – ещё неизвестно, утвердили бы его начальником Сыскной… А произошло невероятное – жена выдала мужа, хотя по закону имела полное право этого не делать. Хотя, по правде сказать, муж-то был никудышным.

Анна Ефремовна Константская жила отдельно от супруга и содержала себя и маленькую дочь «ручным трудом». 4 февраля в двенадцатом часу ночи к ней в квартиру по адресу Фонтанка, дом 102, неожиданно пришел её муж Александр Павлович, который не имел определенных занятий и вел разгульную жизнь. Поздоровавшись, Константский попросился переночевать. С собой он принес некую вещь полукруглой формы, завернутую в грязную тряпицу. Александр Павлович предложил жене выйти на лестницу (вероятно, она снимала не комнату, а угол), чтобы её показать. Однако, опасаясь, что в тряпице револьвер и на лестничной площадке супруг её изнасилует, Анна Ефремовна туда не пошла. Когда Константский снял пальто, она увидела кровавые пятна на его рубашке. Муж объяснил кровь дракой в трактире. Проспав почти сутки, Константский занял у жены один рубль семьдесят копеек на поездку к матери в село Орелье Новгородского уезда и уехал, обмолвившись на прощание, что вскоре разбогатеет.

Когда дворник дома по поручению полиции стал расспрашивать о порезавшихся, Анна Ефремовна, сообщила ему о собственном муже. И уже 9 февраля Константского задержали в селе Орелье. В подполе дома его матери были найдены бриллианты и разрубленный на части венчик. При осмотре преступника на его левой руке чуть выше локтя была обнаружена рана от ножа или стекла, размером чуть больше трех сантиметров.

Суд состоялся 7-9 марта. Заседанием руководил лично председатель суда Н.С. Крашенинников, со стороны обвинительной власти выступал прокурор С.Д. Набоков.

Константского защищал присяжный поверенный М.К. Адамов. Он напирал на плохую наследственность подсудимого – его отец, сельский священник, был алкоголиком, ночью мог забраться на колокольню и бить в набат, приговаривая изумленной пастве: «Я – волк и всех вас съем»; один из братьев Константского умер от белой горячки, второй покончил жизнь самоубийством. И Александр Павлович частенько допивался до чертей… «Вы не станете наказывать того, кого надо лечить», – заклинал присяжных адвокат. Однако те вынесли вердикт: «Виновен». Константского приговорили к шести годам каторги{397}.

В.Г. Филиппов был утвержден в должности и награжден орденом св. Анны 2-й степени. А коллежский советник Сергей Инихов, подставивший ему в трудный момент плечо, был награжден «подарком по чину»{398}.

Через три года Инихов был вынужден выйти в отставку, потому что страдал сердечно-сосудистыми заболеваниями и, согласно заключению Санкт-Петербургского врачебного присутствия от 28.09.1906, «не только не мог состоять на службе, но и обходиться без посторонней постоянной помощи».

Сергей Ильич был уволен по болезни 1 октября 1906 года, а через десять дней, 10 октября того же года, умер, не успев оформить пенсии. На момент увольнения С.И. Инихов получал 2500 в год, назначенная же его вдове Елизавете Дмитриевне пенсия составляла всего 375 рублей в год, да и о таком мизере ей пришлось долго хлопотать. У Иниховых было трое сыновей: Борис (дата рождения 13.01.1885), на момент смерти отца учился в СПб. университете, и двойняшки: Сергей (учился в сельскохозяйственной школе) и Георгий (учился в лесном институте), оба родились 27.11.1886.

Георгий Сергеевич ещё до революции прославился как биохимик, специалист по производству и хранению молочных продуктов. В советское время стал доктором наук, профессором, орденоносцем, ректором организованного при его участии Вологодского молочно-хозяйственного института. Г.С. Инихов – автор многочисленных книг и учебников по товароведению и производству молочных продуктов{399}. В своих анкетах он неизменно указывал, что родился в семье банковского служащего, не упоминая, что после банка его отец служил в царской полиции. Вероятно, эта уловка и позволила Георгию Сергеевичу дожить до глубокой старости – он скончался в 1969 году, похоронен был на Ваганьковском кладбище.

6.3. Филиппов и его команда

Опыт назначения на должность начальника Сыскного отделения М.Ф. Чулицкого, не служившего до того в полиции, зато имевшего высшее юридическое образование и опыт работы судебным следователем и товарищем прокурора, был признан градоначальником Н.В. Клейгельсом удачным. И после ухода в отставку М.Ф. Чулицкого он направляет в Сыскную полицию чиновника, имевшего за спиной схожий формулярный список – заведующего своей канцелярией Владимира Филиппова, человека грамотного и энергичного. В должности начальника СПбСП В.Г. Филиппов успешно прослужит более 12 лет. При нём в питерскую Сыскную придут ставшие впоследствии выдающимися сыщиками А.Ф. Кошко и К.П. Маршалк, он поможет раскрыть таланты и продвинет по служебной лестнице начавших служить при его предшественниках М.Н. Кунцевича и Л.К Петровского.

Рис. 75. Чиновники Санкт-Петербургской сыскной полиции. Верхний ряд (слева направо): неизвестный, Н.М. Федоров, неизвестный, И.Г. Бубнов[178], Н.Я. Алексеев, А.С. Левиков, неизвестный, неизвестный. Нижний ряд (слева направо): Л.К. Петровский, А.И. Белобережский[179], М.Н. Кунцевич, В.Г. Филиппов, А.Ф. Кошко, Е.Ф. Мищук. Снимок 1907 или 1908 года

6.3.1. Владимир Гаврилович Филиппов (15.07.1863–01.09.1923)

Исполняющий должность начальника СПбСП с 22.01.1903 по 15.02.1903.

Начальник СПбСП с 15.02.1903 по 22.12.1915.

Рис. 76. Начальник Петербургской сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов в кабинете за письменным столом 8 февраля 1913 г. Фото К.К. Буллы

«В.Г. родился в 1863 г. По окончании Царскосельской гимназии поступил на юридический факультет Имп. С.-Петербургского университета, который и окончил в 1889 г. Службу начал кандидатом на судебные должности при СПб. окружном суде. Вскоре ему было предоставлено председателем суда самостоятельное ведение следственных дел, и он был командирован в помощь к судебному следователю Царскосельского уезда. В 1891 г. В.Г. был назначен временно судебным следователем по Оренбургской губернии, через несколько месяцев переведён во 2 уч. гор. Оренбурга. Затем в 1898 г. переведён судебным следователем Радомского окружного суда и в том же суде был назначен в 1895 г. товарищем прокурора. Состоя в этой должности в течение пяти лет, неоднократно исправлял должность прокурора суда. В 1900 г. В.Г., рекомендованный прокурором и местным губернатором, который знал его, как обучавшего земских стражников в специальной для них школе производству дознаний, перешёл на службу в канцелярию СПб. градоначальника. Здесь ему сначала было поручено заведовать судным делопроизводством, затем временное исправление должности управляющего канцелярией с.–петербургского градоначальника. В 1902 г. он был назначен чиновником особых поручений при СПб. градоначальнике и в 1904 г.[180] *начальником сыскной полиции. В новой должности В.Г. проявил свои знания улучшением организации сыскного дела в Петербурге. Он обратил внимание на поднятие нравственного уровня чинов сыскного отделения, старается обставить их в материальном отношении возможно лучше, устроил*

сыскной уголовный музей, завёл альбомы фотографий выдающихся преступлений и преступников и ввёл картодиаграммы о состоянии преступности отдельных участков Петербурга. Многие розыски виновников преступлений по особенно громким делам велись под его непосредственным руководством и в большинстве случаев заканчивались успехом. Особенно усиленно пришлось работать В.Г. во время так называемого освободительного движения, разрешившегося в целый ряд экспроприаций. Он принимает также деятельное участие в особом присутствии по разбору и призрению нищих в столице, а также состоит попечителем убежища нуждающихся в труде»{400}.

Дело № 30. В.Г. Филиппов «Моё первое дело»

«9 мая 1891 года я вступил в заведование следственным участком по Троицкому уезду, Оренбургской губ. Прибыл я в гор. Троицк из С.-Петербурга, где ранее состоял кандидатом на судебные должности[181]. *Через несколько дней урядник Нижнеувельской станицы прислал мне сообщение, которое гласило: “в 5 вер. от Нижнеувельской станицы найден труп неизвестного звания человека, на теле которого имеются раны”. На другой день утром я подъезжал вместе с доктором к месту преступления. Невдалеке от проселочной дороги, верстах в 5 от Нижнеувельской станицы, стояла кучка людей, там, конечно, был и труп. Нас, надо полагать, увидал урядник, он выделился из толпы и подошел к дороге. Поздоровавшись с урядником, я спросил его: “В чём дело?” – “Вчера поутру, – стал докладывать урядник, – здесь проходило стадо, скот наткнулся на кровь и стал мычать, подошел пастух и видит – в яме лежит мертвый человек, весь в крови, да около ямы тоже много было крови, ну и дал знать мне. Труп лежит в яме-то ничком, его пока не трогали, и так и неизвестно, кто он будет. А насчет преступника узнать ничего не пришлось, видно, степь только и была свидетелем убийства”.*

С этими словами мы подошли к толпе, стоявшей близ дороги у ямы. Неподалеку от ямы виднелось большое кровяное пятно, от пятна тянулся по помятой траве след к яме, видимо, труп после убийства волокли в яму.

– Яма эта, – добавил урядник, – образовалась от колодца, раньше тут воду для скота брали.

Труп лежал на глубине четыре аршина ничком, спина была в крови, на ногах не было сапог. Записав положение трупа, я велел поднять его из ямы. Когда на него взглянули нижнеувельские казаки, то сразу признали:

– Да это наш Василий, сын Матрены Спиридоновой, непутевой только был, дела не любил, да года два как ушел от нас, так его не видали.

Осмотром трупа было установлено, что убитый был парень лет 25, высокого роста, без бороды, с небольшими светлыми усами, одет в кожаный пиджак, денег в карманах не было, а на ногах не оказалось сапог, на спине у него были три глубокие раны и на груди две. При вскрытии эти раны были признаны врачом безусловно смертельными. После грудной полости стали вскрывать брюшную. Стоявший тут же старик-урядник, обращаясь ко мне, сказал:

– Вот уж сколько лет служу, ваше высокоблагородие, а понять не могу, зачем теперь резать живот, коли причина смерти в этих ранах.

– А быть может, – ответил я ему, – в кишках что-нибудь найдется, что поможет делу.

– Только, ваше высокоблагородие, вот уж сколько лет вижу я эти вскрытия, и в кишках у всех почти одно и то же: картофель да хлеб, – грустным тоном продолжал урядник.

Труп был совершенно свежий. Когда врач вскрыл брюшную полость, на меня дунул ветерок, и я почувствовал запах водки. Я спросил тогда казаков:

– А что, покойный придерживался водочки?

– Большой был охотник до выпивки, водка-то его и испортила, – ответили мне.

После вскрытия и самого тщательного осмотра местности, причем на месте никаких вещественных доказательств не было найдено, я с врачом вернулись в Нижнеувельскую станицу. Там мы заехали в отводную квартиру: в каждой станице или поселке имеется такая квартира для приезжающих чиновников. Всю в слезах привел ко мне урядник Матрену Спиридонову. От неё я узнал, что убитый её сын Василий уже более двух лет дома не был, а куда ушел, никто не знает, и кому понадобилась его жизнь, тоже никто сказать не может. Допрошенный пастух подтвердил, что труп был найден в таком положении, в каком я его застал. Итак, к вечеру следствием были добыты следующие данные: покойный

Спиридонов умер от колотых ран в спину и грудь, отсутствие сапог указывало на признаки грабежа, как цели убийства; труп лежал вблизи проселочной дороги, причем Спиридонов шел или ехал по дороге, направляясь к Нижнеувельской, а не обратно, так как в Нижнеувельской его около 2 лет никто не видел; при вскрытии по спиртному запаху было признано, что убитый незадолго перед смертью пил водку; труп был найден утром в воскресенье и был совершенно свежий, что давало основание предполагать, что Спиридонов был убит в субботу.

Так как в степных поселках Оренбургской губ. не везде можно достать водки, то я спросил урядника, где находится кабачок, если ехать от Нижнеувельской станицы по той дороге, около которой был труп. Урядник ответил, что кабак есть в Кичигинском поселке, верстах в 17 от Нижнеувельской. Только дорога туда вела не прямо, а приходилось свернуть влево, чтобы попасть в Кичигинский поселок.

На следующий день, в пятом часу утра, я с урядником выехал из Нижнеувельской, направляясь в Кичигинский поселок. Часа через полтора мы были уже там и остановились у избы, где был ренсковый погреб[182]*. За прилавком стояла красивая рослая казачка, лет 35. Фуражка у меня была с кокардой, потому, как мне показалось, казачка приняла меня за акцизного*[183] *и немного струхнула. Я первым делом спросил ее, с кем в субботу пил у неё водку молодой парень в кожаной куртке.*

– Да вы про которого спрашиваете: они оба были в кожаных куртках: один только с бородой, а другой – без бороды, а кто они – я вот этого не знаю, оба они были в первый раз. Да вам бы лучше зайти к соседке Фекле, они у неё чай пили, много шумели и скандалили.

Пошли мы к Фекле. Жила она во втором этаже, изба просторная, чистая. Я, войдя, поздоровался, назвав ее по имени.

– Здравствуйте, а только, барин, я вас, кажись, не знаю, а вы меня по имени называете.

– Тебя, Фекла, небось, все знают, все у тебя чай пьют, вот и те, которые в субботу-то проезжали…

Не дала Фекла мне договорить, перебила:

– Да уж про тех не вспоминайте, таких-то мне не надо, уж больно ругани много да скандалов.

– А с чего они скандалили-то?

– А вот спросите их – просто по пьяному делу, да у них что-то из-за 5 рублей все спор был.

– Фекла, а кто ж ото они были? – спросил я.

– А вот не знаю, впервые тогда их видела, может, вам скажет сосед Морозов, он их отвозил от меня.

Послали за казаком Морозовым. А тем временем Фекла накрыла стол скатертью, подала самовар, заварила чайку да хлеба белого с маслом поставила на стол. Только стал я пить чай, входит казак Морозов: высокий, лет сорока, опрятный мужчина, вошёл, перекрестился:

– Что угодно-с? – задал он вопрос.

От него я узнал, что в субботу его работник Иван Старков отвозил от Фёклы в Нижнеувельскую двух каких-то пьяненьких парней в кожаных куртках, и что Старков, когда вернулся обратно, то говорил Морозову, что довёз их благополучно в Нижнеувельскую и они его даже угостили, и что Иван Старков находится на работе, на приске. Послал я немедленно за Старковым. Через полчаса вошел и он в избу. Это был молодой, коренастый, с кудрявыми волосами, парень. По его походке, по голосу, когда он спросил, по какому делу его позвали, я почувствовал, что он и сам знает, зачем его позвали. Я спросил его только, довез ли он седоков до Нижнеувельской? Он растерянно ответил, что "не довез, они сошли раньше Нижнеувельской". Тогда я отвел его в сторону и тихо сказал ему:

– Иван, я все знаю, помоги отыскать второго, того, который был с бородой, ведь он-то тебя и ввел в грех.

Иван отшатнулся, он почувствовал, что его соучастие в убийстве стало известно. Вероятно, поэтому он не стал запираться или делать вид, что не понимает, о чем идет речь, и прямо ответил:

– А кто он – я знать не могу, видел я его один раз… Да вот еще – не из Качкаря ли они? Они хотели сначала в Качкарь ехать, а потом велели в Нижнеувельскую.

Качкарь – большой поселок, верстах в 30 от Кичигина. Через четверть часа я, урядник и Иван Старков выехали из Кичигина по направлению к Качкарю. Там, несмотря на все наши старания, установить личность преступника не удалось. На обратном пути я посадил Ивана рядом с собой, и, когда поехали по мягкой проселочной дороге, я попросил его рассказать, как это все произошло. Иван

взглянул на меня и угрюмо ответил:

– Не знаю ничего, они сошли с повозки, а что дальше стало, не знаю.

Я ему заметил тогда:

– А если бы так было, так зачем же хозяину говорил, что довёз их до Нижнеувельской благополучно, и они тебя угостили?

Вместо ответа Иван еще более понурил голову, с минуту помолчал, а затем начал свою исповедь:

– Так вот слушайте: выехали это мы из Кичигина, тот-то, помоложе, лёг в повозку и заснул, крепко пьян был, а другой-то бородой обращается ко мне и говорит: "вот что, Иван, помоги мне избавиться от этого человека, стоит он у меня на пути поперёк дороги". Я, конечно, на это ему сказал, что на такое дело я неспособен, а он продолжает: "Есть у меня в Качкаре дочка – красавица писаная, женю я тебя на ней, построю каменицу (каменный дом), и будете вы жить припеваючи". Долго я не соглашался на уговоры, но потом смотрю: тот-то злодей вынул из-за голенища нож и всадил его в грудь товарищу. Я тогда остановил лошадей, злодей стащил раненого с повозки, и я ему еще помог. На земле он всадил раненому нож в спину еще раза три, после чего тот испустил последний дух. Тогда убийца снял с него сапоги и вынул кошелек с деньгами, сколько было денег, не знаю, ну а потом убитого мы оба стащили в какую-то яму, так дело и кончилось, злодей, взяв сапоги и кошелек с деньгами, пошел куда-то в сторону, а я поехал в Нижнеувельскую, чтобы дома не показалось, что рано домой вернулся, ну вот и все, – так закончил Старков свой правдивый рассказ.

Проезжая мимо места преступления, мы остановились и сошли с повозки. Старков объяснил нам, где именно был убит Спиридонов и как затем труп его поволокли и бросили в яму.

Приблизительно через месяц времени начальник Троицкой тюрьмы попросил меня прибыть в тюрьму для допроса Старкова, который имеет сообщить что-то очень важное. Я приехал и узнал от Старкова, что в тюрьму доставлен Агафонов, тот самый, который вместе с ним убил Спиридонова. Именующий себя Агафоновым, как оказалось, похитил лошадь, его казаки задержали и так избили, что его пришлось лечить в больнице. При выписке из больницы он заплатить за лечение не мог и назвался

бродягой[184]*, его передали в распоряжение городского следователя, который и заключил его, как бродягу, под стражу. Агафонов был лет 37, с небольшой бородой, красивыми глазами, имел вид интеллигентного человека, на мой вопрос – знает ли он Старкова (который стоял тут же) – Агафонов ответил, что видит его в первый раз, однако Старков при нем же подтвердил, что Агафонов – тот самый неизвестный, который зарезал Спиридонова. Агафонов, изобличенный впоследствии Морозовым и, в особенности, Фёклой, принёс повинную, объяснив, что хотел избавиться от Спиридонова, потому что тот угрожал донести на него, что он бродяга. Так удачно закончилось мое первое следствие об убийстве. В Саратовской Судебной палате*[185] *про это дело говорили, что будь у следователя насморк, убийство могло остаться неоткрытым»*{401}.

Один день начальника Сыскной полиции В.Г. Филиппова

«В.Г. Филиппов вступил в заведование уголовной полицией всего с 1903 года, но за время своего управления сумел обратить состав её в такую сплочённую организацию, что деятельность её получила неизмеримо большую продуктивность. Способности отдельных агентов имеют в настоящее время большое значение, и В.Г. быстро выдвигает и отличает их, но общий средний уровень, даже при понижении, уже не будет влиять на деятельность учреждения, благодаря системе, введенной В.Г., и почти механической регулярности работы. Главная цель, которую преследует В.Г., это предупреждение преступлений и обезвреживание преступника, и, стремясь к ней, он, естественно, содействует уменьшению самой преступности.

Являясь центром всего сложного механизма, называемого уголовной сыскной полицией, он почти не знает отдыха и умеет поспевать всюду, где требуется его знание или участие. Каждый петербуржец, над которым стряслось в последние пять-шесть лет какое-либо несчастие, наверное знает В.Г. и знает, как участливо он относится к пострадавшим и как энергично берется за дело.

Интересен в этом отношении его рабочий день.

В 10 часов утра он в своём кабинете, но до 10 часов

внизу, у себя в квартире, он успел уже пересмотреть заведенные им дневные ведомости с кратким отчетом деятельности каждого стола, и, придя в канцелярию, он уже знает, кто что и сколько сделал, у какого чиновника и в каком участке сколько для производства дел и какие это дела. На столе в кабинете перед ним куча писем, телеграмм, прошений и заявлений.

Сперва является его помощник, и В.Г. обсуждает с ним текущие дела, назначает наряды, слушает его доклад о ночных событиях и делает распоряжения. Перед ним на стене в общей раме висят портреты всех агентов. В.Г. считает лучшим способом знать их всех и помнит, кто из них и куда командирован. Направляя агента для специального поручения, он вынимает из общей рамки его портрет и поставит его на свое место только по окончании агентом возложенного на него дела.

А дел – масса. Следом за помощником в кабинете В.Г. появляются друг за другом чиновники поручений с докладами о делах, находящихся в их производстве. В.Г. помнит каждое чуть-чуть интересное дело и следит за ходом его до самого окончания, иногда направляя дознание, если ему кажется, что чиновник или агент пошли по неверному пути.

Замечательно простую и в то же время поразительную по результатам реформу он ввел при допросе преступника. Преступник всегда поначалу врет, запирается и старается замести все следы. Допрашивающий его чиновник в прежнее время тотчас поправлял его на вранье и, таким образом, или выказывал свое знание дела, или помогал преступнику врать более правдоподобно. В.Г. сразу увидел эту ошибку и указал, что никогда не надо мешать свободно врать человеку. Пусть врёт. Чем ему дать больше свободы, тем легче ему врать и совершенно спутаться. Вруну надо памятливым быть. Если он говорит правду, то, рассказывая об одном и том же, например, как он провёл такой-то день, он всегда расскажет одинаково главные факты. Врун же забудет все и все перепутает. Три рассказа, переданные им с промежутками, через день совершенно обличат его и доведут до признания.

В.Г. сидит за своим столом, слушает доклады и в то же время пересматривает корреспонденцию, делая на каждой бумаге соответствующую пометку. Присланные телеграммы содержат донесения командированных в

провинцию агентов, запросы провинциальной полиции, сообщения о задержании того или другого разыскиваемого лица.

Письма заключают в себе большею частью анонимные доносы. Вот учреждение, где доносом, и даже анонимным, никогда не пренебрегают. Эти доносы исходят обыкновенно от оскорблённых любовниц или обманутых в дележе товарищей по преступлению. Понятно, они никогда не могут быть подписаны и в большинстве случаев заключают верное указание. Так, однажды по доносу избитой любовницы была арестована шайка из семерых беглых каторжников. В другой раз было предупреждено убийство, быть может, целой семьи.

В.Г. делает на таких письмах отметки и направляет их к проверке, назначая на каждое дело особого агента. А в это время подле его уха почти беспрерывно трещит телефон, и он то и дело берёт в руки слуховую трубку.

Судебный следователь просит разъяснений по делу о подследственном; важный барин сообщает о краже в его квартире, важная барыня торопится сообщить, что у неё пропала любимая ею собачонка, из участка сообщают об открытом им убийстве или самоубийстве и т. д., без конца, и, выслушивая эти сообщения, В.Г. тотчас через помощника отдаёт свои распоряжения, командирует агентов, посылает за справкой. Тут же, слушая доклад своего чиновника, он ни на минуту не теряет нити его рассказа и продолжает просматривать поданную ему корреспонденцию.

Толстая пачка мало-помалу уменьшается, доклады окончены, инструкции розданы, последняя бумага прочитана. Начальник звонит и передает вошедшему курьеру прочитанную им корреспонденцию с пометками для передачи к исполнению, а тот, в свою очередь, передает ему несколько визитных карточек и листок с написанными фамилиями.

Это список желающих его видеть и ожидающих в приёмном зале.

– Проси! – говорит В.Г., и приём начинается.

Круглым счетом ему приходится принять и выслушать ежедневно утром человек 10. Старики и старухи, мужчины и женщины, простые и привилегированные, с комическими и трагическими историями, с просьбами и жалобами, с делами уголовными и интимными – друг за другом садятся у

стола В.Г. и открывают перед ним свои тайны.

Чего не выслушает за это время приёма В.Г.!

Вот естественная, но невыполнимая жалоба-просьба почтенной, богатой матери беспутного сына:

– Ваше превосходительство, ведь он еще мальчик, всего на втором курсе, и она его совсем, совсем запутала. Вчера, – шепчет она с ужасом, – он выкрал у меня из ящика комода 600 рублей и отвез ей. Пригрозите ей, заставьте оставить его. Ведь есть взрослые. Пусть она их соблазняет и грабит. Ваше превосходительство, вы все можете!

– Увы, но не это!

Он сочувствует её горю, но помочь не может ничем.

– Вы лучше пришлите ко мне вашего сына. Я попробую подействовать на него.

– Ой, не поедет он! Испугается и не поедет…

В.Г. разводит руками.

– Что же я могу больше, сударыня!..

На смену являются муж и жена. Они в отчаянии. У них сбежал сын-второклассник, вероятно, начитавшись путешествий. В.Г. тотчас звонит и командирует агента.

Рис. 77. Канцелярия Сыскной полиции на Офицерской, 28. 1916 год

Раскрашенная дама свистящим шепотом передаёт,

что один из её гостей, человек общества, украл у неё бриллиантовую брошку.

Жена приходит с жалобою на беспутное поведение мужа, а другая пришла с требованием закрыть тотализатор.

И В.Г. всех выслушивает, а время идёт и приближается к трём часам. День В.Г. начинается ранним утром. Он оканчивает приём и спускается к себе, чтобы вечером подняться снова. В половине восьмого он уже опять в рабочем кабинете, и опять у него приём. В эти часы являются чаще с семейными тайнами, и кабинет начальника уголовной полиции обращается иногда в исповедальную.

Кончился вечерний приём, просмотрена вечерняя почта, В.Г. просматривает дневную ведомость, а его ждет работа: подготовка к докладу градоначальнику, просмотр докладов своих чиновников, которые исполняют иногда сложные поручения. Так под руководством В.Г. собран и разработан огромный материал об иоаннитах[186].

Наступает поздний час. Работа В.Г. за день кончена, но случись исключительное по обстановке преступление, и он тотчас будет уже там, производя первые дознания. Он не едет только туда, где дело раскрывается сразу, где преступник уже разгадан и преступление само по себе грубо и несложно, но всегда, когда преступник кажется загадочным, он уже является на место и руководит дознанием. Такова деятельность этого незаметного общественного деятеля, которому известны тайны чуть не всего Петербурга и в руках которого все нити общественной жизни сплетаются в запутанный клубок несчастий и преступлений, побед и поражений.

Отдыхом В.Г. служит его любовное увлечение своими графиками и статистическими выходами, которые впоследствии послужат богатым вкладом в криминальную науку, фотографией, которую с помощью своего фотографа-художника он поставил на такую высоту…»{402}

Под руководством В.Г. Филиппова СПбСП раскрыла несколько тысяч преступлений. Рассказы о даже самых резонансных из них потянут на дополнительный том. Поэтому мы были вынуждены ограничиться всего несколькими историями. Всем, кого интересуют другие расследования В.Г. Филиппова,

посоветуем уже не раз упомянутую книгу петербургского исследователя Льва Лурье «Преступления в стиле модерн»[187].

Дело № 31. Убийство на станции дно

«В деревне Поповщине, Михайловской волости, Порховского уезда, Псковской губ., расположенной верстах в 15-ти от станции “Дно” Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, проживал крестьянин Иван Симанов, по занятию – торговец льном. С названным Симановым, слывшим за весьма зажиточного человека, жили, кроме жены, его сын Егор Симанов, с женою и 6-ю детьми в возрастах от 9-ти месяцев до 16-ти лет, и работник Фёдор Прокофьев. Вся семья Симанова помещалась в одной избе, где жил и названный выше работник. Вечером 23-го января 1907 года к Симанову, вся семья которого, кроме сына Егора, временно отлучившегося в город Порхов, была дома, явилось трое неизвестных людей. Видимо, между Симановым и приезжими произошел разговор делового характера. После этого гости пили чай в кругу его семьи и остались ночевать. В первом часу ночи в доме был погашен огонь. Утром следующего дня соседями Симанова было обнаружено, что как сам Симанов, так и вся его семья, включая грудного ребенка, убиты – взрослые ударами топоров и молотков, а дети ударами кинжала. Одна лишь 16-летняя внучка Симанова – Екатерина, тяжко раненная, проявляла слабые признаки жизни. В результате сведений, собранных на месте, немедленно вслед за обнаружением описанного злодеяния, выяснилось, что убийцы, которыми могли быть только неизвестные, ночевавшие у Симанова, выехали из дому последнего на взятой у него же лошади. Исчез при этом бывший у Симанова железный сундук, в котором находились деньги и процентные бумаги в сумме, известной лишь покойному Симанову. Вместе с тем было установлено, что неизвестные сели на поезд, отошедший в 4 часа утра со станции “Дно” в С.-Петербург.

Сообщения об этом выдающемся по зверству преступлении были получены С.-Петербургской Сыскной Полицией от местного исправника. Ввиду дошедших до сведения Сыскной Полиции слухов о том, что неизвестные приехали к Симанову под предлогом покупки льна, возникло предположение, что среди участников убийства могло быть лицо, которому Симанов был известен как

торговец льном. Поэтому было приступлено к немедленной проверке местных крестьян, бывших на замечании Сыскной Полиции вследствие тех или иных данных в отношении поведения их. В результате негласного дознания оказалось, что у Симанова ранее жил в работниках крестьянин деревни Люто той же Михайловской волости Дмитрий Николаев, отбывавший затем в Спасской полицейской части города С.-Петербурга за недозволенное ношение оружия месячный арест с 12 октября по 12 ноября 1906 г.

Одновременно с Николаевым отбывали арест два несовершеннолетних крестьянина той же волости Андреев и Богданов. Оба они работали в одной из туфельных мастерских гор. С.-Петербурга. При опросе служащих этой мастерской были получены сведения, что Богданов, будучи в нетрезвом виде, еще до убийства Симанова, рассказывал о том, что в Спасской части Дмитрий Николаев сговаривался с каким-то рыжим арестантом ограбить Симаныча (так Николаев называл Симанова). Задержанные же Андреев и Богданов подтвердили, что Николаев указывал какому-то рыжему арестанту на Симанова как на зажиточного крестьянина и о чем-то с ним шептался.

Немедленно были выписаны звания и фамилии всех 103 арестантов, содержавшихся в части одновременно с Николаевым, а за последним был командирован агент в Михайловскую волость, так как Николаев проживал уже на родине. Более всего подходящим к описанным приметам рыжего арестанта, с которым Николаев вел переговоры, оказался крестьянин Рязанской губ. Семен Викторов, высланный из столицы на родину как лишенный права жительства в С.-Петербурге.

В частности, Викторов был хорошо известен Сыскной Полиции как карманный вор, неоднократно отбывавший тюремное заключение за кражи. Затем было выяснено, что Викторов состоит в любовной связи с некоей Александрой Фокиной. Названная Фокина сообщила, что Викторов вернулся с родины, проживает в С.-Петербурге и за последнее время неоднократно посещал ее в чайной, где она служила. Установленное наблюдение во всех местах, где можно было ожидать появления Викторова, дало положительные результаты: 5 февраля, в доме № 35 по Петергофскому шоссе, в квартире служащего при банях Рогова были задержаны Семен Викторов и его товарищ

Иван Васильев, как оказалось, собравшиеся уезжать в Москву.

Будучи доставлены в Сыскную Полицию, Викторов и Васильев, первоначально отрицая свое участие в описанном выше убийстве, принесли затем повинную, указав, что их соучастниками были: крестецкий мещанин Владимир Царев и кронштадтский мещанин Павел Александров, известный Сыскной Полиции как дерзкий вор, носящий кличку "Павлушка Ермак". По словам Викторова и Васильева, участие "Ермака" в деле выразилось в том, что он снабдил их, когда они отправились на убийство, деньгами и платьем и вместе с ними ездил на станцию "Дно", где поджидал их возвращения с места преступления. Через несколько дней тот же Александров ездил на станцию "Дно" разыскивать похищенный убийцами железный сундук, закопанный ими в снег вблизи названной железнодорожной станции.

Затем был задержан и доставлен в Сыскную Полицию Дмитрий Николаев. Последний сначала отрицал всякий разговор с Викторовым о Симанове, но, уличенный вышеупомянутыми Андреевым и Богдановым, подтвердил, что, действительно, говорил с Викторовым о Симанове как о зажиточном крестьянине. Сознавшиеся убийцы Викторов и Васильев рассказали об обстоятельствах убийства нижеследующее:

в ноябре прошлого года, в то время, когда Викторов содержался в Спасской части под арестом, арестанты, в числе коих были крестьяне Михайловской волости Николаев, Андреев и Богданов, беседовали между собою о богачах, у которых можно было бы поживиться деньгами. Николаев, между прочим, сообщил Викторову, что в деревне Поповщине Порховского уезда живет богатый крестьянин, торговец льном Симанов, ранее державший его, Николаева, в работниках, что он человек старого закала и что деньги поэтому у него хранятся в избе в железном сундуке, который нетрудно взять. С этого времени у Викторова начало созревать намерение ограбить Симанова. Об этом Викторов заявил своему приятелю "Павлушке Ермаку", который однажды навестил его в Спасской части. О том же Викторов поделился мыслями с арестантом Царевым, сделавшимся затем непосредственным участником убийства. По окончании 26 декабря срока ареста Викторов был отправлен этапом в Рязанскую губернию, но оттуда

немедленно возвратился в С.-Петербург. Здесь он разыскал "Ермака" и вместе с ним, а также со своим знакомым Иваном Васильевым, вновь стал обсуждать план задуманного преступления. Их сговор происходил на квартире рабочего Солнцева, проживающего по Петергофскому шоссе в доме № 58.

И вот, 16-го или 17-го января, все трое: Викторов, Васильев и "Ермак" отправились на станцию "Дно". Оттуда первые двое поехали к Симанову, а "Ермак" остался поджидать на вокзале их возвращения. Прибыв к Симанову, Викторов и Васильев завели с ним разговор о покупке льна. Однако, увидав его многочисленную семью, они побоялись привести в исполнение свое намерение и, объявив хозяину, что для окончательных переговоров приедут с купцом, вернулись на станцию "Дно". Приехав домой, они пригласили в соучастники беглого солдата Владимира Царева, того самого, с которым Викторов уже беседовал по этому делу в арестантской. Тот охотно согласился участвовать в деле. 23 января на станцию "Дно" вновь прибыли Викторов, Васильев, "Ермак" и вместе с ними Царев; при них было два молотка и самодельный кинжал. "Ермак", как и в первый раз, остался на вокзале, а остальные трое отправились к Симанову. Был уже поздний вечер, когда они прибыли к нему и опять стали вести переговоры насчет льна. Симанов угостил их чаем и ужином и предложил им переночевать. С чердака хозяева достали перину, на которую и легли спать все трое приезжих. Огонь был потушен, и через несколько времени все, кроме преступников, заснули. Первым поднялся Викторов. Он взял из-под лавки, на которой спал старик Симанов, ранее замеченный им топор и ударом топора по виску убил Симанова наповал. В то же время поднялись Васильев и Царев, которые стали наносить многочисленные удары молотком и кинжалом без разбора кому попало. Поднялся страшный крик, и стали раздаваться мольбы о пощаде, но пощады никому не давалось. В избе было темно. Викторов зажег потом лампу и увидел, что невестка Симанова еще сидела с разбитой головой. Ударом топора по голове он покончил с ней, и она, мертвая, повалилась на пол. Царев убивал в то время кинжалом малолетних детей: так, бывшему в люльке 9-месячному ребенку он четыре раза вонзил кинжал в тело, пронзив его насквозь. Все это зверство продолжалось с полчаса. Когда стоны смолкли и

в избе стихло, убийцы вынесли из избы железный сундук, в котором, по словам Николаева, должны были храниться деньги. В конюшне убийцы выбрали одну из шести лошадей, запрягли ее в сани, взвалили на них железный сундук, после чего втроем поехали на подводе на станцию "Дно". Поезд отходил в 4 часа утра, и потому они сильно торопились. Не доезжая до станции с полторы вер., они остановились, сняли с саней сундук и, отнеся его в сторону, закопали в снег. Оставив затем лошадь на произвол судьбы, они поспешили на станцию. Поезд уже стал отходить, когда они вскочили в вагон. Проехав несколько станций, убийцы сошли с поезда и пешком дошли до Строгановской платформы Варшавской железной дороги, откуда в поезде прибыли в С.-Петербург. С целью походить видом на приказчика, Викторов, отправляясь на убийство, взял у "Ермака" шубу и барашковую шапку, а у рабочего Солнцева – чистую рубашку синего цвета, которую надел на себя, взамен своей грязной. После убийства Викторов вернул ему эту рубашку, обильно смоченную кровью. Деньги на расходы по поездке были получены от того же "Ермака". Через два дня на станцию "Дно" заехал Солнцев понаведаться, что говорят об убийстве; а затем туда же ездили Васильев и "Ермак", которые искали зарытый в снег сундук, но безуспешно. В третий раз на станцию "Дно" поехали Солнцев и Васильев; они взяли с собою мешок, два зубила, свечку и ключ от сундука, переданный Солнцеву Викторовым. Ночью они разыскали сундук, с помощью зубил, так как замок был с секретом, открыли его и, при зажженной свечке, стали рассматривать его содержимое.

По словам Васильева, денег оказалось всего 195 руб., которые они и взяли, а две сберегательные книжки и разные документы оставили в сундуке. Оттащив сундук со старого места шагов на семьдесят, они снова зарыли его в снег. По указанию Васильева сундук этот потом был найден полицией в снегу. По настоящему делу задержаны и содержатся под стражею Викторов, Васильев, Александров (по кличке "Ермак"), Солнцев, Николаев, Богданов и Андреев, которые все, за исключением Солнцева, не признающего себя ни в чем виновным, сознались в том, какое каждый из них принимал участие в данном убийстве. К задержанию скрывшегося Царева приняты меры. Приведенный отчет об убийстве с целью ограбления крестьянина Симанова со всей его семьей

свидетельствует о тех блестящих результатах, которыми увенчались труды С.-Петербургской Сыскной Полиции по производству розыска. Энергия, опытность и вдумчивость чинов полиции, производивших это расследование, должны быть отмечены, тем более что самое преступление отличалось не только выдающимся зверством, в смысле его выполнения, но и отсутствием каких бы то ни было данных, предоставлявших возможность напасть на след виновных. Часто даже самые опытные преступники делают ошибки, оставляя улики на месте деяния, с другой стороны, много способствуют раскрытию лиц, совершающих преступления, различные случайности. В данном деле, по крайней мере, судя по существу отчета, не было ни того, ни другого, не замечалось хотя бы малейшей нити, могущей быть началом для дальнейшей разработки розыска. Основанием последнему послужил исключительно ряд умозаключений, приведший к выводу, что среди убийц должно быть лицо, знавшее Симанова вообще, и как торгового человека в частности. В этом направлении и были предприняты розыски, окончившиеся раскрытием полной картины преступления и равно обнаружением виновных, которые не избегнут заслуженной кары. Несомненно, что такие приёмы должны быть признаны образцовыми и служить примером для лиц, отдавших свои силы трудному делу служения государству и обществу в области борьбы с преступлением.

Дознание по этому делу производилось под личным наблюдением начальника С.-Петербургской Сыскной Полиции В.Г. Филиппова»[{403}].

22 декабря 1915 года Филиппов выходит в отставку в связи с тем, что «расстроенное здоровье не позволило д. с. с. Филиппову оставаться далее на столь ответственной должности, требующей постоянного напряжения сил»[{404}].

Лев Лурье в книге «Преступления в стиле модерн» называет иную причину отставки В.Г. Филиппова – якобы тот подал прошение в связи с увольнением директора Департамента полиции Владимира Джунковского, пострадавшего из-за своего доклада императору о пьяных безобразиях Григория Распутина[{405}] (Лурье называет Джунковского непосредственным начальником Филиппова, хотя последний, как известно читателю, подчинялся градоначальнику столицы).

Однако мы склоняемся к версии, что Филиппова действительно подвело здоровье. Ещё в июне 1909 года доктор медицины Гингер написал в заключении, что Филиппов «страдает ожирением сердца, расстройством кровообращения в воротной системе и резко выраженной неврастенией»{406}. И с тех пор, вплоть до отставки, Владимир Гаврилович каждый год испрашивал отпуск для поправки здоровья.

Рис. 78. Начальник Петербургской сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов в кабинете 8 февраля 1913 г. Фото К.К. Буллы

В связи с тем, что В.Г. Филиппов не отслужил положенный для пенсии 35-летний срок, пенсию ему назначили «урезанную» – две тысячи рублей{407}. После хлопот тогдашнего градоначальника князя А.Н. Оболенского её увеличили до двух тысяч четырехсот рублей{408}. После отставки Филиппов стал председателем Комиссии передвижных показательных промышленных выставок. Жил он рядом с М.Ф. Чулицким по Выборгскому шоссе, недалеко от станции Озерки Финляндской железной дороги{409}, где имел собственный дом и участок земли площадью в тысячу квадратных саженей[188].

Владимир Гаврилович был женат на дочери титулярного советника девице Вере Константиновне Ивановой; имел двоих детей, родившихся: сын **Владимир** – 17 сентября 1893 г. и дочь **Вера** – 9 февраля 1897 г.

После Октябрьского переворота В.Г. Филиппов эмигрировал. Скончался 1 сентября 1923 года, похоронен был на православном

кладбище Тегель в Берлине в шестом ряду четвертого квартала{410}. Могила, увы, утрачена.

6.3.2. Аркадий Францевич Кошко (12.01.1867–25.12.1928)

Помощник начальника СПбСП с 01.10.1906 по 03.05.1908.

Казалось, об этом человеке известно так много, что писать очередной очерк – только зря переводить бумагу. Но без статьи о Кошко эта книга обойтись не могла. А когда авторы стали изучать материал, то обнаружили, что большая часть сведений о Кошко известна… от самого Аркадия Францевича и его потомков. Согласно их версии, А.Ф. Кошко был выходцем из богатой и знатной шляхетской семьи, появился на свет в родовом имении Брожки, там же приобщился к чтению детективных романов и вознамерился стать сыщиком. Однако отец настоял на военной карьере. Аркадий Францевич был вынужден подчиниться и поступить в Казанское пехотное юнкерское училище. По окончании Кошко был отправлен в Симбирск в 5-й пехотный Калужский полк. В 1894 году он вдруг вспомнил юношескую мечту и подал в отставку с военной службы. Переехав в Ригу, он поступил на службу в полицию{411}…

Первое научное исследование биографии «гения русского сыска» было опубликовано совсем недавно – в № 6 «Московского журнала» за 2019 год, автор – А.Ю. Шаламов. Однако и у него имеются некоторые пробелы. Мы постарались их восполнить…

Итак… Согласно метрике, обнаруженной нами в ЦГИА Санкт-Петербурга, Аркадий Францевич Кошко родился 12 января 1867 году в городе Могилеве (!) в семье коллежского асессора Франца Казимировича Кошко, бывшего чиновника гражданской палаты Могилевского суда, и Констанции (Пульхерии) Карловны, в девичестве Бучинской. Мальчик был крещён в католичестве двуименно (второе имя – Петр) 15 января 1867 года{412} в Могилевском римско-католическом фарном[189] костёле.

Вопреки утверждениям потомков, в частности, Дмитрия де Кошко{413}, знатной семья не была. В потомственном дворянстве Казимира Ивановича Кошко (деда Аркадия Францевича) и его потомков утвердили лишь в 1859 году{414}, всего за восемь лет до рождения будущего сыщика, хотя семейство Кошко начало хлопотать об установлении дворянстве аж с 1827 года. Но с первой попытки сие не удалось – в 1836 году{415} им отказали. И лишь повторное прошение, поданное в 1852 году, было удовлетворено{416}. Ни о каком родстве с Федором Кошкой, московским боярином времен Дмитрия Донского, от которого, по мнению Дмитрия де Кошко, ведет начало их фамилия, в

прошении Казимира Кошко не упоминается – родоначальником назван некий Богдан Кошко, мелкопоместный шляхтич, живший в 18 веке в Могилёвской губернии.

Не было в семье Кошко и богатства. Напротив, они были крайне бедны. Казимир Кошко, подавая в 1852 году документы на установление дворянства, не имел *«никаких средств представить нужное количество гербовой бумаги»*[417]. И Дворянское собрание Могилевской губернии взяло эти расходы на себя. Никакого недвижимого имущества Казимир Кошко и его младшие сыновья Фаддей и Викентий на момент подачи прошения не имели[418]. Лишь старший сын – Франц Казимирович, видимо, поправивший свои дела женитьбой – имел небольшой деревянный дом в Могилеве[419]. Позже (до 1861 года) он приобрел то самое имение Брожка-Рогоселье, в котором якобы родился его сын Аркадий. Впрочем, имение было крошечным – в 1864 году в нем числилось 17 бывших крепостных душ, которые выкупили у помещика 102 десятины земли[420]. После смерти Франца Казимировича (он скончался либо в 1882 году, либо в самом начале 1883 года) Брожка-Рогоселье была продана за пять с половиной тысяч рублей[421].

В начале 70-х годов XIX века родители А.Ф. Кошко перебрались в столицу (в 1872 году проживали на Невском проспекте в доме № 27)[422]. Старшего сына Ивана (он, как и брат, был крещён двуименно – ещё и Мечиславом), будущего пермского губернатора, они определили во 2-ю Военную гимназию, из которой он поступил в Николаевское военное училище[423]. После смерти отца поручику Ивану Кошко пришлось заниматься устройством младшего брата. Вот что он писал об Аркадии Францевиче в Петербургскую Дворянскую опеку 2 сентября 1883 года:

> *«Оставшийся после смерти отца на попечении нашей матери, не имеющей решительно никаких средств к существованию, и меня, живущего исключительно на жалованье, часть которого я принуждён высылать матери, брат мой не получил почти никакого воспитания. Теперь, когда скоро ему минет 17 лет, пора уже настоятельно позаботиться об устройстве его судьбы. Я, согласно его желанию, решил подготовить его к сдаче экзамена на вольноопределяющегося 3-го разряда и к поступлению затем в Санкт-Петербургское юнкерское училище. Так как я сам не располагаю свободным временем по причине своих обязанностей, то необходимо было обратиться к содействию постороннего лица. Принимая*

во внимание довольно обширную программу для поступления в училище и отсутствие в моем брате самых элементарных сведений по всем предметам, а также большую конкуренцию для поступления в Санкт-Петербургское училище, становится очевидной необходимость значительной траты на его воспитание: необходим и хороший учитель, и ежедневные уроки. Учитель уже мной найден и занимается с братом третий месяц. Лицо это потребовало 400 рублей вознаграждения, причем 200 рублей должны быть уплачены теперь же, а остальные 200 рублей по поступлении в училище»{424}.

Рис. 79. Иван Францевич Кошко

Далее Иван Францевич просил Дворянскую опеку выдать ему на обучение брата четыреста рублей из денег, доставшихся Аркадию после продажи Брожки-Рогоселья (его доля составила 1004 рубля 95 копеек).

Так как подавляющему большинству читателей фраза «сдача экзамена на вольноопределяющегося 3-го разряда» непонятна, дадим пояснения. Как всем известно из «Капитанской дочки» А.С.

Пушкина, в 18-м веке дворян зачисляли в полк сразу после рождения, к определенному возрасту они становились офицерами и только тогда выезжали к месту службы. В 19-м веке подход изменился. Младенцев на службу больше не зачисляли, а взрослым, кроме происхождения, теперь требовался и определенный уровень образования (это коснулось и гражданской службы). Но до поры до времени отсутствие у аристократа подтвержденного в законном порядке образования ничем плохим ему не грозило. Ситуация изменилась после военной реформы 1874 года, когда «забривать» в солдаты стали не только представителей податных сословий, но и дворян. Теперь они со всеми наравне тянули ратный жребий. Понятно, что для дворянина служба солдатом была позором.

Избежать участия в жеребьёвке могли лица с образованием. Для этого они должны были до достижения 20 лет добровольно поступить на военную службу. Имевшие высшее образование служили три месяца вместо шести солдатских лет – это был первый разряд вольноопределяющихся; закончившие хотя бы шесть (из восьми) классов гимназии – шесть месяцев, второй разряд. И хотя вольноопределяющиеся формально были рядовыми, их служба заметно отличалась от солдатской: их не привлекали на хозяйственные работы; офицеры обращались к ним на «вы»; через несколько месяцев службы (двух для первого разряда и четырех для второго) «вольнопёры» становились унтер-офицерами, а после её окончания – офицерами запаса.

Но, кроме перечисленных двух разрядов (после 1886 года их объединили в один), имелся и третий – для лиц с более низким уровнем образования. Им, прежде чем стать вольноопределяющимися, надо было сдать экзамен, к которому и пытался подготовить младшего брата поручик Иван Кошко. Аркадию Францевичу предстояли испытания по следующим дисциплинам: Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия (или алгебра), география и история. Экзаменационная программа для вольноопределяющихся третьего разряда примерно соответствует уровню 6–7 класса современной средней школы{425}.

Закончил свое заявление в Дворянскую опеку поручик И.Ф. Кошко следующей фразой:

> *«Своим отказом на мое ходатайство Санкт-Петербургская опека поставит меня в безвыходное положение, заставит прекратить очень хорошо поставленные занятия моего брата, заставит потерять его лишний год, а может быть, и всю пробудившуюся в*

нём охоту к учению и оставит его недорослем»[426].

Дворянская опека пошла братьям Кошко навстречу, требуемая сумма была выделена. Летом 1884 года Аркадий Францевич сдал экзамен и 13 августа был зачислен в 5-й Пехотный Калужский полк вольноопределяющимся 3 разряда. Для поступления в юнкерское училище он должен был отслужить там целый год, что он и сделал. 5 сентября 1885 года Кошко прибыл из полка в Казанское пехотное юнкерское училище, куда и был зачислен. По его окончании в 1887 году в звании подпрапорщика он вернулся в полк, расквартированный в то время в Симбирске. Однако военная карьера у Аркадия Францевича по каким-то причинам не задалась – 7 апреля 1888 г. он был произведён в подпоручики и тут же зачислен в запас.

2 февраля 1888 года Кошко сменил конфессию – был «присоединён к православию с сохранением прежнего имени»[427]. Выскажем предположение, что причиной этого было желание его невесты – дочери почётного гражданина Елизаветы Михайловны Бугровой[428] или её родителей, потому что именно тогда они с Аркадием Францевичем и поженились. А 9 декабря 1888 года у молодой пары родился сын **Александр**. Однако отношения между супругами не сложились – в 1893 году Елизавета Михайловна обратилась к императору *«с ходатайством о разрешении ей с малолетним сыном проживать отдельно от мужа. Вызванный в канцелярию прошений для допроса по настоящему делу, Аркадий Кошко заявил, что согласен на предоставление жене его с помянутым сыном права отдельного от него жительства, но при том лишь условии, чтобы она впредь не обращалась к нему ни за какою материальною помощью как для себя, так и для сына»*[429]. Нежелание содержать прежнюю семью объяснялось тем, что к тому времени у Кошко была другая возлюбленная – Зинаида Александровна Михеева, от которой он имел двоих сыновей: **Ивана** (дата рождения 27 ноября 1891 г.) и **Дмитрия** (7 июня 1893 года). Елизавета Михайловна Кошко приняла условия мужа[430].

Как и где Аркадий Францевич зарабатывал себе на жизнь с 1888 по 1894 год, неизвестно. Имеются сведения, что в 1893 году он служил на станции Александровской Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги[431].

15 марта 1894 года Кошко поступил в Рижскую полицию на должность помощника пристава сначала 1-го, а затем 2-го участка Митавской части[432]. Служил там исправно:

«Г. г. Приставу I уч. Митавской части Титулярному Советнику Никифорову и Помощнику его Подпоручику

*запаса Кошки, **снова** объявляю искреннюю благодарность мою за произведённые по моему распоряжению успешные розыски и задержание нескольких важных злоумышленников. Присовокупляю, что о таковом отличном выполнении поручений моих и высказанных при этом г. г. Никифоровым и Кошко находчивости, смелости и неутомимой энергии, я поставил себе в приятную обязанность особо доложить Его Превосходительству, г. Начальнику Губернии. Полицмейстер»*[433].

20 июля 1899 года А.Ф. Кошко был назначен приставом – заведующим сыскной частью Рижского городского управления полиции[434].

18 октября 1898 года его из подпоручиков «переименовывают» в губернские секретари[190]. С 27.08.1900 Аркадий Францевич коллежский секретарь, с 19.03.1901 – титулярный советник, с 24.11.1903 – коллежский асессор[435].

В должности пристава – заведующего сыскной частью Рижской полиции Кошко получал 2900 рублей в год, имел 8-й класс по должности и 6-й разряд по пенсии[436]. И вдруг 17 января 1906 года перешёл на службу младшим чиновником для поручений в Дворцовую полицию. Жалованье его уменьшилось почти в два с половиной раза (до 1200 рублей в год), должность была классом ниже[437], да и статус Аркадия Францевича сильно понизился: из руководителя полицейского подразделения с десятком подчинённых он превратился в мелкого чиновника Министерства двора. По каким же причинам Кошко перевёлся из Риги в Царское Село?

Из интервью правнука Аркадия Францевича Дмитрия де Кошко:

*«Рапорт о переводе из Риги мой прадед подал по своей инициативе в связи с тем, что в его адрес начали поступать угрозы. В городе в те годы ситуация была очень непростая, и, хотя Аркадий Францевич **не занимался “политическими” и откровенно не ладил с охранкой**[191], он, естественно, участвовал в расследовании ряда уголовных преступлений, совершаемых радикалами из революционных партий. Например, расследовал налёты на рижские банки – “банковские атаки”, задерживал виновных, сажал их под стражу. Немудрено, что это вызвало злость у революционеров, они начали угрожать расправой семье Кошко. Рапорт стал основанием для его перевода в Петербургскую сыскную полицию на должность заместителя*

начальника»[438].

В последней фразе явная неточность – помощником В.Г. Филиппова Аркадий Францевич стал только через десять месяцев после отъезда из Риги. Попробуем разобраться с остальными утверждениями.

В годы первой русской революции полицейских убивали буквально каждый день. По этой причине городовые боялись заступать на посты, классные чины предпочитали вне службы ходить в партикулярном платье, многие из служивших в полиции увольнялись «по прошениям». Если бы каждого сотрудника, которому поступали угрозы, начальство переводило в «тихую гавань», на местах никого бы не осталось. Почему же перевели Кошко?

Возможно, потому, что политическими делами Аркадий Францевич не только не брезговал, а занимался ими с полной отдачей, причём задолго до первой русской революции.

Первого мая 1899 года работницы рижской «Джутовой мануфактуры» (находившейся на территории 2-го участка Митавской части) объявили забастовку: они требовали давно обещанного увеличения заработной платы: за 12-часовой рабочий день им платили всего по 35 копеек и нещадно штрафовали. Пятого мая сие «безобразие» было решено прекратить: чины полиции и солдаты 115-го Вяземского стрелкового полка согнали работниц в Александровский сад, находящийся в шести верстах от фабрики, где стали отнимать у них расчётные книжки, не выдавая взамен паспортов. Женщины начали громко протестовать, их поддержали собравшиеся к этому времени у сада мужчины – мастеровые с других фабрик. Полиция приказала пожарным окатить толпу водой, но народ это только разозлило – люди двинулись на полицейских. Прозвучал выстрел, застонал и упал раненый. В ответ в полицию полетели камни, палки, бутылки, был разломан забор сада, пожарные рукава порезаны, сами пожарные избиты, *«а полицейский Кошко, выпустивший первую пулю в рабочих, поплатился за это жизнью»*[439]. Солдаты открыли огонь. Рабочие отпрянули и стали разбегаться. Солдаты бросились им вслед и начали колоть их штыками и стрелять в кого попало. Было убито двадцать пять и тяжело ранено тридцать четыре рабочих.

Репортёр преувеличил – Аркадий Францевич остался в живых, хотя и сильно пострадал: получил удар большим камнем в низ живота, «рассечённую рану в правую сторону верхней губы», у него было выбито два зуба[440].

Начальником сыскной части Рижской полиции Кошко стал

буквально через месяц после этих событий. Очень похоже на признание заслуг, не так ли?

Когда же началась революция, Аркадий Францевич столь преуспел в борьбе с ней, что стал объектом парламентского расследования, проведённого в 1907 году депутатом второй Государственной думы Осипом Яковлевичем Пергаментом.

Вот что сообщил О.Я. Пергамент о деятельности начальника рижской сыскной части на заседании Думы, состоявшемся 10 апреля 1907 года{441}:

> *«Особенного расцвета достигли подобные пытки и истязания при допросах в Риге, в сыскном отделении, помещающемся в главном полицейском управлении. Пытки при допросах лиц, заподозренных в прикосновенности к так называемой милиции, или боевым организациям, практиковались в рижском сыскном отделении (в особенности под начальством Кошко) уже давно, но в конце декабря 1905 г. там для этой цели была образована целая "комиссия", куда вошли помощник начальника сыскного отделения [Казимир Станиславович] Швабо, помощник пристава Александровский, [Иван (Ян, Иоганн) Эмерикович] Грегус*[192]*, Сабецкий, Давус и другие полицейские и сыщики. Комиссии этой, по собственному её заявлению, было поручено прокурорским надзором и жандармским правлением, производить "следствия" над политическими, а губернатором для этой же цели (по заявлениям самой же комиссии) было предоставлено комиссии право "убивать политических без суда и следствия". И действительно, истязания и пытки применялись с ведома и разрешения прокурорского надзора, жандармского полковника и высших административных властей края».*

Дальше в сообщении О.Я. Пергамента рассказывается про ночные допросы, вырывание ногтей, прыжки на телах заключённых, избиение резиновыми палками. Тех заключённых, которые, несмотря на пытки, не признавались в принадлежности к революционерам, ночью вывозили в глухую местность и расстреливали, якобы при попытке к бегству. Пергамент назвал несколько фамилий лиц, которых забрали в Сыскную, а потом нашли их обезображенные пытками мёртвые тела{442}.

Примечательно, что упоминавшегося в этом докладе К.З. Швабо Аркадий Францевич в 1908 году пригласит на службу в Московское сыскное отделение, а «рижскому палачу» И.Э. Грегусу даст в 1914 году блестящую профессиональную характеристику и

определит начальником Сыскной полиции в Харьков (подробнее см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

А вот что рассказывает о «подвигах» Аркадия Францевича в своей книге «Очерки современных казней» очевидец событий В. Владимиров:

> *«Итак, в Риге существуют три инквизиционных застенка:*
>
> *1) Сыскное отделение;*
>
> *2) Съезжий дом при 2-й Петербургской части и*
>
> *3) второй Митавский участок.*
>
> *В сыскном отделении пытки производятся следующим образом: когда подсудимого приводят в отделение, полиция снимает с него допрос, требует показаний и, когда не получает желаемого ответа, грозит пытками.*
>
> *После угроз полиция переходит к делу. Старшие чины выходят из этой комнаты в дальние, а нижние чины при участии казаков начинают бить.*
>
> *Бьют жестоко, до остервенения!*
>
> *Бьют нагайками, прикладами и резиновыми палками, которые носят название в этих застенках "пипок".*
>
> *Имеются у них ещё пеньковые жгуты, переплетённые проволокой.*
>
> *Бьют подсудимых до того, что они теряют сознание.*
>
> *Когда под ударами палача несчастный падает на пол обессиленный, без чувств, тогда инквизиторы обливают его холодной водой, пока не придёт в сознание.*
>
> *Но если и это не помогает, если после всех нанесённых истязаний тот продолжает упорствовать – не оговаривает себя и своих товарищей, то его вновь начинают бить, но уже "смертным боем". Тогда применяют к замученной жертве методы своего собрата по оружию, палача Аврамова – выдирают из его головы волосы, втирают в зарубцованные места соль, применяют даже электричество.*
>
> *Если пытаемый ещё в силах говорить, то к нему приходят старшие полицейские чины из соседней комнаты и уговаривают чистосердечно покаяться во всём.*
>
> *После всех перенесённых мук, перед ужасной перспективой ещё много, много раз их испытывать, ощущая ещё на себе в данный момент эти боли, многие пытаемые из более слабых подтверждали все то, что хотела получить от них полиция.*
>
> *С этим "чистосердечным признанием" пытки*

кончались. Замученную жертву отвозили в камеру, и месяца через полтора подсудимый появлялся перед лицом военного трибунала, где ему и его оговорённым товарищам произносился приговор: смертная казнь.

В день моего отъезда из Риги[193] *я получил письмо от одного заключённого А. из тюрьмы, которое привожу полностью со всеми орфографическими ошибками:*

“Миня отправили в сыскное отделение. Начальник Кошко придопросе дал мне взубы каким то орудием, так что уминя сразу выбил передний зуб и еще 2 едва держутца; притом Кошко велел меня бить казакам, которые принялись и изрубили намне одежу и также тело повырывали.

Пристава помощник 4 части московского участка разрубил мне шашкой голову у 2 местах, я облился весь кровью; притом ставили меня в иликтрический опарат, где с меня стенули все мои меры. Наносили мне самые зверские побои. Терзали меня 8 суток.

Лишили меня моего здоровья, так что я наоба уха оглох и не знаю за что меня вечно зделали колекой и кроме того томят в тюрьме. Я имею жену и трое малолетних детей, которые остались без куска хлеба. Вот каково мое невинное мученье”.

Кроме этих показаний, есть у меня ещё другие…»{443}

Получается, что причины для перевода в Царское Село действительно были, и связаны они с активным участием Аркадия Францевича в подавлении революции.

В Дворцовой полиции Кошко прослужил недолго. Как уже говорилось, 1 октября 1906 года его назначили помощником В.Г. Филиппова. На этой должности Аркадий Францевич непосредственно участвовал в раскрытии многих преступлений и неоднократно поощрялся начальством.

Например, 31 августа 1907 года Филиппов доложил градоначальнику о раскрытии шайки изготовителей поддельных железнодорожных билетов и ходатайствовал *«о поощрении Помощника Начальника Сыскной Полиции Коллежского Асессора Кошко»*{444}, принимавшего непосредственное участие в расследовании этого преступления.

Высочайшим приказом от 26 ноября 1907 года Кошко был произведён за выслугу лет в надворные советники.

Рис. 80. Начальник Московской сыскной полиции Аркадий Францевич Кошко

Но и в столичной Сыскной Аркадий Францевич надолго не задержался – в конце февраля 1908 года приступил к исполнению обязанностей начальника Московской сыскной полиции (далее – МСП) (официально назначен на эту должность только 3 мая 1908 года).

В то время в Москве «бушевала» ревизия сенатора Николая Павловича Гарина (1861 – не ранее 1935), выявившая чудовищную коррупцию в городском управлении. По результатам было уволено и предано суду огромное количество чинов полиции, начиная от околоточных и кончая московским градоначальником генерал-майором Анатолием Анатольевичем Рейнботом. Особенно пострадала (и по заслугам) местная Сыскная полиция, откуда выгнали большую часть личного

состава, а почти всё руководство во главе с начальником МСП Дмитрием Петровичем Моисеенко (Мойсеенко) оказалось на скамье подсудимых[194].

«…в какое трудное положение я попал на первых порах своей работы: все было расхлябано, преступления росли в ужасающей пропорции, а сотрудников у меня отобрали и приходилось их создавать заново в незнакомых для меня условиях»{445} – вспоминал в эмиграции Аркадий Францевич. И надо отдать ему должное, с поставленной задачей он справился блестяще.

Начал Кошко с наведения элементарного порядка: заставил классных чинов приходить на службу в форменном обмундировании, назначил ответственного за чистоту в помещении, обязал приветствовать начальство поклоном, ввёл строгий учёт не только вещественных доказательств, но и всего изымаемого у задержанных имущества (которое раньше часто бесследно исчезало). Аркадий Францевич безжалостно увольнял пьяниц, запретил надзирателям выводить потерпевших «для разговора» из стен Сыскного отделения (обычно таким образом договаривались о «благодарности» за успешные розыски), реорганизовал деятельность Московской сыскной полиции по примеру Петербургской: чётко регламентировал присутственные часы и часы дежурства чиновников, сотрудников канцелярии и надзирателей, распределил последних по участкам и организовал строгий многосторонний контроль за их деятельностью{446}.

Рис. 81. Начальник Петербургской сыскной полиции В.Г. Филиппов и начальник Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко

«Надзиратель должен был посещать вверенный ему участок не менее двух раз в день, присутствовать на местах серьёзных происшествий и первым докладывать о них чиновнику, отвечавшему за данное отделение, или начальнику сыскной полиции. Если первые сведения поступали из других источников, то это считалось серьёзным упущением со стороны надзирателя. В своём участке полицейскому надзирателю следовало знать все

притоны, скупщиков краденого, хипесные квартиры и т. д. Каждое утро ему полагалось отчитываться перед чиновником, стоявшим во главе отделения, а в случае болезни предоставлять ему письменное уведомление. Каждый месяц (шестого числа) надзиратель должен был подавать цифровую ведомость, в которой указывалось количество полученных поручений вообще и по кражам в частности, сколько поручений осталось невыполненными и каков их процент к общему числу, а также на какую сумму было найдено украденного имущества, как часто надзиратель обходил свой участок, вызывался к судебным властям, где именно он дежурил, кроме сыскной полиции, и какие им замечены преступники (при этом особо выделялись скупщики краденого). Формально полицейские надзиратели были независимы от участковых приставов, а те, в свою очередь, не подчинялись сыскной полиции. Но каждый пристав регулярно получал от начальника сыска особую ведомость, шедшую под грифом "секретно". После заполнения она возвращалась им лично в руки начальнику сыскной полиции. В ведомости пристав должен был дать оценку действий полицейского надзирателя, прикреплённого к его участку, и указать, насколько тот соответствует своей должности: посещает ли 2 раза в день участок, хорошо ли его знает, своевременно ли является на место преступления, оказывает ли помощь при раскрытии правонарушений, достойно ли ведёт себя с обывателями и другими полицейскими чинами, не замечен ли в предосудительных поступках и нетрезвом поведении. Кошко имел и собственных осведомителей, которых использовал прежде всего для наблюдения за самими полицейскими»{447}.

Активная деятельность и организаторский талант Аркадия Францевича принесли свои плоды: уровень коррупции в МСП упал до рекордно низкого, кривая раскрываемости, напротив, поползла вверх.

Труды его незамеченными не остались: 6 декабря 1909 года Кошко, к уже имевшимся у него «Станиславам»[195] 3-й и 2-й степеней, получил «Анну на шею» (орден св. Анны 2-й степени), 12 сентября 1911 года произведён в коллежские советники{448}, в 1913 году одним приказом с В.Г. Филипповым был повышен в чине до статского (Филиппов получил чин действительного статского советника).

Дело № 32. Убийство в Лештуковом переулке

(по материалам газет и журналов)

Дело Гилевича – самое известное дело Санкт-Петербургской полиции за всю её историю, что неудивительно, оно словно сошло со страниц детектива-бестселлера: расчлененный труп, оскальпированная голова, пиджак с меткой портного, которая «помогла» быстро установить личность «жертвы».

Только вот жертвы ли?

После задержания злодей признался, что идею преступления и все его детали он вычитал в криминальном романе. Но петербургские сыщики оказались умнее и автора сего романа, и подлого убийцы.

Но обо всем по порядку. Наша версия основана на материалах тогдашней прессы. Она мало отличается от известного рассказа А.Ф. Кошко «Дело Гилевича»{449}, однако некоторые детали, особенно по идентификации жертвы, без сомнения, будут интересны читателям.

Квартира № 37 в дворовом флигеле дома № 2 по Лештукову переулку (ныне переулок Джамбула) считалась «нехорошей».

Рис. 82. Дом в Лештуковом переулке, в котором убили П.В. Подлуцкого

В июле 1909 года в ней застрелилась женщина, после чего квартиру долго не хотели нанимать. Лишь осенью удалось её

сдать – Степан Андрианович Федоров, высокий, сухопарый, рыжеволосый тридцатилетний москвич, снял её за 100 рублей в месяц. 2 октября вечером он въехал в неё со своим секретарем, таким же высоким и сухопарым, только не рыжим, а брюнетом. По словам дворника, новые жильцы ночью квартиру не покидали, однако весь следующий день на его звонки в дверь (дворник должен был забрать у них паспорта на прописку) не реагировали. Обеспокоенная владелица квартиры госпожа Котович 4 октября позвала слесаря, который вскрыл входную дверь. В спальне на кровати она обнаружила обезглавленный труп мужчины и вызвала полицию.

Обезображенную голову убитого (были отрезаны нос, уши, губы и подбородок) сыщики нашли в кухонной печи – она сильно обгорела. Скальп был сожжен совместно с этиловым спиртом в кастрюле, в которой *«была обнаружена обуглившаяся масса шаровидной формы. Беглый осмотр этой массы ничего существенного не показал. Однако у [судебного] следователя возникло предположение, что если свежий скальп был взят за волосы убийцей и брошен в таком виде в горящий спирт, то скальп естественно мог свернуться волосами вовнутрь и образовать ту обуглившуюся снаружи шаровидную массу, которая была найдена в кастрюле. Это побудило следователя произвести более детальный осмотр, каковой и подтвердил указанные соображения: на скальпе оказались волосы чёрного цвета длиною около 8 сант[иметров]»*{450}. Черные волосы были найдены и на окровавленном ноже, которым была разделана жертва.

> *«На месте преступления на стуле близ кровати, на которой был найден труп, оказалось сложенным платье, по-видимому, убитого. Около кровати стояли ботинки. Уже при поверхностном осмотре следователь установил, что платье было сшито у одного из лучших московских портных, и в то же время обратил внимание, что ботинки по внешнему своему виду не соответствовали высокому качеству платья. Из этого, прежде всего, было выведено заключение, что либо ботинки не принадлежат убитому, либо платье могло быть оставлено на месте преступления убийцей. Ввиду того, однако, что при примерке ботинки точно пришлись к ногам трупа, а платье, наоборот, по размерам своим не вполне совпадало с размерами трупа – можно было сделать заключение, что платье было действительно оставлено в квартире убийцей»*{451}.

На подкладке бокового внутреннего кармана пиджака был

обнаружен вшитый кусок холста, на котором чернилами от руки значилась метка московского портного Жака Ясинского.

Для выяснения личности заказчика этого пиджака начальник Сыскной В.Г. Филиппов откомандировал в первопрестольную чиновника для поручений Евгения Францевича Мищука (подробнее о нём см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

На следующий день (5 октября) студент Петербургского университета Константин Гилевич обратился в полицию с заявлением об исчезновении своего брата Андрея, московского инженера-технолога, недавно прибывшего в Петербург по делам. Ему предложили взглянуть на обезглавленного мужчину, обнаруженного в квартире в Лештуковом переулке. Вдруг это его брат?

Сыщики всегда внимательно наблюдали за поведением людей при опознании трупов – вспомните (Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден) – Федотову, которая признала в утопленнике мужа, толком не взглянув на его тело, и тем самым выдала себя. Подобный казус случился и с Константином Гилевичем. Когда ему показали тело, он без колебаний спокойным тоном заявил: «Это – труп моего брата инженера Гилевича. Его убили, чтобы завладеть 20-ю тысячами рублей, которые он имел при себе».

На резонный вопрос чинов Сыскной полиции: «Как вы смогли так быстро узнать в изуродованном трупе своего брата?» – он хладнокровно объяснил: «Мы часто бывали вместе в бане, я хорошо знаю все приметы тела моего брата: это – он!» Его попросили описать внешность Андрея Гилевича. Выяснилось, что тот был рыжим и волосы стриг коротко{452}. Тогда Константину предъявили черные волосы длиной восемь сантиметров, оставшиеся на окровавленном ноже, и предложили ещё раз хорошенько осмотреть тело. Вдруг он ошибся? Вдруг убитый не его брат? Однако Константин заявил, что в этом уверен, и предположил, что убийца подкинул черные волосы нарочно, чтобы сбить сыщиков со следа.

Тем временем Мищук прибыл в Москву. Портной Жак Ясинский, осмотрев пиджак с места преступления, сообщил, что сшил его для инженера Андрея Гилевича. Евгений Францевич решил выяснить, не значится ли тот в картотеке Московской сыскной полиции, и поехал в Малый Гнездниковский переулок. Оказалось, что Андрея Александровича Гилевича хорошо знает начальник Сыскной Аркадий Кошко и далеко не с лучшей стороны – тот подозревался в совершении мошеннических сделок. В картотеке отделения нашлись и словесное описание Гилевича, и

его фотопортрет.

По воспоминаниям А.Ф. Кошко, он сразу высказал предположение, что Андрей Гилевич вовсе не жертва, а, наоборот, убийца.

Мотив совершенного преступления выяснился быстро – после «опознания» трупа Константин Гилевич предъявил в страховую компанию «Россия» полис брата, который застраховал свою жизнь на сто тысяч рублей. Константин намеревался их получить. С учетом всех уже известных фактов и обстоятельств сыщики сочли его соучастником убийства и страхового мошенничества. 10 февраля он был арестован. Однако в доме предварительного заключения Константин наложил на себя руки (по сведениям Льва Лурье, перед самоубийством его успели допросить и он дал признательные показания на себя и на брата{453}. Но в официальных документах об этом не упоминается).

Сыщики по всей стране искали теперь Андрея Гилевича, но тот как в воду канул. Возникло предположение, что он использует паспорт убитого им в Лештуковом переулке человека. Но как установить его имя и фамилию?

Первый шаг к этому сделал судебный следователь. С помощью сильных луп он тщательно исследовал найденные на месте преступления ботинки и на одной из подошв обнаружил слабые следы оттисков двух металлических букв. В те времена обувь предохраняли от дождя и снега с помощью калош, которые при входе в помещение снимали и оставляли в прихожей. Однако все пары калош похожи между собой. И чтобы опознать свою, рачительные владельцы помечали калоши различными способами, в том числе и маленькими металлическими буквами с собственными инициалами. Следователю удалось рассмотреть их оттиски – две буквы П{454}.

Тем временем из Киева[196] питерская Сыскная полиция получила сведения, что недели три назад в Москве человеком, похожим на Гилевича, был нанят в секретари студент Лебедев. По его словам, наниматель вёл себя подозрительно: сперва назвался Федоровым (!!!), потом графом Маркони; приняв студента на службу, пригласил сразу в Сандуновские бани, где в поисках особых примет внимательно изучил его тело; вместо обещанной заграницы повез в Киев; а в вагоне поезда как бы случайно облил одежду студента чернилами и в качестве извинений подарил собственный пиджак; в арендованной в Киеве квартире Федоров-Маркони потребовал у Лебедева сбрить бороду, а потом выпить с ним на брудершафт. Бороду студент сбрил, а вот пьянствовать с подозрительным «графом» побоялся. И всю последующую ночь не сомкнул глаз. Наутро Федоров-Маркони его уволил.

Сыщикам стало понятно, что Гилевич уже давно задумал убить похожего на себя человека, чтобы получить страховку. И только подозрительность Лебедева спасла ему жизнь. А вот таинственный ПП был беспечен, потому и погиб. Личность ПП установили, когда в Петербургскую сыскную полицию[197] поступило заявление от родственников потомственного дворянина Павла Васильевича Подлуцкого. Он родился в 1885 году и после окончания курса в Смоленской гимназии поступил в Технологический институт. Весною 1909 года Подлуцкий решил перейти в Московский сельскохозяйственный институт и перебрался в первопрестольную.

По сведениям родственников, в сентябре месяце Подлуцкий устроился секретарем к неизвестному им инженеру и с тех пор не давал о себе никаких известий. В Москву снова был командирован Мищук, который выяснил у бывшей квартирохозяйки Подлуцкого, что к нему в сентябре несколько раз заходил неизвестный господин, очень похожий на Гилевича, с которым Павел Васильевич должен был отправиться за рубеж. Кропотливая работа по проверке заграничных паспортов, выданных за последние два месяца в Петербурге и Москве, установила, что студент Подлуцкий действительно его получил.

Рис. 83. П.В. Подлуцкий

Всё теперь указывало, что в Лештуковом переулке был убит Подлуцкий. Но неожиданно для всех Павел дал о себе знать – его двоюродный брат получил от кузена несколько открытых писем (открыток) из Франции. Неужели сыщики ошиблись с идентификацией жертвы? Изучив открытки, эксперты пришли к выводу, что почерк Подлуцкого в них подделан. Также стало известно, что петербургский государственный банк по требованию Подлуцкого (вернее, Гилевича) перевёл его сбережения во Францию, и тот уже успел получить их в Париже. Начальник Сыскной полиции Владимир Филиппов и чиновник для поручения Мечислав Кунцевич немедленно отправились туда.

Поездка вышла неудачной – Гилевича поймать не удалось. Мало того, российский консул умудрился выдать преступнику

удостоверение на имя Подлуцкого уже после визита российских сыщиков в консульство[455]. Кроме этого неприятного инцидента, у русских сыщиков случился конфликт с французскими властями. «Вестник полиции» описывает его скупо: «В Париже наши розыски встречаются с серьёзными препятствиями, благодаря невыполнению некоторых чисто дипломатических условий»[456]. Зато В.И. Лебедев в секретной записке вице-директору Департамента полиции С.П. Белецкому, описывая ситуацию, в выражениях себя не стеснял:

> *«…ознакомившись со слов Товарища Прокурора Абрашкевича с ходом розысков по этому сенсационному, но далеко не представлявшему каких-либо чрезвычайных затруднений делу, в интересах справедливости и в предупреждение на будущее время в деятельности наших Сыскных отделений таких многообразных ошибок и упущений, которые ныне выясняются в деятельности столичной полиции по делу Гилевича, а равно и в целях устранения непроизводительных трат, как сыскных сумм казны, так и средств, взимаемых с частных лиц на такие безрезультатные поездки чинов русской сыскной полиции, как, например, первая месячная поездка Г. Кунцевича, считаю долгом присовокупить, что сыскная деятельность и все поведение по настоящему делу за границей чиновника Кунцевича служит подтверждением… что даже наиболее осведомлённые в розыскной службе чиновники Столичных Сыскных Полиций, при производстве розысков за границею, могут делать и крупные промахи, и упущения в сыске и позволять себе несоответственные поступки в сношениях с иностранными властями и т. п. как вследствие незнания условий деятельности полиции в данной местности, так и по причине свойственного большинству сыскных агентов стремления присваивать себе неподобающее значение, в особенности в командировках вне ближайшего надзора своего начальства»*[457].

Конфликт с французами в итоге уладили. Филиппову, хоть и с большими трудностями, удалось выхлопотать решение о задержании Гилевича. Французским полицейским было роздано шесть тысяч его фотопортретов. Однако, и все это понимали, шансы поймать преступника были призрачными – Гилевич был умен, хитер, умел менять внешность (что подтвердилось при его задержании). И у него были деньги, на которые он мог раздобыть новый паспорт.

Гилевича сгубила патологическая жадность – у несчастного

Подлуцкого, кроме денег, имелись процентные бумаги на сумму четыреста рублей. Убийца послал в банк, где они хранились, телеграмму от имени жертвы и потребовал бумаги продать, а вырученные деньги перевести в Париж. И только что вернувшийся оттуда Кунцевич отправился обратно.

Задержанию Гилевича едва не помешала пресса. Газета «Новое время» опубликовала заметку, что сыщики снова напали на след преступника и он вот-вот будет арестован в Париже. Чтобы не вспугнуть Гилевича, Филиппов телеграфировал Кунцевичу, приказав скупить все экземпляры данного номера прямо с поезда, на котором они прибыли. Мечислав Николаевич это задание блестяще исполнил.

15-го декабря 1909 года около 12 часов дня в главный зал Международного банка в Париже зашел молодой человек с большими усами и элегантно подстриженной бородкой. Из-за парика узнать в нём Гилевича было невозможно. Молодой человек подошёл к окошечку и попросил выдать ему 400 рублей, полученных на имя Подлуцкого. По знаку кассира к Гилевичу бросились агенты французской полиции и, предупредив его попытку выхватить браунинг, надели на преступника наручники.

Негодяя допрашивали сотрудники Сюртэ в присутствии М.Н. Кунцевича. Гилевич рассказал подробности трагедии в Лештуковом переулке – Подлуцкому в стакан он подсыпал наркотик, а когда тот уснул, убил его ударом кинжала. Потом более двух часов мерзавец «колдовал» над трупом – отрезал голову, снимал с неё скальп и т. д.

В восемь вечера Гилевич попросился в туалет. Там ему удалось достать из кармана заранее приготовленный кусочек цианистого калия и засунуть себе в рот.

Труп преступника был доставлен в Петербург. 29 декабря его опознал вызванный из Москвы А.Ф. Кошко. 2 января 1910 года профессором судебной медицины Д.И. Косоротовым (он печально прославится в 1913 году фальсифицированной экспертизой по делу М. Бейлиса) было произведено вскрытие черепа Гилевича. *«Ненормальностей в мозгу обнаружено не было»*{458}.

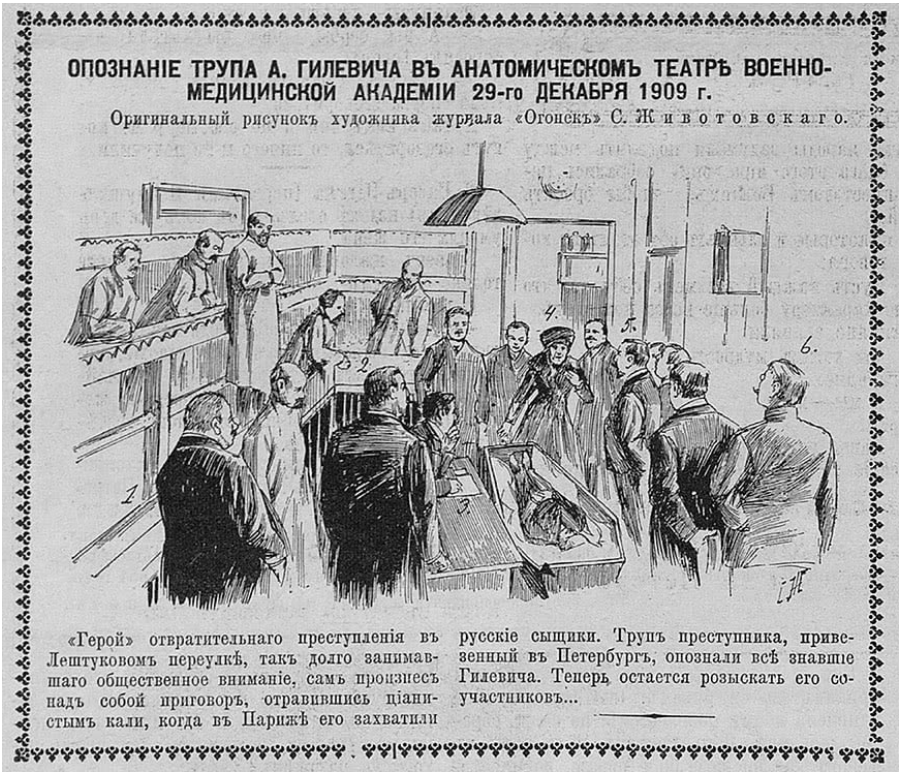


Рис. 84. Опознание трупа А. Гилевича. Рисунок из журнала «Огонёк» № 2 за 1910 год

Градоначальник Санкт-Петербурга генерал-майор Даниил Васильевич Драчевский (1858–1918) 20 января 1910 года подал прошение о награждении вне правил отличившихся чинов Сыскной: «статского советника Филиппова ВЫСОЧАЙШИМ подарком с вензелевым изображением Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, помощника его коллежского секретаря Маршалка чином титулярного советника, с указанным в наградном списке старшинством, чиновников для поручений той же полиции: коллежского асессора Кунцевича – орденом св. Станислава 2-й степени, коллежского секретаря Мищука – орденом св. Анны 3-й степени, полицейского надзирателя Абакумова – чином коллежского регистратора»{459}.

Рис. 85. Чиновники Санкт-Петербургской сыскной полиции. Верхний ряд (слева направо): Н.Я. Алексеев, А.С. Левиков, надзиратель Абакумов, И.Г. Бубнов. Нижний ряд (слева направо): Л.К. Петровский, К.П. Маршалк, Е.Ф. Мищук, В.Г. Филиппов, Н.М. Федоров, М.Н. Кунцевич. Снимок 1910 или 1911 года

Против этих награждений яростно возражал руководитель 8-го делопроизводства Департамента полиции В.И. Лебедев. Но его аргументы (часть из них мы процитировали выше) были проигнорированы.

Мать и сестра Андрея Гилевича пытались потребовать со страхового общества «Россия» сто тысяч страхового возмещения – ведь в этот раз он действительно умер. Им отказали. Суд отклонил их иск против страховой компании.

А.Ф. Кошко был талантливым организатором полицейского дела и прекрасным сыщиком, под его руководством и при непосредственном участии в Риге, Петербурге и Москве было раскрыто немало резонансных дел (кража в Успенском соборе Кремля, убийство девяти человек в Ипатьевском переулке и т. д.). Однако потомки и вслед за ними авторы научных и научно-популярных публикаций *«ложно приписывают А.Ф. Кошко достижения других замечательных сыщиков. Например, бытует мнение, будто именно Аркадий Францевич изобрел систему классификации дактилоскопических и антропометрических данных». Иногда утверждается даже, что он начал применять*

дактилоскопию первым в мире.

Сразу скажем: систему антропометрической классификации создал француз Альфонс Бертильон, когда А.Ф. Кошко был подростком. В России ее использовали по инициативе полковника Н.А. Козлова с 1890 года – на тот момент Кошко в полиции еще не служил. Дактилоскопическая классификация родилась в Великобритании… В нашей стране ее стал применять и совершенствовать начальник Московской сыскной полиции (1900–1905) В.И. Лебедев, что опять же произошло за несколько лет до того, как А.Ф. Кошко, по его собственным словам, освоил данный криминалистический метод»{460}.

9 ноября 1908 года Аркадий Францевич после многолетнего внебрачного сожительства обвенчался с девицей Зинаидой Александровной Михеевой. К этому времени сыновей у них было уже трое – 13 июля 1905 года в Риге родился **Николай**. *«Аркадий Францевич обладал жестким характером. Это проявлялось даже в семейных отношениях. Сыщик мог, например, выпороть своего 18-летнего сына за позднее возвращение домой»*{461}. Подобные жестокие поступки могли быть последствием и перенесенного в 1910 году *«кровоизлияния в головной мозг при потере сознания и параличе левой верхней и нижней конечностей. Лишь через три с лишним месяца он смог снова приступить к работе. Однако здоровье сыщика по-прежнему оставляло желать лучшего. Медицинское свидетельство от 1913 года констатировало, что Аркадий Францевич “страдает функциональным нервным расстройством (неврастения) при явлении катара желудка и гиперемии печени (гепатит)”»*{462}.

Однако такой букет заболеваний не помешал повышению по службе – Высочайшим приказом от 28.06.1914 Кошко назначили делопроизводителем 8-го (уголовно-сыскного) делопроизводства Департамента полиции (вместо ушедшего в отставку В.И. Лебедева). С этого момента и до крушения Российской империи Аркадий Францевич возглавлял уголовный сыск всей страны.

На место начальника МСП переместили помощника В.Г. Филиппова Карла Маршалка. А вот на место Маршалка прокурор Петроградской судебной палаты (возможно, что при поддержке Кошко) порекомендовал старого приятеля Аркадия Францевича – начальника Рижского сыскного отделения Ивана Эмериковича Грегуса.

Дело № 33. Грегус-Марковский

Чех по происхождению, Иван (Ян) Грегус родился в 1875 году на территории Австро-Венгрии. В конце 90-х годов XIX века он

перебрался в Российскую империю и в 1897 году поступил в русскую полицию. Служил под началом пристава Кошко, сперва в Митавской части (и вместе с ним 5 мая 1899 года участвовал в подавлении забастовки работниц «Джутовой мануфактуры»), затем в Сыскной полиции.

Иван Эмерикович был человеком смелым и мужественным, однако сдерживать себя в критических ситуациях не умел. Так, 29 марта 1900 года крестьянин Осип Буцько, придя в участок, сообщил ему, что на Суворовской улице его ограбил некий мужчина, вооруженный револьвером. Околоточный Грегус отправил для его задержания городового Радзюлиса. Но грабитель (его звали Томашем Петриком) двумя выстрелами из револьвера заставил того ретироваться. Тогда Грегус отправился на Суворовскую улицу сам. И когда уже находился в двадцати шагах от Петрика, тот неожиданно заметил, что навстречу ему движется другой полицейский – околоточный Клочков. Злоумышленник опять достал револьвер, произвел два выстрела и, как потом выяснилось, прострелил Клочкову фуражку. Грегус, выхватив шашку, бросился на Петрика и двумя ударами его обезоружил. Однако, войдя в раж, нанес ещё четыре удара шашкой, один из которых оказался смертельным – на следующий день Петрик скончался в больнице{463}.

Рис. 86. Начальник Сыскного отделения города Риги Иван Эмерикович Грегус. 1910 год

После перевода А.Ф. Кошко в Дворцовую полицию, 24 апреля 1906 года И.Э. Грегус стал начальником Рижского сыскного отделения. В результате его деятельности выражение «рижские застенки»{464} стало мемом, а его собственная фамилия – именем нарицательным для обозначения истязателя-палача (в частности, в одной из своих статьей её использовал Л.Д. Троцкий{465}).

Одно лишь из многочисленных преступных деяний Грегуса в Риге: двадцатилетний мещанин Николай Судель сидел в Юрьевской тюрьме. С инспекторской проверкой туда прибыл губернатор Николай Александрович Звегинцев. Его сопровождали начальники Рижского сыскного отделения и губернского жандармского управления. Последний, указывая на Суделя и его сокамерников, пожаловался губернатору, что «все эти люди, ваше превосходительство, – боевики. Но они в этом не сознаются, а доказательств у меня нет». Грегус тут же отреагировал: «Ваше превосходительство! Извольте приказать перевести их в Ригу, ко мне в сыскное, у меня они все сознаются. Не было еще людей, которые бы у меня не сознались». Начальник губернии подумал,

подумал да и велел передать арестованных в распоряжение сыскного пристава. Через неделю все они «признались» в нескольких налетах и экспроприациях. А Судель вдобавок признался, что в «налетах» участвовала его сестра, и даже опознал ее по фотографии, хотя никакой сестры, даже двоюродной, у него не было. Судель и его подельники были преданы военному суду. Защитники подсудимых привели туда нескольких свидетелей, которые подтвердили факт применения в отношении подсудимых пыток. В перерыве этих свидетелей силой препроводили в Сыскное отделение, где Грегус угрожал им такими же пытками, если они не откажутся от своих показаний. Свидетели пожаловались адвокатам, те – прокурору Окружного суда. «Эдак они и за адвокатов примутся!» – возмущались присяжные поверенные. Прокурор посмотрел на защитников с хитрым прищуром и промолвил: «Всё может быть…» Судель и его подельники были расстреляны.

Как мы уже писали, в 1907 году «подвиги» Грегуса и его подручных заинтересовали писателей и журналистов, в результате пытки в Рижской сыскной стали предметом расследования Государственной Думы. Однако у непосредственного начальства претензий к Ивану Эмериковичу не было, за преступные деяния его так и не наказали. Наоборот, Грегус регулярно получал награды и повышался в чинах. А когда под давлением общественности изредка случались проверки, они заканчивались пшиком. «Что же касается практикуемых, по слухам, в Сыскном отделении пытках, то весьма возможно, что там они применяются, и, быть может, в широких даже размерах, но так как Грегус человек ловкий и действует всегда умело и осторожно, то дознать это совершенно не представляется возможным», – не без восхищения писал начальник Лифляндского губернского жандармского управления генерал-майор Иван Дмитриевич Волков.

С ним был согласен и прокурор Петроградского окружного суда, утверждавший в 1914 году, что иной кандидатуры на пост помощника начальника столичной Сыскной он не видит. Однако уже началась Первая мировая… Российскую империю охватила ксенофобия. А Грегус, хоть и чех, был когда-то подданным Австро-Венгерского императора и даже отслужил срочную службу в австрийской армии. Вдобавок какой-то недоброжелатель донес, что как-то, будучи пьяным, Иван Эмерикович пел песню, восхваляющую германского кайзера. В итоге Грегуса не только не перевели в Петроград – его и в Риге с должности сняли. Он был причислен к Департаменту полиции, но без содержания.

Грегус написал жалобное прошение министру внутренних

дел, в котором умолял назначить его на хоть какую-нибудь должность по полиции. Также он подал на высочайшее имя ходатайство о «разрешении ему и членам его семьи впредь именоваться Марковскими» (в то время подобные ходатайства, поступавшие от «русских немцев», были обычным явлением). По запросу начальства А.Ф. Кошко написал характеристику на бывшего подчиненного, указав, что Грегус – «талантливый сыщик, впрочем, более способный к розыску политическому, коим он больше и занимался». Оба прошения были удовлетворены. В феврале 1916 года Грегуса-Марковского назначили начальником Харьковской сыскной полиции. «Зачистив» вверенное подразделение от прежних сотрудников и пригласив проверенных «коллег» из Риги, Грегус принялся за старое: пытки, истязания, вымогательства. Как и в Лифляндии, на него посыпались жалобы. Но, в отличие от Риги, местное начальство покрывать Грегуса не собиралось. Была назначена проверка, в результате которой выяснилось, что в комнате надзирателей Сыскной полиции подручные Грегуса пытали задержанных. При пытках (как и в Риге) они использовали резиновые палки – проверяющие нашли на «шкапе» в кабинете начальника Сыскной кусок колесной резиновой шины, залитый свинцом, а другие орудия пыток маскировали в полицейском музее среди изъятых у преступников предметов.

Потерпевшие, в основном харьковские воры-евреи, рассказали, что для получения признаний их сначала долго били, а тех, кто не сознавался, на несколько дней запирали в камеру с закованными за спиной руками, при этом не кормили и не поили. Люди вынуждены были подбирать ртом с грязного пола хлеб, который им, то ли из жалости, то ли ради развлечения, бросали дежурные городовые.

Грегус всё отрицал, мол, клевета воров и интриги недоброжелателя-полицмейстера. Однако проверяющие факт злоупотребления сочли совершенно доказанным. Грегус и шесть его подручных были переданы судебным властям за превышение полномочий, жестокие и тяжелые побои, лихоимство, вымогательство и истязания{466}. По сложившейся тогда судебной практике, за подобные преступления до суда не арестовывали, да и наказания назначались крайне мягкие (за истязание задержанных чин полиции мог отделаться несколькими сутками ареста).

Следствие о Грегусе и его подручных тянулось с лета 1916 года по крайней мере до лета 1917 года и чем закончилось – неизвестно. Неизвестна и дальнейшая судьба этого «талантливого сыщика».

Революцию Аркадий Францевич не принял (да разве могло быть иначе?):

> *«Уголовный преступник, выпущенный из тюрьмы, взял несколько солдат и повёл их для ареста “Кошкина”, как называли преступники Москвы и Петербурга Кошко*[198]*. Звонок. Ещё в халате, Кошко лично открывает дверь, через которую появляется голова преступника, радостно восклицающего: “А вот и он сам, его превосходительство господин Кошкин!” Кошко арестовывают, обкрадывают, по дороге афишируют его личность и избитым, с пробитой головой, в изорванной штыками шубе, приводят как арестованного в помещение Государственной думы»*{467}.

Правда, под арестом Кошко томился недолго, его вскоре выпустили. Но на просьбу товарища министра внутренних дел Временного правительства князя С.Д. Урусова остаться на службе Аркадий Францевич ответил отказом, вышел в отставку и уехал в своё имение Подольно Боровичского уезда Новгородской губернии.

Рис. 87. А.Ф. Кошко с женой Зинаидой и сыном Николаем

Несколько слов об этом имении: согласно формуляру А.Ф. Кошко от 1914 года{468} на тот момент у него ни наследственных, ни благоприобретенных владений не было. И, значит, Подольно он приобрел уже во время Первой мировой войны. Имение было очень скромным – в 1861 год общая его площадь составляла 159 десятин, и по данным ревизской сказки числилось 10 крепостных душ, но в результате Великой реформы 44 десятины отошло крестьянам{469}.

После Октябрьского переворота имение Подольно было разграблено, семья Кошко (жена и младший сын Николай) была вынуждена перебраться сперва в Москву, а оттуда через всю Украину в Крым, где Аркадий Францевич поступил на службу в севастопольское градоначальство и возглавил Сыскную полицию. Осенью 1920 года он эмигрировал в Турцию. В Стамбуле вместе с бывшим начальником Московского охранного отделения А.П. Мартыновым Кошко открыл частное сыскное бюро. Сначала дело у них шло ни шатко ни валко, однако через некоторое время стало приносить доход. Впрочем, по некоторым данным, предприятие Аркадия Францевича занималось далеко не частным сыском:

> *«Между прочим, в своей разведывательной деятельности Врангель пользуется организацией, налаженной таким знатоком политического сыска, как ген[ерал] [В.П.] Никольский, бывш[ий] нач[альник] штаба отдельного корпуса жандармов. В Константинополе по разведке работает б[ывший] нач[альник] уголовно-сыскной полиции А.Ф. Кошко, а в Европе д[ействительный] с[татский] с[оветник] [В.Г.] Орлов и б[ывший] дир[ектор] деп[артамента] пол[иции]*[199] *[А.Т.] Васильев»*{470}.

> *«Шпионаж. Главная международная контрразведка помещается у пристани Голландской набережной; имеет свои отделения: французское – в Стамбуле, английское – на Пера и Галате и итальянское – на Шашлы, азиатский берег Босфора – Кадакей, Хайдар-паша и др., вместе с этим международная контрразведка имеет свои филиальные отделения в виде русской контрразведки, под названием “паспортно-пропускного отделения”, возглавляемого генералом [К.И.] Глобачевым, и сыскного бюро во главе с Кошко – бывшим нач[альни]ком сыскной полиции в Москве.*

Бюро имеет большую сеть разведчиков, главным образом из русских белогвардейцев. Наиболее видные из них, пользующиеся авторитетом и весом, это полковники Иванов и Голубинский, которые в свою очередь имеют своих агентов, в том числе Кедия и Пачулия. Указанная организация интересуется большевиками и националистами. Приезжающих фильтруют. Кроме этого, особенно интересуются состоянием Красной Армии и концентрацией войск на границах. Пользуются в своей работе обычно методами провокации»[471].

В 1923 году среди эмигрантов поползли слухи, что новое турецкое правительство собирается всех их вернуть в Советскую Россию, и семья Кошко была вынуждена уехать во Францию – так утверждают потомки Аркадия Францевича. Однако поводом к бегству их из Стамбула могла привести и деятельность Кошко на поприще разведки – никакое правительство не стало бы терпеть у себя под носом шпионское гнездо, которое использует в своей работе провокации.

Прибыв во Францию, семья Кошко поселилась сначала в приюте для эмигрантов в Лионе, а через полгода перебралась в Париж, где Аркадий Францевич несколько лет проработал приказчиком в меховом магазине некоего Ушкова. В 1925 году он начал писать воспоминания о своей сыщицкой работе. Вот что об истории их создания рассказала его племянница (и одновременно сноха Аркадия Францевича) Ольга Ивановна:

«Дядя, живший на porte de Versailles, приезжал очень часто нас навещать, и [брат] Боря дал ему мысль издать свои воспоминания в виде рассказов. Ушков, патрон дяди, предложил субсидировать издание первого тома, и мы принялись за работу с большим увлечением. Дядя приезжал и за чашкой чая начинал свой рассказ. Я с карандашом в руках записывала имена, места событий и всякие нужные подробности для изложения рассказа. После отъезда дяди мы с Борей принимались за дело. Он диктовал слышанный рассказ, я писала. Таким образом, возник первый том под названием “Очерки уголовного розыска”. Заглавие, по нашему мнению, слишком сухое, но дядя почему-то на нем настаивал. Сначала эти рассказы были напечатаны в русском журнале “Иллюстрированная Россия”. Успех превзошёл все ожидания. Редактор, покойный [М.П.] Миронов, телефонировал дяде на службу, требуя все больше и больше рассказов, прибавляя даже цену за каждую строчку без особых настояний и не

скрывая, что тираж на журнал значительно повысился благодаря очеркам дяди. Это дало нам мысль соединить часть рассказов в один том. Мы выбрали двадцать преступлений, самых известных в России в царский период, издали их с помощью Ушкова»{472}.

Рассказы печатались не только в эмигрантских, но и во франкоязычных изданиях (например, в еженедельной газете «Candide: grand hebdomadaire parisien et littéraire» был напечатан рассказ про дело Гилевича). Первая часть воспоминаний вышла отдельным изданием (на русском и французском) ещё при жизни автора.

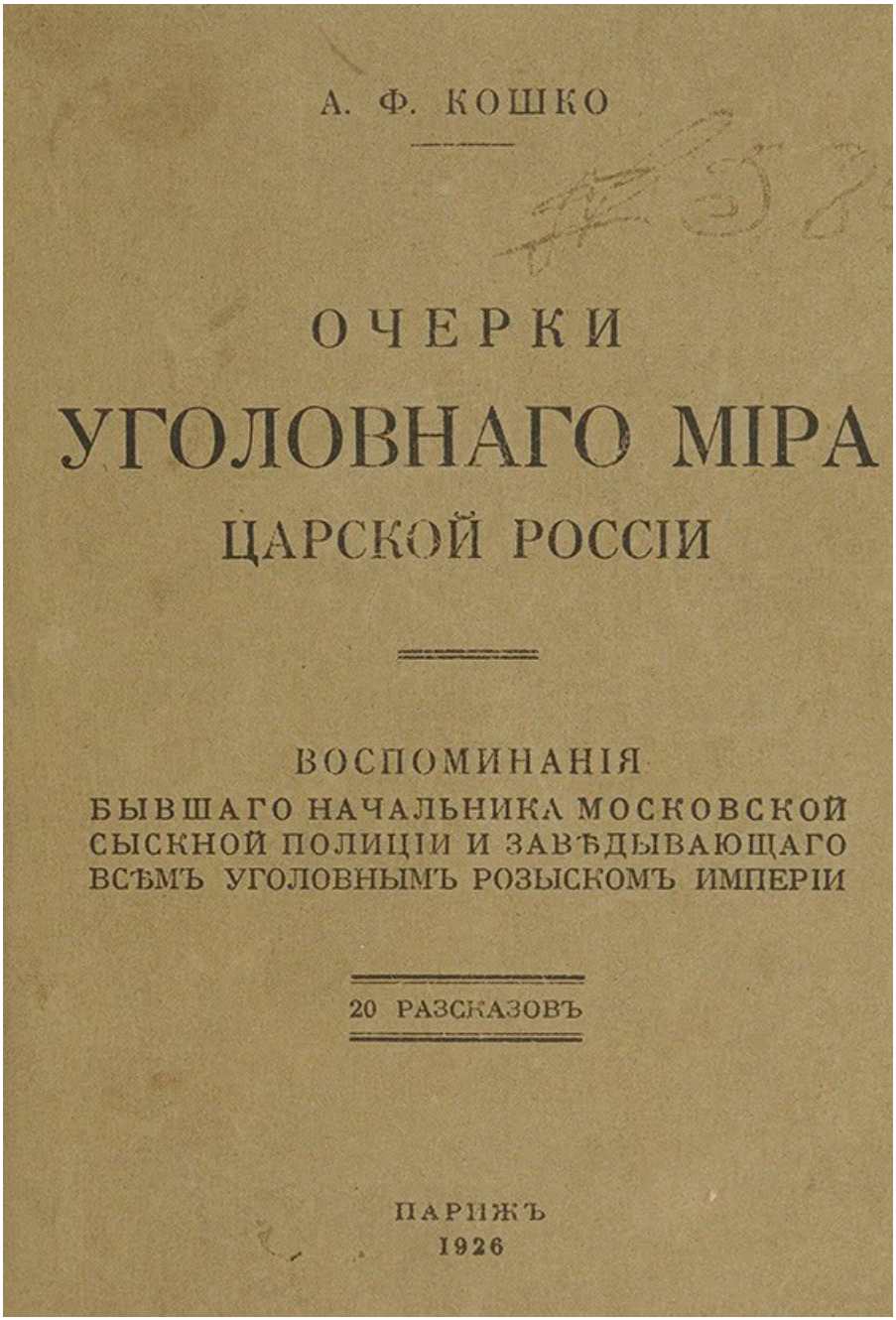


Рис. 88. Обложка первого издания мемуаров А.Ф. Кошко

Однако мемуарами с источниковедческой точки зрения их назвать нельзя. Это «пересказы устных рассказов, написанные для коммерческих целей». В них нередко перепутаны даты и имена, автор (авторы) иногда откровенно фантазируют, приписывая А.Ф. Кошко заслуги в раскрытии преступлений, в которых он вообще

участия не принимал (например, Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

Скончался А.Ф. Кошко в Париже 25 декабря 1928 года, похоронен был на кладбище St-Quen.

Брошенный им старший сын Александр в 1898 году поступил в Симбирскую гимназию, из которой был исключен в 1907 году за пение революционных песен. Однако затем он пошёл по стопам отца и в 1917 году служил помощником полицейского пристава первого участка Пречистенской части города Москвы{473}. После октябрьского переворота остался в России, служил делопроизводителем в канцелярии Ульяновского рабфака. 26 сентября 1930 г. был арестован ОГПУ, обвинён в контрреволюционной агитации и пропаганде и тройкой при полномочном представительстве ОГПУ Средне-Волжского края 16 января 1931 г. был приговорён к трём годам лишения свободы. Полностью реабилитирован 9 августа 1956 г.{474}.

Судьба сыновей от второго брака сложилась так:

– Дмитрий погиб в самом начале Первой мировой войны;

– Иван, поручик 1-го стрелкового полка, в 1914 году попал в немецкий плен и был обменен на пленного немецкого офицера в 1915 году. Был женат на своей двоюродной сестре Ольге, мемуары которой мы цитировали. По воспоминаниям правнука Аркадия Францевича Дмитрия де Кошко, Иван Аркадиевич Кошко умер в Париже в 1942 году;

– младший сын Николай во время Второй мировой войны воевал в составе французской армии.

6.3.3. Леонид Константинович Петровский (08.03.1869 – 1941)

Командир Летучего отряда (1904–1916 гг.)

Леонид Константинович родился в Петербурге 8 марта 1869 года в семье отставного писца военного ведомства. Будущий сыщик получил лишь трехгодичное начальное образование – закончил в 1884 году Владимирское городское училище[200].

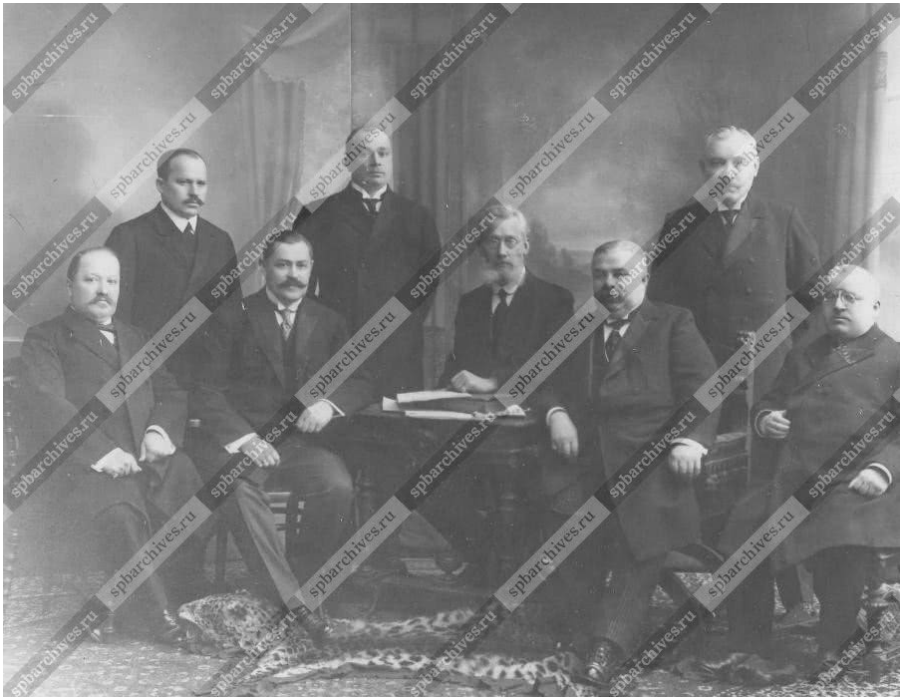


Рис. 89. Чиновники Санкт-Петербургской сыскной полиции. Верхний ряд (слева направо): С.Н. Кренев, П.М. Игнатьев, А.С. Левиков. Нижний ряд (слева направо): Н.М. Федоров, М.Н. Кунцевич, Н.Я. Алексеев, В.Г. Филиппов, Л.К. Петровский. 1915 (?) год

В Сыскную Петровский поступил 25 августа 1887 года{475} (ещё при Путилине!) писарем, 15 марта 1890 года{476} перешел в агенты (напомним, что писцы и агенты в штате не стояли, а были вольнонаемными сотрудниками). 20 января 1891 года его против тогдашних правил[201] приняли в штат на должность полицейского надзирателя.

Дело № 34. А.Е. Зарин «Рассказы агентов сыскной полиции»

Агенты и надзиратели выполняли всю черновую работу в Сыскной – проводили опросы и обыски, сидели в засадах, рискуя жизнью, участвовали в задержаниях. Однако никто из них не написал воспоминаний, и об их трудной работе мы знаем очень мало, только из мемуаров И.Д. Путилина и А.Ф. Кошко.

Однако в 1903 году в журнале «Огонёк» были опубликованы три рассказа, записанных А.Е. Зариным со слов агентов Сыскной полиции. Об одном из них, «Темное дело», и об установлении имени автора – А.Е. Зарина – мы рассказали в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден

Ещё несколько слов о его книге «Кровавые летописи Петербурга». Уже говорилось, что она изобилует ошибками: в датировке создания фотоателье, в инициалах и последовательности лиц, занимавших пост начальника СПбСП – «Путилина сменил А.И. Иванов, Иванова – И.С. Вощинин, затем Л.А. Шереметевский, после него М.Ф. Чулицкий и, наконец, В.Г. Филиппов»{477}. К сожалению, данные ошибки цитируются в научной литературе. Поэтому обращаем внимание читателей и исследователей, что использовать книгу А.Е. Зарина в качестве исторического источника надо предельно осторожно, в ней много и других ошибок.

Вполне вероятно, что и в рассказах агентов Зарин многое напутал, приукрасил и переврал. Однако проверить их подлинность мы не можем. Леонид Константинович Петровский начинал свою розыскную деятельность агентом, а до этого успел послужить в армии унтер-офицером. Поэтому эти рассказы мы поместили в раздел, посвященный ему.

С ОПАСНОСТЬЮ ДЛЯ ЖИЗНИ

– Случалось ли вам когда-нибудь рисковать жизнью? – спросил я мелкого агента из отставных унтер-офицеров.

– То есть как это?

– Ну, при каких-нибудь арестах, – пояснил я, – не было на вас покушений? Ведь арестованный мог быть и с ножом, и с револьвером.

– И очень даже просто.

– Ну, вот с вами лично было что-нибудь такое, опасное…

– Так, то есть, что убить могли?

– Да!

Он подумал, почесал нос и ответил:

– Так, чтобы напасть на меня, не нападали, а два раза было,

что могли убить. Это точно…

– Можете рассказать? – спросил я.

– Отчего же. Видите ли, первый раз было, когда мы воровской притон накрыли…

И он рассказал:

Один мелкий воришка, обиженный, вероятно, в делёжке, пришёл к нам и указал на воровской притон, содержимый старым вором-подводчиком. Это особый тип. Подводчик бродит по городу, намечает квартиры, которые можно обворовать, и собирает все нужные сведения: кто живёт, есть ли мужчины, когда уходят хозяева, когда прислуга, есть ли у неё любовник. Словом, – всё. И когда приходит к подводчику вор за работой, тот указывает ему, где, как и что. Понятно, за процент. Так вот, на такого подводчика и указал этот вор. Расследовать дело и произвести аресты назначили меня и еще троих агентов. Мы взялись за работу. Это было за Нарвской заставой. По шоссе, почти на пустыре, стоял домик в шесть окон. В нём-то и жил подводчик с женою. У них собирались воры, шли на работу, и у них же делились награбленным. Поначалу мы ходили вокруг да около и всё высматривали. Сам был колоссальный мужчина. Прямо, можно сказать, богатырь. Сама-то тоже ражая[202] баба. Понятно, арестовать всю шайку сразу нечего было и думать. Мы и составили план: бессменно днём и ночью следить за всеми приходящими в этот дом и арестовывать их поодиночке. Для этого мы разделились на две смены: я и товарищ – от 12 дня до 12 ночи, а двое других от 12 ночи до 12 дня. Пойдут, положим, двое в домишко. Мы ждём. Посидят, выйдут. Сейчас один из нас за ними. И идёт, пока они не расстанутся. Тогда за кем-нибудь одним. Дошёл до постового городового: стой! Забирай! – и его – марш в сыскное. Работа была страх трудная. Продежурить 12 часов, да так, чтобы никто не обратил внимания, да во всякую погоду – это очень тяжело. Нарядишься мастеровым или мужичонкой прикинешься пьяным, а сам боишься – вдруг да те догадаются, – тогда капут! Затеют как бы ненароком ссору и за милую душу проломят голову. Однако делать нечего. Работаем мы так неделю, другую, и что ни день, то один или два человека, и все, оказывается, уже у нас побывавшие. Травленные! Человек 12 так переловили. Наконец видим – в домишке что-то неспокойно. Оно и понятно. Что ни день, всё людей к нему меньше идёт. Только однажды целый день мы прождали – и никого! Значит, всех переловили. Смотрим, этак часов уже в 10 выходит сам хозяин. Воротник поднял, шапку надвинул, в руке палка и зашагал. Верно, справки наводить. Мой товарищ – за ним, а я остался у домишка. Хожу и сторожу. Время идёт да идёт. Вот я

и думаю: что мне теперь сторожить? Дело, можно сказать, конченное. Пойду в дом, там одна баба. Заарестую её, дом запру и делу конец! Подумал так и прямо в дом. Вошёл в тёмные сени, взялся за дверь, а она заперта. От арестованных я уже знал сигнал и сейчас два раза кулаком ударил, подождал, и в третий. Из-за двери спрашивают: кто? Я отвечаю, как у них: отворяй, тётка! Свои. Она отперла, я и вошёл. Большая кухня с печью, большой стол, лавки и табуреты. Сама у печки лучину щепит. Стоит ко мне спиною нагнувшись, – так-то удобно, – и спрашивает:

– Григорьича не встретил? Он под якорь пошёл.

– Нет, – отвечаю я и хотел было её уже обхватить, да и споткнулся об полено!

Она тотчас обернулась – вероятно, сообразила, да как замахнётся на меня косарём.

– Вот какой ты свой!

Я вижу, тут разговаривать нечего, нагнулся, да к ней и обхватил её, а она меня косарём – р-раз по плечу! А потом косарь откинула, да меня прямо за шею и ну давить! Силища у ней, что у мужика здорового: повалить её не могу, в плече боль, дышать не в силах. “Вот, думаю, и смерть!” Изловчился в последнюю, дал ей подножку, трах! – и покатились мы оба, а через минуту она уже на мне сидела и одной рукой душит, а другой на полу косарь нащупывает. Высокая, здоровая, глаза горят, волосы из-под платка выбились. Совсем ведьма. Напрягся я со всею силою, поднялся, а она как хватит меня кулаком в лицо. Я головой в пол и чувств лишился.

Когда очнулся, она сидит связанная на лавке, а подле меня какой-то мужчина.

Оказывается, мой товарищ старика арестовал и назад вернулся. Услыхав мой крик, он и прибежал, а к нему на помощь подоспел сосед-огородник.

Не случись того, и не было бы меня в живых.

– А другой случай?

Точно так же пришли к нам с доносом. Разгульная женщина пришла и донесла, что в Петербурге объявились 5 беглых каторжников, что они занимаются грабежом и живут у одного еврея на 12-й роте.

– Давно они здесь?

– Уже неделя.

– Почему, – спрашиваем, – ты доносишь?

Она и объяснила, что из страха. Один из них был её любовником, и, когда объявился, она чуть не умерла. Теперь он держит её, и она не знает, как от него избавиться. Но теперь решила их выдать.

– Как же ты их выдашь?

– А они днём завсегда сидят в портерной на 7-й роте. Все пять и я с ними. Приходите и берите.

Начальник решил их взять назавтра и позвал нас на совещание, как их забрать? Пять каторжан, которым теперь уж ничего не страшно. Очевидно, силою их взять нельзя. Это был бы целый бой. Значит, надо взять хитростью. Мы и придумали: сперва споить их, а потом и забрать. Начальник одобрил и назначил нас пять человек, самых сильных. Я и теперь силён, а тогда ещё сильнее был.

Ну, вот… Наступило утро. Мы переоделись рабочими, взяли билетики, все как есть, и захватили с собою водки: каждый бутылки по три. Спрятали их и марш в портерную. Вошли и сразу видим нашу бабу в компании. У самой стойки за столом сидят с нею пять мужчин, прямо, можно сказать, каторжных. Рожи зверские, сами здоровые. Сидят, пьют и шумят. Мы сели напротив их, спросили дюжину пива и стали пить, намечая друг другу, кому кого обработать. На мою долю пришёлся самый ражий мужик. Порешили мы, как и что, и начали действовать. Один из нас достал водку и налил по стаканам, да нарочно сделал так, чтобы и те видели[203]. У тех на водку сразу глаза разгорелись. Один из них и говорит:

– Не угостите ли соседей, почтенные?

– Что же, – отвечаем, – у нас добра этого много. Давайте стаканы.

– Да что, – подхватил я, – давайте лучше столы сдвинем да в одной компании все!

– Чего лучше, – засмеялись те, и мы тотчас сдвинули столы. Сдвинули и начали своё дело.

Сначала они отнеслись к нам немного недоверчиво. Спрашивают, откуда мы. Ну, я и другой говорим от Сан-Галли, третий от Камюзе, а другие два за наборщиков себя выдали, и все назвались земляками, пригородными крестьянами.

– А вы кто?

Они тоже назвались рабочими и, как и мы, показали свои нумерки.

После этого мы пить начали. Каждый из нас своего спаивает. Так и льём в них. Пошло тут веселье. Запели они песни, и все каторжные. Видим мы, что они размякли, я и говорю:

– К концу водка! Знаете, что, братцы, – у меня дома к именинам четвертная припрятана. Пойдём, разопьём, а? Пётр, Степан, Саня, Микола, вы как?

– А что ж? – отвечают они. – Надо бы только и земляков захватить. Ты как?

– Да я с радостью! Как они? Пойдём, братцы?

Те тотчас согласились. Мы им ещё по стакану влили, и они целоваться стали.

– Ну, – сказал я, – расплатимся да и пойдём! Я вот с ним, – указал я на своего, – а вы каждый по приятелю берите, да на извозчиках! Ну! Адрес мой знаете?

– Ну, не валяй! – и мы гурьбой вышли из портерной. А у нас уже всё подготовлено было. Сейчас же подкатили извозчики.

– Сажайтесь, ребята! – командую я. – А я кой-чего куплю ещё!

И нарочно, для отвода глаз, повёл своего приятеля в лавки, купил колбасы, ситного, нагрузил его и сел на извозчика.

– Валяй!

Едем это мы обнявшись, песни орём. Безобразие! Городовые по дороге все знали, кто мы, и потому пропускали нас. А то бы непременно в часть потащили.

Едем мы и прямо в сыскное.

И так мой-то ослаб, что не разобрал, куда я и веду его. Так с колбасой и ситником и пришёл. Только когда его взяли, тогда лишь опомнился и сразу отрезвел. Так и затрясся весь.

– Ну, – говорит, – счастливый твой Бог, что я не смекнул: не быть бы тебе живым! – и с этими словами из-за голенища нож вынул.

Да, чуть бы догадался он, и был бы мне конец…

– А остальные?

– Одного тоже в сыскное доставили прямо, а остальных по дороге арестовывали. Доедут до участка, крикнут дворников и – готово!..

Спустя полгода судили моего и присудили к 50 плетям и лишним 5 годам. А затем его к нам послали для измерений. Привели с конвоем, в кандалах. Он зашёл в отхожее место. Вошёл один, а конвой у дверей остался. Я ничего не знал, вошёл туда и вдруг его вижу. Он как увидит меня, да как бросится ко мне:

– Попался, – говорит, – ну и прощайся теперь с жизнью! – и меня за горло. А мы одни.

Я успел ухватить его за кандалы и дернул. Он упал. Я позвал конвойных, и они освободили меня, а его увели.

Другого бы задушил. Того, кто сноровки не знает.

– Какой сноровки?

– А с кандалами как справиться? У него цепи-то от ног к поясу идут. Если их ухватить обе да дёрнуть, так сразу под обе ноги. Ни один не устоит. Ну, а если не знать этого, так как справишься с таким чёртом?..

– Да, было! Всего было, – окончил он рассказ, – да и сейчас, разве знаешь что? Сколько за свою службу и в тюрьму, и в

Сибирь, и на Сахалин отправил народа? Разве они не помнят? Вернулся иной и только встреться с ним… Наша служба не лёгкая{478}…

ПРИЕМЫ СЫСКА

– Как добиваемся сознания? – сказал мне агент. – Да на всякий манер! Только не бьём, хотя про нас эту молву и распускают. Если иные из очень старых, так те, пожалуй, и ткнут в зубы или прикажут там на колени стать. Только упаси Бог, если начальство узнает! Прямо вон прогонит! Да и толку в этом бое нет. Обозлится – замолчит, а иной так и сдачи даст. Ведь с ним – глаз на глаз, и ему рисковать совсем нечем…

Совестим, улещаем смягчением наказания, обманываем… Да вот, например. Один парень, зная, что у его любовницы есть рублей 20 денег, завёл её на Смоленское поле, угостил водкой, а потом задушил ремнём и ограбил. Нашли тело, видели, что с этой женщиной этот парень ходил, знали, что он любовник её. Ну и арестовали. Спрашивали его, спрашивали, а он запёрся и хоть бы что. С утра до вечера с ним мучились; наконец велели отправить в часть. А у нас все такие в арестном доме при Спасской части сидят, и их оттуда к нам приводят. Я в ту пору дежурным был. Привели его ко мне, чтобы я его переправил, и сидит он у меня в комнате. Только вдруг в телефон позвонили. Он так и вздрогнул и глаза выпучил. Мне и пришла мысль.

Поговорил я по телефону, а потом обращаюсь к нему и спрашиваю:

– Знаешь ты, что это за инструмент?

Он покачал головой.

– Откуда мне знать? Штука диковинная. Сама звонит.

– А это, – говорю, – такая штука, что нам помогает. Видишь эту трубку? – и указываю ему на слуховую трубку. Он кивнул.

– Вот если я её к твоей голове приставлю, а сам смотреть сюда буду, – указал ему на кружочек, куда говорят, – так здесь все, что ты сделал, как на картинке будет. Положим, ты убил Акулину… – смотрю, он побледнел весь, а я продолжаю:

– Сейчас это всё видно будет! Подойди сюда! – сказал я.

Он встал и весь дрожит.

– Иди, иди!

Он подошел. Я приложил ему трубку к уху и говорю:

– Не веришь? Смотри сюда. Видишь!

Не знаю, увидел ли он что; только вдруг бросил трубку и прерывающимся голосом забормотал:

– Чего уж тут… вестимо… грешен… моё дело.

И рассказал всё…

А то в другой раз. Сообщают по телефону, что у одного домовладельца старший дворник относил в банк 4000 рублей и потерял. Меня вдруг взяло сомнение. Я к начальнику: так и так; позвольте попытать, правду узнать.

– Что ж вы думаете, дворник украл деньги?

– Сейчас не знаю, а кажется.

– Что же, попробуйте!

Я сейчас по телефону приказал доставить дворника ко мне.

Доставили. Чисто одетый, степенный такой…

Ну, как и что?

– Потерял, – говорит и всё…

Я дежурным был. Всё равно всю ночь сидеть. Я сижу и его держу. Нет-нет да и переспрошу: как и что. Он всё своё. А у нас от практики прямо чутьё развивается. Чувствую я, что он украл деньги, а поймать не могу. Я его в часть и подсадку сделал… И там не проговорился. Неделю я его держал, наконец, начальник приказал мне его выпустить. Такая досада!

Я это в последний раз вызвал его, заложил руки назад, будто держу что, да и говорю ему, смеясь:

– Ну, и теперь запираться будешь? Думал, не найду!

Он встряхнул головой и отвечает со вздохом:

– Нет, я уж знал, что доищетесь!

– Ну то-то! – сказал я и заговорил с ним другим тоном: – Теперь ты уже своё дело поправляй! Я опять спрячу деньги, а ты будто сам сознайся и укажи, где их спрятал. Мы с тобой пойдём, возьмём околоточного, и ты сам достань их! Тогда тебе и наказание будет пустое, и хозяин, пожалуй, простит…

Он и согласился.

Я часа два продержал его, будто деньги отвозил, а потом к нему.

– Ну едем! – говорю.

– В банк-то?

Я сразу сообразил.

– Понятно, туда сначала!

Привёз его туда. Он провёл меня в ватерклозет, отодвинул фанеру у обшивки и вынул деньги…

А битьём что бы сделали?

– Ну, а ещё какие приёмы у вас?

– Какие же ещё. Дослеживаем. Иногда сами, иногда через других… Подсадку делаем…

– Это что?

– А в одну с ним камеру своего наёмного сажаем. Тот, что надо, и выспросит. Со своим-то человеком ему легче говорить, ну да и водкой угостит, и папиросой. Это мы уж от себя, за свои

деньги делаем… Ещё нам много те же воры помогают. Всех их знаешь. Иному, идёшь по улице, 10 коп. на водку дашь, иному на ночлег. Если что надо, позовёшь и скажешь: вот, дескать, такая-то кража. Не знаешь ли, кто сработал? Дашь рубль, он и ищет. Найдёт – ещё дашь. А если бы одному, – так невозможно!

– Ну а переодеваться вам случается часто?

Агент улыбнулся и махнул рукой.

– Это на манер Лекока? Нет! Очень редко. Разве иной раз костюм переменишь, чтобы, например, за мастерового приняли или за ночлежника, а чтобы лицо изменять – никогда… Да это и не нужно. Чтобы доследить кого, всегда человека наймёшь…

– Кто же эти люди?

Он усмехнулся.

– За деньги всё найдешь. И прислуга, и дворник, и швейцар, и писец из министерства, и так… человек без занятий… При нашем деле много людей надобно. А вся ответственность – на нас. Мы всё дело ведём и сами людей выбираем себе в помощь{479}.

Первые годы службы Петровского то награждали за успехи в розысках, то наказывали за буйный нрав и нарушения законодательства: 18 апреля 1891 года Петровский, арестовывая в чайной воришку, принялся так сильно его лупцевать, что за задерживаемого вступились посетители. Началась драка, участников которой доставили в участок. Показательно, что наказали не вступившихся за вора солдат, а самого Петровского – ему пришлось пять суток провести под арестом в Василеостровской части{480}. Вскоре после отбытия наказания начальство приказало Леониду Константиновичу арестовать некоего преступника, проживавшего в одной из столичных гостиниц. Однако Петровский, не застав злоумышленника в номере и не желая тратить время на засаду, перепоручил арест швейцару заведения. Тот мазурика успешно задержал и отправил в ближайший полицейский участок под конвоем дворника. Но на резонный вопрос дежурного околоточного «за что задержан человек?» дворник ответить не смог, так как швейцар не удосужился сообщить ему суть дела. Ловкий преступник этим воспользовался – наврал полицейскому, что повздорил со швейцаром и тот, превысив полномочия, отправил его в участок. Мазурик был отпущен, его потом так и не поймали. Петровский получил выговор за небрежное отношение к своим обязанностям{481}. 31 марта 1894 года он избил на улице проститутку Зайцеву, за что был подвергнут пятисуточному аресту (градоначальник не стал его увольнять, так как проститутка к Леониду Константиновичу претензий не имела и

просила строго не наказывать, поскольку с ним сожительствовала{482}).

С возрастом Леонид Константинович взялся за ум, научился не распускать руки в людных местах, а к поручениям относиться ответственно. Начальник Сыскной полиции Л.А. Шереметевский в 1898 году на запрос ярославского губернатора сообщил, что Петровский «старательный к сыскной части, поведения и нравственности безукоризненной»{483}. Запрос был связан с тем, что в Ярославле создавали внештатное Сыскное отделение, и Петровскому (он уже имел первый классный чин коллежского регистратора и был кавалером медали «За усердие» на Аннинской ленте) поручили его возглавить. Там в 1902 году он был тяжело ранен при задержании преступника (от последствия этого ранения не избавился до конца жизни – мог ходить, только опираясь на трость), получил орден св. Станислава 3-й степени и в чине губернского секретаря вернулся в Петербург, в родную Сыскную полицию на должность чиновника для поручений{484}.

В 1904 году он был назначен начальником Летучего отряда, о котором подробнее можно прочесть в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

Вот что писал о Л.К. Петровском современник:

> *«Чуждый искания популярности, он все же был известен далеко за пределами Петрограда. Побывавшие в его руках гастролёры, старые рецидивисты, бывалые каторжане – так называемая “головка шатии” – разнесли о нём славу по всем темным местам и острогам великой земли русской. Знают его гешефтмахеры и за границей.*
>
> *Гроза воров, Л.К. Петровский был по-своему ими уважаем. Его имя в тёмной среде окружено легендами.*
>
> *Старое, бывалое жульё знало, что у него на “куклим”*[204] *не пройдешь, “пушки с казенной части не зарядишь”*[205] *да и “винта” все равно “не нарежешь”*[206]*. Верили также, что зря “сушить”*[207] *Петровский не будет, и если летучка “замела”, то “пришьют” к делу крепко.*
>
> *И они были правы. Феноменальная память Леонида Константиновича давала ему возможность почти безошибочно сразу же узнавать приведенного к нему в кабинет упорно скрывающего своё имя рецидивиста, если он хоть один раз был в переплёте у летучки.*
>
> *Помогало Л.К. Петровскому быть постоянно в курсе дела и то, что он не знал праздников и льготных дней. Только тяжелый недуг, связанный с полученной при*

задержании каторжника в Ярославле контузией в голову, свалил его на несколько дней в кровать. Остальные же дни он пунктуально с 9 часов утра был уже при исполнении служебных обязанностей.

Работа летучего отряда Л.К. Петровским была распределена так, что преступный элемент столицы не оставался без наблюдения со стороны сыскной полиции.

Десятый час утра. Леонид Константинович с палкой-костылём в руке уже сидит в своём полном людей кабинете на Офицерской. До четырех часов вечера перед его столом, как в калейдоскопе, проходит всё жульё, которое летучка захватила за ночь. Кого-кого тут только нет. Грек из Одессы, еврей из Варшавы, юный корнет – самозваный герой и седой "генерал" из породы Дю-лю[208]*. Вот приблизительный контингент утренних визитеров, поздравителей с добрым утром Леонида Константиновича»*{485}.

Дело № 35. Задержание рецидивиста Льва Васильева

21-го сентября 1906 года в половине двенадцатого дня действительный статский советник Гноинский, вернувшись в свою квартиру в доме 15 по Литейному проспекту, застал там двух непрошеных гостей, один из которых набросился на хозяина, схватил его за горло и, повалив на пол, стал душить, нанося при этом удары по голове каким-то тяжёлым предметом. Обчистив карманы Гноинского, забрав бумажник и золотые часы, злоумышленники скрылись.

«По объяснению г. Гноинского, вора, душившего его и нанесшего поранения, он хорошо заметил, это был молодой человек выше среднего роста, блондин, с коротко остриженными волосами, без всякой растительности на лице, одет довольно прилично, имел интеллигентный вид и говорил баритоном; второго же преступника он точно описать не мог, так как видел его в спину»{486}.

Прибывшим чинам Сыскной полиции Гноинский сообщил, что хорошо запомнил одного из грабителей. Указанные потерпевшим приметы идеально подходили к недавно бежавшему из Дома Предварительного Заключения известному вору Льву Васильеву, фотографическая карточка которого и была предъявлена действительному статскому советнику, и тот уверенно опознал в ней напавшего на него мужчину.

После ограбления Гноинского по столице прокатилась волна однотипных квартирных краж, совершаемых в богатых домах с

использованием отмычек. В их совершении Сыскная подозревала Васильева, но найти его не могла почти месяц. Лишь в середине октября сыщики получили сведения, что Васильева несколько раз видели на Невском проспекте возле памятника Екатерине II. Начиная с 16 октября там под руководством начальника Летучего отряда Петровского было организовано круглосуточное наблюдение, и 19 октября около четырех часов дня Васильев был задержан. Выяснилось, что он проживал по подложному паспорту в близлежащей гостинице «Дагмара» (адрес – Садовая, дом 9{487}). У него в номере были обнаружены вещи и ценности, украденные за последний месяц из петербургских квартир, и набор отмычек. Васильев в кражах сознался. Петровский удостоился от градоначальника Владимира Федоровича фон дер Лауница (1855–1906) благодарности в приказе{488}.

В СПбСП Леонид Константинович прослужил до января 1917 года и был уволен на пенсию по болезни в чине надворного советника.

Однако после Февральской революции вернулся в сыск – его имя фигурирует в «Ведомости о количестве содержания, причитающегося классным чинам и Субинспекторам Управления Петроградской Уголовной Милиции за июнь месяц 1917 года»{489}.

После Октябрьской революции Леонид Константинович эмигрировал в Финляндию, живет в поселке Келломяки (его дом находился на углу нынешних Курортной улицы и Лесного проспекта в Комарово) и возглавил там местное отделение антибольшевистской организации «Братство Русской правды»{490}. По данным исследователя этой организации П.Н. Базанова, Петровский скончался в 1941 году. Однако ссылок на источник этих сведений он не приводит.

6.3.4. Карл Петрович Маршалк (15.01.1871{491} –19.07.1936{492})

Помощник начальника СПбСП с 11.05 1908 по 28.06.1914.

Родился в Екабпилсе в семье немцев-крестьян лютеранского вероисповедания. После учебы выдержал испытания на вольноопределяющегося второго разряда и 16 марта 1891 года поступил по вольному найму писцом в Митавский (Курляндская губерния) Окружной суд. 16 февраля 1895 года начал службу в полиции столоначальником 2 стола Митавского (Курляндской губернии) городского полицейского управления. Чина тогда не имел. 21 мая 1898 года курляндский губернатор назначил Маршалка митавским городским приставом.

Рис. 90. Помощник начальника Сыскной полиции Карл Петрович Маршалк. 1912 год

16 января 1900 года Маршалка назначили младшим помощником Митавско-Баускавского уездного начальника[209] Курляндской губернии по 3-му участку (Гросс-Экау)[493]. Первый классный чин – коллежского регистратора – Карл Петрович получил в 1901 году.

В конце 1904-го или в начале 1905 года Маршалка назначили исправлять должность Опочецкого уездного исправника Псковской губернии.

После событий января 1905 года псковские правоохранители «придумали» ряд мер против «революционно настроенных элементов».

> *«Псковский полицмейстер выступил с инициативой создания “общественных отрядов”, которые могли бы быть привлечены для охраны порядка. После согласия губернатора два таких отряда по 30 человек были организованы. Основной их силой были мелкие лавочники и представители городской бедноты, записавшиеся в отряды, видимо, из-за финансовых соображений – за участие в охране порядка члену отряда выплачивались деньги. Сборы отрядов проводились накануне возможных демонстраций, помощник полицмейстера [Дмитрий Семёнович] Иеропольский и частные приставы в ходе инструкции наставляли участников о том, как следует вести себя с демонстрантами»*[494].

7 февраля 1905 г. в городе состоялась манифестация гимназистов и другой учащейся молодёжи, носившая, по словам очевидцев, исключительно мирный характер. Однако это шествие было безжалостно разогнано полицией и членами «общественных отрядов». *«На них [демонстрантов] набросилась свора городовых, переодетых пожарных и хулиганов с частными приставами во главе. Замелькали в воздухе шашки, кулаки, и началась дикая расправа над юношами и даже детьми: били всех, кто был в ученической форме. Набрасывались и зверски насильничали даже над теми, кто не принимал ни малейшего участия в шествии молодёжи»*[495]. Избиения не прекратились и после разгона демонстрации – гимназистов, студентов да и вообще молодых людей тогдашние «титушки» ловили на улицах города и избивали палками, кнутами и кастетами в течение всего дня. Пострадало около 50 человек[496].

Эти события имели большой общественный резонанс и даже получили название «псковского кровавого воскресенья». Полицмейстер Н.В. Калайда вынужден был подать в отставку, и на его место назначили губернского секретаря[497] Карла Маршалка[498]. Однако тот гуманизмом тоже «не страдал» и боролся с врагами самодержавия не менее беспощадно, чем его предшественник.

> *«В конце 1907 г. Псков был переполнен административно-ссыльными. Колония их особенно заметно возросла, когда из Прибалтики в конце того же года прибыла новая партия в 200 человек. Положение*

ссыльных было очень тяжелое, так как найти заработок для политического представлялось невозможным.

Большинство ютилось в привокзальных слободах, а часть – в пригородных деревнях. В результате – голод и нужда толкали измучившихся людей на совершение актов, будораживших мещански настроенных обывателей. Так, в Алексеевской слободе был обезоружен городовой, у почталиона Эмбришки была отобрана сумка с деньгами, а из лавки Богомолова – масло, сахар и чай.

Производились вооруженные нападения на наиболее крупные монастыри, кольцом окружавшие Псков: Святогорский, Печерский, Крыпецкий, Никандров, Снетогорский и др. Насколько велико было паническое настроение "святых отцов", об этом свидетельствует тот факт, что монахи Печерского монастыря от страха заболели медвежьей болезнью и провели по кельям телефоны на случай тревоги. А монахи Никандровой пустыни основательно вооружились и дважды при помощи огнестрельного оружия отражали нападения на монастырь.

Самым крупным было нападение на Крыпецкий монастырь около Торошино, в 28 верстах от Пскова. В нем принимало участие около 30 человек.

Все участники получили предложение явиться 10 ноября 1907 года рано утром в назначенное место, недалеко от Березки, к так называемому "колену".

Проводником был взят проживавший во Пскове Чумаков – уроженец дер. Иванщино, близ Крыпецкого монастыря, которому тут объявили приказ вести на Крыпец. Ранее, бывало, Чумаков много рассказывал этим изголодавшимся людям о богатствах Крыпца. Шли группами в 5–6 человек, сохраняя строгую конспиративность в отношении числа участников и цели похода. Когда подошли к монастырю, то было уже поздно, и ворота оказались уже запертыми. Двое товарищей быстро переоделись в странников и, оставив остальных под покровом ночи, стали просить привратника о предоставлении ночлега. Проникнув за ворота, они заявили монаху, что он арестован, и приказали вести их к настоятелю. Через несколько минут ключи от монастыря были в руках нападающих, а привратник и настоятель заперты в одну из келий.

Но воспользоваться богатствами монастыря не удалось, так как один из монахов случайно видел

привратника в сопровождении двух вооружённых револьверами людей и немедленно забил тревогу. У монахов оказалось оружие, и они встретили нападавших, ворвавшихся в монастырь уже всей массой, револьверными выстрелами. На зов набата прискакал отряд стражников и начал теснить нападавших. В перестрелке было убито 5 монахов и 1 стражник, 2 тяжело ранено, а со стороны нападавших погиб один, Петр Захарко. Из боязни, чтобы убитого не опознали, товарищи, насыпав ему в рот пороха, взорвали Захарко. Другой из нападавших, во время преследования их стражниками, был взорван собственной бомбой громадной силы.

Хотя никто из нападавших не был пойман на месте, но у полиции возникло подозрение на административно-ссыльных, и за некоторыми из них был установлен усиленный надзор. 12-го ноября в полицию явился один из административно-ссыльных и заявил, что он нечаянно раздробил себе ногу выстрелом из револьвера. При дальнейших расспросах он давал сбивчивые показания, вследствие чего за ним и его товарищами, проживающими в Пометкиной слободе, было установлено наблюдение. После же поимки одной из участниц, гражданки Друдзе, с которой, говорят, удалось договориться полицмейстеру Маршалку, точный список участников оказался в руках полиции, и последняя приступила к арестам. Полиции стало известно, что в Любятове, в доме Степаниды Михайловой, была явочная квартира некоторых административно-ссыльных. Псковский полицмейстер Маршалк с отрядом стражников нагрянул ночью 19-го ноября на выслеженный дом и застал там Каптейна, Гинценберга, Випуса, Северина и пятого, который при попытке к бегству был убит наповал выстрелом полицмейстера. Преследовать Каптейна бросился конный стражник, которому удалось догнать бежавшего лишь около Дмитриевского кладбища.

В явочной квартире полицией был обнаружен небольшой склад оружия.

В тот же день утром на Варшавском вокзале, перед отходом поезда, агенты тайной полиции попытались арестовать ещё нескольких из участников нападения. Те открыли стрельбу, ранили городового и, бросившись к Алексеевской слободе, заперлись в одном из домов. Во время нового столкновения с полицией был убит ещё городовой и один из революционеров. Остальным удалось

выскользнуть и засесть в доме Эглита, рядом с Алексеевским кладбищем.

Против них повели осаду 2 роты солдат и усиленные наряды полиции. Осаждёнными здесь были убиты урядник, дворник и сторож Алексеевской церкви, который пытался при помощи зажжённой пакли удушить осаждённых. Городовые облили дом керосином и подожгли его[210]*. Когда дом рухнул, то оказалось, что один из революционеров был мёртв, а другой, полуобгоревший, силился бежать, но скоро упал, поражённый пулей. С большой вероятностью можно утверждать, что из трёх убитых один был Угур, другой – Клявокант. Фамилии третьего нам не удалось установить.*

28-го декабря в саду дома сапожника Писарева, по Старо-Новгородской улице, был обнаружен в земле склад бомб, револьверов и динамита, принадлежавший участникам нападения на Крыпецкий монастырь. Тогда же был арестован помощник писаря Псковоградского волостного правления, Кукин, предоставивший арестованным в доме Степаниды Михайловой паспортные бланки.

В продолжение года все арестованные содержались под следствием в двух псковских тюрьмах и 15–18 декабря 1908 года были преданы военному суду.

Судились в офицерском собрании Иркутского полка, под председательством генерала [Петра Дмитриевича] Никифорова, который любил говорить, что он ездит только со смертными приговорами. И, действительно, Абель был приговорён к смертной казни через повешение, Северик и Каптейн к 20 годам, Гинценберг, Випус и Каукуль – к 13 годам, а Писарев – к 10 годам 4 мес. каторжных работ. Других присудили к меньшим срокам наказания»{499}.

Власть отметила усердие К.П. Маршалка. В декабре 1905 года за служебные отличия его наградили орденом св. Анны 3-й степени, а 22 сентября 1908 года, в то время, когда Карл Петрович уже служил в Петербурге, он был награждён орденом св. Владимира 4-й степени «за исполнение поручения начальства, сопряжённого с явной опасностью жизни».

Рис. 91. Е.Ф. Мищук, К.П. Маршалк, В.Г. Филиппов (слева направо). 1910 или 1911 год

На должности псковского полицмейстера он служил до мая 1908 года, когда в связи с переводом А.Ф. Кошко в Москву его, уже в чине коллежского секретаря, назначили помощником начальника СПбСП. На этом поприще Маршалк также проявил себя с самой лучшей стороны, участвовал в раскрытии «резонансных» дел. И за участие в раскрытии дела Гилевича (см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден) Высочайшим приказом № 26 от 6 мая 1910 года Маршалк был произведен в титулярные советники со старшинством с 16 марта 1908 года.

Дело № 36. Убийство Марианны Тиме

(по материалам газет и журналов за 1913 год)

Марианне Людвиговне Тиме было сорок, её мужу Казимиру Юлианновичу – тридцать четыре. Они снимали 4-комнатную квартиру в доме 12 по Кирочной улице. Муж служил инспектором в Обществе международных спальных вагонов и постоянно находился в разъездах. Ходили слухи, что Марианна – высокая, стройная, эффектная – была ему не верна.

Вечером 10 января 1913 года госпожа Тиме отправилась в кинематограф «Кристалл-Палас» и вернулась домой в сопровождении импозантного блондина лет 25, одетого в пальто с котиковым воротником и котиковую же шапку. Роста блондин был среднего, носил небольшие усы. Но их пикантным планам не суждено было сбыться – домой, неожиданно для супруги,

вернулся Казимир Тиме. И посетителю, который представился незадачливому супругу Полем Жераром (и вручил визитную карточку), пришлось ретироваться.

На следующий день Казимир уехал в командировку, а Жерар снова посетил Марианну. На этот раз в компании с приятелем, юношей 20 лет, шатеном без усов и бороды, ростом повыше «француза». Одет молодой человек был в осеннее пальто с бархатным воротником, на голове его красовался модный котелок. Посетители пробыли у Тиме около часа, а потом вместе с ней ушли. Однако Марианна с Жераром вскоре вернулись. Блондин заночевал на Кирочной и покинул квартиру только в 9 часов утра. А в полдень вернулся, снова с тем же приятелем. Для М.Л. Тиме визит молодых людей неожиданностью не стал: она заранее сообщила о нём своей прислуге Анне Мустайкис, велев той одеться понарядней. После того как горничная впустила гостей в квартиру, хозяйка приказала ей удалиться в кухню и заняться там глаженьем, а в комнаты не входить, пока её не потребуют.

Во втором часу дня в кухне раздался звонок с парадной лестницы. Поспешив в переднюю и найдя, к своему изумлению, входную дверь открытой, Мустайкис, решив, что её зовет госпожа, вошла в гостиную, где увидела её, лежащую на полу. Барыня страшно хрипела, голова её была накрыта двумя подушками, возле которых в луже крови валялись топор и кистень. Мустайкис с громкими криками выбежала на парадную лестницу. Услышав её зов о помощи, швейцар дома Василий Матвеев бросился на улицу в надежде догнать посетителей Тиме, которых он буквально за несколько минут до этого выпустил из дома. Однако гости Марианны Людвиговны уже успели скрыться. Поднятая тревога собрала в квартиру Тиме соседей, среди которых был доктор Давид Фридман, оказавший раненой первую медицинскую помощь. Но потерпевшая была настолько слаба, что не смогла ответить ни на один вопрос. По распоряжению явившихся на место преступления чинов полиции раненая была отправлена в Мариинскую больницу, где в тот же день скончалась, не приходя в сознание.

1) Убитая г-жа Тиме. 2) Гостиная, гдѣ совершено убійство. У дивана — упавшая подушка съ кровавыми пятнами и брошенными орудіями преступленія. Черное пятно, ближе къ первому плану, — лужа крови. Сѣвъ, у столика, — подушка, принесенная изъ спальной. **3) Топорикъ, которымъ Долматовъ зарубилъ Тиме.** Видны слѣды крови и прилипшіе волосы. **4) Второе орудіе — «кистень».** Часть чехла сѣвъла и видна пружина. Тутъ же лежитъ наконечникъ кистеня.

Это преступленіе въ Петербургѣ надѣлало очень много шума и въ недалекомъ будущемъ предстоитъ громкій «сенсаціонный» процессъ. Убійцами Тиме—женщины, принадлежавшей къ «веселящемуся Петербургу», являются двое молодыхъ людей, бар. Гейсмаръ и Долматовъ, родственники между собою, оба изъ хорошихъ семей, оба—получившіе образованіе въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, оба служившіе на казенной службѣ: Долматовъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Гейсмаръ—въ государственномъ банкѣ. Оба легкомысленно прожигали жизнь и не стѣснялись въ выборѣ средствъ на кутежи и развлеченія. Долматовъ давно уже былъ занесенъ въ списки сыскной полиціи, какъ «альфонсирующій жуиръ». Съ Тиме онъ познакомился просто на улицѣ, счелъ за богатую женщину, и, задумавъ поживиться на ея счетъ, притворился влюбленнымъ, сблизился съ нею и, не удовлетворяясь небольшими подачками, звѣрски убилъ ее на утро послѣ ночи, проведенной въ ея квартирѣ. Гейсмаръ помогалъ ему. Сыскная полиція въ лицѣ начальника ея В. Г. Филиппова и помощника его К. П. Маршалка, блестяще и съ большимъ тактомъ выполнила свою задачу, раскрывъ это хорошо запутанное преступленіе. Убійцы воспользовались только однимъ кодьцомъ Тиме, проданнымъ за 140 р., да наличными забрали около ста. На допросѣ они держали себя цинично и, не пугаясь совершеннаго злодѣянія, жалѣли только, что «вся эта грязь попадетъ въ газеты».

Рис. 92. Портрет убитой Марианны Тиме, фотографии орудия убийства и места преступления (Огонек. 1913. № 7)

Мотив преступления до поры до времени оставался сыщикам неизвестен – сын Марианны Людвиговны[211] и срочно вернувшийся из командировки муж заявили, что ценности из квартиры не украдены.

Сыскной полиции удалось выяснить, что накануне гибели Марианна Тиме вместе с похожими на описание её убийц молодыми людьми посещала ресторан «Вена»[212]. Там сообщили, что последние две недели спутники госпожи Тиме бывали там ежедневно. Отобедали они в «Вене» и после убийства. Однако их имен и фамилий официанты не знали.

Рис. 93. Зал ресторана «Вена»

16 января после судебно-медицинского вскрытия гроб с телом Марианны Тиме привезли в костел св. Екатерины[213]. Туда для прощания прибыли родственники. Однако вслед за ними явился вахтер Мариинской больницы и заявил, что, по распоряжению судебных властей, тело придется вернуть обратно – служитель покойницкой, заметив, что на левой руке Тиме один из пальцев распух и посинел, сообщил об этом в полицию, и сыщики решили ещё раз осмотреть труп.

Казимир Тиме позвонил им по телефону, выразил свое возмущение. И властям пришлось проводить осмотр прямо в костеле в присутствии мужа. Палец на левой руке действительно оказался распухшим. А Казимир Тиме припомнил, что на этом пальце жена всегда носила дорогое с бриллиантами кольцо, которое теперь исчезло. Мотив убийства стал очевиден – ограбление.

Приметы кольца сообщили столичным ювелирам, и один из них – Лев Матвеевич (Лейба Моисеевич) Фролов, державший лавку в доме № 20 по Троицкой улице, – вскоре принёс его в Сыскную полицию. Приобрел он его 12 января (в день убийства) у молодого человека лет 25, блондина, одетого в пальто с котиковым воротником и котиковую шапку. Продавец назвался Вильгельмом Оскаровичем Яновским, представителем «Товарищества Рябовской мануфактуры бумажных изделий» в Бухаре и в подтверждение своей личности предъявил визитную

карточку. По требованию Фролова он выдал расписку, что кольцо принадлежит ему. По телеграфу чиновники Сыскной выяснили, что Вильгельм Оскарович Яновский действительно существует, однако безвыездно проживает в Новой Бухаре. А свою визитную карточку, как всякий торговец, дает всем подряд.

У сыщиков теперь имелся образец почерка одного из убийц. Но где их искать, они не знали. Сыскная полиция вела розыски в самых различных направлениях, выяснила все знакомства покойной Тиме, проверяла списки выбывших в день преступления из Петербурга. Агенты дежурили на вокзалах, проверяли злачные места. Несколько человек, подходивших под приметы, были задержаны. Но всех их пришлось отпустить.

Исход дела решила случайность. В Петербург был вызван на допрос брат мужа погибшей Марианны Тиме, Владимир (всего за час до прихода преступников он к ней заезжал на Кирочную, но горничная по распоряжению хозяйки сообщила ему, что её нет дома, в тот же день он уехал во Владикавказ). По дороге в столицу Владимир внимательно изучал газеты, которые, подробно рассказывая о ходе расследования, сообщали приметы преступников. И припомнил, что похожего «блондина» он видел вместе с Марианной Тиме 5 или 6 января на скетинг-ринке на Марсовом поле.

Катание на роликовых (тогда их называли колёсными) коньках было самым модным развлечением перед Первой мировой войной. Площадки для этой забавы назывались скетинг-ринками (или роллер-ринками).

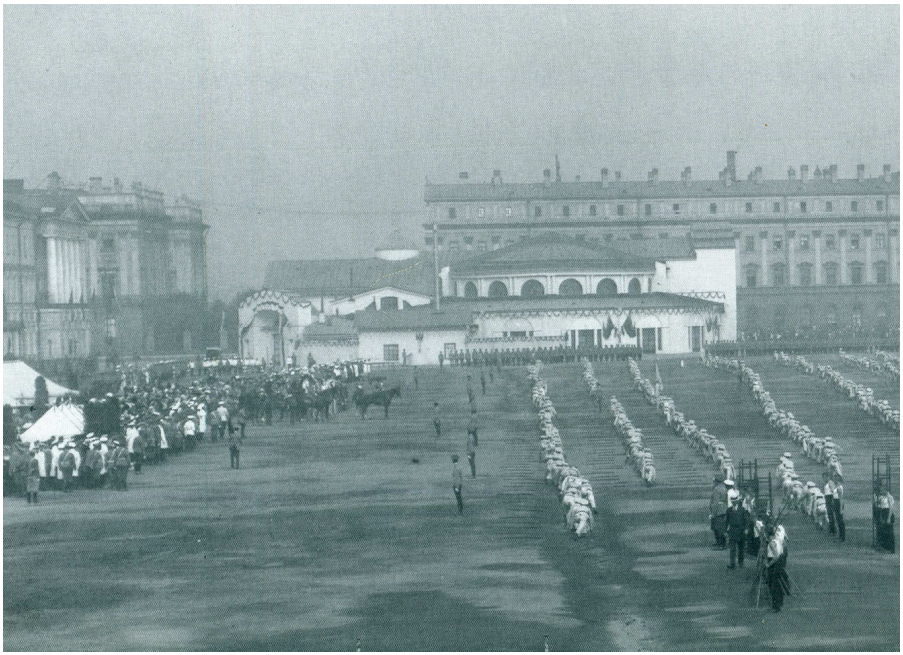


Рис. 94. Скетинг-ринк на Марсовом поле (белое здание на заднем плане). Август 1912 г. Фото К.К. Буллы

„Бѣлый балъ“ въ скэтингъ-ринкѣ на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ.

Со снимка для «Огонька» К. К. Булла.

Шествіе «вѣстника мира».

Хотя ученые догматики и утверждаютъ, что понятіе «бѣлаго цвѣта», какъ и чернаго, исключаетъ всякую возможность оттѣнковъ, но умѣющія одѣваться дамы прекрасно знаютъ, что это неправда. Большой благотворительный балъ 15-го февраля на популярномъ въ Петербургѣ скэтингѣ, смѣясь надъ догмою, сверкалъ тысячами ижицайшихъ переливовъ бѣлаго цвѣта. Среди цѣлой оранжереи бѣлыхъ цвѣтовъ, по стеклу паркета съ нарисованными бѣлыми линіями скользили изящныя фигуры костюмированныхъ дамъ и ихъ ловкихъ кавалеровъ. Молочно-бѣлые шары заливали оживленныя группы розовымъ, мягкимъ свѣтомъ.

Балъ открылся «шествіемъ вѣстника мира» —доброе пожеланіе въ наши дни... Словно подчеркивая мирныя тенденціи бала, бѣлый полярный медвѣдь танцовалъ съ хорошенькою Весною, а черногорецъ... съ турчанкою!

Рис. 95. «Белый бал» в скетинг-ринке на Марсовом поле, фотография из журнала «Огонёк» № 8 за 1913 год

На допросе у чиновника Сыскной полиции Мечислава Кунцевича (именно он занимался знакомцами, прислугой и

родственниками жертвы) Владимир Тиме сообщил о своих подозрениях. Сыщики посетили скетинг-ринк. Его служащие узнали по приметам «блондина Жерара» и назвали полицейским его имя – Александр Долматов. Оказалось, что тот числится в списке лиц, покинувших столицу 12 января. Копнули глубже… Выяснили, что потомственный дипломат Долматов службой в МИДе манкировал, вел разгульный образ жизни, наделал множество долгов. И не только в Петербурге, но и в Париже и в Вене, откуда вернулся чуть больше месяца назад, 17 декабря 1912 года. Тогда же он был уволен из Министерства иностранных дел за опоздание из отпуска.

Чиновники Сыскной навестили его отца – действительного статского советника Александра Александровича Долматова-старшего. Тот предоставил им фотопортрет сына и образец его почерка. Почерк Долматова-младшего совпал с почерком в расписке, выданной ювелиру Фролову, а его фотопортрет опознала и прислуга Тиме, и официанты ресторана «Вена». Последние сомнения в виновности несостоявшегося дипломата отпали.

Был установлен и приятель-подельник Долматова – его кузен, барон Владимир Гейсмар, такой же мот и кутила. Друзья покуражились в Париже и в Вене, а вернувшись, вместе поселились в гостинице «Франция» на Большой Морской, дом шесть. Съехали оттуда вечером 12 января, задолжав 195 рублей.

Убійца Тиме—Долматовъ.

Со снимка, любезно доставленнаго «Огоньку».

Въ Петербургѣ нѣтъ фотографій этого злодѣя, такъ отвратительно убившаго г-жу Тиме. Мы помѣщаемъ любительскій снимокъ, сдѣланный въ Павловскѣ «на музыкѣ».

Рис. 96. Убийца Марианны Тиме – Александр Долматов, фотография из журнала «Огонёк» № 9 за 1913 год

Рис. 97. Гостиница «Франция». Большая Морская, 6. 1906 год

Из рапорта начальника Сыскной полиции В.Г. Филиппова градоначальнику:

«Все собранные данные привели меня к убеждению, что убийство Тиме совершено Долматовым и бароном Гейсмаром, для ареста которых мною немедленно были командированы в гор. Псков по месту жительства баронессы Гейсмар мой помощник коллежский асессор Маршалк и полицейские надзиратели Игнатьев[214] и Пиотровский[215], причем им было поручено действовать при задержании осторожно, так как могло быть оказано вооружённое сопротивление, или, в крайнем случае, убийцы могли покончить самоубийством.

Прибыв в Псков ночью на 5 сего февраля, помощник мой Маршалк тотчас же совершенно негласно установил, что Долматов и барон Гейсмар прибыли в Псков утром 13 января, пробыли там дня четыре и затем неизвестно куда выбыли. Утром 5-го февраля посредством третьих лиц было выяснено, что баронесса Гейсмар, мать разыскиваемого барона, знает местонахождение сына, но уклоняется об этом сообщить. Тогда коллежский асессор Маршалк явился к баронессе и, объявив о своём служебном положении, потребовал указать, где находится ее сын, который крайне нужен для опроса по заграничному делу. Баронесса сначала колебалась, а затем на повторные требования сообщила, что её сын и Долматов находятся в имении “Сабо”, в

28 верстах от станции Преображенской, и что лучше всего для опроса их вызвать в Псков, так как при прибытии полиции в имение они, будучи вооружены револьверами, могут оказать сопротивление или лишить себя жизни. Признав вызов в Псков от имени матери целесообразным, коллежский асессор Маршалк послал в имение “Сабо” на имя Долматова собственную телеграмму, а сам вместе со своими агентами отправился на станцию Преображенскую с целью перехвата Долматова и барона Гейсмара во время пути. Около 12 часов дня 6 февраля из имения “Сабо” прибыли на лошади Долматов и барон Гейсмар и перед поездом заехали на дачу родственницы барона. Через несколько минут в ту же дачу вслед за ними вошел Маршалк с надзирателями Игнатьевым и Пиотровским и, схватив Долматова и барона Гейсмара за руки, отобрали у них заряженные браунинг и маузер»[{500}].

На допросах Долматов и Гейсмар, признавшись в содеянном, рассказали о причинах, побудивших их убить М.Л. Тиме. Оба долго вели разгульную жизнь и наделали долгов. Чтобы поправить дела, отправились в Вену, поиграть на бирже. Средства им обеспечил приятель по скетинг-ринку Адольф Олло, который предложил Долматову обналичить необеспеченный чек, а выручку поделить. Но игроков в Вене постигла неудача, остаток денег они просадили в Париже, в Петербург вернулись за последние копейки. А здесь их уже поджидали кредиторы – поэтому пришлось поселиться не у родителей Долматова, а в гостинице, и, вместо привычных фешенебельных ресторанов «Данон» и «Вилла Роде», посещать демократичную «Вену». В середине января положение приятелей стало совсем отчаянным, они занимали мелочь у гостиничной прислуги и подумывали заложить одежду. И у них возник план – точно такой, как у Остапа Бендера, – податься в Бразилию, где «все поголовно в белых штанах», а «в лесах много диких обезьян» и, что самое главное, полное отсутствие кредиторов. Нужны были только средства на билеты и обустройство. Новая знакомая Марианна Тиме (кстати, Долматов на суде категорически отрицал, что познакомился с ней на скетинг-ринке) показалась им очень богатой. Однако, оставшись ночью в её квартире, он не рискнул её обокрасть. Пришлось идти на дело вдвоем. Тиме, после нанесенных ей ударов топором и кистенем по голове, громко стонала. Убийцам стало не по себе – Долматов сумел лишь стащить с её пальца кольцо, а Гейсмар прихватил коралловые бусы. Искать в квартире деньги и другие драгоценности убийцы не рискнули. За кольцо выручили 145 рублей, бусы пришлось выкинуть – стоили они сущие копейки.

Долматова приговорили к 17 годам каторги, Гейсмара – к 15. Через четыре года (после Февральской революции) оба освободились по амнистии. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Ход расследования этого преступления восстановлен авторами изучением значительного количества аутентичных материалов и несколько отличается от версии В.Г. Филиппова, изложенной им в рапорте градоначальнику. Тот утверждал, что Долматов попал под подозрение после публикации 1 февраля в «Правительственном вестнике» приказа об его увольнении со службы. «Это обстоятельство заставило немедленно выяснить причины такого увольнения»{501}. Однако Владимир Тиме в своих показаниях на суде утверждал под присягой, что это он указал на Долматова чиновнику Сыскной полиции М.Н. Кунцевичу{502}. Кунцевич на суде его слова подтвердил{503}.

Ещё более существенно наша версия хода расследования отличается от изложенной в воспоминаниях А.Ф. Кошко. По его словам, убийство Тиме было раскрыто благодаря визитной карточке месье Жерара, которую Долматов вручил как свою мужу Марианны Тиме. Отыскав настоящего Жерара, сыщики узнали, что тот ведет строгий учет визиток, и получили список всех, кому он их вручал. Путем обхода выяснили, что только у одного из них – важного чиновника МИДа[216] – карточка пропала. Его Превосходительство даже указал на вора – Александра Долматова-младшего, который заходил к нему несколько дней назад вместе со своим отцом. Данная версия до публикации воспоминаний А.Ф. Кошко нигде – ни в печати, ни в суде – не фигурировала. А Долматов на процессе утверждал, что визитку Поля Жерара раздобыл не в Петербурге, а в Париже: «эту карточку я получил от одного знакомого в Париже, в ресторане… Злого умысла у меня никакого не было, когда я давал Тиме карточку Жерара. Я только мог бы повредить себе, так как был единственным русским знакомым Жерара и меня легко могли бы открыть, – добавляет Долматов»{504}.

Причины ошибок и неточностей в воспоминаниях А.Ф. Кошко мы подробно анализируем в разделе, посвященном ему. Напомним лишь, что А.Ф. Кошко в январе – феврале 1913 года возглавлял Московскую сыскную и участия в расследовании убийства М.Л. Тиме не принимал.

Высочайшим приказом № 43 от 23.06.1914{505} начальник Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко был назначен начальником 8-го (уголовно-сыскного) делопроизводства Департамента полиции, а К.П. Маршалка тем же приказом назначили на его место. В первопрестольную Карл Петрович

прибыл в сентябре 1914 года. Он «получил в наследство» хорошо отлаженный механизм – в 1913 году Московская сыскная полиция была признана одной из лучших в Европе. 5 марта 1916 года за выслугу лет К.П. Маршалка произвели в чин коллежского советника и в том же году наградили орденом св. Станислава 2-й степени.

Во время Февральской революции 1–2 марта в Москве были пойманы и посажены в Бутырку все оставшиеся в городе полицейские чины, за исключением Карла Маршалка. Как и в питерском отделении, в Московской сыскной имелись гримировальная и костюмерная комнаты с коллекцией одежды всех сословий. Благодаря этому Карл Петрович сумел покинуть свой кабинет в Малом Гнездниковском переулке никем не замеченным. 9 марта полицию сменила милиция, и вместо городовых порядок теперь охраняли студенты, вооруженные винтовками. Но новая власть быстро поняла, что для борьбы с уголовниками нужны профессионалы. И Маршалк вернулся к прежним обязанностям, став начальником уголовной милиции города Москвы. Для надзора за ним был приставлен комиссар – адвокат М.Ф. Ходасевич.

В том же марте 1917 года произошла амнистия, и тысячи ранее осужденных по уголовным делам вернулись в Москву. Даже если кто-то из них и хотел жить честным трудом, он просто не мог этого сделать, потому что работу найти было невозможно. Преступность весной 1917 года увеличилась многократно. Вот статистические данные, которые тогда К.П. Маршалк предоставил известному историку криминального и тюремного мира М.Н. Гернету{506}:

	1916 год		1917 год	
	март	апрель	март	апрель
Кражи	707	576	3248	3636
Вооруженные грабежи	—	—	16	24
Простые грабежи	2	4	41	46
Убийства и покушения на убийства	3	1	10	22
Присвоение и растрата	26	14	63	60
Мошенничества, подлоги, вымогательства	16	14	77	110

После Октябрьского переворота в бывшей Сыскной изменилось название, теперь она именовалась Московским уголовным розыском. А также сменился комиссар – им был назначен земляк и тезка Маршалка Карл Карлович Розенталь.

Отношения между ними не задались, да и «красный террор» начался. Не став искушать судьбу, летом 1918 года Карл Петрович навсегда покинул Советскую Россию. Сделал ли он это тайком или, как утверждают некоторые исследователи, с разрешения Моссовета – неизвестно. Маршалку удалось добраться до Киева, где у него были влиятельные друзья, и в сентябре он был назначен там на должность градоначальника (Київського міського отамана)[507]. Карл Петрович снова ловил убийц и воров, боролся с подпольными казино и «мельницами»… Однако далеко не со всеми…

В октябре месяце городская полиция решила провести облаву в ресторане «Паяръ», располагавшемся в самом центре Киева – Крещатик, дом 1, – где, по слухам, играли на бешеные деньги. Однако путь туда стражам порядка преградил некий Арон Самуилович Симанович (1872–1944). Не отрицая, что в помещениях ресторана действительно идет игра, он посоветовал командиру отряда полицейских не вмешиваться не в свое дело, а за разъяснениями обратиться к Маршалку. Тот тут же ретировался, потому что знал – Симанович в градоначальстве свой человек и без доклада входит в кабинет Карла Петровича. Однако все же сообщил о произошедшем инциденте начальнику киевского уголовного розыска. Тот отправился к Маршалку. И после разговора с ним отдал приказ больше никогда не проверять «Паяръ».

Пару слов о Симановиче. В начале XX века он владел ювелирными магазинами в Мозыре и Киеве, потом перебрался в Петербург, где, кроме торговли драгоценностями (среди его клиенток была сама императрица), занимался ростовщичеством и содержал игорные заведения. Был близок с Г.Е. Распутиным и даже представлялся его «личным секретарем». Правда это или нет, неизвестно, но иудей Симанович у православного старца бывал практически ежедневно, обделывая с его помощью различные гешефты. После Февральской революции Арона Самуиловича посадили в «Кресты» «за незаконное содействие многим лицам». Чтобы выбраться оттуда, Симанович, по его словам, заплатил двести тысяч министру юстиции П.Н. Переверзеву (1871–1944) и сорок тысяч члену Петроградского совета рабочих депутатов адвокату Николаю Дмитриевичу Соколову (1870–1928)[508]. После большевистского переворота Арон Самуилович перебрался в Москву, откуда летом (то есть в одно время с Маршалком) дал дёру в Киев. И далеко не с пустыми руками. На манер героев Л.И. Гайдая Симанович припрятал в загипсованной руке миллион наличных рублей и тысячу каратов бриллиантов. В Киеве Арон Самуилович сперва промышлял

карточной игрой (вдобавок он был шулером) – при его участии на большую сумму был обыгран директор крупного банка. А потом открыл казино в ресторане «Паяръ». Причем, как он уверял в воспоминаниях, исключительно из патриотических соображений, якобы с целью сбора денег на содержание армии. В своих воспоминаниях Арон Самуилович честно признался, что полиции не опасался, потому что *«киевским градоначальником был назначен бывший помощник начальника московской уголовной полиции*[217] *Маршалк, который был наш человек»*{509}.

Однако вскоре о неприкасаемом заведении прознали газетчики. Они также выяснили, что фактическими хозяевами «Паяра» являются Симанович и Маршалк. Об этом было доложено министру внутренних дел гетманства И.А. Кистяковскому (1876–1940), который *«согласился принципиально убрать Маршалка, но оговорился, что в тревожное время не следует устранять начальствующих лиц, ибо получается дискредитирование и подрыв власти»*[218].

Время и впрямь было тревожным. Подпольное игровое заведение проработало всего несколько месяцев – 14 декабря 1918 года гетман П.П. Скоропадский (1873–1945) сбежал из Киева. Вслед за ними сбежали и хозяева игорного заведения в ресторане «Паяръ»: Симанович – в Одессу, а Маршалк – на Дон, к единственному своему ребенку[219], сыну **Николаю** (2 октября 1897 года{510} – 22 февраля 1951 года), который, закончив Александровское военное училище в Москве, в 1918 году вступил в Добровольческую армию и участвовал в Ледяном походе.

На Дону Карл Петрович снова поступил на службу – стал помощником начальника управления внутренних дел в Вооружённых Силах Юга России{511}. В 1920 году он уже в Берлине, где, занимаясь коммерцией, участвовал в деятельности эмигрантских белогвардейских организаций. В группе Александра Ивановича Гучкова (1862–1936), бывшего лидера партии «октябристов», мечтавшего устроить переворот в Советской России силами Красной армии под руководством служивших в ней генералов-военспецов, Маршалк отвечал за связь с этими людьми. С этой целью он постоянно ездил из Берлина в Ригу{512}. Одновременно Карл Петрович был одним из ближайших соратников В.Г. Орлова, бывшего руководителя деникинской и врангелевской разведок{513}. Позже Маршалк работал в Варшаве{514}.

В 1930 году Маршалк переехал в Ригу, где жил его сын. Карл Петрович организовал в Риге частное детективное бюро, офис его был на улице Smilšu в доме 32{515}. Его домашний адрес в 1935–1936 гг. – Домская площадь, дом 9, квартира 3{516}. В 1934 году

он попал под трамвай, но сумел оправиться от полученных травм{517}. Умер Карл Петрович 19 июля 1936 года в Сигулде{518} от сердечного приступа, похоронен был 23 июля 1936 года на Лесном кладбище города Риги{519}.

Рис. 98. Фотография К.П. Маршалка из газетного некролога: Brīvā Zeme, Nr. 163, 23.07.1936

6.3.5. Мечислав Николаевич Кунцевич (03.11.1864–17.09.1943)

Помощник начальника Петроградской СП с 15.08.1914 по 11.01.1915.

Мечислав (был крещен двуименно, второе имя – Николай) Николаевич Кунцевич родился 3 ноября 1864 года в городе Муроме Владимирской губернии в семье поляков-католиков. Происходил из дворян Минской губернии. Его мать Эмилия (в девичестве Явшиц) умерла, когда он был маленьким. В 1873 году отец Мечислава Николаевича – военный врач Николай Антонович – женился вторично. Ему часто меняли место службы, семье довелось пожить в Тамбове, Казани, Серпухове, Лодзи. В 1875 году Кунцевичи переехали в Варшаву, где маленький Мешко закончил три класса гимназии. 14 октября 1879 года Н.А. Кунцевич вышел в отставку по состоянию здоровья – слепым и почти глухим – с пенсией в 470 рублей в год. Семья перебралась в Петербург. Мечислав был зачислен в гимназию, которую по неизвестным причинам ему закончить не удалось. 1 февраля 1885 года он поступил на службу: сначала в контору сборов Московско-Брестского управления железной дороги, затем – по вольному найму в бухгалтерию Экспедиции заготовления государственных бумаг.

21 июля 1889 года М.Н. Кунцевич подал прошение о принятии на службу в Сыскную полицию и 4 сентября был определен полицейским надзирателем 3-го разряда по содержанию{520}. Однако, как и у Л.К. Петровского, служба у Кунцевича вначале не задалась.

Так, разыскивая казнокрада Соловьева, Мечислав Николаевич попытался бесплатно – по полицейскому удостоверению – зайти в «Зал общедоступных увеселений» купца Лейферта[220]. Но без билета его туда не пустили, Кунцевич попросил содействия у местного околоточного и таки попал внутрь, где, разыскав хозяина, ему нагрубил. Тот пожаловался куда следует, и сыщик получил трое суток ареста.

Ещё более ужасный случай произошел при розыске служащего конторы сборов Варшавской железной дороги Соболева, которого обвиняли в подделке векселя. Судебный следователь направил в Сыскную поручение, в котором потребовал найти подозреваемого, а также раздобыть образцы почерка и фотографическую карточку. Дело было поручено полицейскому надзирателю Алексею Ивановичу Красову 1-му[221],

Мечислав Николаевич вызвался ему помочь, так как имел в конторе Варшавской дороги знакомого – некого Стригеля. Тот раздобыл и фотографию, и образец почерка, а кроме этого, сообщил сыщику о любовнице Соболева – дворянке Екатерине Тарасовой. Кунцевич попросил Стригеля её разыскать и доставить в Сыскное. А на случай, если барышня откажется, снабдил запиской, в которой попросил всех полицейских столицы оказать его приятелю всяческое содействие в аресте Тарасовой (такой метод задержания тогда часто практиковался, см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден). Стригель дамочку отыскал, задержал и сдал в 1-й участок Нарвской части, пристав которого препроводил её в Сыскную, где она провела ночь в компании бродяг. Утром Кунцевич, придя на службу, обнаружил Тарасову и, извинившись, отпустил. Но вот она его не простила и 6 сентября 1890 года подала жалобу{521}. В тот же день градоначальник Грессер распорядился Кунцевича *«уволить и впредь не принимать»*.

Мечислав Николаевич написал прошение, в котором, полностью признав свою вину, в содеянном раскаялся и попросил *«заменить моё увольнение самым строгим другим наказанием по усмотрению Вашего Превосходительства, ввиду того что служба составляет единственное средство к моему существованию, причём я помогаю своей младшей сестре»*. В случае невозможности восстановить его на службе Кунцевич просил хотя бы изменить формулировку приказа и уволить его «по прошению» (на современном языке – по собственному желанию), так как в противном случае дорога на государственную службу для него была закрыта{522}. Но П.А. Грессер оставил прошение без последствий.

В январе 1891 года Мечислав Николаевич вновь попросил градоначальника сжалиться. На этот раз Грессер смягчился, и 24 января 1891 года был опубликован приказ о том, что бывший полицейский надзиратель СПбСП Кунцевич считается уволенным по прошению. И сразу же П.С. Вощинин принял его на службу вольнонаемным агентом – видимо, за год службы в Сыскной Кунцевич смог проявить себя хорошим сыщиком. А 5 ноября 1891 года всё тот же Вощинин написал рапорт на имя Грессера, в котором, отзываясь о Кунцевиче как о человеке *«трезвого поведения, отличающемся примерным исполнением своих обязанностей»*, попросил вновь определить его на должность полицейского надзирателя. Градоначальник согласился, и 10 декабря 1891 года Кунцевича опять приняли на коронную службу{523}. Этот урок пошел ему впрок, и с тех пор он не получил ни одного взыскания.

8 августа 1893 года Мечислав Николаевич вышел в отставку по домашним обстоятельствам, однако 19 января 1895 года вернулся на службу. В 1896 году он был произведен в первый классный чин и далее получал их без задержек, закончив службу коллежским советником.

Приказом градоначальника от 12 июля 1899 года раньше срока «за отлично усердную службу и хорошее поведение» Кунцевича перевели в надзиратели первого разряда. В конце того же года (уже при М.Ф. Чулицком) заболел чиновник для поручений В.К. Викторов, и приказом градоначальника от 24 ноября 1899 года Мечислава Николаевича назначили исполнять его обязанности, а 30 января 1900 года утвердили в этой должности{524}. Кунцевич сразу стал получать почти в два раза больше жалованья, что позволило ему снять отдельную квартиру в доходном доме по Гороховой ул., 11, и установить там телефонный аппарат (№ 31–44){525}, что по тем временам было роскошью. В этой квартире Кунцевич прожил до Октябрьского переворота 1917 года.

28 мая 1903 года новый начальник Сыскной В.Г. Филиппов назначил Кунцевича заведовать 1-м (центральным) отделением города. Мечислав Николаевич трудился на совесть, о чем свидетельствуют награды, однако напряженная служба стала сказываться на его здоровье. На нервной почве он в 1902 году заболел ревматизмом и вынужден был пройти курс грязелечения, а в августе 1905 года доктор выписал ему свидетельство о том, что он вследствие переутомления страдает неврастенией, сопровождающейся головокружениями, головными болями, бессонницей, перебоями сердца.

Дело № 37. Убийство актрисы Лебедевой-Марсельской

«13 февраля 1907 г., в г. Санкт-Петербурге, около 7 ч. вечера тит. сов. Владимир Семёнов приехал на квартиру своей сожительницы – шансонетной певицы Т.А. Лебедевой, по сцене Марсельской, жившей в д. № 22 по Надеждинской[222] *улице. Несмотря на поданные звонки, входной двери никто не отпирал. Это обстоятельство показалось Семёнову подозрительным, так как, заходя к Лебедевой, накануне и в этот же день несколькими часами раньше, он также не мог дозвониться. Ввиду этого, по настоянию Семёнова, входная дверь была открыта при помощи слесаря, причём, войдя в квартиру, Семёнов обнаружил в первой комнате, направо от передней, на полу уже похолодевший труп Лебедевой, с лицом,*

залитым кровью, и с явными признаками насильственной смерти.

В квартире царил полный беспорядок: все вещи покойной были перерыты и разбросаны.

В передней, около той двери, которая ведёт в комнату, где лежала убитая Лебедева, были найдены на полу клок женских волос и три головные шпильки, а на стоявшем тут же столе, в числе других вещей, лежала шляпа Лебедевой, – видимо, сорванная у последней с головы, так как между булавок, прикреплявших шляпу к причёске, был замечен клок таких же волос.

У этой двери оказался вырванным один из пробоев, на которых висел запиравший ее замок, причём последний исчез и в квартире не был вовсе найден. Судя по верхней одежде и даже калошам, надетым на покойной Лебедевой, она была убита в момент возвращения домой с улицы. Вблизи трупа было найдено и орудие преступления – утюг со сгустками запекшейся на нём крови и прилипшими к нему длинными женскими волосами.

При осмотре и проверке всего имущества покойной удалось установить, при содействии её сожителя Семёнова, что в вещах Лебедевой недостаёт бриллиантовой брошки в виде бабочки, стоившей свыше 300 рублей, также золотых часов, подаренных Лебедевой Семеновым незадолго до происшествия, нескольких платьев, белья, дорожной плетёной корзины и некоторых других вещей.

Кроме того, на окне спальни были найдены: квитанция конторы "Посредник" для найма прислуги и квитанция магазина Я. Абовича на проданные 11 января 1907 года дамские золотые часы за № 43112.

На дознании выяснилось, что в последний раз покойную Лебедеву видели 12 февраля 1907 г., около 3 ч. дня, когда она, вызвав старшего дворника Баженова, между прочим, сказала ему, что отпускает прислугу, поступившую к ней всего за несколько дней тому назад, причём вскоре после этого, приблизительно около пяти часов дня, эта прислуга и уехала со двора на извозчике. Присутствовавший при отъезде этой женщины подручный дворник Чикилин хотел было помочь ей вынести её вещи, но она отказалась от его услуг и сама вынесла довольно большую плетёную корзину с вещами и узел с тюфяком и, сев на извозчика, приветливо попрощалась с дворниками.

Ввиду этих данных подозрение в совершении убийства

сразу же пало на упомянутую прислугу, скрывшуюся неизвестно куда, причём первоначально не было известно её имя и фамилия: прислуга эта жила без прописки и никому не предъявляла своего паспорта.

От сожителя Лебедевой удалось узнать, что прислугу звали не то Машей, не то Сашей. Кроме того, дворники дома указали, что, несмотря на короткое время пребывания этой прислуги в их доме, с последней сошёлся и даже вступил в связь денщик Егор Черных, живший со своим барином в том же доме. Опрошенный в сыскной полиции, Егор Черных сообщил, что прислугу Лебедевой звали Александрой Николаевной, но что своей фамилии она ему не называла. По словам Черных, Александра Николаевна рассказывала ему, что до этого места она жила у двоюродного брата за Нарвской заставой, но имени и адреса не говорила, и, кроме того, передавала, что жила за Невской заставой у хозяйки, также не указав при этом адреса последней. Тот же Черных сообщил, что последний раз видел Александру Николаевну 12 февраля, когда в 10 ч. утра ему удалось пригласить её к себе в комнату, где он имел с нею половое сношение.

По описанию Черных и дворников Баженова и Чикилина, приметы исчезнувшей прислуги-убийцы были следующие: рост средний, лета 25–28, телосложение довольно полное, волосы тёмные, пышные спереди, лицо мрачное и в угрях, глаза серые и смотрят исподлобья. На основании этих примет убийцы, а также тех вещественных доказательств, которые были найдены в квартире убитой, чинам сыскной полиции пришлось приступить к розыску преступницы.

Ввиду предположения, что покойная Лебедева наняла свою последнюю прислугу в какой-либо конторе, были проверены до 15 контор для найма прислуги, и, прежде всего, была опрошена содержательница конторы "Посредник" Перновская[223] *мещ[анка] Любовь Пульс. Последняя сперва отозвалась полным незнанием но делу, заявив, что в списках нанимателей у неё Лебедева не значится, а затем, когда г-же Пульс была предъявлена найденная на квартире Лебедевой квитанция конторы "Посредник", то она вспомнила, что 26 января текущего года покойная Лебедева наняла в её конторе прислугу, которую за негодностью должна была уволить на другой же день, вследствие чего она и приходила высказать по этому поводу своё неудовольствие, но больше уже для*

найма новой прислуги Лебедева к ней в контору не приходила.

Тем не менее, несмотря на эти слова г-жи Пульс, были просмотрены все книги её конторы, и из той книги, куда заносились все прислуги, желающие получить места, были выписаны подходящие по летам 50 прислуг, причём среди них всего три оказались с именем Александры, но ни одной не было с отчеством "Николаевны". Из числа этих трёх Александр – наиболее подходящей по приметам к убийце оказалась кр-ка Вологодской губ., Сольвычегодского уезда, Никольской вол., деревни Иванинской, Александра Ивановна Шаньгина, жившая ранее за Нарвской заставой по Петергофскому шоссе в д. № 2. Это обстоятельство, совпавшее с показанием денщика Егора Черных, побудило чинов сыскной полиции принять меры к розыску означенной Шаньгиной и дало основание заподозрить её в причастности к убийству артистки Лебедевой-Марсельской.

Как выяснилось, Шаньгина была прописана лишь с 14 февраля в д. 32 на Съезжинской улице, куда прибыла 12 февраля в 6 ч. вечера, заняв угол в квартире полотёра Архипова. 17-го февраля трое агентов СПб. сыскной полиции вместе с дворником дома № 22 по Надеждинской улице Чикилиным прибыли к дому № 32 по Съезжинской улице и через швейцара вызвали Шаньгину под предлогом проверки больничного сбора. При этом агенты сыскной полиции расположились на нижней площадке парадной лестницы, а дворник Чикилин был поставлен за вешалкой таким образом, что он был незаметен для входящего на лестницу, а между тем сам он мог видеть каждого входящего на лестницу с улицы.

Кроме того, было условлено, что если Чикилин узнает прислугу покойной Лебедевой, то подаст знак кивком головы. Вскоре же швейцар привёл Шаньгину, которую агенты сыскной полиции стали опрашивать, откуда она приехала и где раньше жила. Дворник Чикилин сразу же узнал бывшую прислугу убитой Лебедевой и подал условный знак. Шаньгина была окружена агентами сыскной полиции, и к ней же подошёл дворник Чикилин. Увидев последнего, Шаньгина сильно побледнела и изменилась в лице, стала путаться в объяснениях и утверждала, что на Надеждинской улице не жила и дворника Чикилина вовсе не знает.

Затем Шаньгиной было предложено отправиться в

сопровождении чинов полиции и дворника Чикилина в тот флигель, где она снимала угол. Здесь дворник Чикилин сразу же заметил ту дорожную корзину, с которой Шаньгина уезжала с Надеждинской улицы, а также одеяло Лебедевой, лежавшее на кровати, о чём и сообщил агентам полиции. Услышав это, Шаньгина опустилась на стул и зарыдала. После того как ей дали воды, она успокоилась, а затем созналась, что является убийцей артистки Лебедевой. Вслед за тем Шаньгина вместе с привезёнными ею вещами была препровождена в особой карете в сыскное отделение, где, будучи предъявлена тит. сов. Семёнову и дворникам дома № 22 на Надеждинской улице, была опознана ими за прислугу покойной Лебедевой.

Среди вещей Шаньгиной были найдены дамские золотые часы за № 43112 и несколько платьев, принадлежавших покойной артистке Т.А. Лебедевой-Марсельской.

После этого Шаньгина, будучи связана неопровержимыми доказательствами её виновности, тут же передала подробности убийства, рассказав следующее:

К г-же Лебедевой она поступила в четверг, 8-го февраля, из конторы "Посредник", где Лебедева лично наняла её. Через четыре дня – в понедельник 12 февраля, Лебедева объявила ей, что отказывает ей.

Когда Лебедева ушла из квартиры, то у неё [Шаньгиной], не имевшей ни копейки денег, явилась мысль обокрасть Лебедеву. Для этого она взломала взятым у денщика Черных молотком пробой у двери, ведущей в комнаты Лебедевой и всегда запиравшейся ею при уходе на висячий замок. Затем она принялась искать денег в вещах Лебедевой, но нашла лишь два серебряных рубля.

Приблизительно через час после ухода Лебедевой у входной двери раздался звонок, и тогда она, Шаньгина, вставив вырванный пробой в дверь на прежнее место, пошла открывать дверь и увидела вернувшуюся хозяйку. Будучи уверена, что совершенное ею преступление немедленно обнаружится, она тогда же решила убить Лебедеву, помешавшую ей совершить задуманную кражу, и в тот момент, когда Лебедева стала открывать висячий замок своей двери, она, Шаньгина, подойдя к Лебедевой сзади, ударила её утюгом по голове. Лебедева, вскрикнув, повалилась на пол, но так как она продолжала шевелиться, то Шаньгина нанесла ей еще несколько ударов утюгом по голове, после чего Лебедева осталась уже

недвижима.

Затем, чтобы преступление осталось возможно дольше необнаруженным, Шаньгина перетащила за ноги труп убитой в соседнюю комнату и замыла кровь на полу в передней. Наконец, забрав из вещей покойной Лебедевой то, что попалось под руку, она уложила всё в корзину Лебедевой и, заперев квартиру на ключ, уехала на нанятом ею извозчике к своей землячке на Съезжинскую улицу. Никто из дворников не только не заподозрил её в чём-либо, но даже не поинтересовался узнать, куда она уезжает.

На другой день после переезда на Съезжинскую улицу она, Шаньгина, отправилась в 10 ч. утра в контору для найма прислуг "Посредник", где беспрепятственно получила свой паспорт, причём ей было предложено также взять место к господам в Гатчино, но она отказалась от этого места.

На основании всего изложенного к Александре Шаньгиной, 21 года, было предъявлено обвинение в убийстве артистки Лебедевой-Марсельской с целью её ограбления.

На суде Шаньгина также признала себя виновной, но отказалась давать какие бы то ни было объяснения и всё время сидела молча с каким-то диким выражением лица, глядя исподлобья на своих судей. На основании вердикта присяжных заседателей, давших Шаньгиной лишь снисхождение, подсудимая была приговорена С.-Петербургским окружным судом к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на десять лет.

На этот приговор Шаньгина принесла в Правительствующий Сенат кассационную жалобу, но последняя, как заключавшая в себе ссылку на никем не возбуждавшийся на суде вопрос о ненормальности умственных способностей подсудимой, была оставлена Правительствующим Сенатом без последствий»[{526}].

7 апреля 1907 года прокурор СПб. Окружного суда написал представление на имя градоначальника, в котором похвалил чиновника для поручений СПбСП М.Н. Кунцевича («виновная в этом преступлении была открыта и изобличена благодаря энергичным и умелым розыскам чиновника СПбСП Кунцевича и полицейского надзирателя Иванова»[{527}]*, раскрывших убийство с корыстной целью Татьяны Лебедевой, совершенное крестьянкой Александрой Шаньгиной). 13 апреля*

градоначальник Даниил Васильевич Драчевский за это объявил Кунцевичу и Иванову благодарность[528].

Мечислав Николаевич был женат дважды. 31 июля 1898 года он сочетался браком с дочерью крестьянина Тверской губернии девицей Александрой Павловной Лебедевой. Но их отношения не сложились, 18 февраля 1906 года Духовная консистория выдала свидетельство о том, что брак расторгнут из-за прелюбодеяния супруги с разрешением Кунцевичу вступить в новый брак[529]. 7 июня 1913 года он обвенчался в Адмиралтейском соборе с Татьяной Федоровной Исаковой, с которой прожил до конца жизни.

Летом 1908 года, расследуя кражу бриллиантов и золотых украшений из магазина Владимира Гордона, Кунцевич совершил целое путешествие – Ростов-на-Дону, Одесса, Константинополь. И вернулся с пойманными ворами и разысканными драгоценностями. Дело широко освещалось в печати, Кунцевич стал знаменитым. Однако зимой следующего года он лишь чудом избежал увольнения и тюрьмы.

> *«Из достоверных источников вашему корреспонденту удалось узнать подробности о привлечении к суду за взяточничество целого ряда чинов петербургской полиции. Дознание было произведено по личному распоряжению министра внутренних дел П.А. Столыпина членом совета министра д. с. с. Зайончковским бывшим попечителем оренбургского учебного округа, вследствие доносов и жалоб целого ряда клубных антрепренёров. Дознанием установлена виновность управляющего канцелярией петербургского градоначальника статского советника [Александра Николаевича] Никифорова, чиновника особых поручений [Амвросия Иосифовича] Калиша, приставов [Александра Петровича] Келлермана, Блахова, [Густава Апполинариевича] Шебеко, [Роберта Онуфриевича] Ощевского-Круглика и [Николая Никаноровича] Никитина, 8-ми помощников приставов и чиновника особых поручений при сыскной полиции Кунцевича, прославившегося благодаря розыску брильянтов Гордона и арестами Славского и др. Клубные антрепренёры указывали, что означенные лица брали с них крупные взятки за допущение азартных игр»*[530].

Поводом для проведения проверки в отношении Кунцевича послужило заявление купца Ведерникова – антрепренёра Клуба любителей велосипедной езды. Ведерников указал, что начиная с

1907 года Мечислав Николаевич ежемесячно получал от него по 200 рублей за то, что предупреждал о внезапных ревизиях клуба.

Весной 1909 года М.Н. Кунцевич, видимо, из-за шаткости своего положения в Сыскной после расследования комиссии под руководством Николая Чеславовича Зайончковского (1859–1920) попытался перейти чиновником для поручений в Дворцовую полицию. Её начальник полковник Б.А. Герарди даже наложил на его прошение резолюцию «Зачислить на 1-ую вакансию»{531}, однако пока Кунцевич её ожидал, случилось убийство в Лештуковом переулке (подробнее Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

После раскрытия этого убийства об изгнании Кунцевича из Сыскной не могло быть и речи. Мечислав Николаевич был представлен к награждению орденом св. Станислава 2-й степени, через орден св. Анны 3-й степени[224], за выдающиеся отличия – арест вооружённого преступника с риском для жизни. И хотя против награждения протестовал делопроизводитель 8-го (уголовно-сыскного) делопроизводства Департамента полиции В.И. Лебедев, который выяснил, что Кунцевич не только лично не задерживал Гилевича, но и вообще отсутствовал в момент задержания в банке, представление было удовлетворено и Высочайшим приказом от 6 мая 1910 года орден был пожалован.

«Заведуя в сыскной полиции центральным районом столицы, г. Кунцевич принимал участие в расследовании почти всех выдающихся уголовных преступлений… Бывали случаи, и нередко, когда к начальнику сыскной полиции поступали из провинции телеграммы с просьбой командировать именно Кунцевича для раскрытия какого-либо крупного преступления… Ему же поручались все заграничные командировки, так что в каждом из западных государств г. Кунцевич побывал десятки раз…» (из характеристики Кунцевича, написанной В.Г. Филипповым в 1917 году){532}.

После перевода К.П. Маршалка в Москву прокурор Петроградской судебной палаты рекомендовал на его место начальника Рижского сыскного отделения Ивана Эмериковича Грегуса. После того как его кандидатура была отвергнута Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден, помощником начальника Петроградской сыскной полиции был назначен Кунцевич. Мечислав Николаевич давно уже был там «первым среди равных» чиновником для поручений. Ещё со времен Кошко он замещал должность Аркадия Францевича в случае его болезни или отпуска. А в тех случаях, когда Кошко, а потом Маршалк, исполняли обязанности Филиппова, Кунцевич трудился за них.

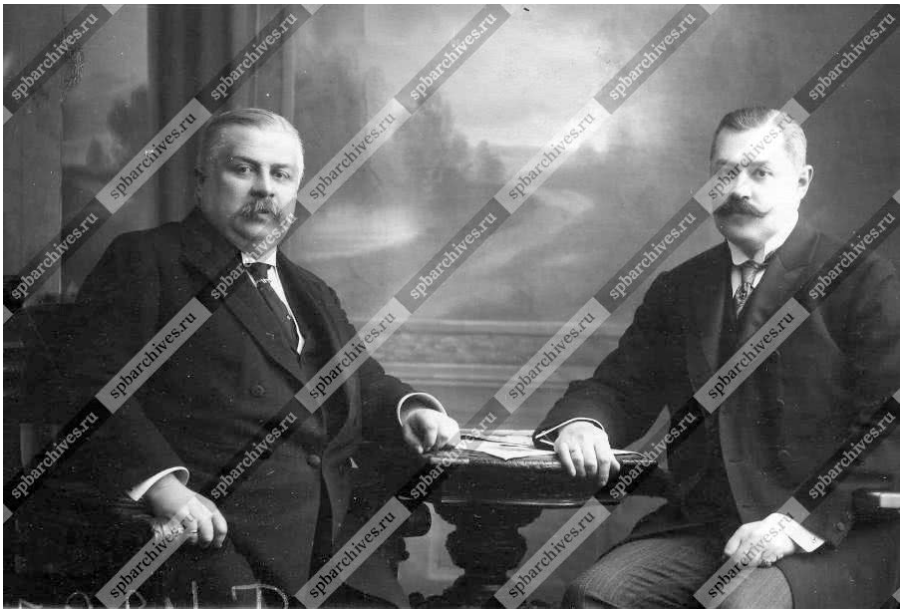


Рис. 99. Начальник Петроградской сыскной полиции В.Г. Филиппов (слева) и его помощник М.Н. Кунцевич. 1915 год

Однако помощником начальника Петроградской сыскной Кунцевич прослужил всего пять месяцев, в январе 1915 года его «переманил» всё тот же А.Ф. Кошко в 8-е делопроизводство Департамента полиции, где Мечислав Николаевич служил чиновником для поручений (сначала внештатным, потом штатным 6-го класса).

В феврале 1917 года рухнула Российская империя, а вместе с ней карьера Мечислава Николаевича. 1 марта он был задержан в своей квартире, однако уже на следующий день его освободили и даже выдали удостоверение в том, что Кунцевич всю жизнь занимался только уголовным сыском и не имел отношения к политическому{533}.

Что делал Мечислав Николаевич в России после октябрьского переворота, неизвестно, о его дальнейшей судьбе имеются отрывочные сведения:

– в 1918–1919 годах он в Финляндии вместе с бывшим градоначальником Петрограда А.Н. Оболенским занимался фильтрацией лиц, сбежавших из Советской России{534};

– в 1920 году в Лондоне служил в секретном отделе Министерства иностранных дел Великобритании, одновременно являясь платным агентом (получая за это две тысячи французских франков в месяц) разведки армии Врангеля{535}.

В 1921 году Мечислав Николаевич переехал в Париж. Попытался заняться бизнесом – держал молочный магазин, но

прогорел. Скорей всего, продолжал заниматься разведывательной деятельностью, так как попросил А.Ф. Кошко «зашифровать» его имя в мемуарах под литерой К.

Известно, что в Париже Кунцевич встречался с известными эмигрантами: эсером-террористом Борисом Викторовичем Савинковым (1879–1925) и бывшим послом Временного правительства в Лиге Наций Василием Алексеевичем Маклаковым (1869–1957)[225], часто бывал в гостях у четы литераторов Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) – Нины Николаевны Берберовой (1901–1993).

Умер Мечислав Николаевич 17 сентября 1943 года в Париже, был похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Там же в 1965 году упокоилась и его супруга Татьяна Федоровна.

Рис. 100. Могила М.Н. Кунцевича на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Фото Ивана Погонина

6.3.6. Евгений Францевич Мищук (14.01.1864 –???)

Чиновник для поручений СПбСП

Евгений Францевич родился 14 января 1864 года в семье бывшего смотрителя Млыновской[226] почтовой станции. Вероисповедания был православного. Образование получил домашнее, по этой причине в 1902 году для получения первого классного чина «выдержал испытание по наукам»{536} (сдал экзамен) в Исполнительном Комитете при управлении Санкт-Петербургского учебного округа.

В 1885 году Мищук был призван к исполнению воинской повинности, вытянул жребий на отправку в армию, однако по освидетельствованию был признан «совершенно неспособным для военной службы»{537}, что, однако, не помешало Евгению Францевичу в том же году поступить в Петербургскую полицию околоточным надзирателем. Прослужив там до 13 ноября 1890 года, он вышел в отставку. И чем занимался следующие шесть с половиной лет, нам неизвестно. Лишь 31 июля 1897 года Мищук вернулся на коронную службу, поступив надзирателем третьего разряда в СПбСП. Через два года за отлично-усердную службу его перевели во второй разряд.

Осенью 1904 года вышел в отставку чиновник высшего оклада СПбСП Яков Яковлевич Коцинг[227]. В связи с этим чиновника младшего оклада М.Н. Кунцевича повысили по содержанию, а новым чиновником для поручений был назначен коллежский регистратор Мищук{538}.

Рис. 101. Евгений Францевич Мищук

Евгений Францевич принимал активное участие в расследовании ряда «резонансных» преступлений: убийства на станции Дно (см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден), кражи в ювелирном магазине Гордона, дела Гилевича (см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден).

Приказом по гражданскому ведомству от 6 декабря 1907 года № 82 Мищук был награжден орденом св. Станислава 3-й степени. Отличался личной храбростью, о чём свидетельствует медаль «За спасение погибавших».

Однако в его биографии имеются и темные пятна. Комиссия под руководством Николая Чеславовича Зайончковского, о деятельности которой мы упоминали в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден, выяснила, что Мищук «крышевал» торговлю и проституцию в своём отделении. Однако дело против него почему-то не возбудили и со службы не погнали. Напротив, Высочайшим приказом № 26 от 06.05.1910 наградили орденом св. Анны 3-й степени.

СПбСП была «кузницей кадров» для провинции – служивших там чиновников и даже надзирателей часто переводили с повышением в другие города (Л.К. Петровского – в Ярославль; К.П. Маршалка и А.Ф. Кошко – в Москву; Н.С. Власкова и А.С. Левикова – в Баку и т. д.). А Мищука в январе 1911 года{539} назначили начальником Киевской сыскной полиции. Позже он говорил, что не хотел этого назначения, предчувствовал что-то нехорошее. Однако с желаниями и предчувствиями сотрудников начальство не считалось – так, А.Ф. Кошко, который тоже не хотел уезжать из Петербурга, вызвал премьер-министр П.А. Столыпин и в приказном порядке поручил возглавить МСП.

Предчувствия Мищука, увы, не обманули.

Дело № 38. Убийство Андрюши Ющинского (начало)

Хотя для участия в расследовании этого дела в Киев в мае 1911 года приезжали М.Н. Кунцевич и А.С. Левиков, а в 1913 году – А.Ф. Кошко, никакого отношения к деятельности СПбСП оно не имеет. Нам пришлось его включить в эту книгу, потому что иначе рассказать о судьбе Е.Ф. Мищука невозможно.

20 марта 1911 года в киевском предместье Лукьяновка был найден труп 13-летнего Андрюши Ющинского. Мальчик умер от асфиксии (удушения), но на его теле во время вскрытия врач Карпинский обнаружил множество (около пятидесяти) колотых ран, нанесенных так называемой «швайкой» – большим заточенным шилом. Когда именно (до убийства или после) их нанесли, осталось загадкой (эксперты разошлись во мнениях). И хотя ни один из ударов швайки не затронул артерий и вен, по Киеву поползли слухи, что убийство Ющинского совершено евреями в ритуальных целях – близилась еврейская пасха (пейсах), на которую те пекут мацу, а непременным ингредиентом для неё, по убеждениям махровых антисемитов, является кровь

«христианских младенцев». На похоронах Ющинского черносотенцы раскидали листовки: «Русские люди! Если Вам дороги Ваши дети, бейте жидов! Бейте до тех пор, пока хоть один жид будет в России! Пожалейте ваших детей! Отомстите за невинных страдальцев! Пора! Пора!»{540}

Сия версия очень нравилась большим начальникам и в Киеве, и в Петербурге. Если бы её удалось доказать, на них непременно бы посыпались чины и награды – император Николай II и сам был антисемитом, и всячески поддерживал черносотенцев. По приказу исполняющего должность судебного следователя Киевского Окружного суда по особо важным делам Василия Ивановича Фененко была проведена повторная экспертиза останков мальчика. И новый эксперт – профессор киевского университета Николай Александрович Оболонский (1856–1913) – дал требуемое властям заключение: колотые раны нанесли Ющинскому для обескровливания тела.

Однако Мищук был далек от средневековых суеверий. В ходе дознания он пришел к выводу, что убийство совершил либо отчим потерпевшего Лука Приходько (но у того оказалось стопроцентное алиби), либо кто-то из лукьяновских воров. Дело в том, что Ющинский дружил со сверстником Женей Чеберяком, мать которого Вера была содержательницей притона и известной скупщицей краденого. Нередко в её доме преступники обсуждали свои дела. Андрюшу, который часто бывал в гостях у приятеля, никто из них не стеснялся. Незадолго до своей смерти во время ссоры с Женей Чеберяком Ющинский пригрозил ему сообщить в Сыскную про знакомцев его мамаши. Это и могло стать причиной убийства…

Вера Чеберяк и её приятели были людьми тёртыми и изворотливыми, дознание против них продвигалось медленно. Начальство намекало Мищуку, что убийцу нужно искать не среди воров, а среди евреев, но он продолжал гнуть свою линию. И тогда 29 мая 1911 года его от расследования отстранили. Дело передали коллежскому секретарю Николаю Александровичу Красовскому (1871 –?), который до назначения Мищука в течение полугода исправлял должность начальника Киевской сыскной полиции. Но на столь высокий пост его не утвердили и в ноябре 1910 года «сослали» становым приставом в Сквирский уезд Киевской губернии. В мае 1911 года Красовского неожиданно вызвали в Киев и поручили дело Ющинского. Однако и он не смог отыскать никаких доказательств «ритуальной версии» и фактически продолжил дознание Мищука против Веры Чеберяк.

Рис. 102. Николай Александрович Красовский

Рис. 103. Вера Чеберяк

Уязвленный отстранением от дела, Евгений Францевич всячески препятствовал расследованию Красовского – установил за ним наблюдение, передопрашивал свидетелей, которых тот находил, и т. д.

В начале августа Красовский собрал (по его мнению) достаточно материала для ареста Чеберяк. Как вдруг к судебному следователю Василию Фененко явился её сосед, фонарщик Казимир Шаховской, который внезапно «вспомнил», что в день убийства видел Андрюшу Ющинского в компании Менделя Тевьевича Бейлиса (1874–1934), приказчика завода Зайцева, на территории которого был найден труп мальчика. Прокурор Киевской судебной палаты Георгий Гаврилович Чаплинский, активный сторонник «ритуальной версии», тут же отдал приказ о задержании Бейлиса. Возмущенный столь поспешным и необоснованным арестом, Красовский попросил отстранить его от дальнейшего расследования. Однако в связи с предстоящим приездом в Киев императора Николая II его просьбу

удовлетворили только через месяц.

Следующий «сюрприз» следствию преподнес Е.Ф. Мищук. Будучи уверенным в виновности Веры Чеберяк, он решил сфальсифицировать улики против неё. По указанию Мищука, скупщик краденого Семен Кушнир отправил из города Хмельника Подольской губернии письмо в Киевскую сыскную полицию, в котором сообщил, что во время своего заключения в тюрьме узнал от арестантов сведения по делу Ющинского. Мол, убит он был Верой Чеберяк и её приятелями, а изобличающие их улики зарыты ими в Киеве на Юрковской горе. Не поставив в известность ни полицмейстера, ни Красовского, ни следователя Фененко, Е.С. Мищук с подчиненными произвели там раскопки, «обнаружили» сверток с подтяжками, якобы принадлежавшими Ющинскому (впоследствии оказалось, что мальчик подтяжки давно уже не носил) и два заостренных железных стержня. 26 августа 1911 года в присутствии полицмейстера Алексея Александровича Скалона Мищук доложил киевскому губернатору Алексею Федоровичу Гирсу об успешном раскрытии дела.

Судебные власти и эксперты внимательно исследовали найденные Мищуком вещдоки и пришли к выводу, что заточенные стержни не являются орудиями убийства, а мешок, в котором они находились, был зарыт совсем недавно – на нем не оказалось неизбежной при долгом нахождении в земле плесени. Разысканный следователем Семен Кушнир на допросах признался, что Е.Ф. Мищук, надзиратель В.И. Клейн и агенты Сыскного отделения Сергей Падалка и Савва Смоловик дали ему поручение отправить из Хмельника написанное ими письмо.

Мищука отстранили от должности начальника Сыскной, уволили со службы и в августе 1912 года вместе с Клейном, Падалкой и Смоловиком предали суду. Судебный процесс длился три дня (с 10 по 12 ноября 1912 года) и окончился оправдательным приговором{541}. Но этот приговор был кассирован[228] Сенатом по абсолютно формальным основаниям, дело из Киевской палаты было передано в Харьковскую, и в мае 1913 года выездная сессия суда приговорила Мищука и двоих его подельников к одному году заключения в арестантские отделения с лишением всех прав и преимуществ. На суде Мищук плакал, ему несколько раз вызвали «скорую», вину он не признавал, говорил, что его подставил Красовский. Во время следствия и суда Мищук находился на свободе – в отношении него в качестве меры пресечения избрали надзор полиции и залог, и когда Сенат оставил жалобу защитника Мищука без последствий, Евгений Францевич отбывать наказание не явился и стал скрываться.

Залог в сумме 5000 рублей, которые за него внёс его брат, был обращён в доход казны. Его подельники отсидели по 10 месяцев и были досрочно освобождены, а Мищук все бегал, довёл до нищеты свою семью (жену Надежду Григорьевну и пятерых детей). Он продолжал писать прошения о помиловании, за него хлопотали супруга и мать, но все было тщетно. В январе 1916 года Мищук был арестован в квартире брата в Петербурге. Страсти к тому времени уже улеглись, и вскоре Мищук был помилован.

Дело № 38. Убийство Андрюши Ющинского (окончание)

О дальнейшем расследовании убийства Ющинского расскажем кратко, потому что о процессе над Бейлисом написаны сотни статей и книг, сняты документальные и художественные фильмы, опубликованы стенографические отчеты судебных заседаний. Читатель при желании найдет самую подробную информацию.

Суд над М. Бейлисом начался 25 сентября 1913 года и продолжался месяц. Обвинители понимали, что имеющиеся у них против подсудимого улики очень неубедительны. Главной их надеждой были эксперты. Однако профессор Н.А. Оболонский, проводивший повторное вскрытие и давший заключение о, «обескровливании» трупа Ющинского, до процесса не дожил. Поиск столь же авторитетного эксперта, как Н.А. Оболонский, оказался делом непростым. Никто из серьезных ученых не разделял его выводы. И тогда власть пошла на подкуп – директор Департамента полиции Степан Петрович Белецкий предложил профессору судебной медицины Дмитрию Петровичу Косоротову четыре тысячи рублей за требуемое экспертное заключение (на выплату этих денег из секретных сумм Департамента полиции тогдашний министр внутренних дел Н.А. Маклаков получил личное разрешение царя Николая II). Косоротов согласился{542}. Однако защитники Бейлиса выставили против него не менее авторитетных специалистов – лейб-хирурга Е.М. Павлова и варшавского профессора А.А. Кадьяна, которые убедительно опровергли выводы Косоротова. Большую помощь оказал адвокатам подсудимого и Николай Красовский. Из-за травли со стороны Е.Ф. Мищука в декабре 1911 года он был вынужден уйти в отставку и, вернувшись из Сквир в Киев, вместе с журналистом С.И. Бразуль-Брушковским предпринял частное расследование убийства Ющинского.

Красовский на суде выдвинул очень убедительную версию

событий: 8 марта 1911 года Вера Чеберяк была задержана полицией при попытке продать краденые вещи, но ей удалось сбежать. 9 марта были арестованы четыре вора из её притона, 10 марта в доме Чеберяк полиция устроила обыск. Преступница заподозрила, что в её окружении завелся стукач. После сообщения сына Жени, что Андрюша Ющинский грозился сообщить о её дружках в Сыскную, Вера Чеберяк решила, что осведомитель «вычислен». Заманив 12 марта мальчика в дом, воры Иван Латышев, Борис Рудзинский и Петр Сингаевский его убили. Колотые раны были нанесены ими специально – еврейские погромы 1905 года были для Чеберяк «золотыми денечками», тогда её дом ломился от дорогих вещей. Преступница решила убить двух зайцев: избавиться от осведомителя и спровоцировать погромы.

И хотя суд отказался рассматривать обвинения Красовского против Чеберяк (*«Вера Чеберяк по настоящему делу не привлекается в качестве обвиняемой, а является свидетельницей»,* – заявил прокурор[543]), его показания сильно повлияли на присяжных заседателей, 28 октября 1913 года Бейлис был оправдан. Он сразу же уехал в Палестину, а оттуда перебрался в США. Временное правительство, а затем и большевики, заново расследовали дело Бейлиса. И Вера Чеберяк (с ней, скорей всего, царские судебные власти заключили соглашение об иммунитете от преследования в обмен на показания против Бейлиса) в 1918 году была расстреляна чекистами. Николай Красовский после Гражданской войны оказался в Польше, где занимался разведкой против большевиков.

Евгений Францевич Мищук после Февральской революции руководил уголовно-розыскной милицией в Риге. Из газеты «Рижское утро»:

> *«Назначение. По новым правилам уголовно-розыскное отделение милиции, временно именуемое в Риге “Летучим отрядом”, будет подчинено не министерству внутренних дел, а министерству юстиции. На пост начальника рижской уголовно-розыскной милиции назначается быв. Начальник киевской сыскной полиции Мищук, известный по процессу Бейлиса, при расследовании какового дела он за стремление направить следствие по верному пути пострадал и был уволен со службы. Гражданин Мищук ожидается в Риге на будущей неделе»*[544].

29 мая Мищук прибыл в Ригу[545], однако уже 1 июня Исполнительный комитет Рижского Совета рабочих депутатов

принял резолюцию-протест: «исполнительный комитет Р.С.Раб. Деп. протестует против назначения сверху на должности местного общественного характера лиц без согласия демократических организаций и, в частности, против назначения Мищука начальником уголовно-розыскного отделения{546}». Требование поддержало и собрание милиционеров, состоявшееся 27 июня{547}. Так что карьера в Риге у Мищука тоже не задалась…

Позднее Мищук жил в Петрограде – Ленинграде. В марте 1935 года после убийства Кирова в ходе спецоперации против «бывших людей» он был выселен из города как бывший «каратель, охранник и жандарм»{548}, имевший связи с заграницей. Также была репрессирована и его дочь Дубровская Анна Евгеньевна (её выслали в город Атбасар Карагандинской области){549}. Дальнейшая судьба Е.Ф. Мищука неизвестна.

6.3.7. Александр Степанович Левиков

Помощник начальника Петроградской СП с января по 22 февраля 1915 г.

и с 23 марта 1916 г. по март 1917 г.

Исправляющий должность начальника Петроградской СП с 22.02.1915 по 21.03.1916.

К сожалению, об Александре Степановиче нам известно очень мало. Происходил он из крестьян. Служил в Сыскной по крайней мере с 1896 года – тогда, занимая должность полицейского надзирателя, он исполнял обязанности младшего помощника делопроизводителя, чина не имел. Не позже 1905 года начал исправлять должность старшего помощника. А во второй половине 1906 года получил чин коллежского регистратора.

В 1907 году Левиков был назначен начальником Сыскной полиции в Баку, где на него было совершено покушение{550}. В 1909 году вернулся в столицу. Поскольку вакантных должностей чиновников в Сыскной полиции на тот момент не было, Левикова определили в полицейский резерв и оттуда прикомандировали к Сыскному. В том же году Александр Степанович стал коллежским секретарем, а в декабре 1910 года получил орден св. Станислава 3-й степени.

Рис. 104. Сотрудники Петроградской сыскной полиции, снятые по случаю оставления службы начальником Петроградской сыскной полиции д. с. с. В.Г. Филипповым.

Во втором ряду, считая слева, сидят: чиновники для поручений С.И. Кренев **и Л.К. Петровский, и.о. начальника Петроградской сыскной полиции А.С. Левиков, делопроизводитель 8-го делопр. Департамента полиции А.Ф. Кошко, д. с. с. В.Г. Филиппов, чиновник особых поручений при Департ. полиции М.Н. Кунцевич, чиновники для поручений при управлении Сыскной полиции Н.Я. Алексеев и П.М. Игнатьев, делопроизводитель Сыскного отделения Н.М. Федоров**[229]**. 24 января 1916 года. Петроград. Фотография из журнала «Вестник полиции» № 6 за 1916 год**

В начале 1911 года Е.Ф. Мищук уехал в Киев, и на освободившуюся вакансию чиновника СПбСП назначили А.С. Левикова. С 30 апреля по 15 мая 1911 года он вместе с М.Н. Кунцевичем выезжал в командировку в Киев для расследования дела Ющинского (см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден), однако помочь Мищуку не смогли и вернулись ни с чем.

Дело № 39. Кража в экспедиции заготовления государственных бумаг 14 октября 1911 года

«Крупная кража в Экспедиции заготовления государственных бумаг

(По телефону из Петербурга)

Сегодня утром в Экспедиции заготовления государственных бумаг из помещения готовых изделий была совершена кража кредитных билетов на сумму 201 600 руб. Помещение расположено в надворном флигеле каменного здания. Оно разделяется на 2 кладовые: денежную и кредитную. В денежную вкладываются кредитные билеты, предназначенные к отправке в Государственный банк. В ней хранилось кредитных билетов на 800 000 руб. Обыкновенно в помещении готовых изделий работало 40 чел. – 20 конторщиков и 20 рабочих, занимающихся разрезыванием листов кредитных билетов, складываемых ими в пачки и упаковку. В случае экстренных работ сюда приглашаются от 20 до 100 рабочих из других мастерских. 12-го октября в мастерских было 40 чел. служащих постоянно и 60 чел.

приглашенных из других мастерских.

Сегодня, в 8 час. утра дежурный чиновник, открывая дверь помещения готовых изделий, увидел, что печати на двери в денежную кладовую сорваны и дверь открыта. Чиновник поднял тревогу. В это время в помещение явились рабочие и другие служащие. Спустя немного времени сюда прибыл начальник петербургской сыскной полиции Филиппов и его помощник, начальник охранного отделения [Михаил Фридрихович] фон-Котен, исп. об. градоначальника ст. сов. [Владимир Владимирович] Лысогорский, исп. обяз. пом. градоначальника, помощник товарища прокурора петербургского окружного суда фон-Нидермиллер и другие чины сыскной полиции. Осмотром было установлено, что 3 мешка с кредитными билетами распороты, из этих трех мешков украдено 201 600 руб. кредитными билетами: тысяча штук 100-рублевого достоинства, 80 штук 25-рублевого достоинства, а на остальную сумму трехрублевого. Все украденные кредитные билеты были приготовлены для отправки в Государственный банк; на них недоставало только подписи кассира и номеров.

По распоряжению властей все находившиеся в мастерской рабочие и служащие были арестованы. Всего задержанных оказалось 70 человек. У всех арестованных был произведен обыск, но ничего у них не было найдено. Тогда чины полиции приступили к обыску всего помещения. Установлено было прежде всего, что кладовая бронирована, двери железные, окна загорожены железными решетками, одно окно разбито, но пролезть в это окно немыслимо даже ребенку. Полиция признала, что окно разбито с целью сбить с толку преследователей. Осмотр помещения не дал никаких результатов. Только после долгих поисков чиновник сыскной полиции Левиков, заглянув в чайную, находящуюся в помещении готовых изделий, под одним из ящиков заметил сверток кредитных билетов. При осмотре оказалось, что это почти все похищенные кредитные билеты, не хватало только 440 р. В 4 часа дня в Экспедицию были приведены полицейские собаки. Им дали понюхать найденные кредитные бумажки, но отыскать воров собаки не могли. Четвероногие сыщики бросались на всех присутствующих, в том числе на начальника сыскной полиции Филиппова, затем на других начальствующих лиц, а также и на женщин-работниц. От нервного потрясения и испуга с

некоторыми женщинами сделался обморок.

Так как воры не были найдены, то полиция занялась расследованием дальнейших деталей кражи. Выяснилось, что в помещении имеется внутренняя охрана. Днем и ночью дежурят там также нижние чины. Полиция по подозрению в краже арестовала 5 низших служащих. С целью обнаружить воров полиция поставила в известность о краже все банки и банкирские конторы»{551}.

В апреле 1912 года Левиков получил чин титулярного советника, а высочайшим приказом № 4 от 19 января 1915 г. {552} – коллежского асессора.

После перехода М.Н. Кунцевича в Департамент полиции Левиков был назначен временно исправлять обязанности помощника Филиппова{553}, а в мае 1915 года – утвержден в этой должности{554}.

После отставки В.Г. Филиппова и до прихода А.А. Кирпичникова – с 22 февраля 1915 года по 21 марта 1916 года – исправлял должность начальника Петроградской сыскной полиции. Однако утвержден в ней не был, вероятно, из-за отсутствия образования. После назначения Кирпичникова снова служил помощником.

Высочайшим приказом № 101 от 06.12.1916 был награжден орденом св. Анны 3-й степени.

После Февральской революции Александр Степанович Левиков занимал должность помощника начальника Петроградской уголовной милиции. Однако, в отличие от большинства своих коллег по Сыскной полиции, в Уголовный розыск к большевикам он служить не пошел. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

6.3.8. Петр Михайлович Игнатьев (24.09.1880 –???)

Помощник начальника СПбСП 1916 г. – март 1917 г.

Петр Михайлович Игнатьев появился на свет 24 сентября 1880 года в семье потомственных почетных граждан. Окончил полный курс в Санкт-Петербургском Сампсониевском городском училище[230], «в чем и выдан ему аттестат от 1 июня 1898 года за [номером] А284»{555}.

В 1901 году в исполнение воинской повинности был зачислен в ратники ополчения 2-го разряда. 18 сентября 1905 года определен полицейским надзирателем в Петербургскую столичную полицию. Обратите внимание на дату – самый разгар 1-й русской революции, за полицейскими охотятся и днем, и ночью. А бесстрашный молодой человек поступает на эту опасную службу.

Когда Игнатьев из наружной полиции перешел в Сыскную, нам неизвестно, но в 1913 году в связи с 300-летием дома Романовых он был удостоен памятной медали уже как надзиратель СПбСП{556}.

В январе 1915 года после перехода в Департамент полиции М.Н. Кунцевича появилась вакантная должность чиновника для поручений. На неё был назначен губернский секретарь П.М. Игнатьев. Его сразу же отправили в командировку в Одессу.

Дело № 40. Похождение Аферист князя Церетели

Весной 1914 года из Петербургского купеческого общества взаимного кредита по подложной доверенности на имя князя Андроникова было украдено полмиллиона рублей со счета вдовы коммерции советника Е.Ф. Александровой. Остаток её вклада в размере 178 985 рублей 39 копеек мошенник сумел перевести в Киев, где в августе 1914 года получил деньги в местном отделении Государственного банка.

В августе того же года в Одессе поселился князь Николай Михайлович Туманов. Благодаря щедрому пожертвованию «Красному Кресту» – четыре тысячи рублей (князь очень сетовал, что больше пожертвовать не может из-за недостатка средств) – он быстро свел знакомство с высшим обществом и местной администрацией.

Жил Туманов широко – арендовав шикарный особняк адвоката Н.И. Доманского, устраивал там роскошные пиры; сорил

деньгами в ресторанах и на скачках. Местная публика его боготворила: господа набивались в друзья, дамы – в любовницы. Изредка Туманов уезжал по делам в столицу. Его отлучки удивления не вызывали, наоборот, им восхищались, ему завидовали – князь в Петербурге, по его же словам, был «на дружеской ноге» с сильными мира сего.

Тем временем Петроградская сыскная искала деньги Е.Ф. Александровой. В.Г. Филиппову и М.Н. Кунцевичу, который непосредственно занимался расследованием, удалось выяснить, что за личностью князя Андроникова скрывается лишенный всех прав состояния и отбывший заключение в арестантских ротах князь Михаил Церетели. Впрочем, известен он был и под другими именами: помещика Андрея Смирнова, князя Эристова, персидского принца Кули-Мурзы и т. д. Действовал Михаил Церетели не в одиночку – его сообщниками были специалисты по подделыванию бумаг и клерки разных банков.

В декабре 1914 года, когда Церетели вновь объявился в Петербурге (готовил новое мошенничество), сыщики попытались его задержать, но он от них улизнул. Однако его подельники были схвачены. После долгих допросов В.Г. Филиппову удалось выяснить, что Михаил Церетели обитает в Одессе под именем князя Туманова. Увы, отправить туда М.Н. Кунцевича (обычно именно он выезжал на задержания в другие города и страны) было невозможно – он уже перешел в Департамент полиции[231]. К Черному морю отправился новоиспеченный чиновник для поручений Петр Михайлович Игнатьев. И первый свой экзамен сдал на «отлично». В распоряжении Игнатьева имелась фотографическая карточка, на которой Церетели был изображен с большой окладистой бородой. Игнатьев предъявил её начальнику одесской полиции Г.В. Гиршфельду, который преотлично знал Туманова – они даже были с ним на «ты»! Гиршфельд пожал плечами, мол, не похож. Тогда П.М. Игнатьев закрыл на фотографии бороду. И начальник одесской полиции, к своему ужасу, узнал приятеля. Туманов-Церетели был арестован. На следствии он вел себя с княжеским достоинством – сетовал, что не обеспечил девушку, «перед которой виноват», просил Одесскую сыскную позаботиться о его доге и т. д.{557}.

В декабре 1916 года, уже будучи помощником начальника Сыскной, П.М. Игнатьев участвовал в следствии по делу об убийстве Григория Распутина{558}. Когда Петр Михайлович вступил в эту должность, нам неизвестно, ведь с назначением А.А. Кирпичникова в кресло помощника вернулся А.С. Левиков. Выскажем предположение, что новые штаты (по которым

помощников у начальника было уже двое) были введены не с 1 января 1917 года, а чуть раньше.

После создания Петроградской уголовной милиции (структуры Временного правительства) П.М. Игнатьев вместе с А.С. Левиковым служили помощниками начальника. После октября 1917 года Игнатьев перешел в УгРо, а Левиков, как уже говорилось, к большевикам служить не пошел.

В 1919 году Петр Михайлович был заведующим розыскным отделением УгРо (то есть в той же должности помощника). Служить там он продолжал как минимум до 1923 года. Потом следы П.М. Игнатьева теряются – после того как «спецы» подготовили пролетарские кадры, в милиции, впрочем, как и в других сферах, они стали не нужны.

В томе № 7 «Ленинградского мартиролога» имеется запись о Петре Михайловиче Игнатьеве{559}, 1880 года рождения, беспартийном, трудившемся на заводе «Вена» помощником буфетчика. 1 ноября 1937 года он был арестован, 31 декабря – осужден по печально известной 58-й статье внесудебным органом – Особой тройкой УНКВД Ленинградской области. Расстрелян 11 января 1938 года. У нас нет достаточных оснований утверждать, что помощник буфетчика пивзавода и бывший помощник начальника Сыскной – одно и то же лицо. Однако в те годы служба в царской полиции, пусть и писарем, была стопроцентным основанием для расстрела. А если П.М. Игнатьев дожил до тех лет, лишь чудо могло спасти его от смертной казни или отправки в ГУЛАГ.

7. Аркадий Аркадиевич Кирпичников (1883–1921) – последний начальник сыскной полиции

Начальник Петроградской СП с 21.03.1916 по март 1917 г.

Назначение нового начальника Сыскной полиции Петрограда после отставки В.Г. Филиппова затянулось больше чем на год. Мы затрудняемся объяснить почему. Возможно, тогдашний градоначальник князь Александр Николаевич Оболенский (1872–1924), человек, далекий от тогдашних питерских «раскладов», хотел на эту должность столь же молодого и столь же неангажированного чиновника, каким был сам.

Лишь 21 марта 1916 года был обнародован Высочайший приказ по гражданскому ведомству за № 20, согласно которому «по ведомству Министерства внутренних дел переводился на службу причисленный к Министерству юстиции титулярный советник Кирпичников начальником Петроградской сыскной полиции».

Рис. 105. Аркадий Аркадиевич Кирпичников

Аркадий Аркадиевич Кирпичников родился в 1883 году, происходил из купцов, вероисповедания был православного, окончил Демидовский юридический лицей[232]. В 1907 году Кирпичников поступил на службу по ведомству Министерства юстиции, в 1909–1910 годах работал секретарем у прокурора Псковского Окружного суда, имея чин губернского секретаря, в 1910 году стал коллежским секретарем. С 1911 года Аркадий Аркадиевич – следователь Пензенского Окружного суда, затем, вплоть до перевода в Петроград, следователь по важнейшим делам того же суда{560}.

Состояние дел в Петроградской сыскной Аркадия Аркадиевича Кирпичникова ужаснуло:

«Оплата трамвайных поездок, вследствие крайне

недостаточного содержания подведомственных мне чинов, всегда являлась для них весьма тяжелой, в настоящее же время, при возрастании всеобщей дороговизны и прогрессивно увеличивающемся количестве работы, расходы эти предоставляются совершенно непосильными»{561}, – написал Кирпичников в трамвайную комиссию ходатайство с просьбой разрешить служащим Сыскной бесплатный проезд.

«Ввиду сильного вздорожания цен на канцелярские принадлежности предлагаю соблюдать экономию в расходовании бумаги, не стесняясь писать рапорты и другие бумаги на мое имя или в полицию на четвертушках и даже на осьмушках бумаги», – велел он в одном из первых своих распоряжений.

26 августа 1916 года столичные газеты сообщили, что *"…в Петрограде, в целях облегчения борьбы с преступниками, по почину начальника сыскной полиции А.А. Кирпичникова, сыскным отделением был приобретен автомобиль, дающий возможность всем чинам полиции вовремя прибывать на место происшествия»*{562}.

Осенью 1916 года здание на Офицерской посетил князь Александр Николаевич Оболенский, предпоследний градоначальник столицы.

Рис. 106. Градоначальник Петрограда Александр Николаевич Оболенский

«Обойдя в сопровождении начальника сыскной полиции Кирпичникова все комнаты, в которых ютятся чиновники

и агенты, градоначальник неприятно поразился той обстановкой и тем антисанитарным состоянием, которые царят в здании сыскной полиции. В помещении длиной в пять аршин и шириною в два аршина[233] *ютятся десять человек служащих, в этом помещении невообразимый холод, грязь, отсутствие двойных рам и пр. Градоначальник обратил внимание также на посетителей, вызванных чинами полиции, которые толклись в узком, грязном и весьма зловонном коридоре»*{563}.

Оболенский обещал содействие, но вскоре был отстранен от занимаемой должности. А при его преемнике Александре Павловиче Балке (1866–1957) произошла Февральская революция.

2 марта 1917 года император Николай II отрёкся от престола. Временный комитет Государственной Думы назначил Временное правительство, которое, в свою очередь, 25 октября 1917 года после вооруженного переворота сместили большевики. Однако уголовная преступность в Петрограде в результате революций не исчезла, наоборот, увеличилась. Бороться с ней способны были только подготовленные кадры. Поэтому сотрудники Сыскной полиции практически в полном составе после Февральской революции служили в Петроградской уголовной милиции, а первые годы после Октябрьского переворота – в Петроградском уголовном розыске. Аркадий Аркадиевич Кирпичников руководил ими до декабря 1918 года{564}. По неподтвержденным данным, он умер в 1921 году от туберкулеза.

8. Петроградская уголовная милиция. Петроградский уголовный розыск

В нашем повествовании следовало бы поставить точку на событиях февраля 1917 года, когда было сожжено и разгромлено здание на Офицерской, 28, потому что история Петербургской/ Петроградской сыскной полиции на этом завершилась.

Но из уважения к её бесстрашным сотрудникам, которые в годы Гражданской войны, в холод и голод, при постоянной угрозе со стороны чекистов, анархистов, уголовников и прочих революционных и контрреволюционных элементов, продолжали борьбу с преступностью, расскажем, пусть и кратко, об организациях, ставших преемниками Сыскной полиции.

В феврале 1917 года полицейские, пытаясь противостоять противоправительственным выступлениям, начали применять оружие. Однако у восставших солдат оно тоже имелось. А численный перевес был на их стороне. После победы в уличных боях солдаты стали преследовать полицейских везде: в казармах, участках, квартирах… 1 марта «*в Обуховской больнице солдатами был заколот штыками находившийся там на излечении околоточный Лопатин. Надзиратель сыскной полиции А.О. Гурской был схвачен неизвестными на своей квартире (Ушаковская ул., дом 18), после чего ему отрезали пальцы, уши и разрубили шашками*»[{565}]. Общее количество пострадавших полицейских оценивается историками в 30–40 убитых и около сотни раненых. В марте лидеры революции стали призывать восставших не убивать, а арестовывать полицейских и доставлять их для разбирательства в Таврический дворец. Было арестовано порядка 3200 человек. Новой власти пришлось принимать специальное постановление, регулирующее порядок производства следствий по их делам. Согласно «Временным правилам об условиях освобождения арестованных и производства новых арестов в городе Петрограде», утверждённым Министерством юстиции 17 марта 1917 года, подлежали немедленному освобождению все арестованные без формальных оснований (без письменных приказов и постановлений). Дела чинов политической полиции, к которым почему-то были отнесены и сотрудники 8-го (сыскного) делопроизводства Департамента полиции, направлялись на рассмотрение Особой следственной комиссии. Чины речной полиции, служители съезжих домов и канцеляристы полицейских

участков приравнивались «в отношении условий и порядка их освобождения к частным лицам». О деятельности других чинов наружной полиции должно было быть *«произведено обследование через особые следственные отряды, состоящие из представителей судебного ведомства, присяжной адвокатуры и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».* Сотрудники Сыскной полиции удостоились в этих правилах отдельного пункта, по которому *«задержанные чины сыскной полиции, в непричастности коих к политическому сыску временные суды удостоверятся, зачисляются временными судами за Петроградским общественным Градоначальником и препровождаются в его распоряжение»*{566}, – иными словами, подлежали возвращению на прежнюю службу. Таким образом, новая власть признавала, что так остро нуждается в услугах царских сыщиков, что не может держать их взаперти ни одного лишнего дня.

Сыскная полиция была сохранена как учреждение (лишь поменяв название на Петроградскую уголовную милицию), но лишилась того помещения, где функционировала 35 лет – съезжий дом Казанской части, где она помещалась с 1883 года, был сожжён «восставшим народом», среди которого, без сомнения, преобладали бывшие фигуранты уголовных дел.

Кирпичникову с подчинёнными предоставили гораздо меньшее помещение – всего-то две квартиры в доме 26 по Большой Морской улице, куда они перебрались 1 апреля 1917 года. Да и находились эти помещения в весьма неприглядном состоянии – размещавшиеся там ранее военные поломали всю сантехнику, затопив жильцов нижних этажей, а также украли медные дверные ручки, замки и оконные шпингалеты.{567} Квартиры принадлежали частному страховому обществу «Жизнь», и расходы на их содержание должны были оплачиваться городским самоуправлением, однако город этого делать не спешил, Кирпичников был вынужден массу времени терять на переписку с требованием оплатить эти расходы.

В октябре 1917 года под лозунгами «Землю – крестьянам», «Фабрики – рабочим» и «Грабь награбленное» власть взяли большевики. Претворять их в жизнь они, впрочем, не собирались, но идейка «грабь награбленное» быстро овладела «революционными» массами – в ноябре 1917 года по Петрограду прокатилась волна массовых погромов, самочинных обысков с конфискацией имущества, «арестов» лиц с целью получения выкупа и т. д. И новым властям понадобились навыки и знания тех, кто умел расследовать и предотвращать грабежи, убийства и прочие преступления.

«Бывшие сотрудники сыскной полиции провели общее собрание и приняли резолюцию, в которой поддержали проводимые Петросоветом меры по укреплению общественного порядка и просили принять их на работу в милицию. Вряд ли эти люди приняли идеи большевизма, но как патриоты и профессионалы своего дела они прекрасно понимали, чем грозит Петрограду и стране уголовный террор.

Последний начальник царской сыскной полиции Аркадий Аркадиевич Кирпичников добился приема у [наркома внутренних дел] Г.И. Петровского и вручил ему резолюцию собрания сыщиков. Нарком внимательно выслушал Кирпичникова и попросил его самого и его подчиненных остаться на своих местах и выполнять свои функциональные обязанности, а главное – вплотную заняться профессиональной подготовкой милиционеров и налаживанием работы всех подразделений милиции»{568}.

Работать на большевиков отказались лишь Л.К. Петровский (явно по идейным соображениям) и А.С. Левиков (причины его отказа нам неизвестны).

Петроградскую Уголовную милицию переименовали в отдел уголовного розыска при центральной уголовно-следственной комиссии, а в феврале 1918 года передали в подчинение Комиссариату юстиции. Там решили «сблизить» уголовный розыск со следственными органами. Для этого при каждой следственной комиссии было создано отдельное бюро уголовного розыска, а при Центральной следственной комиссии – Центральное бюро уголовного розыска. В сентябре 1918 года (после убийства М.С. Урицкого) в УгРо прошли первые чистки – ВЧК арестовала свыше 20 сотрудников, оказавшихся бывшими приставами и помощниками приставов наружной полиции, которых после Февральской революции «приютил» у себя Кирпичников. В декабре 1918 года дошла очередь и до него – Аркадия Аркадиевича сняли с должности, однако не арестовали и даже не уволили – он служил в УгРО до самой смерти в 1921 году. Руководить Уголовным розыском поставили рабочего обувного завода «Скороход» Александра Васильевича Ульянова.

Город по-прежнему делился на пять частей, преступления в каждом из которых раскрывал отдельный подотдел (бюро) уголовного розыска, руководимый заведующим. В 1919 году все пятеро были бывшими чиновниками для поручений СПбСП – коллежский регистратор Сергей Николаевич Кренев руководил

Первым подотделом, губернский секретарь Семён Иванович Шилов заведовал 2-ым, бывшие чиновники младшего оклада Николай Лукашевич, Николай Свиридов и Иван Некрасов – третьим, четвертым и пятым соответственно. Регистрационно-справочным отделением (столом приводов по-старому) командовал известный дореволюционный криминалист Андрей Алексеевич Сальков. Делопроизводитель бывшей Сыскной полиции надворный советник Николай Михайлович Федоров заведовал канцелярией советского уголовного розыска.

Примерно до 1923 года бывшие сотрудники Сыскной служили в уголовном розыске (с июля 1920 г. он именовался Петроградской губернской следственно-розыскной милицией, а через год был переименован в Отдел уголовного розыска при Петроградской губернской милиции). К тому моменту с бандитизмом было покончено, а новые пролетарские кадры были обучены розыскному делу. «Спецы» стали не нужны, и их потихоньку удалили. Дольше всех задержались А.А. Сальков{569} (его «попросили» в 1928 году) и С.Н. Кренев, который в конце тридцатых дослужил до пенсии, а в годы Великой Отечественной войны вернулся в уголовный розыск{570}.

Заключение

В этом разделе мы попытались дать ответы на вопросы, которые непременно задали бы авторам, если бы сами ими не являлись.

Вопрос: о Петербургской сыскной прочел/прочла много книг. Зачем мне читать еще и вашу?

Ответ: у нас много нового, например, мы расскажем о «забытых» начальниках СПбСП (П.С. Вощинине, М.Ф. Чулицком, Л.К. Шереметевском и т. д.) и их помощниках (С.И. Инихове, А.П. Силине, И.А. Виноградове и т. д.); вы побываете «на экскурсии» в Сыскной – заглянете в стол приводов, поучаствуете в антропометрии и фотографировании задержанных, попадете на прием к В.Г. Филиппову и даже спуститесь в его квартиру. А также мы нашли ранее не публиковавшиеся сведения о вроде бы хорошо знакомых лицах (И.Д. Путилине, А.Ф. Кошко, К.П. Маршалке и т. д.).

Вопрос: как происходил отбор сыскных дел, включенных в книгу? Почему нет рассказа о деле Сары Беккер (Тарновской и т. д.)?

Ответ: за пятьдесят лет работы СПбСП было раскрыто несколько десятков тысяч преступлений, рассказать о каждом из них невозможно. Мы отбирали для каждого раздела, посвященному конкретному начальнику или его помощнику, дело или дела, в расследовании которых он принимал непосредственное участие. Единственное исключение – А.П. Силин – у нас нет сведений о его розыскной работе.

Вопрос: про все сыскные дела, о которых вы рассказываете, я уже когда-то где-то читал/читала. Неужели нельзя было найти что-нибудь неизвестное? Сами же пишите: «несколько десятков тысяч дел» было раскрыто!

Ответ: увы, в феврале 1917 года сгорел архив Окружного суда. Полицейский архив тоже сильно пострадал. И ныне источниками сведений про дореволюционные уголовные дела для всех авторов являются всеподданнейшие отчеты градоначальников; стенографические отчеты судебных заседаний и репортажи в газетах и журналах тех лет. По понятным причинам туда попадали лишь самые громкие из дел. Мы постарались включать в нашу книгу наименее известные из них или же когда могли сообщить что-то новое (например, в деле Тиме мы излагаем на основании протоколов судебного заседания нашу собственную версию «вычисления» сыщиками Долматова; а в деле Аренберга описываем неизвестные обстоятельства обнаружения тела

убитого и т. д.).

Вопрос: купил/купила вашу книгу ради сведений о чиновнике имярек. И не нашел / не нашла о нём ни слова. Почему? Опять одни начальники и их заместители! Откуда такое пренебрежение к рядовому составу?

Ответ: мы составили базу данных по чиновникам СПбСП. Но публиковать её не стали. Потому что по большинству из них отсутствуют какие-либо биографические данные, лишь сведения (да и то приблизительные), когда они поступили в Сыскное и когда оттуда уволились. И даже по тем чиновникам, формуляры которых мы разыскали, сообщить читателю нам практически нечего – сведения, в каких расследованиях тот или иной сотрудник принимал участие, там имеются далеко не всегда. Если кому-то из читателей понадобится собранная нами информация по конкретной персоне, пишите нам на почту spbsp1866@mail.ru

Вопрос: зачем вы опорочили славное имя Кошко (Маршалка, Путилина и т. д.)?

Ответ: мы не ставили перед собой задачи кого-то опорочить или восхвалять. Но, как добросовестные исследователи, не стали прятать факты, которые выставляют некоторых наших героев в непривычном свете. И… не нам с вами их судить.

Вопрос: почему вы не рассказали о судьбах потомков начальников и помощников Сыскной?

Ответ: некоторых мы упомянули, некоторых – нет. Подобный рассказ потребовал бы дополнительных (и довольно сложных) исследований.

Вопрос: зачем так много повторов? О поездке Кунцевича и Левикова в Киев вы рассказываете трижды – в разделах, посвященных им персонально, а ещё в разделе про Мищука…

Ответ: исключительно для удобства читателей. Ведь кто-то из вас будет читать книжку «от корки до корки», а кто-то обратится к ней как к источнику информации по конкретному историческому лицу.

Вопрос: книга очень понравилась. Хочу такую же, но про Московскую сыскную. Когда напишете?

Ответ: никогда. В предисловии мы сообщили, что материал копили полтора десятка лет, и все равно потребовался год дополнительных архивных и библиотечных поисков. Про Московскую (и любую другую) сыскную таких заделов нет. Будем надеяться, что книжки про них напишут другие исследователи. С удовольствием их прочтём.

Вопрос: я прочел все тома воспоминаний А.Ф. Кошко. В них нет рассказа «Кража краденого», который вы цитируете. Где вы его нашли? Как с ним ознакомиться?

Ответ: рассказы Аркадия Францевича Кошко сначала публиковались в газете «Иллюстрированная Россия», а потом уже были собраны (им и его наследниками) в трехтомник «Очерки уголовного мира царской России». По неизвестным причинам двадцать два (!) рассказа туда (и в многочисленные переиздания последних трех десятилетий) не попали. Также в современных сборниках за авторством И.Д. Путилина отсутствуют девять рассказов из книги Шевлякова М.В. «Из области приключений: по рассказам б. нач. С.-Петерб. сыск. полиции И.Д. Путилина» 1901 года. Здесь причины более понятны – составители используют сборник 1898 года, в который эти рассказы не были включены автором. Понимая, что любителям жанра будет интересно ознакомиться с этими произведениями, мы решили собрать их для вас в дополнительном томе. Также было решено включить в него рассказы М.Ф. Чулицкого, опубликованные на страницах дореволюционных газет, – мы выбрали только те из них, которые посвящены криминальным расследованиям и описанию преступников. Рассказы, вошедшие в не так давно переизданные сборники «Петербургские бродяги» и «Прелестная женщина», в эту книгу не вошли.

Вопрос: вы обещали, что будете и дальше работать над этой книгой. Когда ждать переиздание?

Ответ: да, мы надеемся, что откликнутся потомки наших героев и мы получим новые фотографии, формуляры, а может, и мемуары. Также уверены, что «знающие люди» непременно укажут нам на наши ошибки. Непременно все их учтем при подготовке «бумажной» версии.

Вопрос: книга понравилась. Однако никогда раньше ни о ком из вас не слышал / не слышала. А что вы ещё написали?

Ответ: мы авторы исторических детективных романов. Вот их список на апрель 2020 года (он постоянно пополняется).

Рис. 107. Валерий Введенский, Иван Погонин, Николай Свечин (слева направо). Фото Татьяны Народенко и Ивана Скобеева.

Николай Свечин

Сыщик Алексей Лыков – в скобках год действия в произведении:

1. Завещание Аввакума (1879)
2. Охота на царя (1880)
3. Между Амуром и Невой (другие названия: «“Демон” преступного мира» и «Роковые числа») (1883)
4. Хроники сыска (сборник из семи рассказов, 1876–1881)
5. Выстрел на Большой Морской (1883)
6. Пуля с Кавказа (1885)
7. Дело Варнавинского маньяка (1886)
8. Варшавские тайны (1887)
9. Мёртвый остров (1889)
10. Убийство церемониймейстера (1892)
11. Туркестан (1894)
12. Удар в сердце (сборник, 1877–1916)
13. Ночные всадники (сборник повестей «Последняя выставка» и «Ночные всадники» (также издавалась под названием «Тёмные всадники») (1896)
14. Дознание в Риге (1898)
15. Касьянов год (1900)
16. Лучи смерти (1903)
17. Тифлис 1904 (1904)
18. Банда Кольки-куна (1905)
19. По остывшим следам (1906)
20. Фартовый город (1907)
21. Узел (1907)
22. Случай в Семипалатинске (1907)
23. Столица беглых (1909)
24. Одесский листок сообщает (1909)
25. Восьмое Делопроизводство (1910)

Сыщик Ахлестышев:

1. Московский апокалипсис (1812)

Валерий Введенский

Сыщики Илья Тоннер и Денис Угаров – в скобках год действия в произведении:

1. Старосветские убийцы (1829)
2. Сломанная тень (1829)

Сыщик Александра Тарусова – в скобках год действия в романе:

1. Приказчик без головы (1870)
2. Мертвый час (1870)
3. Убийца из прошлого (1871)
4. Напиши себе некролог (1872, 1905)
5. Рассказы в сборнике «Убийственное рождество»: «Лошадка класненькая» (1870), «Котолизатор» (1871) и «Похитители Рождества» (1872)

Иван Погонин

Сыщики Мечислав Кунцевич и Осип Тараканов – в скобках год действия в произведении:

1. Превышение полномочий (1889–1899)
2. Приёмы сыска (в сборнике «Скрытые улики») (1893)
3. Сыскная одиссея (сборник повестей: Сыскная одиссея (1906–1907), Убийство на Миллионной (1907–1909))
4. Алмазный гусь (в сборнике «Убийственное Рождество») (1907)
5. Отпечаток на манускрипте (в сборнике «Трепет черных крыльев») (1908)
6. По следам фальшивых денег (сборник повестей: «Ограбление в Гостином дворе» (1908) и «По следам фальшивых денег» (1913))
7. Семинарист (1912)
8. Тайна Святой Эльжбеты (1914)
9. Экспедиция в рай (сборник повестей: «Бывший» (1918) и «Экспедиция в рай» (1925)
10. Бриллианты шталмейстера (сборник романов «Бриллианты шталмейстера» (1901) и «Белое золото» (1902–1903))

Приложения

1. Штаты Санкт-Петербургской сыскной полиции

Для удобства читателей, начиная со штатов 1876 года, справочно добавлена колонка +/– (увеличение/уменьшение по сравнению с предыдущими штатами)

1.1. Штат и годовое содержание 1867 года{571}

Должность	Кол-во	Жалованье	Столовых	Квартирных	На разъезды	ВСЕГО
Начальник Сыскной полиции	1	1500	700	В натуре	600	2800
Чиновники для поручений	4	1000	500		600	8400
Полицейские надзиратели	12	450				5400
Делопроизводитель	1	1000	500			1500
Старший помощник делопроизводителя	1	600	400			1000
Младший помощник делопроизводителя	2	400	200			600
Журналист, он же архивариус	1	400	200			600
Квартирные деньги чинам Управления обер-полицмейстера и подведомственных ему Канцелярий с сыскной частью						14 200
На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов						2200
На экстренные расходы по полицейским розыскам						8000

1.2. Штат и годовое содержание 1873 года{572}

Должность	Число лиц	Жалованье	Столовых	Квартирных	На разъезды	Всего	+/–
Начальник Сыскной полиции	1	1500	700	Натур.	600	2800	
Чиновники для поручений	4	1000	500	400	600	10 000	
Полицейские надзиратели	12	450				5400	
Наем для них помещений				1300		1300	
Делопроизводитель	1	1000	500	300		1800	
Старший помощник делопроизводителя	1	600	400	250		1250	
Младший помощник делопроизводителя	2	400	200	200		1600	
Журналист, он же архивариус	1	400	200	150		750	
На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов						2200	
На экстренные расходы по полицейским розыскам						8000	
ВСЕГО						35 100	

1.3. Штат и годовое содержание 1876 года{573}

Должность	Число лиц	Жалованье	Столовых	Квартирных	На разъезды	Всего	+/–
Начальник Сыскной полиции	1	1500	700	Натур.	600	2800	
Помощник его	1	1000	500	500	500	2500	+2500
Чиновники для поручений	4	1000	500	480	600	10 320	+320
Полицейские надзиратели	20	600				12 000	+6600
Наем для них помещений				1560		1560	+260
Делопроизводитель	1	1000	500	360		1860	+60
Старший помощник делопроизводителя	1	600	400	300		1300	+50
Младший помощник делопроизводителя	2	400	200	240		1680	+80
Журналист, он же архивариус	1	400	200	180		780	+30
На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов						3800	+1600
На экстренные расходы по полицейским розыскам						20 000	+12 000
ВСЕГО						58 600	+23 500

1.4. Штат и годовое содержание 1887 года{574}

Должность		Количество	Жалованье	Столовых	Квартирных	На разъезды	Всего	+/–
Начальник Сыскной полиции		1	2000	1000	В натуре	800	3800	+1000
Помощник его		1	1000	500	500	500	2500	
Чиновники Сыскной полиции		2	800	500	300	400	7000	–3320
		2	600	400	200	300		
Полицейские надзиратели	1 разряда	25	800				83 000	+71 000
	2 разряда	25	700					
	3 разряда	70	650					
Делопроизводитель		1	1000	500	360		1860	0
Старший помощник делопроизводителя		1	600	400	300		1300	0
Младший помощник делопроизводителя		1	400	200	240		1680	0
Журналист, он же архивариус		1	400	200	180		780	0
На расходы по производству розысков по уголовным делам							15 000	–5000
На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов							7000	+3200
ВСЕГО							123 920	

1.5. Штат и годовое содержание 1904 года{575}

Должность		Количество	Жалованье	Столовых	Квартирных	На разъезды	Всего	+/–
Начальник Сыскной полиции		1	2000	1000	В натуре	1000	4000	+200
Помощник его		1	1200	600	600	600	3000	+500
Чиновники Сыскной полиции		2	1000	600	400	500	9500	+2500
		3	600	400	200	300		
Полицейские надзиратели	1 разряда	25	900				102 250	+19 250
	2 разряда	25	720					
	3 разряда	95	650					
Им на разъезды							7000	+7000
Делопроизводитель		1	1000	500	360		1860	0
Старший помощник делопроизводителя		1	600	400	300		1300	0
Младший помощник делопроизводителя		2	400	200	240		1680	0
Журналист, он же архивариус		1	500	300	200		1000	+220
Фельдшер		1	420				420	+420
Наем фотографа		1					1000	+1000
На расходы по производству розысков по уголовным делам							15 000	
На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов							10 000	+3000
ВСЕГО							158 010	33 990

1.6. Штат и годовое содержание 1916 года{576}

Должность		Количество	Жалованье	Столовых	Квартирных	На разъезды	Всего	+/–
Начальник Сыскной полиции		1	2500	2500	В натуре	1500	6500	+2500
Помощник его		2	1520	1520	980	600	9200	+6200
Чиновники Сыскной полиции высшего оклада		5	920	920	920	500	29 050	+19 550
		5	750	750	750	300		
Полицейские надзиратели	1 разряда	50	600	600	300		250 000	+147 750
	2 разряда	50	520	520	260			
	3 разряда	100	440	140	230			
Им на разъезды							15 000	+8000
Делопроизводитель		1	1000	1000	700		2700	+840
Старший помощник делопроизводителя		2	640	640	640		3840	+2540
Младший помощник делопроизводителя		4	440	440	440		5280	+3600
Журналист, он же архивариус		1	480	480	480		1440	+440
Фельдшер		1	250	250	200		700	+280
Фотограф		1	600	600	300		1500	+500
На расходы по производству розысков по уголовным делам							30 000	+15 000
На канцелярские расходы и вольнонаемных писцов							20 000	+10 000
ВСЕГО							**375 210**	**+217 200**

2. Деление Санкт-Петербурга на полицейские отделения

До 1906 года столица была поделена на четыре полицейские отделения, после – на шесть. Каждое отделение возглавлял полицмейстер, напрямую подчинявшийся градоначальнику. Полицмейстеру подчинялись участковые приставы (несмотря на то что участки были объединены в части, руководителей у частей – частных приставов – не было). Однако в каждой части имелось здание/здания, в котором размещались: пожарная команда, помещения для задержанных или отбывающих наказание правонарушителей, состоявшего при части врача, повивальной бабки и ветеринара.

Состав полицейских отделений на 1905 год

1-е отделение:
– 1-й участок Адмиралтейской части;
– 1-й участок Казанской части;
– 1-й, 2-й и 3-й участки Спасской части;
– 1-й, 3-й и 4-й участки Литейной части;
– 2-й, 3-й и 4-й участки Московской части.
2-е отделение:
– 2-й участок Адмиралтейской части;
– 2-й и 3-й участки Казанской части;
– 4-й участок Спасской части;
– 1-й и 2-й участки Коломенской части;
– 1-й, 2-й и 3-й участки Нарвской части;
– Петергофский участок.
3-е отделение:
– 1-й участок Московской части;
– 2-й участок Литейной части;
– 1-й, 2-й и 3-й участки Александро-Невской части;
– 1-й, 2-й и 3-й участки Рождественской части;
– Охтенский участок (ранее называвшийся 3-м Охтенским участком Выборгской части);
– Шлиссельбургский участок;
– Полюстровский участок;
– Александровский участок;
4-е отделение:
– 1-й и 2-й участки Васильевской части;

– 1-й, 2-й, 3-й и 4-й участки Петербургской части;
– 1-й и 2-й участки Выборгской части;
– Суворовский участок;
– Лесной участок{577}.

Состав полицейских отделений после 1906 года:

1-е отделение:
– 1-й и 2-й участки Адмиралтейской части;
– 1-й и 2-й участки Казанской части;
– 1-й, 2-й, 3-й и 4-й участки Спасской части;
– 1-й участок Литейной части.
2-е отделение:
– 1-й и 2-й участки Коломенской части;
– 3-й участок Казанской части;
– 1-й, 2-й, 3-й и 4-й участки Нарвской части;
– Петергофский участок.
3-е отделение:
– 2-й, 3-й и 4-й участки Литейной части;
– 1-й, 2-й и 3-й участки Рождественской части;
– 1-й, 2-й и 3-й участки Московской части.
4-е отделение:
– 1-й и 2-й участки Васильевской части;
– 1-й, 2-й, 3-й и 4-й участки Петербургской части;
– Суворовский участок;
– Гаванский участок;
– Ново-Деревенский участок.
5-е отделение:
– 1-й и 2-й участки Выборгской части;
– Лесной участок;
– Полюстровский участок;
– Охтенский участок.
6-е отделение:
– 1-й, 2-й, 3-й и 4-й участки Александро-Невской части;
– Шлиссельбургский участок;
– Александровский участок{578}.

3. Список начальников Санкт-Петербургской сыскной полиции и исправлявших эту должность [234] с 1866 по 1917 год

Фамилия, имя, отчество	Чин, с которым вступил в должность / оставил должность	Период, в который возглавлял Сыскное отделение
Иван Дмитриевич Путилин	Титулярный советник / действительный статский советник	31.12.1866—01.02.1875 03.06.1878—31.07.1881 01.04.1883—04.05.1889
Григорий Григорьевич Кирилов	Коллежский советник	11.02.1875—30.04.1877
Василий Иванович Назоров (или Назаров)	Коллежский асессор	Исправлял должность с 30.04.1877 по 03.06.1878
Василий Адрианович Иванов	Коллежский советник / статский советник	31.07.1881—01.04.1883
Иван Александрович Виноградов	Коллежский советник	Исправлял должность с 11.06.1889 по 14.07.1889
Платон Сергеевич Вощинин	Надворный советник / статский советник	С 14.07.1889 по 19.09.1889 исправлял должность начальника Сыскной. Начальник СПбСП с 19.09.1889 по 15.07.1896
Леонид Алексеевич Шереметевский	Коллежский советник	15.07.1896—14.01.1899
Михаил Флорович Чулицкий	Статский советник	14.01.1899—10.02.1903
Владимир Григорьевич Филиппов	Надворный советник / действительный статский советник	С 22.01.1903 по 15.02.1903 исправлял должность начальника Сыскной. Начальник СПбСП с 15.02.1903 по 22.12.1915
Александр Степанович Левиков	Коллежский асессор	С 22.02.1915 по 21.03.1916 исправлял должность начальника Сыскной
Аркадий Аркадиевич Кирпичников	Титулярный советник / коллежский асессор	21.03.1916 — март 1917 г.

4. Список помощников начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции и исправлявших эту должность [235] с 1877 по 1917 год

Фамилия, имя, отчество	Чин, с которым вступил в должность / оставил должность	Период, в который был помощником начальника Сыскного отделения
Август Ульрихович Гейер	Штабс-капитан/штабс-капитан	01.01.1877—21.08.1878
Василий Васильевич Фурсов	Коллежский советник	С 21.08.1878—25.11.1878
Василий Адрианович Иванов	Коллежский советник	20.06.1880—31.07.1881. Позднее служил начальником Сыскной полиции
Николай Васильевич Титов	Отставной капитан	11.01.1882[579] — 04.09.1882[580]
Иван Александрович Виноградов	Коллежский советник	24.01.1883—07.05.1884 исправлял должность помощник начальника СПбСП. 07.05.1884—11.06.1889 и 14.07.1889—28.03.1890 — помощник начальника СПбСП. 11.06 1889—14.07.1889 — исправлял должность начальника СПбСП
Леонид Александрович Шереметевский	Коллежский асессор / коллежский советник	02.06.1890—31.12.1893 — исправлял должность помощника начальника СПбСП. 31.12.1893—15.07.1896 — помощник начальника СПбСП. После служил начальником СПбСП
Александр Петрович Силин	Коллежский асессор / надворный советник	15.07.1896—18.05.1899
Сергей Ильич Инихов	Надворный советник / коллежский секретарь	24.05.1899—01.10.1906
Аркадий Францевич Кошко	Коллежский асессор / надворный советник	01.10.1906—03.05.1908
Карл Петрович Маршалк	Коллежский секретарь / коллежский асессор	11.05 1908—28.06.1914
Мечислав Николаевич Кунцевич	Надворный советник	15.08.1914—11.01.1915
Александр Степанович Левиков	Коллежский асессор	Январь 1915 г. — март 1917 г. 22.02.1915—21.03.1916 — исправлял должность начальника Сыскной
Петр Михайлович Игнатьев.	Коллежский секретарь	Конец 1916 г. — март 1917 г.

{579}{580}

5. Данные из формулярного списка И.А. Виноградова{581}

Иван Александрович Виноградов – коллежский секретарь, бывший помощник начальника СПбСП, православный, имеет ордена св. Станислава 2-й и 3-й степеней, св. Анны 3-й степени, медаль «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.», жалование – 2500 рублей в год, из дворян. Имений нет.

По окончании курса наук в Костромской губернской гимназии поступил в Ярославский Демидовский лицей в 1858 году. Уволен со второго курса по прошению в 1860 году.

В службу вступил канцелярским служителем Костромского губернского правления 11.08.1860.

20.07.1861 – помощник столоначальника.

23.06.1862 – переведён в Костромское дворянское собрание канцелярским служителем.

26.11.1862 – кандидат на полицейское место.

12.12.1862 – коллежский регистратор со старшинством с 11.08.1861.

11.01.1863 – командирован в помощь приставу 2-го стана Макарьевского уезда Костромской губернии.

С 19.04.1863 исправляет эту должность.

15.05.1863 – отозван из Макарьевского уезда, 08.11.1863 – уволен от должности кандидата на полицейское место.

26.11.1863 – назначен старшим помощником секретаря Виленского губернского правления.

24.06.1864 – и. д. судебного следователя Лидского уезда.

16.10.1865 – старший помощник надзирателя 5-го округа Виленского акцизного управления.

21.06.1867 – произведён в чин губернского секретаря со старшинством с 29.08.1864.

28.04.1868 – уволен от службы.

21.06.1868 – непременный заседатель Кинешемского полицейского управления.

02.05.1868 – произведён в коллежские секретари со старшинством с 29.08.1867.

01.02.1869 – дворянский заседатель Костромского уездного суда. Во время службы неоднократно исправлял должность уездного судьи, также неоднократно командирован был в составе следственной комиссии по разным делам.

В связи с упразднением уездного суда 01.06.1869 выведен за штат.

09.08.1869 – и. д. судебного пристава при Костромской палате уголовного и гражданского суда.

28.02.1870 – и. д. судебного следователя Буйского уезда.

04.08.1871 – произведён в титулярные советники со старшинством с 22.10.1870.

01.07.1871 – причислен к департаменту Министерства юстиции.

10.04.1872 – младший чиновник особых поручений при Елисаветпольском губернаторе.

13.12.1875 – в Департамент таможенных сборов Министерства финансов.

17.12.1875 – направлен на службу в СПб. сухопутную таможню.

С 25.04.1876 – эконом в СПб. Доме Предварительного Заключения.

20.01.1877 – коллежский асессор (старшинство с 22.10.1873).

27.07.1878 – надворный советник (старшинство с 22.10.1877).

06.06.1878 – эконом в Санкт-Петербургской Исправительной тюрьме.

07.06.1878 – награждён орденом св. Станислава 3-й степени.

06.07.1878 – переводится на должность эконома в Санкт-Петербургскую исправительную тюрьму (приказ № 187 от 06.07.1878 Санкт-Петербургского градоначальника)[582].

С 31.05.1881 – помощник начальника Исправительной тюрьмы.

26.10.1881 – и. д. начальника этой тюрьмы.

22.04.1882 – коллежский советник, старшинство с 22.10.1881.

26.09.1882 – причислен к штату СПб. полиции.

С 24.01.1883 начал исправлять должность помощника начальника СПбСП, 07.05.1884 утверждён в этой должности.

23.06.1884 – награждён орденом св. Анны 3-й степени, 01.01.1889 – св. Станислава 2-й степени. С 11 июня по 14 июля 1889 года исправлял должность начальника СПбСП.

*28.03.1890 – уволен от службы. Женат вторым браком на девице Анне Алексеевне Даниэль. Дети: сын **Леонид**, 05.08.1873 г.р., дочь **Ольга** 02.07.1875 г.р. Сын учился в реальном училище, дочь – в частной гимназии.*

Страдал тяжёлой и неизлечимой болезнью, дающей право на получение пенсии. Пенсию назначили в июне 1890 года в размере 750 рублей в год начиная с 28 марта 1890 года[583].

6. Данные из формулярного списка П.С. Вощинина{584}

17.07.1873

По окончании полного курса наук в Лицее князя Безбородько[236] в службу вступил с правом на чин 12 класса в штат Канцелярии Волынского губернатора

05.09.1873

Назначен чиновником особых поручений сверх штата

13.01.1874

Назначен штатным чиновником особых поручений

08.04.1877

Назначен старшим чиновником особых поручений

15.10.1875

Утвержден почетным попечителем Житомирского сиротского дома

04.03.1878

Назначен Исправляющим должность Правителя Канцелярии Волынского губернатора

15.04.1878

Утвержден в этой должности

16.07.1878

Предложением Волынского губернатора отчислен от должности Правителя Канцелярии вследствие назначения в распоряжение Императорского Российского комиссара в Болгарии

07.06.1878

Приказом Императорского Российского комиссара в Болгарии назначен начальником Почтового отдела внутренних дел

15.02.1878[237]

Приказом начальника Военных сообщений действующей армии от 15.02.1878 за № 254 назначен исправляющим должность управляющего Почтовой частью в оккупационных войсках

05.12.1879

Приказом по МВД назначен советником Волынского Губернского Правления

31.01.1882

Приказом министра внутренних дел от 31.01.1882 назначен исполняющим делами управляющего почтовой частью Витебской губернии

02.08.1883

Приказом министра внутренних дел от 02.08.1883 назначен чиновником особых поручений 6 класса при Почтовом департаменте.

22.05.1884

Почтовый департамент вместе с телеграфным объединен в Главное управление почт и телеграфов

21.08.1885

Приказом по МВД назначен делопроизводителем Главного управления почт и телеграфов

12.07.1889

Переведен в штат С.-Петербургской сыскной полиции

14.07.1889

Допущен к исправлению должности начальника С.-Петербургской сыскной полиции

19.09.1889

Назначен господином министром внутренних дел начальником С.-Петербургской сыскной полиции

15.07.1896

Высочайшим указом по гражданскому ведомству № 44 от 15.07.1896 уволен от службы согласно прошению по болезни

25.11.1898

Остерским Уездным Земским Собранием избран председателем Остерской Уездной Земской Управы, в каковой утвержден господином Черниговским губернатором 20 мая 1899 года

20.05.1899

Государь Император всемилостивейше согласился во время состояния на службе по Остерскому земству получаемой пенсии в половинном размере, т. е. 1000 рублей в год, с тем чтобы таковая по оставлении означенной должности была восстановлена полностью

01.06.1900

Согласно прошению по болезни господином Черниговским губернатором уволен от должности

Чины

Дата	№ Указа Правительствующего Сената / основание	Чин	Старшинство с
13.08.1874	№ 78, выслуга лет	Губернский секретарь	25.07.1873
25.07.1875	№ 64, выслуга лет	Коллежский секретарь	25.07.1875
30.09.1879	Высочайший приказ по военному ведомству от 30.09.1879, выслуга лет	Титулярный советник	25.07.1878
25.07.1881	№ 24, выслуга лет	Коллежский асессор	25.07.1881
11.02.1886		Надворный советник	25.07.1885
25.10.1890	№ 195, выслуга лет	Коллежский советник	21.07.1890
08.02.1894		Статский советник	25.07.1893

Ордена

Дата	Всемилостивейше пожалован кавалером ордена…
27.06.1875	св. Станислава 3-й степени
07.07.1878	св. Анны 3-й степени
30.08.1879	св. Станислава 2-й степени
21.07.1880	Получил Высочайше установленный 13.03.1879 знак Красного Креста при свидетельстве от 21.07.1880 № 22938
03.07.1884	св. Анны 2-й степени
01.01.1887	св. Владимира 4-й степени
01.01.1891	св. Владимира 3-й степени

7. Данные из формулярного списка Л.А. Шереметевского{585}

Коллежский советник Шереметевский Леонид Алексеевич, 50 лет от роду, вероисповедание православное.

Отпуска

В 1886 году – 21 день.

В 1892 году – 28 дней.

Отставки

С 9 августа по 31 октября 1872 года.

С 19 сентября 1873 года по 30 августа 1875 года.

С 1 по 16 ноября 1877 года.

С 20 апреля по 2 сентября 1879 года.

01.11.1868

По окончании полного курса наук в 1-м уездном Московском училище в службу вступил в Московскую ссудную казну в числе канцелярских служителей

09.08.1872

По прошению уволен со службы

31.10.1872

Определен в число канцелярских служителей Рязанского Окружного суда

19.09.1873

По прошению уволен со службы

22.10.1874

Определен городовым в Санкт-Петербургскую полицию

30.08.1875

Назначен околоточным надзирателем

01.01.1877

Переведен полицейским надзирателем в Санкт-Петербургскую сыскную полицию

01.11.1877

По прошению уволен со службы

16.11.1877

Определен в штат Тамбовского Губернского Правления с откомандированием в городское полицейское управление

30.05.1878

Назначен и. д. пристава 1-й части города Тамбова

20.04.1879

Согласно прошению уволен в отставку по домашним обстоятельствам

02.09.1879

Определен полицейским надзирателем в Санкт-Петербургскую сыскную полицию

11.11.1880

Зачислен в штат Санкт-Петербургской полиции с прикомандированием для занятий к Управлению Сыскной полиции

15.02.1882

Зачислен чиновником полицейского резерва

30.10.1884

Назначен исправляющим должность чиновника для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции

09.04.1889

Утвержден в должности чиновника для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции

02.06.1890

Назначен исправляющим должность помощника начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции

31.12.1893

Утвержден в этой должности

15.07.1896

Высочайшим указом по гражданскому ведомству № 44 от 15.07.1896 назначен начальником С.-Петербургской сыскной полиции[238]

05.03.1899

Высочайшим указом по гражданскому ведомству № 15 уволен от службы согласно прошению с мундиром и усиленной пенсией в 200 рублей с 14.01.1899

Чины

Дата	№ Указа Правительствующего Сената, основание	Чин	Старшинство с
03.07.1876	№ 68, за выслугу лет	Коллежский регистратор	25.02.1876
07.08.1880	№ 124, за выслугу лет	Губернский секретарь	10.03.1879
22.04.1882	№ 1573, за выслугу лет	Коллежский секретарь	10.03.1882
07.10.1885	№ 3784, за выслугу лет	Титулярный советник	10.03.1885
18.04.1888	№ 1634, за выслугу лет	Коллежский асессор	10.03.1888
01.07.1892	№ 76, за выслугу лет	Надворный советник	10.03.1892
12.08.1896	Высочайшим приказом за выслугу лет	Коллежский советник	10.03.1896

Ордена

Дата	Всемилостивейше пожалован кавалером ордена…
21.06.1887	св. Станислава 3-й степени
01.01.1892	св. Станислава 2-й степени
06.12.1895	св. Анны 2-й степени
06.12.1898	св. Владимира 4-й степени
02.06.1897	Разрешение на Австрийский орден Франца-Иосифа кавалерийского креста 3-й степени[586]

{586}

8. Данные из формулярного списка А.П. Силина{587}

Родился 30 августа 1857 года. В походах и делах против неприятеля не был; наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в правах и преимуществах по службе, не подвергался; в отпусках был: в 1896 году – на 12 дней; в 1897 году – на 4 недели; в 1898 году – на 21 день; в 1899 году – на 5 дней, вернулся 2 днями раньше срока; в 1901 году – на 2 месяца; в 1902 году – на 2 недели, возвратился 4 днями ранее срока, в 1903 году – на 28 дней. Из отпусков возвращался в срок. В отставке был с 30 июня по 14 июля 1892 года.

Получал жалованья 1000 рублей, столовых – 500 рублей, квартирных – 500 рублей.

16.02.1877

Воспитывался в Виленском реальном училище, в котором закончил 5 классов. Предложением генерал-губернатора генерал-адъютанта Альбединского[239] от 16.02.1877 за № 877 согласно прошению зачислен в штат Канцелярии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора

14.02.1879

По постановлению Ковенского Губернского Правления назначен полицейским надзирателем местечка Юрбург[240]

11.06.1880

По предложению Ковенского губернатора за № 4793 и по постановлению Губернского Правления назначен и. д. полицейского чиновника местечка Швокшни

10.11.1880

По постановлению Ковенского Губернского Правления перемещен на ту же должность в местечко Ново-Место

03.04.1882

Перемещен на должность пристава 4-го стана Россиенского[241] уезда

28.05.1886

По резолюции Губернского Правления перемещен на должность пристава 4-го стана Тельшевского[242] уезда

25.06.1886

Перемещен на такую же должность во 2-й стан Ново-Александровского уезда

06.12.1887

Согласно предложению Ковенского губернатора № 9911 и по постановлению Губернского Правления № 955 перемещен на должность пристава в 1-й стан Ново-Александровского[243] уезда

10.02.1892

Согласно прошению предложением Ковенского губернатора зачислен в штат Ковенского Губернского Правления с увольнением от должности пристава

30.06.1892

Резолюцией Ковенского Губернского Правления уволен от службы согласно прошению по домашним обстоятельствам

14.07.1892

Господином Варшавским генерал-губернатором назначен на должность делопроизводителя Сыскного отделения при канцелярии Варшавского обер-полицмейстера с жалованьем 1000 рублей в год

01.03.1893

Министерством внутренних дел на основании ст. 44–45 положения об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского /том III Св. Зак. Изд. 1890 года/ назначено пособие в размере 600 рублей из суммы города Варшава

01.03.1893

Министерством внутренних дел на основании ст. 48 положения об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского /том III Св. Зак. Изд. 1890 года/, а также 44 ст. того же положения по прод. 1893 года назначено пособие на воспитание дочери его Евгении в размере 100 рублей в год

27.01.1895

Господином министром юстиции доведено до сведения Министерства внутренних дел об особо полезной и усердной служебной деятельности, выразившейся в обнаружении целого

ряда преступлений и изобличении виновных, ввиду чего господином главным начальником края в предложении от 27.01.1895 за № 1147 поручено объявить благодарность Его сиятельства за полезную и усердную службу

С 28.01.1895 по 02.05.1895

По случаю болезни начальника Сыскной исправлял его должность

С 12.03.1896 по 11.05.1896

По случаю болезни начальника Сыскной исправлял его должность

15.07.1896

Переведен в штат Петербургского[244] Градоначальства с прикомандированием к управлению Сыскной полиции

15.07.1896

Назначен помощником начальника той же полиции

18.05.1899

Назначен участковым приставом Петербургской[245] столичной полиции

14.02.1904

Уволен от службы согласно прошению по болезни

19.07.1904

Как видно из отношения от 19.07.1904 за № 7624, на основании Высочайше утвержденного 03.07.1904 положения комитета министров назначена усиленная пенсия в размере 1100 рублей в год производством с 14.02.1904

Чины

Дата	Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, основание	Чин	Старшинство с
10.09.1881	Указом Правительствующего Сената № 118, за выслугу лет	Коллежский регистратор	С 16.02.1881
03.12.1884	Указом Правительствующего Сената № 146, за выслугу лет	Губернский секретарь	С 16.02.1884
13.11.1887	Указом Правительствующего Сената № 132, за выслугу лет	Коллежский секретарь	С 16.02.1887
06.06.1890	Указом Правительствующего Сената № 144, за выслугу лет	Титулярный советник	С 16.02.1890
15.11.1895	Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 70	Коллежский асессор	С 10.11.1895
01.03.1897	Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 81, за выслугу лет	Надворный советник	С 01.03.1897
05.10.1901	Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 77, за выслугу лет	Коллежский советник	С 01.03.1901

Подарки и ордена

Дата	Всемилостивейше...
1895 г.	Пожалован суммою в 150 рублей за отличную усердную службу
1896 г.	Награжден орденом св. Станислава 3-й степени
06.03.1898	Разрешено принять и носить французскую золотую медаль
06.12.1899	Награжден орденом св. Анны 3-й степени
06.12.1903	Награжден орденом св. Станислава 2-й степени

9. Данные из формулярного списка М.Ф. Чулицкого{588}

Статский советник Михаил Флорович Чулицкий, начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции, 49 лет от роду. Сын коллежского советника. В походах и делах против неприятеля не был; наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в правах и преимуществах по службе, не подвергался.

Отпуска: 1876 год – сроком на 1 месяц; 1877 год – сроком на 28 дней; 1881 год – сроком на 2 месяца; 1885 год – с 25 июня по 1 августа и с 25 октября по 16 ноября, просрочил по болезни на 5 дней, причина просрочки признана уважительной; 1901 год – на 2 месяца; 1902 год – на 1 месяц, отпуск продлен ещё на месяц, из последнего отпуска вернулся двумя днями раньше срока, а из остальных – в срок. Во всех отпусках находился с сохранением содержания.

Сведения о супруге и детях приведены в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

С 20.06.1876 по 02.07.1876

По окончании курса в военном юридическом училище прикомандирован в распоряжение главного военно-судного управления

28.07.1876

Исключен из списка училища и отправлен в главное военно-судное управление

28.07.1876

Оставлен в главном управлении для прохождения занятий по военно-судной части

17.08.1876

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 29 переведен в ведомство Министерства юстиции с откомандированием в распоряжение Витебского губернского прокурора

С 29.09.1876 по 09.09.1877

По распоряжению губернского прокурора Витебской соединенной палаты командирован в помощь для занятий к Лепельскому судебному следователю, в которой состоял до

09.09.1877

23.09.1877

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 25 назначен и. д. судебного следователя Архангельского уезда Архангельской губернии

16.12.1878

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 50 назначен и. д. судебного следователя 1 участка г. Архангельска

17.07.1880

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 32 переведен и. д. временного судебного следователя по Астраханской губернии

30.12.1881

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 56 назначен и. д. судебного следователя 8 участка округа Смоленского Окружного суда

13.01.1886

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 2 назначен товарищем прокурора Тульского Окружного суда

30.12.1889

Приказом по ведомству Министерства юстиции за № 2 назначен товарищем прокурора Санкт-Петербургского Окружного суда

16.02.1896

Председателем Высочайше учрежденной Комиссии и предупреждении занесения в Империю чумной заразы и о борьбе с нею Его Высочеством Принцем Ольденбургским с согласия Его Высокопревосходительства господина министра юстиции был командирован в экспедицию генерал-лейтенанта Васмунда на берега Черного и Каспийского морей и на границу Турции и Персии, в каковой находился с 5 марта по 5 июня 1897 года

18.10.1898

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 78 уволен согласно прошению с должности товарища прокурора Санкт-Петербургского Окружного суда по случаю причисления к Министерству внутренних дел

18.10.1898

С разрешения господина министра причислен к Министерству внутренних дел с откомандированием в распоряжение С.-Петербургского градоначальника

18.10.1898

Назначен чиновником особых поручений при С.-Петербургском градоначальнике VII класса

14.01.1899

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 15 от 05.03.1899 назначен начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции

14.07.1900

Командирован с разрешения Министерства внутренних дел по делам службы за границу на пять недель

04.09.1900

Возвратился из командировки

Чины

Дата	Основание	Чин	Старшинство с
20.07.1876	По окончании курса в военно-юридическом училище Высочайшим приказом № 26	Губернский секретарь	20.06.1876
09.02.1880	Указом Правительствующего Сената № 19, за выслугу лет	Коллежский секретарь	20.06.1879
05.03.1886	Определение Департамента Герольдии, за выслугу лет	Титулярный советник	20.06.1882
14.10.1887	Определение Департамента Герольдии, за выслугу лет	Коллежский асессор	20.06.1885
08.11.1889	Определение Департамента Герольдии, за выслугу лет	Надворный советник	20.06.1889
10.11.1893	Определение Департамента Герольдии, за выслугу лет	Коллежский советник	20.06.1893
27.11.1897	Высочайшим приказом № 82, за выслугу лет	Статский советник	20.06.1897

Ордена и награды

Дата	Всемилостивейше пожалован кавалером ордена…
01.01.1890	св. Станислава 3-й степени
02.01.1898	св. Станислава 2-й степени
20.06.1893	св. Анны 3-й степени
06.12.1901	св. Владимира 4-й степени
01.01.1896	Серебряная медаль в память царствования Императора Александра III
14.01.1903	Напольные часы с изображением государственного герба из кабинета Его Императорского Величества

Список сокращений

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

МВД – Министерство внутренних дел

МИД – Министерство иностранных дел

МСП – Московская сыскная полиция

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГИА – Российский государственный исторический архив

РНБ – Российская национальная библиотека

СЕВК – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия

СПбСП – Санкт-Петербургская сыскная полиция

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

notes

Сноски

1

Судный приказ разбирал уголовные дела, не связанные с воровством, разбоем и убийствами, которыми занимался Сыскной приказ.

2

Струг – плоскодонное парусно-гребное средство, служившее для перевозки людей и грузов.

3

Порт на берегу Финского залива Балтийского моря. Ныне город Палдиски (Эстония).

4

Нечто подобное потом произойдет в Советской России – Петроградский уголовный розыск создали бывшие чиновники Сыскной полиции: А. А. Кирпичников, П. М. Игнатьев и другие. Но после того как они подготовили «пролетарские кадры», их выгнали со службы.

5

Аудитор – военный юрист.

6

Ищейки – сыщики, не состоявшие в штате полиции.

7

Гражданское.

8

Автор ранее в тексте поясняет, что в описываемые им времена участок назывался кварталом.

9

Высочайший приказ № 646 от 13 апреля 1845 г.

10

Кредитных билетов.

11

Адрес на 1867 г.: Большой пр. ПС, д. 80, между улицами Бармалеева и Ординарной.

12

Ныне Кондратьевский пр.

13

Металлическая дужка для навешивания замка.

14

Ныне ул. Красного Текстильщика и Смольный пр. Сейчас они не пересекаются, так как ул. Красного Текстильщика уменьшилась в длину.

15

Путилин путает имена/фамилии жертв и обстоятельства этой трагедии: прислугу он именует Прасковьей Хмыровой, сожительницу Григорьеву считает женой Ашмаренкова, а Сережу Петрова – их сыном. На самом деле мальчик никакого отношения к майору не имел, просто по несчастливой случайности заночевал у него в квартире. Путилин сообщает, что Петров был кадетом, хотя мальчик учился в Ларинской гимназии; подробно описывает увиденный им в квартире его труп, хотя на самом деле Петров был найден живым, на руках отнесен в Мариинскую больницу, где и умер через несколько дней, так и не придя в сознание. Перепутал Путилин и фамилию домовладельца Яковлева, назвав его Степановым.

16

Путилин пишет фамилию иначе – АшмОренков.

17

Путилин величает его Остаповым.

18

Путилин двух женщин объединил в одну и назвал Анфисой Петровой. По его версии, Анфиса когда-то служила у Ашмаренкова кухаркой, он с ней до конца не рассчитался, и поэтому та подговорила Остапова и своего сына Агафона убить майора и ограбить.

19

В рассказе И.Д. Путилина деревня называется Халанья.

20

Аполлон Александрович Жеребцов поступил в СПбСП чиновником для поручений не позднее 01.01.1886 в чине губернского секретаря. Окончил службу не позднее мая 1897 г. в чине коллежского асессора.

21

В дореволюционной России в случае, если вместе служили однофамильцы, им присваивали номера: Иванов I, Иванов II и т. д.

22

Не имея возможности из-за вечного дефицита бюджета увеличить жалованье всем поголовно чиновникам, император назначал высшим чиновникам премии сверх оклада, которые назывались «арендами», или «арендными наградами».

23

Путилин ошибочно именует его Аренсбергом.

24

По современной терминологии – военного атташе.

25

Путилин в мемуарах перепутал год, указав, что убийство произошло 25 апреля 1871 г.

26

Портрет Людвига фон Аренберга – с фотографии С.Л. Левицкого гравюры Э. Даммюллера, 1870 г. Источник: *Васильев К.* Убийство Людвига фон Аренсберга: историческая правда под толщей вымысла // История государства: [сайт]. 21.12.2014. URL: https://statehistory.ru/4796/Ubiystvo-Lyudviga-fon-Arensberga-istoricheskaya-pravda-pod-tolshchey-vymysla/ (дата обращения: 10.02. 2019).

27

Князь Аренберг арендовал дом князя Голицына (по другим источникам – княгини Голицыной) по адресу: Миллионная ул., д. 32 / наб. р. Мойки, д. 31. Со стороны Миллионной ул. дом существует и поныне, однако надстроен и архитектурно соединен с домом № 34. Часть дома со стороны Мойки была снесена в 1914 г. для строительства доходного дома Н.П. Ферзена, нынешний адрес которого – наб. р. Мойки, д. 31–33.

28

Князь Людвиг фон Аренберг родился 15 сентября 1837 г., ему было полных тридцать два года. Однако Путилин почему-то написал в мемуарах, что: «Князь был человек еще не старый, лет под 60, холостой и прекрасно сохранившийся». Цит. по: Легенды уголовного сыска / [ред. – сост.: С.З. Кодзова]. М.: ОЛМА Абрис, 2019. С. 30.

29

Василий Михайлович Орлов поступил на службу в СПбСП 07.02.1868 в чине поручика. Закончил службу до 1874 г.

30

Иван Андреевич Волков – один из самых первых чиновников для поручений СПбСП, поступил на службу 29.12.1867 в чине титулярного советника. Закончил службу в период между 1872 и 1874 г.

Заместителем.

32

Из всех помощников начальников СПбСП на Офицерской, 28, проживали только Инихов и Силин. То есть до 1896 и после 1906 г. помещение второй квартиры на 1-м этаже использовалось как-то иначе.

33

Биографии (лат).

34

Яков Яковлевич Коцинг – чиновник для поручения СПбСП. Поступил на службу в чине коллежского секретаря не позднее 1892 г., закончил в чине надворного советника в октябре 1904 г.

35

Михаил Александрович Лукащук стал чиновником для поручений не позднее 1.05.1897 в чине коллежского регистратора, покинул СПбСП не позднее февраля 1903 г. в чине губернского секретаря.

36

Николай Семёнович Власков начал службу полицейским надзирателем. С 1896 г., не имея чина, исполнял должность чиновника. В 1902 г. получил первый классный чин. В СПбСП прослужил до 14 апреля 1907 г., когда был назначен помощником полицмейстера Бакинского градоначальства (источник сведений о переводе в Баку: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 940. Л. 126).

37

Василий Константинович Викторов служил чиновником для поручений с 1892 по 1900 г.

38

Отсутствие документа или проживание по просроченному паспорту или виду.

39

Местность между Николаевской и Варшавской железной дорогой, где обитали в землянках нищие, преступники и дезертиры. Подробнее об этом см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

40

Вероятно, В.О. Михневич имел в виду Глухую Зеленину ул. Но не исключено, что обозвал глухими Большую Зеленину или Малую – тогда та часть Петербургской стороны была глухой окраиной.

В.Г. Филиппов.

42

Н.А. Козлов руководил антропометрическим бюро почти пять лет, однако ни в штате Сыскной полиции, ни в штате управления градоначальства не состоял. Вероятно, был прикомандирован от Министерства внутренних дел, к которому был причислен с 1883 г. См.: Криміналістичні реєстраційно-довідкові й судово-експертні установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.): у 2 кн. / Держ. науково-дослідний ін-т МВС України. Киев; Харьков, 2013. Кн. 1. С. 119.

43

Тогдашний обер-полицмейстер.

Дактилоскопию в тюремном ведомстве ввели на год раньше.

Ныне пр. Римского-Корсакова.

Под музеем тогда понимался (в современной терминологии) научно-методический кабинет для обучения сотрудников и проведения экспертиз.

Тогдашний градоначальник.

Подробнее см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

49

Тринадцатилетняя Сара (Сарра) Беккер была убита в ночь на 28 августа 1883 г. в ссудной лавке (ломбарде) полковника И.М. Мироновича, в которой она служила ночным сторожем. Преступление осталось нераскрытым из-за многочисленных ошибок судебных властей и СПбСП.

50

16 мая 1894 г. в одном из номеров гостиницы «Европа» Ольга Палем сперва застрелила студента Института путей сообщения А.С. Довнара, а потом попыталась покончить с собой. Но пуля, пробив легкое, застряла в спине, после операции жизнь покушавшейся была спасена. Суд на ней состоялся в феврале 1895 г. На присяжных оказала большое влияние яркая речь защитника Ольги Палем Н.П. Карабчевского. Подсудимая была оправдана. См.: *Кони А.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1966. Т. 3. С. 513.

51

Профессиональные «христорадники», жители местечка Яново (ныне город Иваново Брестской области Белоруссии), собиравшие по миру деньги на строительство и восстановление храмов. Их услугами пользовались настоятели храмов всей России.

52

Альфред Дрейфус (1859–1935) – французский офицер еврейского происхождения, в 1894 г. был огульно обвинен в шпионаже. Судебный процесс над ним активно освещался в российской прессе.

53

Казимир Белякевич, ксендз ковенского Троицкого костела, наказывал своих прихожан за различные, по его мнению, пороки (муж колотит жену, католичка живет с православным и т. д.) бичеванием и лишением свободы (запирал на несколько суток в погребе или склепе). Для устрашения грешников Белякевич демонстрировал им выточенную из дерева голову дьявола, которую освещал фосфорическим светом. Процесс над ксендзом состоялся 8 февраля 1899 г. в Петербурге. Белякевич был приговорен к лишению всех особенных прав и ссылке на житье в Иркутскую губернию сроком на два года. По Высочайшему повелению Иркутская губерния была заменена Архангельской. См.: *Скворцов В.М.* Судебный процесс Ковенского ксендза Белякевича и католическая церковная дисциплина. СПб., 1900. 56 с. (Народно-миссионерская библиотечка).

Проститутка, знакомящаяся в театрах, собраниях, общественных местах и т. п. с солидными пожилыми мужчинами или богатыми «пижонами», приводящая их к себе и здесь ночью, во время сна «гостя», крадущая часть денег, находящихся в его бумажнике, передающая их своему сообщнику – «коту», который с ними и скрывается из квартиры (все примечания по воровскому арго даны по кн.: *Трахтенберг В.Ф.* Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., 1908).

Сутенёры, а также помощники хипесниц.

56

Подкид – мошенничество с якобы подкинутым кошельком на улице.

57

Пушкари – мошенники, подыскивали человека, пусть и при деньгах, но находившегося в отчаянном финансовом положении, например, кассира-растратчика. И предлагали ему разбогатеть с помощью «волшебной» шкатулки, в которой «размножаются» деньги. Жертва на пробу клала кредитный билет в шкатулку, она запиралась и уносилась для совершения волшебства на день-другой. Однако ключ от неё «пушкари» оставляли жертве, мол, сами они ни при чем, просто шкатулка волшебная. «Размножение» они производили с помощью гвоздичного масла. Пропитав им кредитный билет, «пушкари» получали с помощью ручного пресса его отпечатки на обычной бумаге и подкладывали их обратно в шкатулку (она имела двойное дно) вместе с оригиналом. При следующей встрече жертва убеждалась, что купюра действительно «размножилась», пусть и фальшивками, и с готовностью наполняла шкатулку кредитками уже на серьезную сумму. И тут являлся «агент Сыскной полиции», который производил арест и «пушкарей», и жертвы. Но по дороге в участок растратчик в какой-то момент замечал, что идет туда в одиночку, так как и агент, и «пушкари» куда-то испарились вместе со шкатулкой. См.: *Бразоль Б.А.* Очерки по следственной части: история, практика. Пг., 1916. С. 186–188.

Подробнее в разделе Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

59

См. сноску 55.

Снимаемая обыкновенно «барыгою» или кем-либо из «блатных» квартира.

Церковь.

62

Имеется в виду так называемая «американская биржа» на Невском пр. См., например: На Невском проспекте у «американской биржи» в 5 ч. дня / рисовал с натуры С.В. Животовский // Огонек. 1912. № 25. С. 14.

Предположительно: краденными головными уборами.

64

Дамские карманные часы.

65

Золотые монеты.

См. сноску 54.

67

Игорный дом.

Ныне ул. Ефимова.

То есть с понижением – с начала XIX в. гвардейский офицерский чин (исключая полковников и генералов) превышал армейский на два класса.

Некоторые исследователи называют цифру 14.

71

См. ссылку 38.

Ныне Московскому.

73

До 1866 года Спасская часть именовалась 3-й Адмиралтейской. Именно в 3-м участке 3-й Адмиралтейской части служил квартальным надзирателем И.Д. Путилин.

То есть лишенными права проживания в Петербурге за различные нарушения, обычно на 2–3 года.

75

Воры, залезавшие в дом через форточки.

Взломщики.

77

Воры, специализировавшиеся на краже вещей и верхней одежды из прихожих.

78

Торговец подержанными вещами.

79

«Красные» – воры.

80

Нищие.

81

Холодный сапожник ходил по улицам с предложением своих услуг.

О них подробнее ниже.

83

Ныне Сенная пл., д. 5. Дом сохранился в сильно перестроенном виде.

Убийцы.

Ныне пер. Бринько.

86

Нынешний дом № 4.

Ныне пер. Бойцова.

88

60 мл.

89

Блины – фальшивые банкноты.

90

Любитель разгула и кутежей.

91

Ныне Гражданская ул.

92

Ныне Казначейская ул.

93

Пчельник – уголовный трактир-притон.

94

Дом сохранился.

95

Ныне Суворовский пр.

Мужеложцы.

Уличному туалету. Они имелись в каждом дворе.

Ныне ДЛТ.

99

Шайка воров-интеллигентов // Моск. газета. 1911. 23 сент. (№ 140). С. 4. (По телефону из Петербурга).

Ныне Московский.

101

Бан – вокзал.

102

Ворующие в поездах.

103

Похитители багажа на вокзалах.

104

Грабители.

105

См. сноску 55.

106

Сдатчики «черных» квартир, в которых грабили приезжих.

107

В советское время был надстроен и присоединен к гостинице «Октябрьская».

108

Ныне Транспортный пер.

109

Ныне ул. Черняховского.

110

Скупщик краденого.

111

Ныне Синопская наб.

Данные на 1885 год. См.: *Бахтиаров А.А.* Брюхо Петербурга: обществ. – физиол. очерки. СПб.: Ф. Павленков, 1888. С. 42.

113

Там же. С. 9.

Подробнее см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

115

Беглые каторжники.

116

Владимирский пр., 12, ныне в этом здании Театр им. Ленсовета.

117

Тогдашний адрес: Языков пер., 48. Позднее Языков переулок «поделили» на улицы Новосибирскую и Белоостровскую.

Находился южнее современного пр. Непокоренных.

119

Наб. р. Ждановка. Ныне на его месте Ледовый дворец СКА.

Ныне Мюзик-холл.

121

Ныне часть ул. Швецова.

122

Горячее поле в Черновке, под Малой Охтой, было вторым в городе. Имелось и третье место с таким же названием, оно располагалось в Тентелевой Деревне, в конце Химического пер.

В начале 1900-х банду стали называть «голодаевские».

124

В конце шестидесятых годов XX в. Вольный остров был присоединен к Голодаю (ныне остров Декабристов).

125

Тогдашний синоним современного слова «отмороженный».

126

Составлена Робером Очкуром на основании данных ЦГИА СПб. (Ф. 569. Оп. 30. Д. 1. Л. 7–7 об. См.: *Очкур Р.В.* На секретной службе Его Величества: история сыскной полиции. М.; СПб., 2019. С. 327). Приводится с сокращениями.

127

Для производства в следующий чин чиновнику необходимо было прослужить определённое количество времени (коллежских регистраторов, например, производили в губернские секретари после трёх лет службы). Допустим, некий коллежский регистратор А. был произведён в первый классный чин 1 августа 1880 г., следовательно, трёхлетний срок, необходимый для производства его в следующий чин, кончался 1 августа 1883 г. Но 1 августа А. очередного чина не получал – соответствующие представления вносились в СЕВК только три раза в год: к 1 февраля, 1 мая и 1 октября, при этом часть таких представлений, прежде чем попасть в эту канцелярию, проходила несколько инстанций, что тоже требовало времени, а большая часть приказов о чинопроизводстве издавалась царём на Рождество и Пасху. Поэтому высочайший приказ о производстве нашего А. в губернские секретари мог быть издан только через несколько месяцев после наступления срока чинопроизводства – к Рождеству 1883 г., а то и к Пасхе 1884 г. Чтобы при производстве в следующий чин было понятно, с какого времени считать срок выслуги, в приказе указывали так называемое старшинство – дату начала течения этого срока. Для А. приказ звучал так: «Коллежского регистратора А. в губернские секретари со старшинством с 1 августа 1883 года».

В архивных документах встречаются другие написания его фамилии: Келчевский, Килчевский, Кильчевский. В дореволюционных и современных изданиях произведений И.Д. Путилина используется написание *Келчевский.* Мы используем написание из формуляров: *Кельчевский.* Она же была указана на могильной плите.

129

«Исправление должности – имеет место тогда, когда чиновник исполняет обязанности, сопряженные с известной должностью, не будучи в ней утвержденным, но располагая всеми правами, ей присвоенными. Сюда относятся те случаи, когда по отсутствию лица, занимающего данную должность, обязанности его временно возлагаются на другое лицо, а равно случаи, когда начальство до определения данного лица на должность принимает его предварительно для испытания способностей (срок такого испытания не должен продолжаться долее четырех месяцев, которые в случае утверждения в должности засчитаются в действительную службу). Наиболее существенным представляется первый вид И. должности, причем по отношению к более важным должностям, напр. министров, губернаторов, исправников, предводителей дворянства, судей и прокуроров, законом указывается, кто и в каком порядке призывается к И. должности за отсутствием лица, ее занимающего. При исправлении должности чиновник получает содержание, ей присвоенное, в том только случае, если она вакантна и если лицо, исправляющее должность, не получает высшего содержания. С образованием в 1894 г. инспекторской части гражданского ведомства (см.) создался новый вид И. должности: лицо, назначенное на должность начальством, от которого замещение ее зависит, до воспоследования высочайшего о назначении приказа считается исправляющим должность, но при этом оно получает полный оклад содержания». (Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894. Т. 13. С. 457–458).

.

Там же. Л. 61–62.

131

В III отделении.

Разоблачениях.

133

Ныне ул. Всеволода Вишневского.

Подробнее об этом см. раздел Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найденОшибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

135

Десятина равна 1,092 гектара.

24 января 1878 г. на его жизнь покушалась Вера Засулич. Ф.Ф. Трепов был серьезно ранен, и 24 мая Александр II отправил его в отставку с должности градоначальника Петербурга.

137

Ныне пос. Пчева Киришского района Ленинградской обл.

В источниках встречается и другое написание фамилии – Кириллов.

А.Ф. Кони пишет её фамилию чуть иначе: РазОмасцева.

В некоторых источниках фамилия пишется иначе – Варпаховский.

Ещё одна загадка: Николай Константинович ненавидел и дядю, и двоюродного брата – Александра II и III, но в качестве фамилии взял их имя (Искандером Великим в Средней Азии называли Александра Македонского). Есть версия, что такая фамилия была ему присвоена в качестве наказания.

Н.А. Морозов почему-то присвоил ему воинский чин полковника.

143

Судили Н.В. Клеточникова на так называемом «Процессе двадцати», который состоялся в особом присутствии сената с 9 до 15 февраля 1882 г.

144

Советский историк Н.А. Троицкий величает статского советника В.А. Гусева полковником (видимо, вслед за Н.А. Морозовым), а статского советника Г.Г. Кирилова он произвел в генералы и назначил на не существовавшую должность «начальника сыскной полиции Третьего отделения». Также им была допущена ошибка в написании его фамилии.

145

Нынешний адрес: Гагаринская ул., д. 23.

146

Невский пр., 58, дом не сохранился.

147

Современный адрес: Большой пр. П. С., 37. Введенское училище было создано в 1781 г. по указу Екатерины II. В 1837 г. по проекту Е.И. Мартынова было воздвигнуто каменное здание, перестроенное и расширенное в 1883–1885 гг. А.И. Аккераманом. В 1882 г. училище преобразовали в гимназию, в ней учился поэт Александр Блок. В советское время здесь размещались сначала средняя школа, потом ПТУ. В 2005 г. для строительства на данном участке отеля «Введенский» историческое трехэтажное здание было фактически снесено (кроме домовой церкви), на его месте выстроено новое, «сохранившее черты прежней постройки», к которому пристроили девятиэтажный корпус.

В некоторых источниках – Кобызевы.

149

Впоследствии дворник, околоточный и «лихач» опознали в этом посетителе Андрея Желябова.

150

В обязанности техников входило постоянное наблюдение за правильностью построек и укладкой мостовых; освидетельствование зданий; подготовка к Высочайшему утверждению планов и фасадов, составление проектов и смет; участие в комиссиях, обсуждавших технические предметы. См.: Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1878 год. СПб., 1879. С. 21.

151

Дед известного советского дирижера Е.А. Мравинского (1903–1988). Написание фамилии у деда и внука отличается.

152

5,3 метра.

Заместителя.

С середины мая тот находился в отпуске, и Василий Адрианович опять исправлял его должность.

155

Ныне ул. Союза Печатников.

156

Дом сохранился.

157

В картотеке указано неправильное отчество – Андреевич.

Ныне Синопская наб.

159

Ныне пр. Римского-Корсакова.

160

В литературе, в том числе и научной, часто встречаются неправильные инициалы у Вощинина, а именно И.С. Источник ошибки: *Зарин А.Е.* Кровавые летописи Петербурга: преступ. мир и борьба с ним / Абориген. СПб., 1914. С. 73.

161

Нежинский лицей князя А.А. Безбородко был основан в 1820 г. под названием «Гимназия высших наук», в ней учились Н.В. Гоголь, Н.В. Кукольник и ряд других выдающихся деятелей русской культуры и науки. В 1832 г. гимназия была преобразована в физико-математический лицей, а в 1840 г. – в Юридический лицей князя А.А. Безбородко. Курс обучения был трехлетним. В программе почти не было общетеоретических предметов, характерных тогда для юридических факультетов университетов – римского права, международной и политической экономии. Основной задачей лицеистов было доскональное изучение «Свода законов Российской империи». Соответственно его разделам были распределены и профессорские кафедры. Из общеобразовательных предметов велось преподавание русской истории, русской и всеобщей статистики и словесности.

162

1892 г.

163

Бура, или тетрабора́т на́трия, химическая формула $Na_2B_4O_7$.

164

См. ссылку 34.

165

Поселок на границе Российской империи и Пруссии, ныне пос. Чернышевское Калининградской обл.

В источниках иногда встречается и такое написание фамилии Шереметевского.

167

Шафер.

Г.О. Розенвейг указывает его фамилию иначе – Валмасов.

При этом Попов был женат и имел четырех детей, но с семьей не жил. См.: *Розенцвейг Г.О.* Из залы суда: судеб. очерки и картинки. СПб., 1900. С. 361.

170

В те времена ходить без головного убора было неприлично.

171

Роковой (фр.).

В 1948 г. Озерковская линия была переоборудована в Малую (Детскую) Октябрьскую железную дорогу, станции были ликвидированы.

173

Н.Я. Алексеев (1867–1917). В Петербургскую полицию поступил в 1887 г. околоточным надзирателем. В 1892 г. был уволен за небрежное отношение к службе (ушел на обед, не поставив в известность пристава). В 1993 г. был принят в СПбСП надзирателем третьего разряда. В 1904 г. стал чиновником для поручений. 7 марта 1917 г. подал в отставку в связи с болезнью (туберкулез), 1 апреля 1917 г. скончался. Источник: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 18.

Фотографии М.Ф. Чулицкого и членов его семьи – из семейного архива его правнучки Ольги Анатольевны Семенковой.

175

Рассказ не входит в сборники «Прелестная женщина» и «Петербургские бродяги». Был опубликован в «Петербургской газете» (1907. 15 нояб.).

Чины от майора до полковника.

177

Учебное заведение в Москве, объединявшее гимназию и лицей. Обучение в лицее было трехлетним. Студентам преподавали армянский (обязательный для армян), грузинский (для грузин), французский, турецко-татарский, арабский, персидский и турецкий языки, историю Востока и восточную каллиграфию. Выпускники, которые представляли «кандидатскую диссертацию» по восточной словесности, получали право на чин 10-го класса (коллежский секретарь).

178

Иван Григорьевич Бубнов (29 июня 1877 г. – ???). Поступил в СПбСП 1 мая 1896 года вольнонаёмным писцом. С 10 февраля 1899 года – исполняющий обязанности полицейского надзирателя, с 1 июля 1904 года – исправляющий должность младшего помощника делопроизводителя, 10 ноября 1904 года утвержден в этой должности. С 19 апреля 1907 года – исправляющий должность чиновника для поручений младшего разряда. С 25 ноября 1914 года по май 1915 года – чиновник для поручения низшего оклада в МСП. Дальнейшая судьба неизвестна. Сведения: ЦГИА СПб. Ф. 569. О. 27. Д. 136 Бубнов Иван Григорьевич.

179

Алексей Иванович Белобережский – делопроизводитель СПбСП с 1900 по 1911 год.

180

Ошибка в источнике: В.Г. Филиппов был назначен начальником СПбСП 15 февраля 1903 г.

181

Чиновник, имевший высшее юридическое образование, но без опыта работы, не мог быть сразу назначен на должность судьи, следователя, нотариуса или прокурора. Сначала он должен был выдержать испытательный срок, пробыв несколько лет кандидатом на судебные должности. Начинал он с младшего кандидата – служил в канцелярии судов, помогал нотариусам, судебным следователям, товарищам прокурора, жалованья при этом не получая. Пробыв полтора года в должности, младший кандидат, успешно выдержавший экзамен, получал звание старшего кандидата. После чего его уже могли назначить и. о. следователя, и. о. товарища прокурора и т. д. Старший кандидат, в отличие от младшего, получал содержание. Через полтора года, если старший кандидат получал свидетельство, что он на службе доказал свои познания по судебной части, он мог быть назначен на должность следователя, товарища прокурора, мирового судьи и т. д.

182

Торговое заведение, в котором продавались спиртные напитки (в том числе и крепкие) распивочно и на вынос.

183

Акцизный инспектор – чиновник, следивший за правильным взысканием акциза – налога на торговлю табаком, спиртным и т. д. С некоторой натяжкой теперешним аналогом акцизного можно считать налогового инспектора.

«Наше законодательство признает бродягами как жительствующих где-либо, так и переходящих или переезжающих из места в место не только без ведома подлежащих полицейских начальств и без установленных на то видов, но и без всяких средств доказать настоящее свое состояние или звание или же упорно от сего отказывающихся. Следовательно, условием наказуемости бродяг, по нашему праву, является не праздность и неимение средств к существованию, а неуказание, по нежеланию или невозможности, или же ложное показание истинного своего состояния или звания. При этом для состава преступления необходима наличность обоих этих условий, так как лицо, не имеющее установленного паспорта, но могущее другими путями доказать свое состояние или звание, может подвергнуться наказанию лишь как беспаспортный, а не как бродяга… По нашему Уложению о наказ. угол. и исправ. (ст. 950–954), бродяга, называющий себя не помнящим родства, или же под иным каким-либо предлогом упорно отказывающийся объявить о своем состоянии или звании и постоянном месте жительства, или давший при допросе ложное показание, присуждается к отдаче в исправительные арестантские отделения на четыре года, после чего, а равно и в случае негодности к работам в арестантских отделениях, водворяется в сибирских или других отдаленных губерниях, по усмотрению министерства внутренних дел. Женщины отдаются в тюрьму на тот же срок, а потом отправляются на водворение в Сибирь. Сверх этого наказания, за ложное показание о своем состоянии, звании и месте жительства бродяги подвергаются еще наказанию розгами от 30–40 ударов» (Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1891. Т. 4а. С. 695).

185

Судебная система в Российской империи состояла из мировых судебных установлений (первая инстанция – мировой судья, апелляционная инстанция – съезд мировых судей) и общих судебных установлений – первая инстанция – Окружной суд, вторая – судебная палата (некоторые дела судебная палата рассматривала по первой инстанции). Юрисдикция Окружного суда распространялась на несколько уездов (чаще всего границы юрисдикции Окружного суда совпадали с границами губернии), судебной палате были подчинены несколько Окружных судов.

186

Секта почитателей протоиерея Иоанна Кронштадтского, считавших его воплощением Иисуса Христа.

Вынуждены заметить, что Л.Я. Лурье ошибочно «присвоил» воинский чин ротмистра М.Н. Кунцевичу и К.П. Маршалку, хотя оба всегда служили по гражданскому ведомству.

188

45 соток.

Приходском.

Поскольку полиция являлась учреждением гражданским, поступивших туда на службу военных «переименовывали» в гражданские чины по определённым правилам. Впрочем, некоторые полицейские должности могли занимать и лица в военных чинах.

Выделено авторами.

Сменивший Кошко на посту начальника Сыскного отделения.

193

Автор цитируемой книги В. Владимиров находился летом 1906 г. в Риге.

Моисеенко, впрочем, осуждён не был – он заболел психическим расстройством, сделавшим его неподсудным.

195

Награждён этими орденами 06.12.1901 и 06.12.1904 соответственно. В Российской империи порядок награждения орденами строго регламентировался, и получить орден св. Станислава 2-й степени до получения ордена св. Анны 3-й степени можно было только за особые отличия. Кошко, видимо, их проявил.

196

В источниках разночтения: в отчете по делу (Вестник полиции. 1909. № 52) сообщается, что сведения про Лебедева поступили из Киева, однако А.Ф. Кошко утверждает, что студент Лебедев приходил к нему в МСП с рассказом о подозрительном нанимателе ещё до убийства в Лештуковом переулке; если же судить по газетам (Восточная заря. 2010. 22 окт. (№ 152)), Лебедев действительно обратился не в Киевскую, а в Московскую сыскную, но не до убийства Подлуцкого, а после. Опубликованный тогда же газетой «Восточная заря» пересказ его приключений, записанный с его слов (мы его приводим), несколько отличается от показаний того же Лебедева в рассказе А.Ф. Кошко «Дело Гилевича». Самое главное из отличий – отсутствие серебряной мыльницы с вензелем в виде буквы «А», которая, по версии Кошко, была забыта студентом Лебедевым в Киеве, а потом была найдена СПбСП в квартире в Лештуковом переулке. Эта находка, по рассказу Аркадия Францевича, сразу позволила связать происшествие в Киеве с убийством в Петербурге. Но ни в газетах, ни в итоговом отчете в «Вестнике полиции» мыльница не упоминается.

197

В источниках разночтения: в отчете по делу (Вестн. полиции. 1909. № 52) утверждается, что родственники обратились в Сыскную. Делопроизводитель 8-го Департамента полиции В.И. Лебедев в записке начальству № 126306 от 31 марта 1910 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 157. Л. 89–91) сообщал, что данное утверждение не соответствует действительности, и все заслуги в выяснении личности П.В. Подлуцкого принадлежат судебным властям.

198

В 1917 г. А.Ф. Кошко проживал в доме № 17 по Пантелеймоновской ул.

199

Алексей Тихонович Васильев (1869–1930) возглавлял Департамент полиции с 28.10.1916 по 28.02.1917.

200

Здание находилось по адресу: Владимирский пр., д. 21. Снесено в 80-х гг. XX в.

201

На службу в Санкт-Петербургскую полицию принимали только лиц, достигших 25-летнего возраста. Петровскому в 1891 г. было 23 года.

Ражая – крепкая, здоровая (простонародное).

203

В портерных продажа и распитие крепких спиртных напитков были запрещены.

204

Преступник, проживающий или судящийся по чужому паспорту.

205

Не обманешь.

206

Не сбежишь.

207

Держать под арестом.

208

Фамилия французского фотографа, распространявшего порнографические фотографии девушек-подростков.

209

Должность младшего помощника уездного начальника в Прибалтийских губерниях соответствовала должности станового пристава в губерниях, по общему учреждению управляемых.

210

Сперва К.П. Маршалк вместе с приставом и двумя его помощниками попробовали проникнуть в дом, но были встречены градом пуль. После солдатами Енисейского полка, силами которых был оцеплен дом Эглита, было сделано четыре ружейных залпа. Однако, опасаясь перелета пуль в близлежащую Новопометкиную слободу, они стреляли с прицелом не выше полутора аршин от земли. Преступники в ответ забрались на чердак, откуда продолжали ответную стрельбу. Тогда полицмейстер К.П. Маршалк, испросив разрешение у губернатора, приказал поджечь дом, вызвав предварительно пожарную команду. См.: Нападение на Крыпецкий монастырь // Вестн. полиции. 1910. № 30. С. 734. *Подпись: Б. Г-рь*.

211

Она родила его вне брака, а Казимир Тиме его усыновил. На момент преступления юноше стукнуло 16 лет, он учился на полном пансионе в 3-й гимназии, домой приходил по выходным и праздникам.

212

Малая Морская ул. (тогда ул. Гоголя), д. 13 / Гороховая ул., д. 8.

213

Невский пр., 32–34.

Подробнее о нём см. Ошибка: источник перекрёстной ссылки не найден.

215

По состоянию на 21 февраля 1913 г. в СПбСП служили два Пиотровских: Антон (надзиратель) и Николай (агент). Скорее всего, арест Долматова производил Антон Пиотровский. Источник: *Очкур Р.В.* На секретной службе Его Величества: история сыскной полиции. М.; СПб., 2019. С. 278–279.

Л.Я. Лурье даже называет его имя – тайный советник Кимон Эммануилович Аргиропуло, но ссылку на источник сведений не приводит (*Лурье Л.Я.* Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 68).

217

Симанович неправильно назвал должность, которую Маршалк занимал в Москве.

218

Градоначальник Маршалк и секретарь Распутина // Свободные мысли. 1918. 23 дек.

219

Карл Петрович был женат на дочери коллежского регистратора Люции (Лидии) Яковлевне Фогельман.

220

Наб. р. Фонтанки, д. 80.

221

В 1894 г. в чине коллежского регистратора стал чиновником для поручений СПбСП, однако через год ушел из Сыскной.

Ныне ул. Маяковского. Дом сохранился.

223

Пернов – тогдашнее официальное наименование города Пярну, ныне на территории Эстонии.

Орден святого Станислава 2-й степени мог быть пожалован только лицам, имевшим св. Анну 3-й степени. Нарушиться этот порядок мог при условии пожалования «Станислава» за особые отличия.

225

Один из адвокатов М.Т. Бейлиса.

226

На территории Российской империи было несколько населенных пунктов с названием Млыны, все они находятся на территории современной Украины.

227

См. ссылку 34.

228

Отменен/

229

Николай Михайлович Федоров поступил в Сыскную в 1896 году, по-видимому, по вольному найму агентом или писцом. С 1902 года младший помощник делопроизводителя, с 30.01.1907 – старший, а в 1910 г. сам занял эту должность. В апреле 1917 года перешел в Петроградскую уголовную милицию также на должность делопроизводителя. После октября 1917 года заведовал канцелярией советского Уголовного Розыска.

230

В 1898 г. размещалось на углу Большой Пушкарской и Большой Белозерской (ныне Воскова) улиц. Дом не сохранился.

231

Л.Я. Лурье пишет, что для задержания М. Церетели был отправлен М.Н. Кунцевич. См.: *Лурье Л.Я.* Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 270.

232

Высшее юридическое заведение в Ярославле. Ныне Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

233

Чуть больше 5 квадратных метров.

Кроме замещений на время отпуска и командировок.

235

Кроме замещений на время отпуска и командировок.

236

Окончившие Нежинский Юридический лицей князя Безбородко (1840–1875 гг.) по результатам экзаменов получали права на чин XII или XIV класса по «Табели о рангах».

237

Ошибка в формуляре. Очевидно, что 1879 г.

238

Тем же приказом уволен от службы согласно прошению по болезни П.С. Вощинин.

239

Пётр Павлович Альбединский (1826–1883) – с 1874 по 1880 год Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор и командующий Виленским военным округом.

240

Местечко в Россиенском уезде Ковенской губернии, в 10 верстах от Прусской границы. Ныне город Юрбаркас (Литва).

241

Ныне город Расейняй (Литва).

Ныне город Тельшяй (Литва).

243

Ныне город Зарасай (Литва).

В оригинале ошибочно указано, что Петроградского.

245

В оригинале ошибочно названа Петроградской.

Комментарии

1

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века российской полиции: служение обществу – защита Отечеству! М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 30.

2

Шалфеев Н.П. Об уставной книге разбойного приказа. СПб., 1868. С. 18.

3

Из истории русской полиции // Вестн. полиции. 1909. № 4. С. 75. *Подпись: Б.И.*

4

Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. С. 181–182.

5

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11. С. 372.

Очкур Р.В., Кудрявцев Д.В., Пиотровский В.Ю. Полиция России, век XVIII – век XX. М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Астрель-СПб, 2010. С. 29.

7

Линовский В.А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 21.

8

История полиции дореволюционной России: (сб. документов и материалов по истории государства и права): учеб. пособие / Моск. высш. школа милиции. М., 1981. С. 19.

9

Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 326–327.

10

Там же. С. 53.

11

Там же. С. 385.

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Указ. соч. С. 116.

13

Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: крат. ист. очерк. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 62.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. Док. 19671.

15

Блинов И.А. Губернаторы: историко-юрид. очерк. СПб., 1905. С. 114.

16

Там же.

Высоцкий И.П. Указ. соч. С. 86.

18

Халютин Л.А. Московский сыщик Яковлев: воспоминания // Современник. 1859. Т. 75, № 5. С. 79–94 (1-я паг.).

Вострышев М.И. Московские обыватели. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 60.

Халютин Л.А. Указ. соч.

Вострышев М.И. Указ. соч.

22

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 750.

Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1993. С. 432.

24

Клугер Д. Гении сыска: этюд в биогр. тонах. М.: Пятый Рим, 2019. С. 164.

25

Вигель Ф.Ф. Записки: [полн. текст изд. 1891–1893 гг.: в 2 кн.]. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 889–900.

Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 436.

27

Там же.

Там же. С. 441.

Пушкин А.С. Выстрел // Собр. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин. М., 1975. Т. 5. С. 43.

Борисов А.В. Министры внутренних дел России, 1802 – окт. 1917. СПб.: Фонд «Университет», 2002. С. 64.

31

Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 451.

Там же. С. 454.

33

Там же. С. 458.

Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М.: Principum, 2013. С. 30.

35

РГИА. Ф. 1353. Оп. 51. Д. 463. Л. 658.

36

Там же. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 4–5.

37

Ломачевский А. Рассказы из прежней полицейской жизни в Петербурге // Рус. старина. 1874. Т. 10. С. 205.

38

РГИА. Ф.1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 7.

39

Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 111.

Нистрем К.М. Адрес-календарь санктпетербургских жителей… СПб., 1844. Т. 1. С. 37.

41

РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 7.

Ломачевский А. Указ. соч. С. 204.

Там же. С. 202.

44

Высочайший приказ по гражданскому ведомству № 23 от 01.02.1856 г. со старшинством с 12 августа 1855 г. (РГИА. Ф.1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 10).

45

РГИА. Ф. 1353. Оп. 51. Д. 463. Л. 658.

Там же. Ф.1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 9–10.

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества: история сыскной полиции. М.: РИПОЛ классик; СПб.: Пальмира, 2019. С. 19–20.

Никитин В.Н. Воспоминания // Рус. старина. 1906. Т. 127, октябрь. С. 68–69.

Кони А.Ф. Иван Дмитриевич Путилин // Собр. соч.: в 8 т. / А.Ф. Кони. М., 1966. Т. 1. С. 96–99.

50

Адрес-календарь. Ч. 1–2: Общая роспись всех чиновных особ в государстве, на 1858–1859 г. СПб., 1859. Ч. 2. С. 162.

51

Петербургский некрополь: в 4 т. / [сост. В.И. Саитов]. СПб., 1913. Т. 4. С. 535.

Никитин В.Н. Указ. соч.

53

РГИА. Ф. 560. Оп. 33. Д. 6.

Лурье Л.Я Преступления в стиле модерн. СПб.: Амфора, 2005. С. 10.

Шаламов А.Ю. Указ. соч. С. 34.

Шевляков М.В. Из области приключений: по рассказам б. нач. С.-Петерб. сыск. полиции И.Д. Путилина. СПб., 1898. С. 12–13.

Шишкин В.М. Петербург губернский: из истории местных государственных учреждений. М.; СПб.: Центрполиграф, 2009. С. 127.

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 25 (1-я паг.).

Бахмутов К.М. Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. СПб., 1870. С. 406.

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 132–134.

Там же. С. 131.

62

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд-ниях. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. С. 41 (1-я паг.). Приведены адреса проживания сотрудников: А.А. Блок – Средняя Мещанская (ныне – Гражданская) ул., 10, здание сохранилось; А.К. Зундштрем – наб. р. Фонтанки, 71; В.П. Бочаров – Малый пр. ВО, в собственном доме; Н.И. Порай-Кошиц – Большая Садовая (ныне – Садовая), 47; Т.А. Тиршацкий-Виттен – в здании Адмиралтейской части, Большая Морская, 24; С.П. Гиргас – Обуховский (ныне – Московский) пр., 12; И.И. Соловьев – угол Тюремного (ныне – Матвеева) пер. / наб. р. Мойки, 102.

63

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 132.

Там же. С. 133.

Бахмутов К.М. Указ. соч.

Ведомости С.-Петерб. гор. полиции. 1867. 4 янв. (№ 3). С. 1.

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 134–135.

Приложение к Всеподданнейшему отчету с. – петербурского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 253–254.

69

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1010. Л. 218.

Приложение к Всеподданнейшему отчету с. – петербурского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 254.

Там же. С. 255.

Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. 2-е изд. СПб., [1904]. С. 323-352.

Путилин И.Д. Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. 2-е изд. СПб.: И.А. Сафонов, [1904]. С. 323–352.

Ткачева С.Н. Замечательные уголовные дела: стеногр. отчеты С.Н. Ткачевой. СПб.: Е.П. Печаткин, 1870. С. 252.

Там же. С. 257.

Путилин И.Д. Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. 2-е изд. СПб.: И.А. Сафонов, [1904]. С. 325.

Ткачева С.Н. Замечательные уголовные дела: стеногр. отчеты С.Н. Ткачевой. СПб.: Е.П. Печаткин, 1870. С. 252.

Там же. С. 342.

Там же. С. 355.

Там же. С. 296.

81

Там же. С. 382.

Там же. С. 383.

Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений. Блистательный и преступный: криминальный Петербург, 1861–1917. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 56.

Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 92.

Справочная книжка С.-Петербургского полицейского управления: сост. по 6 мая 1870 г. С. 14.

86

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 216–217 об.

Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2011. № 2. С. 6.

88

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 30. Д. 1. Л. 2–4.

89

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 132–133.

Лядов А.О. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России // История государства и права. 1999. № 1. С. 43.

91

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества: история сыскной полиции. М.; СПб., 2019. С. 278–279.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 48, ч. 3. Док. 52032.

93

Там же. Т. 51, ч. 3. Док. 56784.

Ведомости С.-Петерб. гор. полиции. 1891. 8 апр. (№ 87). С. 1.

95

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1328. Л. 332.

РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 26002.

97

Обозрение настоящего состояния и деятельности С.-Петербургской полиции. [СПб., 1883]. С. 112.

ПСЗ. Собр. 3. Т. 7. Док. 4428.

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1903 год. СПб., 1904. С. 5.

Там же. С. 7, 11, 13.

101

ПСЗ. Собр. 3. Т. 24. Док. 23974.

Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М., 2013. С. 70.

103

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 30. Д. 1. Л. 2–4.

Шаламов А.Ю. Указ. соч. С. 179.

Там же. С. 194.

Вестн. полиции. 1916. № 41. С. 160.

107

Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции: сост. по 15 июля 1874 г. СПб., 1874. С. 19.

Шишкин В.М. Петербург губернский: из истории местных государственных учреждений. М.; СПб., 2009. С. 121.

109

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 101. Д. 3. Л. 1.

Никитин В.Н. Воспоминания // Рус. старина. 1906. Т. 127, октябрь. С. 56.

Там же. С. 55.

Шишкин В.М. Указ. соч. С. 120–123.

113

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 101. Д. 3. Л. 29-30.

Там же. Л. 31-32.

115

Смерть князя Людовика Аренберга // Нива. 1870. № 19. С. 302.

116

Там же.

117

См.: Легенды уголовного сыска. М., 2019. С. 30–53.

Смерть князя Людовика Аренберга. С. 303.

119

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 197 об.

Там же. Д. 1030. Л. 293, 295.

121

Там же.

Зуев Г.И. Петербургская Коломна. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2007. С. 179–188.

123

Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 350.

124

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 101. Д. 288а. Л.19.

125

В центре преступного Петербурга // Петерб. газета. 1899. 19 сент. (№ 257). С. 3–4. Подпись: *В. Пр-ов*.

126

РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 2030 (О предоставлении по распоряжению СПб градоначальника на нужды Санкт-Петербургской сыскной полиции по три билета на представления в Императорских СПб театрах).

127

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 26.

Там же. С. 131–132.

129

Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной полиции за 1903 год. СПб., 1904. С. 7–9.

Там же. С. 9–11.

131

Преступный Петербург // Огонек. 1908. № 37. С. 10–13. Подпись: *Гидъ*.

Зарин А.Е. Кровавые летописи Петербурга: преступ. мир и борьба с ним / *Абориген*. СПб.: А.Ф. Можейко, 1914. 111 с.

133

Всеподданнейший отчет с. – петербургского обер-полицмейстера за 1867 год. СПб., 1868. С. 136–137.

Всеподданнейший отчет о деятельности с. – петербургской городской полиции за 1868 год. СПб., 1869. С. 104.

135

Михневич В.О. Язвы Петербурга: опыт ист. – стат. исслед. нравственности столич. населения. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2003. С. 236–237.

Там же. С. 711 (комментарий *А. Иконникова-Галицкого*).

137

Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной полиции за 1903 год. СПб., 1904. С. 15.

138

Там же.

139

Преступный Петербург // Огонек. 1908. № 37. С. 14–16.

Торвальд Ю. Век криминалистики. М.: Проспект, 2009. С. 39.

141

Прохоров К.Г. История регистрации преступников в России // Вестн. полиции. 1914. № 1. С. 18–19; № 2. С. 37–38.

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1890 год. СПб., 1890. С. 45.

Прохоров К.Г. Указ. соч.

Преступный Петербург // Огонек. 1908. № 37. С. 10–13.

145

Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной полиции за 1903 год. СПб., 1904. С. 13.

Прохоров К.Г. Указ. соч.

147

Краткое руководство для антропологических измерений с целью оп составленное по системе Бертильона. СПб.: тип. Канцелярии С.-Петерб. градоначальника, 1891. 52 с.

Криміналістичні реєстраційно-довідкові й судово-експертні установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.). Кн. 1. С. 119–120.

149

Об организации сыскных частей // Вестн. полиции. 1908. № 7. С. 7.

Криміналістичні реєстраційно-довідкові й судово-експертні установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.). Кн. 1. С. 269.

151

Розыскной альбом. Вып. 1: Воры-карманники: (Марвихеры). 1913. 172, X с.

Торвальд Ю. Век криминалистики. М., 2009. С. 29–77.

Скилягин А.Т., Любвин Р.М. Сыщики Петербурга: док. очерки о конкрет. делах и специалистах уголов. сыска. СПб., 1998. С. 37–42.

Криміналістичні реєстраційно-довідкові й судово-експертні установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.). Кн. 1. С. 505.

Крылов И.Ф. В мире криминалистики. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 43.

Там же. С. 43–45.

157

Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной полиции за 1903 год. СПб., 1904. С. 15–19.

158

В центре преступного Петербурга // Петерб. газета. 1899. 19 сент. (№ 257). Подпись: *В. Пр-ов*.

Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М., 2013. С. 48–49.

160

Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной полиции за 1903 год. СПб., 1904. С. 13–14.

161

В центре преступного Петербурга // Петерб. газета. 1899. 19 сент. (№ 257).

162

Музей С.-Петербургской сыскной полиции // Вестн. полиции. 1907. № 3. С. 21–22. *Подпись: Н.Г.*

163

Там же.

Очкур Р. В., Кудрявцев Д. В., Пиотровский В. Ю. Полиция России, век XVIII – век XX. М.; СПб., 2010. С. 444.

165

Музей С.-Петербургской сыскной полиции // Вестн. полиции. 1907. № 3. С. 21–22.

Каталог Музея С.-Петербургской столичной полиции, основанного в 1900 году. СПб., 1903. С. 25.

167

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1904 год. СПб., 1905. С. 40–41.

Приложение к Всеподданнейшему отчету С.-Петербургского градоначальника за 1904 год. СПб., 1905.

Рассказов В.Л. Деятельность сыскной полиции Петербурга в начале XX века // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 40–42.

Любимов П. Командир летучего отряда // Вестн. полиции. 1916. № 5. С. 143–144.

171

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9752. Л. 1.

Свешников Н.И. Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели: ориг. очерк с натуры. СПб.: Е.А. Иванов, 1900. С. 6.

173

Крестовский В.В. Петербургские трущобы: (кн. о сытых и голодных): роман: в 2 кн. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 309–310.

174

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд-ниях. СПб., 1867–1868. С. 215.

175

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9907. Л. 1.

Там же. Л. 7.

177

Ведомости С.-Петерб. гор. полиции. 1882. 5 сент. (№ 202). С. 1.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский; АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 122.

179

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9913. Л. 39-40.

180

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд-ниях. СПб., 1867–1868. С. 48.

Михневич В.О. Язвы Петербурга: опыт ист. – стат. исслед. нравственности столич. населения. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2003. С. 331.

Пирютко Ю.М. Другой Петербург / К.К. Ротиков. 2-е изд. СПб.: Лига Плюс, 2001. С. 153.

183

Там же. С 154.

Там же. С. 228.

Розыскной альбом. СПб., 1913. Вып. 1. С. 10.

Российский сыщик Иван Дмитриевич Путилин: [сборник: в 2 т.]. М.: Терра: Кн. клуб Книговек, 2015. Т. 1. С. 384.

187

Шевляков М.В. Из области приключений: по рассказам бывшего начальника с. – петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина. М., 1901. С. 122–124.

Лурье Л.Я. Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 314–315.

189

Амельчаков И.Ф., Чесовская М.Г., Шахов В.В. Иван Дмитриевич Путилин – гений российского ссыска (краткий биогр. очерк по материалам архивных источников) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 8.

Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 718.

191

Амельчаков И.Ф., Чесовская М.Г., Шахов В.В. Указ. соч.

192

Иван Дмитриевич Путилин: (биогр. очерк) // Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. 2-е изд. СПб., [1904]. С. 1.

193

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 9–16.

194

Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. 2-е изд. СПб., [1904]. С. 94.

Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 394.

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 155–158.

197

Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. СПб., [1904]. С. 95–96.

Там же. С. 102–103.

199

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 27.

Там же. Л. 47–47 об.

Там же. Л. 82.

Там же. Л. 112.

203

Из дневника М.И. Михайлова // Рус. старина. 1906. Т. 127. С. 395.

Там же. С. 397.

205

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / ред., введ. и коммент. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во Акад. наук, 1961. Т. 1. С. 184.

Там же. С. 392.

207

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 126.

Там же. Д. 1028. Л. 215–216.

209

РГИА. Ф. 560. Оп. 33. Д. 271.

210

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 161.
Там же. Л. 215–216.

211

РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 7472. Л. 5–12.

212

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 86.

213

Там же. Л. 328.

Петербургский некрополь: в 4 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 359.

215

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 204.

Нейдгардт П.П. Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам. СПб.: С.-Петерб. столич. и губ. стат. ком., 1869. С. 51.

217

Микишатьев М.Н. Прогулки по Центральному району. От Дворцовой до Фонтанки. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2010. С. 456–457.

218

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 165.

219

Шевляков М.В. Из области приключений: по рассказам б. нач. С.-Петерб. сыск. полиции И.Д. Путилина. СПб., 1898. С. 14–21.

220

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 204.

221

Там же. Л. 324.

Там же.

Кони А.Ф. Иван Дмитриевич Путилин // Собр. соч.: в 8 т. / А.Ф. Кони. М., 1966. Т. 1. С. 96–93.

Там же. С. 93–95.

225

РГИА. Ф. 1343. О. 27. Д. 7472. Л. 26.

Там же. Л. 30.

Там же. Ф. 565. Оп. 6. Д. 26002. Л. 20.

ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5275.

229

РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 7472. Л. 33.

Там же. Ф. 565. Оп. 6. Д. 26002. Л. 20.

231

Там же. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1012. Л. 11–14.

Там же. Ф. 560. Оп. 16. Д. 49. Л. 105.

233

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 292.

234

РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 7472. Л. 30.

235

Там же. Ф. 560. Оп. 16. Д. 49. Л. 95.

Там же. Ф. 593. Оп. 15. Д. 1973.

Кони А.Ф. Указ. соч. С. 92.

Богданович А.В. Три последних самодержца. М.; Л.: Л.Д. Френкель, 1924. С. 98–99.

239

РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 7472. Л. 33.

Шевляков М.В. Указ. соч. С. 8.

241

Иван Дмитриевич Путилин: (биогр. очерк) // Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. 2-е изд. СПб., [1904]. С. 6–7.

Шевляков М.В. Указ. соч. С. 8.

Там же. С. 9–10.

244

Иван Дмитриевич Путилин: (биогр. очерк) // Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. СПб., [1904]. С. 6–7.

Там же. С. 10–11.

Российский сыщик Иван Дмитриевич Путилин: [сборник: в 2 т.]. М.: Терра: Кн. клуб Книговек, 2015. Т. 1. С. 288–289.

247

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 394. Л. 1127.

Кельчевский Анатолий Игнатьевич // Русская императорская армия: [сайт]. URL: http://regiment.ru/bio/K/303.htm (дата обращения: 19.01.2020).

249

Петербургский некрополь: в 4 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 359.

250

Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. СПб., [1904]. С. 288–299.

251

Российский сыщик Иван Дмитриевич Путилин: [сборник: в 2 т.]. М., 2015. Т. 1. С. 13–20.

252

Зарин А.Е. Темное дело // Огонек. 1903. № 32. С. 254–255. (Из уголовной летописи Петербурга).

253

Там же. № 33. С. 262–263.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 192.

255

Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. СПб., [1904]. С. 243–260.

Там же. С. 261–267.

257

РГИА. Ф. 560. Оп. 33. Д. 291. Л. 115.

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1872 г. СПб., 1872. Ч. 2. С. 72.

259

Там же … на 1874 год. СПб., 1874. Ч. 2. С. 216.

Хейфец М.Р. Секретарь тайной полиции. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 42–43.

261

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском, на 1865–1866 год. СПб., 1865. Ч. 2. С. 341.

Там же …на 1866–1867 год. СПб., 1866. Ч. 2. С. 343.

263

Там же … на 1869 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 340.

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1875 г. СПб., 1876. С. 111–114.

Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т. 1. С. 317.

Михневич В.О. Язвы Петербурга. СПб.; М., 2003. С. 724 (комментарий *А. Иконникова-Галицкого*).

Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений. Блистательный и преступный: криминальный Петербург, 1861–1917. СПб., 2007. С. 283.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 16. 1-е делопроизводство. Д. 828. 1896.

269

Там же.

Троицкий Н.А. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей: историко-биогр. альм. М., 1972. Т. 9. С. 57–76.

Там же.

Там же.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / подгот. к печати и снабдили примеч. В.Р. Лейкина и Н.Л. Пивоварская; ред. и предисл. С. Н. Валка. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, [1932]. С. 163. (Историко-революционная библиотека: воспоминания, исследования, документы и др. материалы из истории революционного прошлого России; № 11/12).

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 16. 1-е делопроизводство. Д. 828. 1896.

275

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих… на 1894 г. СПб., 1894. Ч. 2. С. 372.

Там же … на 1897 г. СПб., 1897. Ч. 2. С. 359.

Петербургский некрополь: в 4 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 556.

Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции: сост. по 10 янв. 1880 г. СПб., 1880. Вып. 1. С. 80.

279

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих… на 1879 год. СПб., 1879. Ч. 2. С. 226.

Там же … на 1885 г. СПб., 1885. Ч. 2. С. 210.

281

Там же … на 1888 г. СПб., 1888. Ч. 2. С. 208.

Петербургский некрополь. Т. 1. С. 556.

283

РГИА. Ф. 560. Оп. 33. Д. 291. Л. 27.

284

Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. СПб., [1904]. С. 408.

285

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 25.

286

Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции: сост. по 5 нояб. 1878 г. СПб., 1878. С. 86.

287

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 356. Л. 1.

Там же. Л. 9.

Там же. Л. 46.

Там же. Л. 49.

Там же. Л. 55.

Михневич В.О. Язвы Петербурга. СПб.; М., 2003. С. 241–244.

293

Станюкович К.М. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. СПб.: А.Ф. Маркс, 1907. Т. 9. С. 176.

Там же. С. 189.

Там же. С. 180.

Там же.

297

РГИА. Ф. 576. Оп. 5. Д. 3158. Л. 2.

Там же.

299

Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции: сост. по 15 окт. 1875 г. СПб., 1875. С. 22.

300

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1878 год. СПб., 1879. С. 41–42.

301

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 31–31 об.

302

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих… на 1879 год. СПб., 1879. Ч. 2. С. 224.

303

Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции: сост. по 20 сент. 1879 г. СПб., 1879. Вып. 1. С. 32.

304

Кеклис А.Ю. Из истории создания Санкт-Петербургского охранного отделения как органа политической полиции Российской империи // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2010. № 3 (47). С. 24.

305

Там же.

Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903. С. 226.

Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 587.

308

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 515.Л.32об. – 33.

Там же. Л. 31.

310

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 520.Л.9.

311

РГИА. Ф. 1363. Оп. 9. Д. 233. Л. 4.

Спасович В.Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877–1887). СПб., 1908. С. 55.

Там же. С. 71.

314

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих… на 1859–1860 годы. СПб., 1859. Ч. 2. С. 370.

315

Там же … на 1868 год. СПб., 1868. Ч. 2. С. 272.

316

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1030. Л. 331.

317

Там же. Л. 335.

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества: история сыскной полиции. М.; СПб., 2019. С. 159.

319

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 80.

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества. С. 161–162.

321

РГИА. Ф. 560. Оп. 40. Д. 237. Л. 2.

Там же. Д. 165. Л. 6–7.

323

Там же. Л. 2–3.

Там же. Л. 1.

325

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1882 год. СПб., 1883. С. 28.

326

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 302.

327

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 100.

Новое время. 1893. 24 марта (№ 6131). С. 2.

329

Иванов Василий Андреев., д.с.с. // Рукописный отдел Пушкинского дома: электронный каталог. Картотека Б.Л. Модзалевского. URL: http://ro.pushkinskijdom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsnKy8rLzs/G2Z6Li43CyczLz8jPycrZjJqNlp6Tws7N2ZiNkIqPws7ZiIuSlKuah4vCjZDRj4qM (дата обращения: 09.01.2020).

Богданович А.В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 98–99.

331

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 32. Д. 583.

332

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 188.

333

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1886 год. СПб., 1890. С. 44–45.

334

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 140–140 об.

335

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1889 год. СПб., 1890. С. 63–66.

336

РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1900 г. Д. 203. Л. 2–12.

Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 471. Л. 26.

Там же. Ф. 1284. Оп. 73. 1900 г. Д. 203. Л. 2–12.

339

Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 381. Л. 31.

Вощинин Владимир Платонович // Колонизационные эксперты: база знаний / Лаборатория имперских исслед. Азиатских окраин России Омского гос. ин-та им. Ф.М. Достоевского. URL: https://github.com/intmainreturn00/imperial_lab/wiki/ВОЩИНИН (дата обращения: 30.03. 2019).

341

РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 601. Л. 1.

Там же. Д. 471. Л. 27–28.

343

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 9. Д. 133.

Богданович А.В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 159.

345

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1893 год. СПб., 1894. С. 65.

346

РГИА. Ф. 365. Оп. 4. Разд. оп. IV отд-ние / 3 стол (I разряд). Д. 16439. Л. 1.

Там же. Л. 4.

Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 381. Л. 19.

349

Там же. Л. 27–28.

Там же. Д. 471. Л. 26.

351

Там же. Д. 812. Л. 21.

Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 533.

353

РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1912 г. Д. 263. Л. 23.

Путилин И.Д. Сорок лет среди грабителей и убийц. М.: АСТ; [СПб.]: Ленинград, 2018. С. 230.

355

РГИА. Ф. 1343. О. 27. Д. 7472. Л. 22 об.

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника и столичной полиции за 1896 год. СПб., 1897. С. 68.

357

Розенцвейг Г.О. Из залы суда: судеб. очерки и картинки. СПб., 1900. С. 354.

Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника и столичной полиции за 1896 год. С. 68.

359

Зарин А.Е. 367 ст. 1896 г. // Огонек. 1903. № 31. С. 245–246. (Из уголовной летописи Петербурга). Подпись: Ѣ…

360

Приложение к Всеподданнейшему отчету о деятельности С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции за 1897 год. СПб., 1898. С. 73–74.

361

Розенцвейг Г.О. Указ. соч. С. 179.

362

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 18. Л. 136–137.

363

РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1912 г. Д. 263. Л. 2.

Там же. Л. 8.

Сирица И.В. Лестница в небо Вячеслава Ткачева: исповедь белого генерала. М.: Издательские решения, 2018. С. 433.

Гагры: климатическая станция на Черноморском побережьи. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1905. С. 5–6.

367

РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1912 г. Д. 263. Л. 6.

Лакоба С.З. Абхазия в годы Первой российской революции. Тбилиси: Мицниереба, 1985. С. 26.

Там же. С. 27.

Там же. С. 25.

Там же. С. 36–37.

Там же. С. 39.

373

РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1912 г. Д. 263. Л. 47–49.

Черноморский вестник. 1905. 6 окт. (№ 161). С. 3–4.

375

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 19. Д. 27. Л. 47.

Там же. Л. 45–50.

377

РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 750. Л. 5.

378

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 19. Д. 27. Л. 50–51.

Там же. Л. 55.

Любвин Р. Дело о краже государыни императрицы // Чудеса и приключения. 2008. № 10. С. 32.

Крылов И.Ф. В мире криминалистики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 235, 237.

382

РГИА. Ф. 472. Оп. 42. 463/2407. Д. 71. Л. 16.

383

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 19. Д. 27. Л. 55–56.

Чулицкий М.Ф. Прелестная женщина; Петербургские бродяги: из записной книжки бывшего судебного деятеля. СПб.: Авалонъ: Азбука-классика, 2009. 287 с. (Наследие).

385

РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 750. Л. 17.

ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2727.

Там же. Д. 2728.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1129.

389

Там же. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14738.

Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 750. Л. 12.

391

РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 187. Л. 34–40.

392

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 26. Д. 1341.

393

Зарин А.Е. Семьянин // Огонек. 1903. № 29. С. 229–230. (Из уголовной летописи Петербурга). Подпись: *-Нъ.*

Его же. Организация сыскной полиции // Там же. № 28. С. 221. Без подписи.

395

Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции: сост. по 11 сент. 1892 г. СПб., 1892. Вып. 3. С. 41.

Там же … сост. по 1 мая 1898 г. СПб., 1898. Вып. 1. С. 31.

Дело А.П. Константского // Судеб. газета. 1903. № 11. С. 8–10.

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1328. Л. 360–362.

399

Радаева И.А. Корифеи отечественной молочной промышленности: Г.С. Инихов // Переработка молока. 2015. № 12 (194). С. 56–59.

Афанасьев Н.И. Современники: альбом биогр. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1909. Т. 1. С. 305–306.

401

Филиппов В.Г. Моё первое дело // Вестн. полиции. 1908. № 5. С. 16–17.

Преступный Петербург // Огонек. 1908. № 48. С. 16.

403

Убийство на станции Дно // Вестн. полиции. 1907. № 1. С. 21–23.

Благодарность В.Г. Филиппову // Там же. 1916. № 4. С. 110–111.

Лурье Л.Я. Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 353.

406

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1328. Л. 172.

Там же. Л. 354.

Там же. Л. 356.

409

Там же.

Погост-Тегель: [сайт] / Александр Клюндер. Берлин, 2012–2020. URL: https://pogost-tegel.info/index.php?id=2450 (дата обращения: 26.04.2019).

411

Сенча В.Н. Начальник московского сыска: жизнь и книги Аркадия Кошко // Наш современник. 2014. № 11. С. 203–212.

412

ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5717. Л. 9.

Кошко Д.Б. де. Мой прадед – сыщик Кошко // Петровка, 38: еженедельная газета: [сайт]. 27.11.2018. URL: http://petrovka-38.com/arkhiv/item/moj-praded-syshchik-koshko (дата обращения: 29.11.2019).

414

Указ Правительствующего Сената № 576, от 22.01.1859 г.

415

То же. № 2205, от 29.12.1836 г.

416

РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 8185. Л. 115.

Там же. Л. 18.

Там же. Л. 62.

419

Там же.

Там же. Ф. 577. Оп. 18. Д. 72. Л. 2.

421

ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5717. Л. 2.

422

РГИА. Ф. 577. Оп. 18. Д. 72. Л. 19.

423

Там же. Ф. 1284. Оп. 73. 1910. Д. 352. Л. 5.

424

ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5717. Л. 3–3 об.

425

Скорино И.А. Справочная книжка о порядке поступления в сухопутные войска и во флот вольноопределяющихся и о прохождении ими службы: с прил. подроб. прогр. и форм прошений и подписок, а также с указанием руководств и учеб. пособий для приготовления к экзамену и стоимости их в продаже. СПб.: Воен. тип. Гл. штаба, 1874. С. 34–64.

426

ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5717. Л. 3 об.

427

РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1139. Л. 15–18.

Там же.

429

Романова Г.В. Неизвестные страницы биографии главы уголовного розыска Российской империи А.Ф. Кошко по документам Госархива Ульяновской области // Отечеств. архивы. 2005. № 5. С. 73–76.

Там же.

431

Там же.

432

Памятная книжка Лифляндской губернии на 1895 год. Рига, 1895. С. 21.

Rīgas Pilsētas Policijas Avīze. 1897. № 232 (26.10).

434

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 25. Д. 387. Л. 8.

435

Там же.

ПСЗ. Собр. 3. Т. 20. Док. 18004.

Там же. Т. 25. Док. 26777.

Кошко Д.Б. де. Указ. соч.

439

Первая поверка (60-летие Рижского бунта) // Ригас Балсс. 1959. 16 мая (№ 114).

ЦГА Москвы. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

441

Стенографические отчеты / Гос. дума, 1906 год, сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1881.

Там же. С. 1882–1896.

443

Владимиров В. Очерки современных казней: с рисунками с натуры и с планами. М., 1906. С. 164–170.

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1328. Л. 135–137.

445

Кошко А.Ф. Кража краденого // Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. № 37. С.11.

ЦГА Москвы. Ф.1293. Оп. 2. Д. 6.

Гурьев В.И. Московская сыскная полиция // Рос. история. 2011. № 6. С. 92–93.

ЦГА Москвы. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

Легенды уголовного сыска. М., 2019. С. 132–150.

Бразоль Б.А. Очерки по следственной части: история, практика. Пг., 1916. С. 80.

Там же. С. 79–80.

Там же. С. 80.

Лурье Л.Я. Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 31.

Бразоль Б.А. Указ. соч. С. 81.

455

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 157. Л. 89–91.

Раскрытие убийства в Лештуковом переулке // Вестн. полиции. 1909. № 52. С. 1208–1210.

457

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 157 Л. 89–91.

458

К убийству в Лештуковом переулке // Вестн. полиции. 1910. № 1. С. 18.

459

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 157. Л. 42–43.

Шаламов А.Ю. О выдающемся деятеле уголовного сыска Российской империи Аркадии Францевиче Кошко (1867–1928) // Моск. журн. 2019. № 6. С. 57.

Там же. С. 64.

Там же. С. 62.

463

РГИА. Ф. 1354. Оп. 3. Д. 663. Л. 2–5.

См.: *Дорошевич В.М.* Собрание сочинений. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1907. Т. 9. С. 224.

Троцкий Л.Д. Грегус по демократическому списку // Война и революция: крушение второго Интернационала и подготовка третьего / Л.Д. Троцкий. Пг., 1922. Т. 1. С. 227–231.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 57.

Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: воспоминания. Париж: Изд. авт., 1930. С. 249.

468

ЦГА Москвы. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

469

РГИА. Ф. 577. Оп. 22. Д. 879.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы. М., 1998. Т. 1, кн. 2. С. 57.

Там же. М., 2001. Т. 2. С. 184–185.

Тайны и герои Века: рассказывает глава уголовного сыска Российской Империи Аркадий Кошко: взгляд на события, изменившие мир / сост. де Кошко Д., Эспарса А. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 158.

473

Вся Москва: адресная и справочная книга… М., 1917. С. 40.

Романова Г.В. Неизвестные страницы биографии главы уголовного розыска Российской империи А.Ф. Кошко по документам Госархива Ульяновской области // Отечеств. архивы. 2005. № 5. С. 73–76.

475

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 940. Л. 2.

Там же.

Зарин А.Е. Кровавые летописи Петербурга: преступ. мир и борьба с ним. СПб., 1914. С. 73.

Его же. С опасностью для жизни // Огонек. 1903. № 37. С. 291–294. (Из уголовной летописи Петербурга). Подпись: …*Ъ*.

Его же. Приемы сыска // Там же. № 38. С. 299–300.

480

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 940. Л. 9.

Там же. Л. 15.

Там же. Л. 17.

483

Там же. Л. 60

Там же. Л. 80.

485

Любимов П. Командир летучего отряда // Вестн. полиции. 1916. № 5. С. 143–144.

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1328. Л. 111.

Весь Петербург. СПб., 1906. С. 1169.

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества. М.; СПб., 2019. С. 222–223.

489

Там же С. 339.

Базанов П.Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. С. 133.

491

РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 2716. Л. 2–5.

Brīvā Zeme. 1936. Nr. 163 (23.07).

493

РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 2716. Л. 2–5.

Седунов А.В. Губернский городовой: история Псковской городской полиции в XVIII – начале XX вв. Псков: Псковская обл. тип., 2004. С. 155.

Там же. С. 156–158.

Там же.

Адрес-календарь. … на 1906 год. СПб., 1906. Ч. 2. С. 235.

Козлов И.А. Забытое имя // Псков. 2004. № 21. С. 133–134.

499

Иеропольский К.А. Крыпецкое дело // Познай свой край: сборник Псковского о-ва краеведения. Псков, 1929. Вып. 4. С. 77–79.

Вестн. полиции. 1913. № 6. С. 145–147.

501

Там же.

502

Убийство Тиме // Киевлянин. 1913. 1 июня (№ 150). С. 2.

503

Там же.

Там же. 30 мая (№ 148). С. 3.

505

РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1567. Л. 221–224.

Гернет М.Н. Предисловие // Преступный мир Москвы: сб. ст. М., 1924. С. XXV.

Полный список городских глав и градоначальников Киева, начиная с 1835 г.: (дата учреждения должности городского головы) // Everyday.in.ua: [сайт]. 2013. URL: https:// everyday.in.ua/?p = 5534 (дата обращения: 15.04.2019).

Симанович А.С. Распутин и евреи: воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Репринт. воспр. изд. 1928 г. Тель-Авив: Просвещение, [1980]. С. 187–188.

Там же. С. 189.

510

РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 2716. Л. 2–5.

511

Венков А.В. Донская армия: организационная структура и командный состав, 1917–1920 гг.: приложение-справочник к монографии «Г.Г. Матишов. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории». Ростов н/Д., 2014. Вып. 1. С. 219.

512

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ и др. М., 1998. Т. 1, кн. 1. С. 182.

Там же. Кн. 2. М., 1998. С. 89.

Noslēdzies «ŠerIoka Holmsa» mūžs // Jaunākās Ziņas. 1936. Nr. 160 (20.07).

515

Valdības Vēstnesis. 1936. Nr. 175 (06.08).

Latvijas Kareivis. 1935. Nr. 62 (15.03).

517

Noslēdzies «ŠerIoka Holmsa» mūžs // Jaunākās Ziņas. 1936. Nr. 160 (20.07).

Brīvā Zeme. 1936. Nr. 163 (23.07).

Kārlis Māršalks // Time ∞ Note: [сайт]. URL: https://nekropole.info/ru/person/view?id=11376055&l=lv (дата обращения: 15.04.2019).

520

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 658. Л. 3.

521

Там же. Л. 10–11.

Там же. Л. 15.

523

Там же. Л. 23–31.

Там же. Л. 127.

525

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 717. Л. 214.

526

По следам убийцы Лебедевой-Марсельской // Вестн. полиции. 1907. № 2. С. 21–23. Подпись: *П. А-цкий.*

527

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 658. Л. 162.

Там же. Л. 163.

Там же. Л. 241.

530

Рус. слово. 1909. 10 янв.

531

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 717. Л. 213.

532

ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

533

ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 244.

Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин: Гржебин, 1923. Кн. 2. С. 136. (Летопись революции; № 11).

535

Царев О. И., Вест Н. КГБ в Англии. М.: Центрполиграф, 1999. С. 62.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 2901. Л. 55.

Там же.

538

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 658. Л. 142.

539

Там же. Д. 940. Л. 171.

Лурье Л.Я. Андрей Ющинский // 22 смерти, 63 версии. СПб., 2011. С. 151–163.

541

Киевлянин. 1912. 11 нояб. (№ 313).

Криміналістичні реєстраційно-довідкові й судово-експертні установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.). Киев; Харьков, 2013. Кн. 2. С. 460.

Дело Бейлиса: стеногр. отчет. Киев, 1913. Т. 1. С. 558.

Назначения // Рижское утро. 1917. 27 мая (№ 130). С. 1.

Приезд // Там же. 10 мая (№ 132). С.1.

Полное собрание Рижского совета рабочих депутатов 1 июня // Там же. 7 июня (№ 139). С. 1. (Информационное бюро).

547

Собрание милиционеров // Там же. 1 июля (№ 147). С. 1.

Генрих Ягода: нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: сборник документов. Казань, 1997. С. 472.

549

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1447. Л. 10.

Там же. Ф. 124. Оп. 45. Д. 208.

551

Крупная кража в Экспедиции заготовления государственных бумаг // Моск. газета. 1911. 14 окт. С. 3. (По телефону из Петербурга).

Сведения о наградах и служебных переменах // Вестн. полиции. 1915. № 6.

553

Там же. № 10.

Там же. № 19.

555

РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1632. Л. 29–30.

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества. М.; СПб., 2019. С. 278–279.

557

Похождения авериста Церетели-Эристова Андроникова // Вестн. полиции. 1915. № 5. С. 157–158.

558

Смерть Распутина // Вечернее время. 1916. 21 дек. (№ 1699). С. 2.

Возвращенные имена. Книги Памяти России: [сайт] / Рос. нац. б-ка. СПб., 2003–2020. URL: http://visz.nlr.ru/person/40 (дата обращения: 23.12.2019).

560

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 36. Д. 230. Л. 5.

561

Ходатайство Петроградской сыскной полиции // Вестн. полиции. 1916. № 26. С. 708.

562

Зуев Г.И. Съезжий дом второй Адмиралтейской части // Нева. 2003. № 11. С. 246–250.

563

Служба полиции // Вестн. полиции. 1916. № 42. С. 994.

За восемь лет: материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска, 1917 – 12 нояб. 1925 г. Л., 1925. С. 52.

Кеклис А.Ю. Полиция в событиях февраля 1917 года // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2010. № 3 (47). С. 28.

566

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. С. 372.

567

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 30. Д. 1. Л. 44.

Уголовный розыск: Петроград – Ленинград – Петербург. М.; СПб.: АСТ Астрель-СПб, 2008. С. 11–13.

569

Скилягин А.Т., Любвин Р.М. Сыщики Петербурга: док. очерки о конкрет. делах и специалистах уголов. сыска. СПб., 1998. С. 40.

Там же. С. 41–48.

ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1897. Т. 42 (1867), ч. 2. Док. 44772.

Там же. Т. 48, ч. 3. Док. 52032.

Там же. Т. 51, ч. 3. Док. 56784.

Там же. Собр. 3. Т. 7. Док. 4428.

Там же. Т. 24. Док. 23974.

Вестн. полиции. 1916. № 41. С. 160.

577

Справочная книжка Управления С.-Петербургского градоначальника и столичной полиции, 1905 года. СПб., 1905. Вып. 2. С. 25–26.

Там же … 1915 года. СПб., 1915. Вып. 1. С. 30–32.

579

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 1738. Л. 3.

Там же. Л. 104.

581

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 32. Д. 583.

582

ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1028. Л. 31.

583

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 32. Д. 583.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1900 г. Д. 203. Л. 2–12.

585

Там же. 1912 г. Д. 263. Л. 10–11.

Там же. Л. 2–12.

587

Там же. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 187. Л. 35–40.

588

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 19. Д. 27. Л. 45–51.